

STUDIA 1 THRACICA

ФРАКО-СКИФСКИЕ
КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

ACADEMIA LITTERARUM BULGARICA
Institutum Thracicum

STUDIA THRACICA, 1

Thracian and Scythian Cultural Relations

Sofia • 1975

IN AEDIBUS ACADEMIAE LITTERARUM BULGARICAE

БОЛГАРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт фракологии

ФРАКО-СКИФСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

София . 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Редакционная коллегия: проф. *В. Велков*, ст. н. с. *Ив. Венедиков*, проф. *К. Влахов*, проф. д-р *Хр. Данов*, н. с. *Вл. Попов*, доц. *Ал. Фол*

Том I под редакцией доц. *Ал. Фола*, ст. н. с. *Л. Огненовой-Мариновой*

Редко можно встретить два других народа, жизнь и культура которых развивались столь параллельно, как это можно наблюдать у скифов и фракийцев. Связи между фракийцами, населяющими восточные области Балканского полуострова, и скифами, населяющими южные районы территории СССР, настолько сблизили эти два народа, что теперь мы не знаем где проложить границу между ними — на Дунае, как думают некоторые ученые, или на Днепре, как считают другие. В самостоятельном развитии этих народов общие явления наблюдаются прежде всего в социально-экономическом строе. Как бы в одно и то же время они достигают экономического и культурного расцвета, который проявляется одним и тем же образом в гробничных находках этих двух стран. И в Скифии, и во Фракии аристократия ставила огромные надгробные курганы, очень часто скрывающие, в одинаковой степени, удивительные богатства. В равнинах Фракии, как и в степях Скифии лошадь превратилась в часть того богатства, которым располагали зажиточные люди. Поэтому и там, и здесь лошадь является постоянным спутником человека и в потустороннем мире. Удивительные аналогии в развитии культуры этих стран не кончаются на этом. В Скифии и Фракии мастера предметов из металла изготавливают прежде всего украшения лошадей, щитов, поясных блях и другие произведения в т. н. „зверином стиле“. Притом эти украшения встречаются в курганах и на Западе, и на Востоке от Понта вместе с многочисленными предметами, сделанными греческими мастерами, чей стиль является общим для обеих стран. Загадочное появление этого своеобразного искусства и в Скифии, и во Фракии все еще ждет своего объяснения.

Некоторые из исследователей настолько уверены, что эта близость неслучайна, что даже называют фракийцев западными скифами. Другие ищут основы этой близости не в общем происхождении обоих народов, а в одинаковой социальной среде, в которой возникла культура. Но как бы мы не объясняли все эти общие явления у скифов и фракийцев, одно остается бесспорным — тесные культурные связи между восточным и западным берегом Черного моря. Здесь, на Востоке, где развитие культуры знает большие амплитуды, вершины и пропасти, где часто новопоявившиеся примитивные народы попадают в соседство с большими древними цивилизациями, медленное и спокойное развитие часто прерывается быстрыми скачками. А это не может не привести к открытию всех тех способов распространения и расцвета культуры, которые незнакомы в древности Западной Европе. Именно поэтому изучение фрако-скифских отношений интересно

и является благородной задачей. Исходя из этих соображений, мы посвятили XIV конгрессу по истории в Сан-Франциско сборник научных статей на эту тему, которым ставится начало целому ряду подобных совместных советско-болгарских исследований.

Иван Венедиков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ БАЛКАНСКИМ ПОЛУОСТРОВОМ И МАЛОЙ АЗИЕЙ ДО КОНЦА II ТЫС. ДО Н. Э.

Владимир Попов

(Болгария)

Имеющиеся исследования Малой Азии в период до т. н. греческой античности рассматриваются в общем в значительном отрыве от проблем Балканского полуострова. Культурно-исторические влияния в этом аспекте ограничиваются преимущественно сферой связей между западным малоазиатским побережьем и частью островов в Эгейском бассейне и выявляются, главным образом, в сфере расселения ахейских и других греческих племен к востоку от материковой Греции. Современное состояние письменных источников, археологического изучения, языковедческих и других данных, которыми располагает наука, дает основание иначе толковать некоторые проблемы исторического развития Балканского полуострова и Малой Азии. В значительной степени это определение касается отношений и связей между центральными и восточными частями Балканского полуострова и Западной Малой Азии.

В последнее время определенно можно считать, что Балкано-эгейский бассейн и Западная Малая Азия во многих отношениях представляли культурно-историческое единство с глубокой древности до времени эллинизации большей части этого географического ареала в первые столетия I тыс. до н. э. Эта постановка определяется прежде всего двумя основными факторами — географически-территориальной общностью и этнической близостью населения отдельных национальных групп — и доказывается общими и специфическими особенностями исторического развития этого района.

Наличие территориально-географического единства в пределах Балканского полуострова, Эгейского бассейна и Западной Малой Азии является обстоятельством, роль которого не следует недооценивать при определении общей характеристики и типологизации развития материальной и духовной культуры как первостепенных проявлений исторического процесса. Термин территориально-географическое единство не следует строго рассматривать лишь как территорию с одинаковыми или сходными природно-географическими условиями, а как географический ареал, в рамках которого наличествуют возможности для многостороннего и заимобразного

развития этнических и близких в культурном отношении национальных групп. В этом смысле термин территориально-географическое единство имеет наибольшее значение как территориальная общность, которая может обеспечить максимальные возможности для обмена, коммуникаций, проникания связей и т. д., хотя в отдельных случаях ее отдельные части и различаются в той или иной степени по специфичности своих природных и климатических особенностей. Например, географическое устройство Малой Азии дает значительно больше возможностей для связей, коммуникаций и обмена западным областям с бассейнами Эгейского и Мраморного морей и, соответственно, с центральными, восточными и южными частями Балканского полуострова, чем, например, с восточными районами и странами Передней Азии.¹

Что же касается этнического фактора, эта проблема часто подвергается модернизации, причем либо чрезмерно переоценивается и принимается как определяющая для каждого исторического процесса, либо игнорируется и недооценивается, что также приводит к одностороннему историческому исследованию. Этническая близость населения в определенных географических пределах имеет важное значение для типологизации исторического процесса и характеристики его культурных достижений, независимо от того, что отдельные элементы племенных масс различаются в конкретных особенностях по степени развития.

С другой стороны, важное значение имеет и обстоятельство, что западноевропейская историография XIX и XX вв. акцентирует весьма односторонне, а иногда и тенденциозно, историческую роль различных племен и народов, классифицируя их часто по тому, насколько и какие следы они оставили в библейской традиции и мифологии. При подобном методе исследования нет ничего удивительного в том, что проблемы Балкано-эгейского и Малоазиатского мира рассматриваются весьма часто на фоне истории микенских и ахейских племен, причем сведениями о фракийцах и других народах центральных и восточных частей Балкан или вообще пренебрегают,² или же их подвергают чуть ли не ненаучным толкованиям.³

В течение многих лет археологические и исторические исследования Балканского полуострова и Малой Азии велись в значительной степени изолированно и самостоятельно для отдельных районов. В научной литературе предпринято мало опытов параллельного рассмотрения культурно-исторического развития указанных территорий с выискиванием общих черт и взаимосвязей в том или ином направлении.⁴ Накопление нового материала как из раскопок, так и другого естества, убедительно показывает на то, что исторический процесс в Балкано-эгейском и Малоазиатском бас-

¹ Подобное сравнение не следует считать отрицанием культурно-исторических связей Западной Малой Азии с древневосточным миром.

² Литература в этом отношении довольно обширна. См. например R. D u s s a u d. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la Mer Egée. Paris, 1914, в которой в главе III „Троя и Трояда“, с. 118—148, не упоминается почти ничего о многочисленном фракийском населении в этом районе во время событий Троянской войны.

³ Среди литературы см. например весьма популярную работу M. N i l s s o n. Homer and Mycenae. London, 1933, в которой на с. 45, 250 и др. автор утверждает, что Троя разрушена фракийскими племенами.

⁴ Из более старой литературы см. например K. B i t t e l. Kleinasiatische Studien. Istanbul, 1942, в которой на с. 66 и сл. затрагиваются некоторые стороны отношений между Малой Азией и Балканами в первой половине I тыс.; того же Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens. Tübingen, 1950.

сейнах не следует рассматривать изолированно, так как он сопровождается рядом общих особенностей и взаимосвязей между отдельными составными частями этой территории. В более поздней литературе уже появились попытки постановок в этом смысле археологических проблем до конца бронзового века.⁵

Современное состояние сведений о древних языках, и в частности, данных топонимической характеристики Балканского полуострова и Западной Малой Азии подтверждают в другом аспекте общность исторического развития этих областей.⁶ Особое значение имеют исследования языковой и этнической общности населения на базе индоевропейской языковой системы, к которой следует отнести языки лелегов, нелазгов и других народов, известных до времени ахейского и дорического проникновения в Материковую и Островную Грецию.⁷

Культурно-историческое развитие территории вышеуказанных областей представляет сложный и многосторонний процесс с исключительным разнообразием предопределяющих факторов и конкретных проявлений в их зародыше, развитии и переходе в другие формы. Изучение этих проблем несомненно связано с многосторонней деятельностью ввиду необходимости тесного сотрудничества нескольких наук при толковании не особенно обильного материала письменных, вещественных и других источников. Чрезвычайно важное значение имеют все возможные сферы исследования независимо от того, что они представляют различную стоимость и научное значение. При этом положении подход к изучению отдельных проблем, предварительную ориентацию и оценку их исторического значения не следует недооценивать в общих рамках исторического исследования. В этом порядке среди обширной проблематики изучение Балканского полуострова, Эгейского бассейна и Западной Малой Азии надо иметь в виду, что роль балканского населения до конца бронзового века все еще значительно недооценивается. При изложении подобного рода возможности более полного и

⁵ Среди литературы по этому вопросу см. главным образом V. G o r d o n C h i l d e. Anatolia and Thrace. — An. St., VI, 1956, p. 45—48; J. M e l l a a r t. Anatolian Chronology in the Early and Middle Bronze Age. — An. St., VII, 1957, 55—88; того же. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean. — AJA, LXII, 1958, 9—33; того же. Anatolian Trade with Europe and Anatolian Geography and Culture Provinces in the Late Bronze Age. — An. St., XVIII, 1968, 187—202; D. B e r c i u. La civilisation de Cernavoda et sa place par rapport aux complexes culturels balkano-égéen-anatoliens. — In: Atti del VI Congresso Internazionale delle scienze preistoriche e protoistoriche. Roma, 29. VIII—3. IV, 1962; V. P o r o v i t s h. Une civilisation égéo-orientale sur le Moyen Danube. — Revue archéologique, 1965, 1—56; J. G. M a c q u e e n. Geography and History in Western Asia Minor in the Second Millennium B. C. — An. St., XVIII, 1968, 169—185; а также материалы международного симпозиума об этногенезисе балканских народов: L'ethnogenèse des peuples balkaniques — Studia Balcanica, 5, S., 1971, особенно G. G e o r g i e v. Die Entwicklung der älteren prähistorischen Kulturen in Südbulgarien, 21—35; J. M e l l a a r t. Prehistory of Anatolia and its Relations with the Balkans, 119—137; и др.

⁶ Главным образом см. некоторые из исследований В. Г е о р г и е в а как Фракийский язык. С., 1957; Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958; Вопросы на българската етимология. С., 1958; Днешното състояние на прочуванията върху тракийския език. — Археология, 1960, 2, с. 13—27; Българска етимология и ономастика. С., 1960; La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne. — Балканско езикознание, III, 1, 1961, и др.

⁷ См. в особенности V. G e o r g i e v. Vorgriechische Sprachwissenschaft. S., 1941, 41 sq.; того же. L'ethnogenèse de la péninsule balkanique d'après les données linguistiques. — L'ethnogenèse des peuples, 155—170; и др.

обстоятельного исследования значительно ограничены, вследствие чего поставленные проблемы могут рассматриваться только с нескольких отдельных сторон.

Исследование Западной Малой Азии, и в частности, ее северо-западных районов в начале бронзового века, выдвигают в высшей степени проблему об отношениях и связях с центральными и восточными районами Балканского полуострова. Сравнение археологического материала о Западной Малой Азии с материалом об ее восточных областях до конца III тыс. показывает весьма чувствительные различия, что утвердило констатацию о развитии двух коренно различных археологических культур на Малоазиатском полуострове.⁸ С другой стороны, выявляются весьма общие элементы в материальной культуре Северозападной Малой Азии и, в частности, во Фракии. Более конкретно эти особенности чаще всего находят выражение в постановах о связях в раннем бронзовом веке между культурой Трои I и II и культурой Озеро, а также и в некоторых отношениях между Троей IV и V и Озеро III и материалами из Кирилметодиево.⁹

Характер населения восточных частей Малоазиатского полуострова до последних столетий III тыс. не вызывает возражений — это преимущественно так называемые азиатические племена, среди которых преобладают хатты,¹⁰ кашки¹¹ и другие.¹² Что касается западных частей полуострова, проблемы значительно более неясные и спорные. Наличие населения азиатического происхождения, этнически связанного с населением восточных областей, предполагает естественно более широкие связи и отношения в области материальной культуры, что в общем не подтверждается археологическими исследованиями. Наоборот, констатации о некоторых связях с Фракией и Балканами ставят вопрос и об этнической близости населения этого района. Вне сомнений, что только на базе разных по достоверности констатаций об археологических параллелях и связях нельзя последовательно до конца делать заключения о национальной общности главным образом ввиду того, что различные этносы на определенном этапе развития могут иметь приблизительно одинаковые черты, а также существовать в пределах одного культурно-исторического единства.

Кроме вышеуказанных обстоятельств следует принимать во внимание также языковые и топонимические данные. Вполне убедительным и прием-

⁸ См. J. Meilaart. The End. . . p. 12 sq.

⁹ См. например Г. Георгиев и Н. Я. Мерперт. Раскопки многослойного поселения у села Озеро близ г. Нова Загора в 1963 г. — ИАН, XXVIII, 1965, 129—159; J. Meilaart. Prehistory. . . p. 126—132; и др.

¹⁰ О характеристике хаттского или протохеттского языка среди наиболее новой литературы см. в особенности А. Каммелхубер. Hattisch. — Handbuch der Orientalistik, I. Abt., 2, Bd., 1. und 2. Abschnitt Lieferung 2; Altkleinasiatische Sprachen. Leiden (Köln, 1969), S. 428—546.

¹¹ См. E. von Schuler. Die Kaschkäer. Berlin, 1965.

¹² О разных народах и языках во III—II тыс. в восточной и центральной части Малой Азии, изученных сравнительно лучше см. E. Forger. Die acht Sprachen der Boghazköi-Inschriften, Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Berlin, 1919, 1029—1041; В. Нрозну. Über die Völker und Sprachen des alten Chattilandes. — Boghazköi Studien, 5. Leipzig, 1920; J. Friedrich. Altkleinasiatische Sprachen. Reallexikon der Vorgeschichte, I. Berlin, 1924. S. 162—242; W. Brandenstein. Kleinasiatische Ursprachen. Pauly-Wissowa RE, Suppl. 6, 1934, 165—181; см. также Г. А. Меликишвили. Возникновение Хеттского государства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии. — ВДИ, 1965, 1, с. 3—30; и др.

лемым является тезис акад. В. Георгиева о родстве ономастического материала Западной Малой Азии с материалами материковой Греции до прихода греческих племен и Фракии и об отсутствии сведений о наличии доиндоевропейского населения в Западной Малой Азии, Эгейде и Фракии, населенными индоевропейскими племенами еще с времен неолита.¹³

В отношении добронзовой культуры Западной Малой Азии неразрешенными остаются весьма много вопросов. В частности, большее внимание вызывают проблемы первоначального заселения Западной Малой Азии, повторяемости и преемственности этих процессов. Если проблема первоначального заселения остается неясной и теряется в ранней эпохе неолита, то вопросы о повторяемости процессов заселения и преемственности в культурно-историческом аспекте можно исследовать и интерпретировать сравнительно более обстоятельно. Последние два процесса ведут к изучению миграционных процессов и наступающих с ними изменений, с одной стороны, и преемственности и продолжительности ряда общих и специфических особенностей в рамках оседлой жизни в поселениях, с другой. И в обоих направлениях главное значение имеют археологические исследования ввиду того, что для широкой этнической общности, какой является индоевропейская, размещения племен в относительно очень ранние периоды времени не оставляют заметных следов в языковом отношении; даже если и были такие следы, то они не сохранились из-за отсутствия письменных фиксаций. Данные же более позднего времени отражают уже другие процессы.

Развитие культуры Трои I и II в меньшей или большей близости с областями западнее или севернее Трояды на территории Балканского полуострова неизбежно приводит к выводу, что эти формации следует рассматривать как результат заселения этого района населением, пришедшим с Балкан, в частности, из Фракии. Решение этих проблем тесно связано с проблемой миграций балканского населения в зоне Эгейды и Западной Малой Азии. Расселение фракийского и другого населения в период с конца II и I тыс. широко засвидетельствовано. Проблемы такого же характера более ранних эпох в общем не рассматриваются.

Расселение индоевропейского населения на территории Европы и Азии все еще весьма недостаточно изучено, несмотря на то, что отличается постоянной актуальностью и значимостью.¹⁴ Несмотря на весьма обширные и противоречивые дискуссии по этому вопросу, трудно принять тезис о существовании какой-то первоначальной родины в зоне Северной Европы откуда посредством грандиозных размещений и движения населяются территории приблизительно одного с половиной континента. Несомненно, если вопросы раннего этногенезиса индоевропейской этнической первообщности относятся к теоретической антропологии, эпохи, гораздо более

¹³ V. Georgiev. L'ethnogenèse. . . p. 158.

¹⁴ В указанном смысле речь не идет о принятии теории о миграциях как движущего процесса в историческом развитии. По этим проблемам см. V. Gordon. Child. Prehistoric Migrations in Europe. Oslo, 1950; и в особенности А. Я. Брускова. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы. Советская археология, XXVI, 1957, 5—13; В. С. Титов. Первое общественное разделение труда и древнейшие земледельческие и скотоводческие племена. — КСИА, вып. 88, 1962, с. 10—25; и др. См. также Т. В. Гамкрелдзе. Анатолийские языки и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. (Международный Конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, 1964. Труды. Том V. ко., 1970, с. 665—672).

ранней хронологически неолита, то проблемы позднего этногенезиса следует искать именно в периоде неолита. В этом порядке мыслей, по нашему мнению, наиболее убедительной является постановка о том, что к времени раннего неолита, а в некоторых случаях и позже, заканчивающиеся этногенетические процессы привели к развитию миграционных процессов на территории определенных, самостоятельно обособившихся географических районов, играющих самостоятельную роль в формировании отдельных элементов данного этноса.

Так например, концепция о миграционных процессах, которые привели к заселению Балканского полуострова либо в период неолита, либо позже, населением фракийских, дакийских и других этнических групп, встречает серьезный отпор среди значительного числа болгарских и других археологов. Современное археологическое исследование центральных и восточных частей Балканского полуострова не позволяет сделать генерального вывода в одном или другом направлении по этому вопросу. Несомненно, последние открытия и, в частности, импозантные золотые неолитные находки близ Варны будут способствовать в ближайшем будущем выяснению этих проблем.¹⁵

С другой стороны, миграционные движения на территории всего Балканского полуострова и Эгейского района конца неолита являются бесспорным явлением, так как находят выражение в расселении греческих национальных групп, иллиров и части фракийских племен.

Вышеуказанные аргументы и соображения, по нашему мнению, дают основание предполагать, что зона Балканского полуострова и часть земель севернее Дуная представляют самостоятельное территориально-географическое единство, в рамках которого заканчиваются этногенетические процессы части так называемого индоевропейского населения. С конца неолита и почти в течение всего бронзового века в этом районе развиваются внутренне-миграционные процессы, посредством которых осуществляется расселение и устанавливается оседлая жизнь на определенных территориях на базе общности племенных и экономических интересов, языковой обособленности оформлением отдельных языковых разветвлений и ряда других обстоятельств, связанных с различными потребностями, остающимися в сфере предположений, так как не подлежат доказательствам и принимаются как историческая необходимость.

Миграционные движения в этом Балканском или Юго-Восточном Европейском ареале не следует принимать полностью только как внутренние процессы. Во многих отношениях племенные размещения привели к тому, что европейские пределы были покинуты путем расширения границ этого географического ареала за счет соседних и более дальних областей или покиданием пределов первоначальной этнической первообщности.

Если постановка самостоятельной обособленности в этническом и культурно-историческом аспекте на Балканах или в юго-восточном районе Европы во многих отношениях носит гипотетический характер, то миграционные движения населения этого района к Эгее и Малой Азии являются несомненными. Их начало нельзя определить хронологически точно. Так, например, обыкновенно считают, что до неолита материковая и островная Греция не были населены. Что касается Западной Малой Азии, то при-

¹⁵ Раскопки в этом направлении продолжаются.

сутствие азиатского или иного неиндоевропейского населения до времени неолита не оставило прочных следов, и нельзя судить об историческом развитии этого района.

Расселения индоевропейского населения из пределов Балканского полуострова по направлению к Малой Азии при нынешнем состоянии данных в этой области можно периодизировать приблизительно следующим образом:

Первым этапом следует считать расселение того населения, у которого после окончательного установления оседлой жизни естественно продолжают все процессы развития с известными изменениями в результате влияния новых условий. Внимания заслуживает постановка увязки немного более позднего времени этого населения с жизнью поселений типа Троя I и II, Кумтепе I, Полиохни II и др. В этом направлении исследования ряда археологических центров Северо-Западной Малой Азии того времени следует рассмотреть заново.¹⁶

Хронологические рамки этого первого этапа и повторяемость этнических движений трудно могут получить более определенную конкретизацию.

Вторым этапом являются этнические размещения во второй половине III тыс. Хорошо известным фактом является то, что гибель Трои II связывается с вмешательством внешних сил из-за обнаруженных следов пожаров и разрушений. Кроме того, в конце III тыс. присутствие индоевропейских народов в центральных и восточных районах Малой Азии и в Передней Азии является бесспорным фактом. Дискуссии по вопросу о путях и времени их проникания не привели к убедительным научным утверждениям. Более особого внимания заслуживает изучение движений хетто-неситов и народов так называемой лувийской и палайской группы, близко связанных между собой.¹⁷

В то же время, и в частности, в конце III тыс. в материковой Греции появляются ахейские племена. Вне сомнений, что расселение ахейских племен, гибель Трои II и проникание разных индоевропейских племен в Малую Азию находятся в тесной связи. На этой основе можно принять, что во второй половине III тыс. Балканский полуостров стал основой грандиозной миграционной волны, проявившейся последовательно в хронологическом и территориальном аспекте в двух направлениях — к Малой Азии и к югу, к материковой Греции. Первая волна привела к гибели Трои II и изменению этнического состава населения этого района. Весьма много аргументов ставит проблема связать эту волну с движением хеттских и других племен, достигших до Восточной Малой Азии. Несмотря на то, что окончательных выводов в этом отношении делать нельзя, некоторые факты заслуживают более серьезного внимания. Довольно интересным является обстоятельство, что в хеттском религиозном представлении (в частности миф о Кумарби¹⁸) солнце всходит за морем, т. е. на востоке от их первоначальной прародины, что позволяет теории о переселении хеттов с запада не быть отверженной полностью. Думать в данном случае о Каспийском

¹⁶ Более особого внимания заслуживает исследование ранних материалов из Терми и некоторых других объектов.

¹⁷ Литература по этим вопросам весьма обширна. См. в особенности А. Kammenhuber. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.

¹⁸ См. например E. L a r o c h e. Catalogue des textes hittites. Paris, 1971. N 346.

море не разрешаю языковые данные, свидетельствующие о большой близости с индоевропейскими языковыми разветвлениями Юго-Восточной Европы.

О движении индоевропейских племен с запада в Малую Азию свидетельствуют серьезные археологические и другие материалы. Так, например, в раннебронзовой археологической культуре центральной Малой Азии замечаются резкие смены. Среди многих примеров внимания заслуживает смена бронзовых периодов Тарсуса II и III, причем последний находится в поразительной связи (керамика, архитектура и др. материалы) с культурой Северо-Западной Малой Азии и, в частности, Трои II и IV. Этот факт обыкновенно принимают как приход лувийцев с северо-запада в эти места к 2400 году. Отождествление носителей западномалоазиатской раннебронзовой культуры с лувийцами было предложено еще в свое время А. Гетце¹⁹ и принимается многими исследователями.²⁰ При этом, по всей вероятности, индоевропейские племена хеттолувийской группы проникали или одновременно, или в течение относительно короткого периода времени, о чем свидетельствуют языковые данные. Эта постановка принята Ф. Зоммер, Х. Отен, А. Каменхубер и другими исследователями анатолийских языков.²¹ Не без значения также обстоятельство, что позднее, в условиях неситизации Малой Азии утверждается обычай погребения совершать вне поселений, что является особенно характерным для западномалоазиатских районов.²²

С другой стороны, последние археологические материалы и сделанные по ним заключения приводят к выводу, что возможными праотцами хеттов, лувийцев и палайцев можно считать носителей культуры второй половины III тыс. в районе Фракии и бассейна Мраморного моря.²³ Кроме того, в последнее время в зоне восточного побережья Балканского полуострова обнаружены находки, свидетельствующие о неизвестном до сих пор для III тыс. высоком развитии общественной жизни и форм власти, что не является чуждым для индоевропейских этнических групп в древнем Востоке.

В связи с этой второй волной возникает вопрос и о лелегах, пелазгах и других так называемых догреческих народах. Будучи индоевропейскими племенами, в языковом отношении они отличались от ахейцев.²⁴ Их присутствие в Западной Малой Азии в течение всего II тыс.—беспорный факт, так как проникновение ахейцев в этот район осуществляется лишь в течение последних 2—3 столетий периода. С другой стороны, письменная греческая историческая традиция относит их к отдельным изолированным местам и в материковой, и в островной Греции до самого прихода дорийцев. В Илиаде многократно упоминается о пелазгах, как о союзниках Трои. При этом указывается, что они живут в Ларисе Малоазийской, которая,

¹⁹ A. Goetze. Kleinasien. München, 1957. S. 61.

²⁰ K. Bittel. Grundzüge... 53—54, 61 также склонен принять приход хеттов с запада.

²¹ См. например J. Mellaart. The End... 26 sq.; см. также A. Kammenhuber. Zur Stellung des Hethitisch-Luvischen innerhalb der Indogermanischen Gemeinsprache. — Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen, NF, 77, 1966, 1/2. S. 71 sq.

²² См. например J. Mellaart. Цит. соч.

²³ См. в особенности J. Mellaart. Prehistory... p. 132.

²⁴ См. V. Georgiev. L'ethnogenèse... p. 156 и сл.

если судить по описанию, находится в окрестности Трои близ Геллеспонта.²⁵ Другие пассажи несколькократно указывают на наличие пелазгов в Греции и на островах Эгейского моря.²⁶ Более поздняя греческая традиция также упоминает о пелазгах, как о наиболее старом населении в этом районе.²⁷

Тезис о близости хеттолувийского и пелазгийского языка, как сродных, но отдельно обособленных индоевропейских языков, ставит проблему этнического характера пелазгов в более ином аспекте. Если хеттолувийское население является неоспоримым новым элементом в центральных и восточных частях Малой Азии, то идея об автохтоническом характере сродного пелазгийского населения должна быть подвержена критике. В этом смысле вышеуказанные сведения письменной греческой традиции не следует считать противоречивыми. Они явно показывают, что пелазги являются здешним населением, но не доказывают их местное происхождение. Толкования в этом направлении античных авторов можно принять на базе отдаленности во времени заселений одних и других племен, неясных между ними связей и относительно слабой осведомленности о событиях, происшедших за много столетий до них, так как при отсутствии письменной традиции, отклики всего прошлого находятся в процессе исчезновения. Небольшие остатки находятся в топонимии и гидронимии, а на этой основе между пелазгийским и более поздними греческими языками, носители которых устанавливаются несомненно после продолжительных процессов расселения, наблюдается языковое сходство.

Вышеуказанные обстоятельства дают основание происхождения пелазгов связывать, в одной или другой мере, с расселением хеттолувийского населения. Время их переселения в Малую Азию, в островную и материковую Грецию при нынешнем состоянии познаний и источников остается неясным. Если связать его с движениями хеттолувийского населения, его можно выразить двумя направлениями: более ранней, предшествующей движению хеттолувийцев и палайцев волной, или последовавшим за этим движением явлением, приведшим к занятию западных районов Малой Азии и южных частей Балканского полуострова. Возражения в последнем смысле в наибольшей степени связываются с непрерывностью культурно-исторического развития в материковой Греции в течение всего III тыс.

Тесно связанной с пелазгами следует считать и проблему лелегов, язык которых во многих отношениях является близким к пелазгийскому и хеттолувийским языкам.

Подобная интерпретация носит гипотетический характер. Ее определяют новые направления и проблемы исследования с изменением оценки и характера существующих до сих пор, а также и новые источники в этом направлении.

Третьим этапом миграционных движений из Балкан по направлению к Малой Азии можно считать размещения конца III тыс. приблизительно до XII в. до н. э. В этот период многочисленные племенные группы проникают и устанавливаются в Западной Малой Азии. Первые фиксации этого движе-

²⁵ Ном, III, II, 840—843.

²⁶ Ном, III, II, 681; X, 429; и др.

²⁷ FGH (Müller). I, 133; Paus., II, 22, 1; Hdt., I, 57, 58, 146; II, 50—52, 56 и др.; Thuc., I, 3 и др.

ния неясны во многих аспектах и обыкновенно связываются с мизийскими племенами или племенами фригийской группы.

Ко времени Троянской войны Западная Малая Азия была населена различными этническими группами, среди которых наиболее важными являются троянцы, дарданцы, фракийцы, мёзы, фригийцы, меонцы, карийцы, лелеги, пелазги, ликийцы и др. Со своей стороны, эти группы делились на отдельные племена, все имена которых не были отражены в письменных источниках того и более позднего времени.

Балканское происхождение фракийцев, мёзов, дарданцев и фригийцев не подлежит сомнению и принимается как античной, так и современной историографией. Что касается карийцев, то их язык весьма близок к хеттолувийской группе.²⁸ В последнее время принимается, что карийцы и лелеги связаны между собой в языковом и этническом отношении. Это требует принять их как разновидности поздних этногенетических процессов в течение последнего периода бронзового века.

Значительно сложнее и более неясно обстоит вопрос с троянцами. В языковом отношении они близки к лидийцам, соотв. к меонцам, причем все три языка отличаются своей родственной близостью к хеттскому.

По-видимому, большинство западноанатолийских языков конца II тыс. показывают близость между собой и связаны в одной или другой степени с языками хеттолувийской группы. Языковые данные являются весьма важными при исследовании этнических проблем этого района. В этом направлении, однако, все еще существует много нерешенных проблем.

Весьма неясной является археологическая картина Западной Малой Азии этого времени и на основе только археологических данных нельзя делать генеральных выводов, тем более, что этот век является временем относительного выравнивания в типологическом отношении форм и процессов в развитии материальной жизни. Единственно в отклонениях от этой линии можно искать размещения одних или других племен. Эти процессы, однако, отражены, хотя и неравномерно, в письменной исторической традиции и могут служить объектом сравнительно более широких интерпретаций.

В этом порядке мыслей особого внимания заслуживают известные моменты политической истории Западной Малой Азии того времени. Присутствие племен балканского происхождения, и в частности, фракийской этнической общности, ставит проблему выяснения характера фракийского расселения, а также характера формаций Троя VI и VII-а.

Эпос Гомера убедительно показывает, что фракийцы Малой Азии и Балканского полуострова были союзниками Трои в битвах с ахейцами.²⁹ Этот факт не следует считать случайным явлением или результатом временной или моментальной коалиции, объединившей фракийцев обеих сторон Гелеспонта вокруг Трои, так как некоторые из них, как свидетельствует эпос, пришли из весьма отдаленных мест. С другой стороны, нет оснований считать, что расширение числа племен троянских союзников за счет фра-

²⁸ См. например В. В. Шеворошкин. О хеттолидийском характере карийского языка, Вестник Московского Государственного Университета. Филология-журналистика, 5, 1965. 46—57; того же, Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965.

²⁹ Н о т., III, II, 844 sq.

кийцев отражает более поздние тенденции греческой историографии по понятным причинам,³⁰ так как присутствие упомянутых фракийских племен и их связи с Троей подтверждены многими источниками.

Все это требует рассмотрения отношений между фракийскими племенами и Троей до начала Троянской войны — вопрос, почти полностью игнорируемый и пренебрегаемый в обширной литературе по проблемам эпохи Троянской войны.

Трою VI и VII-а считают одним культурно-историческим единством, просуществовавшим в общих линиях еще с первых столетий II тыс. Если судить по данным эпоса Гомера, государственная формация Троя представляла составленную из нескольких элементов, среди которых отчетливо выступают троянцы и дарданцы.³¹ Что касается дарданцев, то их этническая и языковая близость с племенами дако-мезейского и фракийского происхождения представляет уже доказанное явление. Если дарданцы как основной компонент троянской политической формации по своему происхождению являются подчеркнутым балканским населением, тесно связанным с мезейскими и фракийскими племенами, то их участие в событиях, связанных с Троянской войной, нельзя связывать с формированием временных военных конфедераций, рассматривать в ином свете, как составной элемент более обширной политической формации, созданной на базе этнически близких и родственно связанных племен, гегемоном которых в данном случае являются самые отъявленные, в отношении общего развития центры Северо-Западной Малой Азии.

В условиях совершения исторически сложившегося процесса расселения большей части балканских племен в единственно возможном и удобном направлении — к Малой Азии — наличие стратегического предостыя является первостепенной необходимостью. Его функции следует искать преимущественно в обеспечении свободного движения в зоне проливов всколыхнувшихся племенных масс.

В более тесном смысле слова эту организацию можно считать началом общественной и государственной жизни этих центров и прилежащих к ним районов, естественно явившихся объединительными и группирующими звеньями, а в более широком — племенным союзом со сравнительно более слабой союзной прикрепленностью отдельных составных элементов. В подкрепление этой идеи следует иметь в виду данные из эпоса Гомера — нет сведений о конфликтах и военных столкновениях в довоенный период между троянскими союзниками, скорее существуют отношения взаимопомощи³², в отличие, например, от ахейцев. Как повествует Гомер и подтверждают это многие другие источники, они непрерывно находились между собой в состоянии войны. Ввиду этого гибель Трои не следует считать результатом фракийских нашествий. Это было бы весьма неточной постановкой и противоречило бы ряду фактов.³³ Тезис о прекращении фракийского проникания в то время с севера троянцами является также неприемлемым.³⁴ Близость

³⁰ См. например преувеличенные сведения Геродота о составе персидского войска при Ксерксе, VII, с. 60.

³¹ Н о т., III, II, 816 и сл.

³² Так например, в более раннем периоде Приам указывается как союзник фригийцев Н о т., III, III, 184—190.

³³ См. например M. Nilsson. Homer. . . p. 45, 250 и sq.

³⁴ См. например Histoire générale. Histoire grecque. T. I, G. Glotz. Des Origines aux guerres Médiqes. Paris, 1938. p. 95.

фракийских племен из Северо-Западной Малой Азии к племенам Балканского материка, с одной стороны, и их близость и связи с дарданцами и троянцами, с другой, дает нам серьезное основание, представленное в частности Троей VI и VI-а, население Трояды рассматривать как элемент фракийской этнической общности.

Четвертым периодом этнических расселений с Балкан к Малой Азии можно считать время с XII в. приблизительно до конца VIII в. до н. э. Эта эпоха является относительно более самостоятельно обособленным периодом времени, в котором после окончания Троянской войны и последовавших за ней событий в зоне Эгеи и Западной Малой Азии часть фракийских племен принимает деятельное участие и последовательно, более значительными волнами, или инфильтрацией небольших этнических масс проникает в Эгейский бассейн, в материковую Грецию (напр. Аттику, Пелопоннес и др.) и Малую Азию. Последними движениями в этом направлении обыкновенно считают переселение витинцев, образовавших государственно-политическую формацию, оставившую осязательные следы в истории Малой Азии того времени.

Вышеуказанные постановки не носят окончательно законченного характера. Они основаны на хорошо известном источниковом материале (письменном, вещественном, и в частности, языковедческом) и являются опытом интерпретировать в другом направлении некоторые из многочисленных актуальных проблем изучения Балкано-эгейского бассейна и Западной Малой Азии на базе их принятия в виде одного культурно-исторического и территориально-географического единства до начальных столетий I тыс. до н. э.

It is difficult to trace the first stage and the repeated migration of concrete ethnic groups. The view according to which this population was linked, in a later period, with the way of life in the settlements of Troy I and Troy II type, of the Cumtepe I-b and Poliochni type, etc. is of some interest.

Ethnic movements in the course of the second half of the 3rd millennium could be considered as a second stage. The penetration of a Heto-Luvian and Palaian group in Central and Eastern Asia Minor, as well as that of the Lelegian, Pelasgic and other ethnic groups, and the migration of a pre-Greek population from the continental and insular parts of Greece and the western part of Asia Minor are all closely linked with this second wave of migrations.

As a third stage we consider the migrations from the end of the 3rd millennium up to the 12th century B.C. During that period tribal groups such as the Thracians, Phrygians, Moesians, Dardanians, etc. penetrated and eventually settled in the Western parts of Asia Minor. These tribes, closely related ethnically, provide the clearest idea of the period of Troy VI and Troy VII and the events connected with the Trojan war as their background.

The period from the 12th century approximately to the 8th century B.C., denotes the time when some of the Thracian tribes penetrated in the Aegean and the continental part of Greece and Asia Minor, either in major thrusts or in smaller groups.

The chronology, suggested in this paper, is not final, and is only an attempt to present some of the problems of the studies of the Balkan region, the Aegean, and the region of continental Greece and the basin of Asia Minor up to the beginning of the 1st millennium B.C.

ON CERTAIN PROBLEMS OF THE ETHNIC AND HISTORICAL TIES
BETWEEN THE BALKAN PENINSULA AND ASIA MINOR
UP TO THE END OF THE SECOND MILLENIUM B.C.

VI. Попов

(Summary)

Written sources, archeological research, linguistic research and other related fields of studies available to present day scholars make it possible to consider the region of the Balkans, the Aegean and Asia Minor as sharing a common cultural and historical heritage from antiquity to the period of Hellenism, during the first centuries of the 1st millennium B.C. The inhabitants of the Balkan region made their presence felt within the framework of that common cultural and historical heritage as late as the end of the Bronze Age.

In the light of present-day studies the migration of the Indo-European tribes from the Balkan Peninsula to Asia Minor could be presented in the following chronological order.

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ

Иван Панайотов

(Болгария)

Бронзовый век на болгарских землях все еще недостаточно изучен. Обзор литературы и памятников, относящихся к этому периоду, свидетельствует о том, что археологические материалы как в географическом, так и в хронологическом отношении распределены неравномерно.

Интерес к праистории, и в частности, к рассматриваемой эпохе, возникает сравнительно рано. До второй мировой войны были сделаны раскопки нескольких поселений и некрополей.

Телль у с. Кирилово, Старозагорского района, исследован Г. Кацаровым, а позже и другими болгарскими и иностранными учеными¹. В 1935 году В. Миков делает раскопки на телле у с. Веселиново, Ямболского района.² Он исследует также поселения у с. Михалич, Свиленградского района, телль Карановского поселения и праисторические поселения у с. Юнаците близ Пазарджика.³ Следует обратить внимание на то, что Веселиново, Караново и Михалич связаны преимущественно с ранним бронзовым веком, тогда как в поселении у с. Юнаците найдены материалы более позднего времени.

Археологических данных о погребальных обрядах еще меньше. Имеем в виду погребения в поселениях из Ендже, Кюлевча, Мадара и Калугерица,⁴ которые В. Миков относит к XVI—XIV вв. до н. э. и связывает с русскими степями.⁵

¹ Г. И. Кацаров. Раскопки в Св. Кирилово. — ИБАД, III, 1912; idem, Vorgeschichtliche Funde aus Sveti Kyrillovo (Südbulgarien). PZ, VI Band, 1914; Т. Герасимов. Раскопки на могили при с. Свети Кирилово. — ИБАИ, XV, 1946.

² В. Миков. Селищна могила от бронзовата епоха до с. Азакьой (Ямболска околия). ГНБМП, 1931; Его же. Селищна могила от бронзовата епоха до с. Веселиново. — ИБАИ, XIII, 1939.

³ В. Миков. Праисторическо селище до с. Михалич, Свиленградско, РП, I, 1948; Его же. Селищната могила до с. Караново, Новозагорска ок. — ИГД, V, 1937; Его же. Селищна могила при Юнаците, Пазарджишко. — ГПНБМ, 1937—1939; idem. Karanovo Bulgaria, Antiquity. XIII, № 51, 1939.

⁴ Р. Попов. Могилните гробове при с. Ендже. — ИБАИ, VI, 1930—1931; В. Миков. Последни могилен находки. — Ип: Сб. Мадара I. С., 1934; Его же. Стари могилен гробове при Калугерица и Кюлевча. — Ип: Сб. Мадара II, С., 1936.

⁵ В. Миков. Произходът на надгробните могили в България. — ГНМ, VII, 1942.

Другим археологическим источником рассматриваемого века являются клады и единичные находки металлургических орудий труда и оружия, опубликованных Р. Поповым и В. Миковым.⁶ Последний собирает известный до 1933 г. материал и издает книгу „Праисторически селища и находки в България“.⁷

Слабое исследование бронзового века до второй мировой войны отражается на опытах обобщить археологический материал. Такие существенные вопросы, как хронология и периодизация бронзы, связываются механически с проблемами происхождения индоевропейцев или хронологических схем, относящихся к Средней Европе, несмотря на недостаточные основания и доказательства в болгарских материалах, принимаются почти полностью.⁸ Таким образом утверждена датировка бронзового века с 1900—900 гг. до н. э.⁹ Одновременно с этим некоторые ученые обращают внимание на связи между культурой Микен и позднебронзовой культурой во Фракии¹⁰, считая несомненным, „что бронзовая культура в Южной Фракии развивалась отчасти параллельно с культурой Микен (XVI—XIII вв. до Хр.)“.¹¹ Интерес представляет также связывание букул керамики в Трое VII с трерами.¹²

После Второй мировой войны праисторические исследования отличаются значительным прогрессом.¹³ О жизни поселениях поздней бронзы свидетельствуют раскопки телля Разкопаница, Пловдивского района, Деветашка пещера и др.¹⁴ Исключительно важными являются исследования Р. Катинчарова в г. Нова-Загора и с. Балей, Видинского района.¹⁵ Обнаружены некрополи близ с. Долно Сахране, Старозагорского района и с. Орсоя, Ломского района.¹⁶ Растет число кладов и единичных находок, среди

⁶ Библиография на българската археология (1879—1955). С., 1957. с. 42—44, № 330—351.

⁷ В. Миков. Предисторически селища и находки в България. С., 1933. с. 93—110.

⁸ Р. Попов. Материали за проучване на предисторическата епоха в Софийската котловина. Материали за историята на Софийската котловина и околността. — кн. V. С., 1921.

⁹ Р. Попов. Култура и живот на предисторическия човек в България. Ч. II, Метална епоха. С., 1930. В. Миков. Предисторическото население на нашите земи. — ИГД, I, 1933. С. 244; Его же. Предисторически селища и находки в България. С., 1933.

¹⁰ B. Filow. Thrakisch-mykenische Beziehungen. — Revue Internationale des Etudes Balkaniques, III-ème année. T. I—II (5—6). Beograd, 1937—38. p. 1—7; Его же. Трако-микенски отношения. Сб. Ив. Шишманов. С., 1920. с. 40—53.

¹¹ Г. И. Кацаров. България и древността, историко-археологически очерк. С., 1926. с. 13—14.

¹² Ida Carleton Thallon. Some Balkan and Danubian connexions of Troy. — The Journal of Hellenic Studies. v. XXXIX, 1919. p. 199.

¹³ Г. Ил. Георгиев. Проучвания на културата на селищните могили. — Археология. 3, 1964. с. 60—62.

¹⁴ П. Детева. Селищната могила Разкопаница. ИАИ, XVII, 1950; В. Миков и Н. Джамбазов. Деветашката пещера. С. 1960, M. Siciakova, Nouvelles données sur la culture Thrace de l'époque du Hallstatt en Bulgarie du Sud. Thracia, I, 1972.

¹⁵ R. Katincharov. Habitations de l'âge de Bronze moyen du tell. Nova Zagora (Bulgarie du Sud). — Thracia, I, 1972; Его же. Основные результаты раскопок первобытного поселения в г. Нова Загора (Южная Болгария) в 1968 и 1970 гг. СА, кн. I, 1972; см. также: Дунавските терамари, в. Поглед, бр. 36, 3. 9. 1973 г.

¹⁶ Л. Гетов. Могилни гробове при с. Долно Сахране, Старозагорско, ИАИ, XXXIII, 1965; А. Бонев, З. Гочева, Л. Дончева-Петкова. XIII Национална археологическа конференция. — Археология, 4, 1972. с. 71—72.

которых следует упомянуть обнаруженные у с. Лесура, Врачанского района, с. Върбица, Плевенского района, г. Силистра и др.¹⁷ Постепенное накопление новых археологических данных дает возможность искать более приемлемые датировки лишь в начале шестидесятых годов. До сих пор большинство из авторов принимают следующую периодизацию бронзового века: раннюю — 1900—1750 гг. до н. э.; среднюю — 1750—1200 гг. до н. э. и позднюю — 1200—800 гг. до н. э.¹⁸

Краткий обзор литературы дает нам основание провести некоторые наблюдения, которые облегчат нашу работу. По виду археологические памятники можно разделить на поселения, некрополи и случайные находки. Группировка памятников сделана также для облегчения. Для выяснения хронологических границ поздней бронзы бесспорно, что наибольшей стоимостью отличаются те поселения, о которых есть стратиграфические наблюдения. Сравнение поселений в Новой-Загоре и Разкопанице дало бы возможность определить переход от средней к поздней бронзе. Но первое поселение находится в процессе исследования, а второе не полностью опубликовано. По данным производящих раскопки в Деветашкой пещере исследователей существует hiatus между ранней и поздней бронзой. У этого памятника значительный интерес представляет керамика раннежелезного века, которую Миков связывает с материалами дольменов на Сакар-горе.¹⁹ Поселение у с. Балей, Видинского района, также не опубликовано, так как там продолжают раскопки. В Пшеничево конец бронзового века не представлен.²⁰ Настоящий этап исследования жизни в поселениях позднего бронзового века не позволяет использовать полноценно стратиграфический метод, в особенности по отношению к нижней хронологической границе.²¹

Вопрос о некрополях второй половины II тыс. до н. э. является еще более сложным. Они не связаны с определенными поселениями, что способствовало бы определению их датировки. Кроме того, в большинстве случаев инвентарь является бедным, а интерпретация некоторых из них в последнее время терпит значительные коррективы.²²

Необходимо снова подчеркнуть, что как исследованные поселения, так и некрополи географически распределены неравномерно, причем почти

нет данных о Юго-Западной Болгарии. Это в большой степени требует суммарного рассмотрения поставленной проблемы.

Третий вид археологических памятников — случайные находки, уже использован правильно как доказательство о миграции в позднем бронзовом веке.²³ Действительно, клады дают основание для такого толкования, что в сущности направляет их датировку к самому концу бронзового и переходу к железному веку. Причиной неуверенности при использовании металла в хронологическом аспекте являются, с одной стороны, различия в датировке,²⁴ а с другой, возможность допустить ошибки при любом формально-типологическом сравнении, тем более, что типология болгарских памятников не разработана.

Высказанные нами соображения о трудностях при интерпретации материалов позднего бронзового века свидетельствуют о том, что они сами в данный момент недостаточны для определения хронологических границ последнего периода бронзового века. Если конкретное разрешение проблемы о времени перехода от средней к поздней бронзе в Южной Болгарии является предстоящим и вытекает из исследований поселения в г. Нова-Загора и его сравнения с Разкопаницей,²⁵ то о переходе к следующему веку можно использовать периодизацию раннего железного века.

В последнее время было опубликовано значительное число статей, затрагивающих связь между Фракией и Троей, и в частности, Троей VII б.²⁶ По нашему мнению, особый интерес представляет предположение о существовании в позднем бронзовом веке контактов не только между Фракией и Микенами, но и между Фракией и Анатолией, развитию которых способствовали водные пути — Черное море и Дунай.²⁷ Таким образом, подчеркнута стоимость основной хронологической опорной точки.²⁸

В географическом отношении распространение бузел керамики на болгарских землях отражено в литературе.²⁹ Культура Пшеничево представлена значительным числом памятников по течению р. Марица и р. Тунджа, и ее датировка, связанная с Троей VII б., принимается за археологическое доказательство передвижений племен из Фракии к Анатолии в тече-

¹⁷ V. M i k o v. La Bulgarie à l'âge du Bronze. — *Studia Balcanica*, 5, 1971. p. 60—61; Е го ж е. Материали от последния период на бронзовата епоха в Северозападна България. — *Археология*, 3, 1970.

¹⁸ Г. Т о н ч е в а. Цит. съч. с. 44; Б. Н и к о л о в. Цит. съч. с. 52; Т. К о в а ч е в а. Цит. съч. с. 58—59; В. М и к о в. Цит. съч. с. 59.

¹⁹ R. K a t i n c a r o v. Op. cit. p. 52—55.

²⁰ Д. П. Д и м и т р о в. Троя VII б 2 и балканските тракийски и мизийски племена, *Археология*, кн. 4, 1968; idem. Troia VII b 2 und die Thrakischen und Mösische Stämme auf dem Balkan. — In: *Studia Balcanica*, 5, 1971; M. Č i ě i k o v a. Op. cit.; idem. Sur la chronologie du Hallstatt en Thrace. — *Studia Balcanica*, 5, 1971; Е е ж е. Керамика от старата железна епоха в Тракия. *Археология*, кн. 4, 1968; X. Т о д о р о в а. Раннохалцатски селища по поречието на р. Камчия. — *Археология*, 2, 1972; idem. Über einige Probleme der Südosteuropäischen Frühisenzeit. — *Thracia*, 1, 1972.

²¹ J. M e l l a a r t. Anatolian Trade with Europe and Anatolian Geography and Culture Provinces in the Late Bronze Age. AS, vol. XVIII, 1968. p. 193; T. S u l i m i r s k i. Barrow Grave 6 at Komarov. — *Bulletin of the Institute of Archaeology*, 4, London, 1964. p. 179.

²² Troy IV, Part I, Text, Princeton, 1958. p. 144ff.; J. M e l l a a r t. Op. cit., p. 195—196.

²³ H. Т о д о р о в а. Op. cit., Karte I; M. Č i ě i k o v a. — *Thracia*, 1, 1972. Fig. 20.

¹⁷ Б. Н и к о л о в. Колективна находка от края на бронзовата епоха от с. Лесура, Врачански окръг. — *Археология*, 3, 1966; Т. К о в а ч е в а. Нова колективна находка от бронзовата епоха при с. Върбица, Плевенски окръг. — *Археология*, 2, 1967. См.: Н. К о й ч е в. Колективна находка на калъпи за бронзови бравички и върхове за копия в землището на с. Сокол, Новозагорска околия. — ИАИ, XVII, 1950; Д. А л а д ж о в. Находки от бронзовата епоха от Хасковския музей. *Археология*, 4, 1969; Г. Т о н ч е в а. Калъпи за отливане на сечива и украшения от с. Есеница. — *Археология*, 2, 1973; В. М и к о в. Материали от последния период на бронзовата епоха в Северозападна България. — *Археология*, 3, 1970. с. 59.

¹⁸ В. М и к о в. Па следите на племената и народите, живели в нашата страна. С., 1958; Д. П. Д и м и т р о в. Последните археологически разкопки в България. С., 1955; В. М и к о в, Г. Г е о р г и е в и Н. Д ж а м б а з о в. Водач за археологически музей, I. Бит и култура на докласовото и раннокласово общество в България. С., 1952.

¹⁹ В. М и к о в и Н. Д ж а м б а з о в. Деветашката пещера. С., 1960. с. 136 и сл.

²⁰ M. Č i ě i k o v a. Op. cit. p. 85—86.

²¹ Л. Г е т о в. Цит. съч.

²² Н. Я. М е р п е р т. О связях Северного Причерноморья и Балкан в Раннем бронзовом веке. — КСИА, вып. 105, 1965, с. 10—20.

ние рассматриваемого периода.³⁰ В Северо-Восточной Болгарии поселения по поречью р. Камчия, также относящиеся к XII в. до н. э., свидетельствуют о связи с культурной Бабадаг в Добрудже.³¹ Некоторые румынские археологи подчеркивают сходство керамики горизонта Бабадаг I с керамикой Трои VII б₂ и определяют датировку к XI в. до н. э. (А₂ по Мюлле ру—Карпе).³² При этом положении оправданным является интерес к более поздней датировке „фракийского гальштата“ в Молдове и Молдавии. М. Петреску-Дымбовица полагает, что культуру Ноа в Молдове следует отнести не позже чем к XIII—XII вв. до н. э., причем конец бронзы и начало гальштата соответствуют Белогрудовской культуре в Лесостепной Украине и керамическому комплексу поселения у Кишинева в Молдавии.³³ А. И. Мелюкова первоначально датирует эти памятники IX—VIII вв. до н. э., сопоставляя их с белозерским этапом культуры поздней бронзы в степной области Северного Причерноморья. Позднее она уточняет датировку и относит ранний период к X—IX вв. до н. э., отмечая, что в Молдове все еще не открыто предшествующих гальштату памятников, несмотря на то, что культура Ноа кончается в этой области в XII в. до н. э.³⁴ Ввиду того, вопрос о начале „Фракийского гальштата“ в Молдове и Молдавии, по всей вероятности, более правильно пока решен А. И. Тереножкиным, который отвергает позднюю датировку Мелюковой.³⁵

Возвращаясь к распространению букел керамики на болгарских землях, необходимо подчеркнуть, что она засвидетельствована не только в восточной части Северной Болгарии. Показательны в этом отношении материалы Деветашской пещеры и Магуры.³⁶ В Румынии к этому времени относятся памятники типа Инсула Банулуй, датированные XII в. до н. э. и связываемые генетически с предшествующей позднебронзовой культурой в той же области.³⁷

Намеченный таким образом хронологический горизонт охватывает значительную часть Юго-Восточной Европы и включает в себя болгарские земли без Юго-Западной Болгарии, оставшейся неисследованной. Более

³⁰ J. Mellaart. Op. cit. 195—196; C. W. Blegen. Troy. The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1964. 12 ff.

³¹ X. Тодорова. Раннохалцатски селища по поречието на р. Камчия. — Археология, 2, 1972, с. 22.

³² E. Zaharia si S. Morintz. Cercetarea Hallstatului timpuriu in Romania, SCIV. T. 16, 3, 1965. p. 460; См. у S. Morintz. — Dacia, NS VII, 1964.

³³ М. Петреску. Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. — Dacia, NS, IV, 1960. 151; Его же. К вопросу о гальштатской культуре в Молдове. Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960. с. 160.

³⁴ А. И. Мелюкова. Исследования памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960. с. 137; Ее же. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. — СА, 1, 1972. с. 57—61.

³⁵ А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. — СА, 2, 1957. с. 47; Его же. Основы хронологии предскифского периода. — СА, 1, 1965; Его же. К истории изучения предскифского периода — In: Сб. Скифские древности. Киев, 1973.

³⁶ В. Миков и Н. Джамбазов. Цит. съч.; Н. Джамбазов и Р. Катинчаров. Археологични находки от пещерата Магура. — Археология, 3, 1961.

³⁷ S. Morintz si P. Roman. Hallstattian timpuriu in Sud-Vestul Romaniei — Insula Banului. — SCIV. T. 20, N₃, 1962.

поздняя датировка памятников Молдавии и Украины, а также выяснение характера культурных перемен выходят за пределы нашей темы. Имеем в виду, что „культура [букел керамики] называется в рассматриваемом районе гальштатской и раннежелезной или старожелезной. В данном случае важным является то, что она отражает уже наступившие изменения, независимо от того, что она связана генетически с позднебронзовой.

Необходимо подчеркнуть еще два соображения, определяющих верхнюю хронологическую границу бронзового века. С одной стороны, это письменные данные об историческом развитии Микенской Фракии,³⁸ которые не противоречат датировке Трои VII б₂, а с другой, достигнутые в исследовании культуры Дунайских террамаров успехи.

В. Миков локализирует эту культуру в нашей стране по течению р. Дуная между р. Тимок и р. Искыр³⁹ и принимает временем ее развития приблизительно 1600—1200 гг. до н. э. Ее распространение охватывает области, в которых позднее появляются памятники типа Инсула Банулуй и Магура.⁴⁰ По всей вероятности, культура Дунайских террамаров оказала влияние на формирование культуры следующего периода, в особенности, в отношении керамики. Ее связывание, однако, с миграцией мезийцев, дарданцев может быть дорийцев не аргументировано.⁴¹ Важно то, что эта характерная позднебронзовая культура, процветавшая с XVI до XII вв. до н. э., определяет границы последнего периода бронзового века в Северо-Западной Болгарии.

Подбор рассмотренной в настоящей работе литературы позволяет сделать известные выводы. Датировка раннежелезного века в болгарских землях пока относится не ранее чем к XII в. до н. э., что подтверждают некоторые памятники в Румынии. Инсула Банулуй и Пшеничево являются двумя опорными точками, отмечающими одно направление, связывающее Северо-Западную и Юго-Восточную Болгарию с Троей. Пока датировка Трои VII б₂ не будет опровержена хорошо аргументированными доказательствами, мы не можем считать основательной более позднюю датировку соответствующего хронологического горизонта. Стратиграфия письменных источников не противоречит этому заключению. И, в-третьих, за культурой Дунайских террамаров, заканчивающейся в XIII в. до н. э., в том же районе следует аналогичная Пшеничеву культура Магуры, Долни-Лома, Козлодуй, Букевцы. Это дает нам основание принять XII в. до н. э. верхней границей позднебронзовой культуры для большей части болгарских земель.

На основе вышеизложенного последний период бронзового века в Северо-Западной Болгарии можно датировать XVI—XII вв. до н. э. Начало поздней бронзы в Южной Болгарии следует искать в XVI—XV вв. до н. э., имея в виду непрерывность в развитии средней и поздней бронзовой куль-

³⁸ А. Л. Ф о л. Политическа история на траките. Края на второто хилядолетие до края на пети век преди новата ера. С., 1972. с. 38 и сл.

³⁹ В. М и к о в. Материали от последния период на бронзовата епоха в Северо-Западна България. — Археология, 3, 1970. с. 48—49.

⁴⁰ VI. Dimitrescu. Necropola de incineratie din epoca bronzului de la Cirna. Bucuresti, 1963; M. V. Garasanin. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien. — BRGK, 39, 1958. p. 75 ff.

⁴¹ В. М и к о в. Цит. съч. с. 61; Idem. La Bulgarie à l'âge du Bronze. — Studia Balcanica. T. 5, 1971. p. 59.

туры.⁴² В этой области конец бронзового века определяет появление культуры Пшеничева. В Северной Болгарии на восток от р. Искыр бронза слабо исследована, но и здесь ее конец следует связывать с хронологическим горизонтом, к которому относятся материалы Деветашкой пещеры, поречья р. Камчия, г. Русе и пр.⁴³

В заключение, необходимо снова подчеркнуть недостаточное исследование поздней бронзовой культуры в нашей стране, а также отсутствие обобщающих исследований или статей, посвященных хронологии и периодизации рассматриваемой эпохи.⁴⁴ Несомненно, миграции играют роль в период поздней бронзы и, по всей вероятности, ведут к этим культурным изменениям, которые дают нам основание искать начало перехода к железной эпохе в XII в. до н. э.⁴⁵

PROBLEMS OF DATING OF THE LATE BRONZE AGE IN BULGARIA

I. Panayotov

(Summary)

The present paper is an attempt to consider the problems of the chronology of the Late Bronze Age in Bulgaria, according to existing publications, directly or indirectly related to the subject, without a claim to have covered the entire bibliography available.

The literature has been considered separately up to the Second World War and the period following it. The author points out that during the first period (notes 1-12) the material did not allow convincing conclusions and the working out of a chronology, as there was no sufficient evidence among the materials found in Bulgaria (notes 7-9).

The period following the Second World War is characterized by considerable progress in archeological research (notes 13-17); however, the attempts to establish a better chronology became possible only as late as the 1960's with the accumulation of new archeological data. Until then, most authors

⁴² R. Katinchev. Op. cit. Его же. Основные результаты раскопок первобытного поселения в г. Нова-Загора (Южная Болгария) в 1968 и 1970 г. — СА, 1, 1972. Действительно, стратиграфические наблюдения Р. Катинчарова убедительно подтверждают генетическое единство материалов из Кириллова, Юнаците, Новой-Загоры и Разкопаницы.

⁴³ M. Čičikova. Op. cit.

⁴⁴ V. Mikov. Op. cit. 55. В последнее время это единственная попытка обобщить исследования бронзовой эпохи. Автор датирует позднебронзовый период 1600—1100 г. до нашей эры. Эта датировка недостаточно обоснована.

⁴⁵ Как было уже упомянуто в тексте, выяснение характера культуры после XIII века не входит в тему настоящей работы и поэтому не рассматриваются терминологические споры по вопросу появления и массового использования железа и т. д. Также не рассмотрены и обобщительные работы, которые увязаны с краткой хронологией, как: Археология Румынии. М., 1973; E. Condurachi, C. Diaconescu. *Archaeologia mundi Romanien*. Genf, 1972.

accepted the following chronology of the Bronze Age: Early Bronze — 1900 to 1750 B.C.; Middle Bronze — 1750 to 1200 B.C. and Late Bronze — 1200 to 800 B.C. (see note 18).

A review of the literature makes it possible to point out certain specificities. The archeological material is distributed unevenly with respect to both territory and chronology. The material also varies in its significance, in providing evidence for the elaboration of a chronology (notes 19-25) and all that impedes the solution of the problem.

According to the author the chronological limits of the Late Bronze period cannot be explained solely using the material from that period. In determining the latest limits of the chronology it is necessary to connect them with the cultures of the transition towards the Iron Age, which corresponds to Troy VII b₂ (notes 26-38). Another basis is the culture of the Danubian *teramari* (notes 39-41). Unless the dating of these cultures and that of Troy VII b₂ is disputed by more convincing evidence, it is possible to accept the following chronology of the Late Bronze: in Northwestern Bulgaria — 16th to 12th century B.C., in Southern Bulgaria (excluding the southwestern part where there are no data available) the beginning of the Late Bronze Age should be sought between the 16th and 15th centuries B.C., bearing in mind the continuity in the development of the Middle and Late Bronze cultures of this region, where its lower limit is determined by the Pshenichevo culture. In Northern Bulgaria, east of the Iskar River, the Bronze Age has not yet been studied satisfactorily, but its lower limits should be connected with the chronological horizon, namely the material found along the Kamchia River, near the town of Roussé and elsewhere (notes 42-45).

О ФРАКИЙЦАХ НЫНЕШНИХ УКРАИНЫ, МОЛДОВЫ, ДОБРУДЖИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ В XI—VI ВВ. ДО Н. Э.

Г. Тончева

(Болгария)

В 1930 г. польские археологи Т. Сулимирски и Л. Козловски уже обособили в отдельную группу памятники так называемой ими „фрако-киммерийской“ культуры, встречающиеся в областях среднего Поднестровья. Сравнивая материальную культуру племен этой области с культурой племен соседних областей, они устанавливают явное различие. В то же время они уже тогда отмечают большое сходство материальной культуры племен среднего Поднестровья с культурой племен, носителей т. н. культуры Гава, обитавших области по верхнему течению р. Тиссы, т. н. Семиградско в Венгрии. Это дает им основание допустить в VII в. до н. э. переселение фрако-киммерийских племен из Карпат к областям, расположенным по обеим сторонам среднего течения р. Днестра.¹

В дальнейшем И. К. Свешников группирует эти памятники в голиградскую группу по имени поселения Голиград Тернопольской области (Западная Украина), вблизи которого была открыта коллективная находка бронзовых предметов. Он относит этот вид археологических памятников к хронологическому периоду X—VII вв. до н. э.² Существенный прогресс в изучении археологических памятников голиградской группы дают результаты раскопок у с. Магала на р. Прут Черновицкой области.³

В Молдове, на территории МССР и Румынии также было обнаружено подобный вид памятников. Их исследование было начато в 1946 г. Очень большое значение для изучения этих археологических памятников, принадлежавших к т. н. фракийскому гальштату, имеют раскопки поселения у г. Кишинева, поселения и некрополя близ с. Шолданешты⁴ и некрополя у с. Селиште.⁵ На территории Румынии существенное значение имеют раскопки и исследования поселения близ Бабадаг,⁶ поселений, принадлежащих к культуре Басараби,⁷ некрополя и поселения у с. Стойканы⁸ и др.

Исследователи обеих культурных групп, причисляемых к т. н. фракийскому гальштату, полагают, что их носителями были северные фракийцы, населявшие северные и восточные периферийные районы областей, обитаемых многочисленными фракийскими племенами.

В своих исследованиях советские и румынские специалисты археологи очень мало или вообще не сравнивают и не указывают параллелей археологических материалов на территории Болгарии, о которой известно, что она была центром фракийского племенного общества. В последнее время при раскопках или случайным образом были обнаружены довольно богатые находки, датировку которых можно определить сравнительно точно. Как исследования советских и румынских археологов, так и исследования болгарских археологов могли бы способствовать разрешению ряда вопросов, связанных с материальной культурой и историей фракийцев.

Территория распространения археологических памятников голиградского типа охватывает главным образом Ивано-Франковскую, Черновицкую и Тернопольскую области,⁹ т. е. южную часть Среднего Поднестровья, западные части Украины, т. н. Западное Подолье. Обнаружены поселения также в Львовской и Ужгородской областях.¹⁰ Подобные памятники известны и в восточных районах Поднестровья — в Каменец-Подольской области, но их группируют главным образом между правым берегом р. Днестр и междуречьем между реками Днестр и Прут до вливания р. Серет (обр. 1).

ник древнефракийской культуры в Прикарпатье. — In: Сб. Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Москва, 1960 г., с. 20 сл.

⁴ А. И. Мелюкова. Памятники... с. 51 сл.; Е е же. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 96, 19, с. 35 сл.; Там же. Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. — In: Сб. Материалы и исследования по археологии Юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960 г., 137 сл.; Е е же. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. СА, 1972, 1. с. 57 сл.

⁵ В. Л. Лапушнян. Раскопки памятников культуры фракийского гальштата в Молдавии. — In: Сб. Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1972 г. с. 88 сл.

⁶ S. Morintz. Quelques problèmes concernant la période ancienne du Halstatt au Bas-Danube à la lumière de fouilles de Babadag. Dacia, n. s., VIII, 1964. p. 101—132.

⁷ A. Vulpe. Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien. Die Basarabi-Kultur. — Dacia n. s. IX 1965. S. 105—132; V. Dumitrescu. La nécropole tumulaire du première âge du fer de Basarabi, Dép. de Dolj, Oltenie. — Dacia, n. s. XII, 1968. p. 261—304; D. Vericu. Zorile istoriei in Carpați și la Dunare. București, 1966. p. 236.

⁸ M. Petrescu-Dimbovita. Cetatea de la Stoicani, MAIV. Vol. I, 1953, 13; idem. Cimitirul halstatiian de la Stoicani. Op. cit. p. 157.

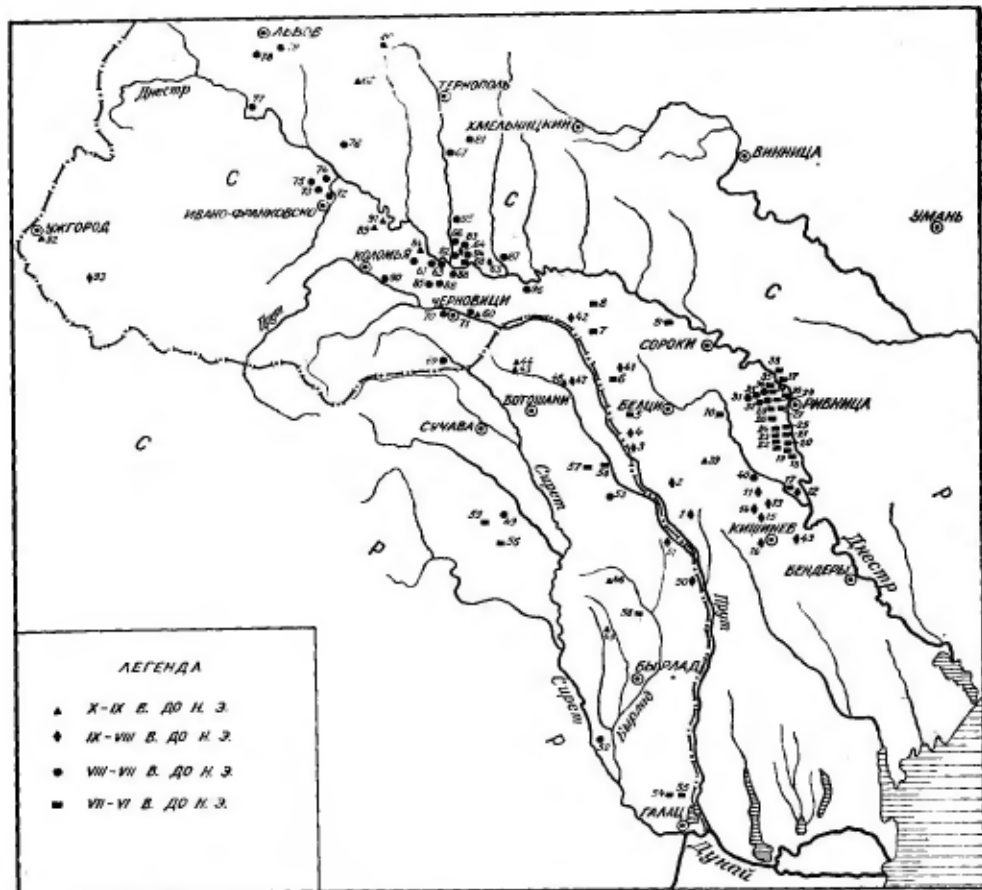
⁹ А. И. Мелюкова. Культуры... с. 45; Там же. Памятники... 21; Г. И. Смирнова. Поселение... Цит. соч. с. 27.

¹⁰ К. В. Бернякович. Исследования поселений эпохи раннего железа в Ужгороде. Научные записки Ужгородского государственного университета, XIII. Ужгород, 1955. с. 171—184; Г. И. Смирнова, К. В. Бернякович. Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатье. — In: Археологический сборник. Вып. 7, М.—Л. 1965. с. 7 сл.

¹ T. Sulimirski. Die thrako-kimmerische Perioden Südostpolen. — WPZ, XXV. Wien, 1938. S. 129, 135—151; L. Kozłowski. Zarys pradziejow Polski południowo — wshodniej. Lwow, 1939, S. 49; L. Kozłowski. Wczesna, starsza i srodkowa epoki bronzu w Polsce. Lwow, 1924. S. 54.

² И. К. Свешников. Археологічні роботи Львівського Історичного музею в 1952—1957. р. 3—12; Збірник археологічні роботи музею в 1952—1957. с. 3. Львів, 1959. с. 17—22; Его же. Памятники голиградского типа Верхнего Поднестровья. МДАПВ, вып. 5, 1964. С. 40—66; Там же. К вопросу о племенном составе населения Прикарпатье и Волыни в конце II и начале I тысячелетия до н. э.; I Międzynarodowy kongres archeologii Słowiańskiej. T. II.

³ Г. И. Смирнова. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала. Черновицкой области. — КСИИМК, вып. 70, 1957. с. 99—107; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА 64, 1958. с. 20—31; Г. И. Смирнова. Поселение Магала — памят-

Обр. 1. Карта распространения археологических памятников Голиградской и Молдавской группы

1 — Ниспорени; 2 — Пырлица; 3 — Джурнени; 4 — Келинесь; 5 — Вишуора II; 6 — Петрушани; 7 — Бризенци; 8 — Ходороуцы; 9 — Рудь; 10 — Чутульсь; 11 — Лукашевка; 12 — Требужени; 13 — Загайкаци; 14 — Пожарени; 15 — Гидигич; 16 — Близ Кишиньева (Дурлель); 17 — Голеркаи; 18 — Городница; 19 — Сахарна Гульбока; 20—25 — Сахарна; 26 — Цакнауцы; 27 — Стокная; 28 — Царевка; 29 — Магеуцы; 30 — Солончени; 31 — Глинижени — Рошу; 32 — Глинижени — Мигуленя; 33 — Шолданець; 34—36 — Албедар; 37 — Катериновка; 38 — Рошитетици; 39 — Мья-Мигуленя; 40 — Селище; 41 — Лукашевка; 42 — Лопатник; 43 — Балабанець; 44 — Корлытени; 45 — Холбока; 46 — Рафанла; 47 — Ларга Жжии; 48 — Валя Лупулуй; 49 — Басарабь; 50 — Рысещь; 51 — Козия; 52 — Пояна; 53 — Понещь; 54 — Стоккань; 55 — Темоань; 56 — Теулеу; 57 — Бучум; 58 — Бирсещь; 59 — Пятра Няиц; 60 — Подсадки; 61 — Звенигород; 62 — Ясенов; 63 — Смерековка; 64 — Залески; 65 — Медина; 66 — Викторв; 67 — Крилос; 68 — Бовинов; 69 — Подлужжия; 70 — Грушка; 71 — Городница; 72 — Строче; 73 — Корнич; 74 — Ивано-Золоте; 75 — Лисичники; 76 — Федоровка; 77 — Новосилка Костюкова; 78 — Голиград; 79 — Скала Подольска; 80 — Городок; 81 — Михалков; 82 — Кудринци; 83 — Каград; 84 — Репужинци; 85 — Дорошивец; 86 — Давидовци; 87 — Кливодин; 88 — Черновци; 89 — Нова Жучка; 90 — Магала; 91 — Кмянка; 92 — Ужгород; 93 — 96 — Мукачево.

Карта археологических памятников Молдавии составлена В. Л. Лапушняком и М. Петреску Дымбовица, а карта археологических памятников Украины — И. К. Свещниковым.

Это небольшие поселения, не огороженные крепостными стенами. В их контурах обнаружены наземные жилища из плетня и толстого слоя глиняной обмазки и землянки с очагом. Около жилищ открыты ямы.

В некрополях, обнаруженных главным образом в двух местах (у с. Увизла Тернопольской области и с. Комаров Ивано-Франковской области) раскрыты погребения, совершенные по обряду трупосожжения, при котором останки полусожженного покойника помещались в урны. Над ними курганных насыпей не было обнаружено.

В развитии археологических памятников голиградской группы можно различить главным образом три хронологических периода.

Одной из характерных особенностей керамических комплексов в течение раннего хронологического периода является „заштриховка“ лицевой поверхности большей части т. н. столовой керамики. Посуда отличается серо-черной или черной поверхностью. Внутренняя сторона более светлого цвета, красновато-розового или желто-серого.

Главные поселения, в пределах которых найдены археологические материалы и которые можно связать с группой Голиград I, обнаруживаются в третьем культурном слое многослойного поселения у с. Магала, поселения близ с. Голиград Ивано-Франковской области, в нижних культурных слоях — Новосилка Костюкова, Тернопольской области, поселения у с. Городница, Ивано-Франковской области, поселения у с. Федоровка, Тернопольской области и пр. К раннему хронологическому периоду памятников голиградской группы относятся коллективные находки у с. Грушки, Ивано-Франковской области и с. Смерековки Львовской области.

Первые два хронологических периода в развитии материальной культуры фракийского гальштата яснее всего можно проследить у поселения Магала, в котором было установлено четыре культурных слоя. Последние два слоя содержали археологические материалы фракийского гальштата.

Третий культурный слой не отличается таким разнообразием форм посуды, как самый верхний. Посуда третьего культурного слоя выложена слабее и менее доброкачественна.

Основной формой кухонной керамики является горшок с сужающимися ко дну стенками и слабо загнутыми внутрь или отогнутыми наружу краями. В верхней части его тулова — четыре выступа-шишечки.

Характерной для столовой керамики является посуда больших размеров, раннего типа вилланова¹¹ или „амфоры типа Гава А“¹² (табл. I.) Большую часть из них использовали в качестве урн. Подобный сосуд был обнаружен в третьем слое поселения Магала.¹³ Сосуды раннего типа вилланова с раздутыми боками и биконичным туловом, украшенным поясом из косых каннелюр и с широким цилиндрическим горлышком с сильно отогнутым

¹¹ G. v. Merhart. Donauländische Beziehung der früheisenzeitlichen Kulturen Mittelitaliens. — Bonner Jahrbücher, 147, 1942, 29; H. H. e. n. k. e. n. Tarquinia, Villanovans and early Etruscans. American school of prehist. research. Peabody museum, Bull. 23. Vol. I, cam. 1968.

¹² J. P. a. u. l. i. k. K problematike vychodneho Slovenska v mladšej dobe bronzovej. Zbornik Slovenskeho narodneho musea, LXII, 1968, hist. 8, 6; A. M. o. z. s. o. l. i. c. s. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Grossen Wanderung, AAH, VIII, 1957, 121, II; M. S. o. l. l. e. K vyvoj halstatskych kulturna uzemi dnesniho Madarska, AR IX, 1957, 234. etc.

¹³ Г. И. Смирнова. Поселение ... См. рис. 7/4.

Табл. I
1—урна из Магалы, УССР; 2—урна из Фюзешабонь, Венгрия; 3—урна из Остров; 4—сосуд—урна из Боян, Румыния; 5—урна из Маноле, Южная Болгария; 6—сосуд из Мандрещи, МССР; 7—сосуд из Сава, Болгария

наружу венчиком, известны из Румынии¹⁴ (с территорий, расположенных по течению р. Дуная) (табл. I₄), из Венгрии¹⁵ (с областей, расположенных около Карпат и по течению р. Тиссы), из Югославии¹⁶ (главным образом с Дунайской области) (табл. I₂). С территории Болгарии известны из с. Маноле, Пловдивского района¹⁷ (табл. I₃), Асеновец Новоагорского района (вместе с сосудом с выступами)¹⁸ из с. Остров Михайловградского района¹⁹ (табл. I₃). Ближайшие аналоги сосуда Магалы были обнаружены на территории Венгрии.²⁰

На поселении у с. Городница был найден фрагмент сосуда с „выступами“. Подобные сосуды с „выступами“ посередине тулова были обнаружены

¹⁴ V. Christescu. Les stations préhistoriques du lac du Boian — Dacia II, 1925, p. 286. Pl. XXIX; D. Vericu. Catalogul muzeului archeologic din Turnu-Severin. MCA, I, 1953, 615. Pl. XXXVI, 5; I. Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. 22. BRGK, 1932/33, 112.

¹⁵ I. Foltiny. A szögei bronzkori temető, Dolgozatok, Szeged, XVII, 1941, 1—67; J. Paulik. Op. cit. 4.

¹⁶ D. Garasanin. Age du bronze. Époque préhist. et protohist. en Yougoslavie. Beograd, 1971. p. 310; В. Трубухович. Праисторијска некропола у Белегишу, Старијар XI, 1960. Обр. 33—34, 36; Н. Тасић. Проблем културе равних поља с урнама у Войводини. Старијар, XVII, 1966. с. 23.

¹⁷ П. Детева. Праисторически селища и находки в Южна България, ГМПО, III, 1960, с. 250—251. Обр. 8А.

¹⁸ М. Канцев. Matériaux du site préhistorique de l'Age du bronze récent et du Hallstatt ancien près d'Asenovec, dep. de Sliven, Thracia III, p. 73 suiv., fig. 9a, 12.

¹⁹ В. Миков. Праисторически селища и находки в България. С., 1933. С. 127; М. Чичикова. Керамика от старата желязна епоха в Тракия. — Археология, 1968, 4, с. 19, обр. 10.

²⁰ J. Paulik. Op. cit. 12, 14.

в течение последних десяти лет в Варненском районе.²¹ Подобные сосуды известны и в Южной Болгарии.²²

С времен первого хронологического периода и развития памятников голиградской группы известны кружки с цилиндрическим, слабо суживающимся ко дну туловом и отогнутым наружу венчиком. Выпуклая часть тулова этого вида сосудов украшена каннелюрами или резным узором, нанесенным зубчатым орудием. Этот узор иногда сочетается с небольшими выступами-шишечками. Эти сосуды характерны только для памятников голиградской группы. Второй тип этой группы сосудов отличается ровными краями венчика. Третий тип — это сосуды той же формы, но на высокой ножке. Миски встречаются главным образом двух типов. Значительно распространены и характерны только для голиградской группы миски с конусовидным туловом и бортиком, оформленным в виде четырехлистного цветочного венчика. У некоторых из мисок, с внутренней стороны, под бортиком нанесен резной узор в виде параллельных рядов, фестона или горизонтальных каннелюр.

Для раннего хронологического периода памятников голиградской группы характерны также миски с сильно загнутыми внутрь краями, под которыми находятся косые короткие каннелюры. Этот вид мисок распространен в областях, обитаемых фракийцами, главным образом, в период раннего фракийского гальштата.

Металлические предметы этого хронологического периода крайне недостаточны. Из нижнего слоя поселения Магала происходит очковидная подвеска и часть фибулы типа „passementerie“. Из Новосилка Костюкова происходят две луковидные арбалетные субмикенские фибулы типа „Пескиера“. Из коллективной находки Грушки происходят бронзовые топорыки—кельты с одним ушком, с ровным или с выступом в одном конце отверстием втулки для ручки. Аналогичные этому виду топорыки обнаружены в находках Верхнего и Среднего Поднепровья и в Закарпатских областях.²³ Вылитые из бронзы серпы в верхнем конце имеют выступ.²⁴ Находки подобных серпов были обнаружены в области Поднепровья, в Закарпатских областях и Венгрии.²⁵ Наконечники копья в форме лаврового листа находят аналогии на польской, венгерской и румынской территории.²⁶ Из коллективной находки Грушки происходят и конусообразные бляхи из бронзы лошадиной сбруи. Бронзовые браслеты Грушковского клада украшены дугообразным резным узором.

²¹ Н. Тодорова. Über einige Probleme der süd-osteuropäischen Früheisenzeit. — Thracia I, 1972, 67—77; Х. Симеонова. Ранно халцатские селища по поречию на р. Камчия. — Археология, 1972, 2, с. 17 сл.; Б. Николов. Селища и некрополи от бронзовата епоха във Врачанско. — Археология, 1964, 2, с. 73 сл. Обр. 6 а, б.

²² Д. П. Димитров. Троя VII_{ср} и балканските тракийски и мизийски племена. — Археология, 4, 1968, с. 11—12. Обр. 6, 7.

²³ K. Z u r o w s k i. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu zeleza z dorzecza górnego Dniestru, Przegląd archeologiczny VIII, № 2, 1949. Tabl. I; K. B e r n j a k o v i c. Bronzezeitliche Hortfunde von Rechten Ufergebiet des oberen Theisstaes (Karpat-Ukraine, USSR) SA VIII, 1960. Taf. IV; F. v o n T o m p r a, 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn, 24/25 BRGK, 1934—35. S. 102, Taf. 48, 26—29.

²⁴ I. К. Свешников. Цит. соч. Табл. III, 4.

²⁵ K. Z u r o w s k i. Op. cit., 183. Tab. II, 9, 14; J. N e s t o r. Op. cit. Taf. 16, II, 15.

²⁶ А. И. Мелюкова. Памятники. . . с. 28; I. К. Свешников. Цит. соч. с. 56; K. Z u r o w s k i. 190, 211; F. v o n T o m p r a. Op. cit. 104. Taf. 51/7

Начальным периодом распространения памятников голиградской группы Т. Сулимирский определяет VII в. до н. э. И. К. Свешников дает общую датировку памятникам голиградской группы — X — первая половина VII вв. до н. э., ставя началом распространения памятников этой культурной группы X в. до н. э.

На основе металлических предметов А. И. Мелюкова датирует поселения голиградской группы VIII — первой половиной VII вв. до н. э. Коллективную находку Грушки она относит к IX—VIII вв. до н. э.

Более подробную хронологию памятников голиградской группы дает Г. И. Смирнова. Она впервые, посредством стратиграфических раскопок у с. Магала, устанавливает третий культурный слой, который датирует X—IX вв. до н. э. Находки этого слоя она относит к раннему фракийскому гальштату и синхронизирует с ранним культурным слоем поселений, принадлежавших культуре Гава в Венгрии, с культурой Ляпуш — Печика в Румынии, с поселением Реци I на территории Юго-Восточной Трансильвании и с ранним культурным слоем поселения Сомоторские горы (памятники, принадлежащие к раннему типу Гава).²⁷

Во время раскопок поселения Магала не было установлено генетической связи между культурным слоем, содержащим археологические памятники культуры Ноа и культурным слоем над ним с памятниками раннего фракийского гальштата. Кроме того, между археологическими памятниками т.н. голиградской группы и материальной культурой племён соседних Западной Подолии областей сходства не обнаружено. Ввиду этого Г. И. Смирнова принимает, что культура раннего фракийского гальштата не носит локального характера, и появление памятников голиградского типа можно объяснить поселением на этой территории новых племён другой материальной культуры.²⁸ Расселение этих племён было сопровождено вытеснением, а также, по всей вероятности, и ассимиляцией местного населения. Близость памятников т. н. голиградской группы с памятниками культуры Гава дает основание предполагать, что прародиной голиградского населения является территория верхнего течения р. Тиссы, нынешняя область Семиградско в Венгрии.²⁹

Археологические памятники, расположенные главным образом по течению р. Прут областей и в лесостепной области МССР, А. И. Мелюкова обособляет в Молдавскую группу фракийского гальштата. К этой группе соответственно можно причислить также археологические памятники Молдовы на территории Румынии, обнаруженные в междуречье рек Прут и Серет.³¹

²⁷ G. I. Smirnova. Über die Entstehung der Denkmäler der Holihrady-Gruppe im Vorkarpatengebiet, VIII Congrès int. Belgrad, 1971. S. 81.

²⁸ И. К. Свешников. К вопросу о племенном составе. . . Цит. соч. с. 47—48; Г. И. Смирнова. Там же. 28—29; А. И. Мелюкова. Цит. соч. с. 30.

²⁹ J. Paulik. Op. cit. 8; A. Mozsolics. Op. cit. III; O. Trecsany. Bei träge zur Spätbronzezeit des südlichen Teiles der ungarischen Tiefebene. — AАН XV, 1—4, 1963. S. 85—122; F. Koszegi. Beiträge zur Geschichte der ungarischen Urnenfelderzeit. — AАН, XII, 1960. S. 137—185; K. Horedt. Einflüsse der Hügelgräberkultur und der Velaticer-Kultur in Siebenbürgen. Germania 45, 1967, 1—2. S. 48—49; Z. Székely. Asezari din prima virsta a fierului in sud-estul Transilvaniei. Sf. Gheorghie, 1966, 9

³⁰ А. И. Мелюкова. Памятники. . . с. 51 сл.; Там же. О датировке. . . с. 57 сл.; Археология Украинской РСР. Цит. соч. 24 сл.

³¹ А. И. Мелюкова. Памятники. . . с. 52 сл. М. Петреску — Дымбовица. Цит. съч., с. 151 сл.

В своих трудах до 1971 г. А. И. Мелюкова причисляет памятники Кишиневской группы самого раннего хронологического периода развития молдавского фракийского гальштата к концу IX — первой половине VIII вв. до н. э. Находку Голеркана, предшествующую по времени Кишиневскую группу, она ставила во вторую половину IX в. до н. э. Позднее, А. И. Тереножкин в своей хронологической таблице отнес Голеркан к XI в. до н. э., а Кишиневскую группу — к X—IX вв. до н. э.³²

В своей последней работе А. И. Мелюкова меняет датировку Кишиневской группы и ставит начальным этапом ее развития X в. до н. э.³³ Таким образом она синхронизирует группу Голиград I с Кишиневской группой или точнее с началом Кишиневской группы. Находки Голеркана она относит к началу X в. до н. э., а Кишиневскую группу — по всей вероятности, к середине или концу X в. до н. э. Эту датировку она обосновывает датировкой костяного псаля, относя его к IX в. до н. э.

А. И. Мелюкова причисляет некрополь Мындрешты, Теленештского района МССР к памятникам, принадлежащим к Кишиневской группе. Кувшинчик-кружка из Мындрешты (табл. I_a) по форме и узору находится в непосредственной аналогии с одним из кувшинчиков поселения Сава, Варненского района³⁴ (табл. I₂). Этот кувшинчик, вместе с другими находками, относится к эпохе „керамики с выступами“ („букел-керамика“) — XI—IX вв. до н. э. Сосуд с двумя ручками и каннелированной верхней частью тулова Мындрешты находит близкие аналогии с сосудами, которые И. Паулик определяет как Киатитский вариант амфоры типа „Гава“. По способу своего украшения самой близкой является амфора Борзохарзани (Венгрия).

Что касается памятников Румынской Молдавии, то в контурах поселений Корлытень и Трушешть в слое, следующим непосредственно за слоем с археологическим материалом, принадлежащим к культуре Ноа, были обнаружены ковши с высокой, загнутой ручкой с каннелюрами.³⁵ Подобные ковши известны в поселениях у Островул маре и Островул Корбулуй (Румыния).³⁶ В контурах тех же поселений были обнаружены также миски с ровными верхними краями или же сильно загнутыми внутрь, украшенными продолговатыми выступами или каннелюрами. Их также как и ковши связывают с раннежелезным веком. К этим находкам следут добавить также спиралевидную фибулу типа „rassementerie“ Рафаила, которую относят к раннему гальштату.³⁷ Погребения в некрополях этих поселений совершались трупосожжением.

Указанные параллели находок Мындрешты и Корлытень и других поселений дают основание считать, что они относятся к самому раннему периоду фракийского гальштата в Молдове, и их можно датировать XI в. до н. э. По времени они одинаковы с находками Голиград I, Реци I в Трансиль-

³² А. И. Тереножкин. Основы хронологии предкифского периода, СА, 1965, 1, с. 63, с. 64 — хр. т.

³³ А. И. Мелюкова. О датировке. . . с. 59.

³⁴ Х. Тодорова. Цит. соч. с. 20. Обр. 5 б и 5 а.

³⁵ М. Петреску. Дымбовица. Цит. соч. с. 152.

³⁶ V. Christescu. Op. cit. Pl. XXIX; D. Berciu. Catalogul . . . Op. cit. Pl. XXXVI. p. 615, 286.

³⁷ М. Петреску — Дымбовица. Цит. соч. с. 153. Рис. 12; M. Petrescu — Dîmbovița. Fibulele de tip „Rassementerie“ de la teritoriul RPR. Omagiu C. Dăicoviciu . . . 1960, p. 440—441, 1—4.

вани³⁸ и с находками самого нижнего слоя поселения у Бабадаг — Бабадаг I в Добрудже.³⁹ Они принадлежат одному культурному обществу — фракийскому.

Памятники голиградской группы (второй хронологический период, Голиград II) более многочисленны. Керамические находки этого века отличаются большим разнообразием форм и узором сосудов. Прежде всего остановимся на памятниках IV культурного слоя поселения Магала с материалами т. н. развитого фракийского гальштата. Резкой границы между обоими культурными слоями III и II и материалами фракийского гальштата провести нельзя.

Хронологической границей между обоими периодами Г. И. Смирнова принимает условно первую половину IX в. до н. э. В более позднем керамическом комплексе у других материалов Магалы II и поселений этого более позднего хронологического периода наблюдается дальнейшее развитие одной и той же материальной культуры. Сосуды выработаны из хорошо приготовленной глины и отличаются большим разнообразием форм. Посуда столовой керамики имеет лощеную до металлического блеска лицевую поверхность и богатый узор. Грубая кухонная керамика теперь выработана более заботливо. У некоторых сосудов замечается слегка подлощенная поверхность. Основной формой кухонной керамики продолжает оставаться горшок со слабо загнутым внутрь венчиком и сужающимся ко дну стенками тулова. Наряду с этим видом сосуда распространен также горшок той же формы, но со слабо отогнутым наружу венчиком. Довольно часто этот вид горшка украшен под краями полусферическими, конусовидными или языковидными выступами. Этот вид горшков очень редко украшен расчлененным рельефным пояском.⁴⁰

Одним из самых характерных сосудов среди т. н. столовой керамики является урна позднего типа Вилланова или амфора типа „Гава“ — поздний тип. Сохранившийся полностью сосуд этой группы известен из Городницы⁴¹ (табл. II₁). Наиболее близкие аналогии этот вид сосуда находит в контурах поселений на территории Венгрии, некрополя близ с. Тёкёл⁴² (табл. II₂) и поселения Сомоторские горы в Словакии⁴³ (табл. II₃). На территории Словакии они связаны с культурой Velatice.⁴⁴ Подобные урны

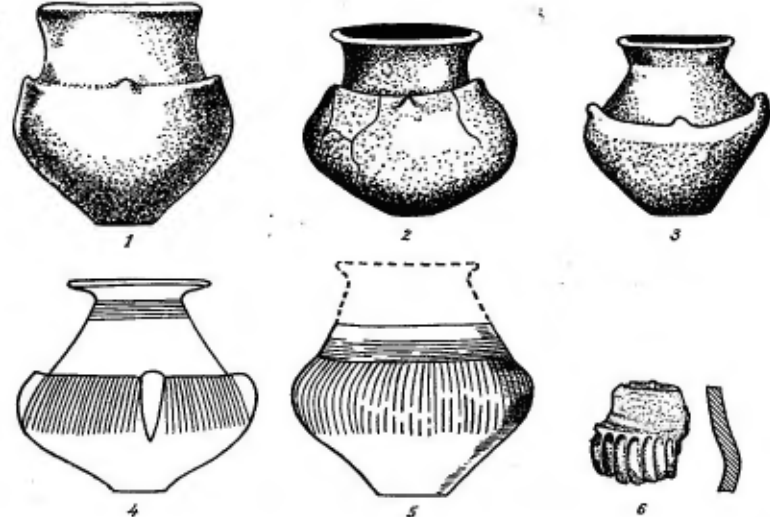

Табл. II

1 — урна из Городницы; 2 — урна из Текела, Венгрия; 3 — урна из Поюна Теучи; 4 — урна, Сомоторские горы; 5 — урна из Магалы; 6 — фрагмент из урны из Кишинева, МССР

известны также из Городницы⁴⁵, Орловки — УССР⁴⁶, Блешты — Румыния⁴⁷ и др. Для памятников этого хронологического периода очень характерным является также сосуд, тулово которого украшено полностью или группами вертикальных каннелюр, а горлышко — горизонтальными каннелюрами. Этот вид сосуда назван „Сомоторский“, так как характерен для поселения Сомоторские горы в Словакии⁴⁸ (табл. II₄). Подобный сосуд известен из Магалы IV (табл. II₅), а также из поселения близ Кишинева — МССР (табл. II₆). Вариантом этой урны является сосуд с туловом, украшенным группами каннелюр, прерываемый посередине миндалевидным выступом. Фрагменты подобных сосудов известны из Новосилка Костюкова, УССР, Сомоторская гора — Словакия, Несебра — Болгария⁴⁹ (табл. V₂) и из других мест.

В археологических комплексах этого хронологического периода преобладает миска, края которой загнуты внутрь и украшены косыми каннелюрами. Впервые появляются черпаки с небольшой петельчатой ручкой, посаженной ниже краев венчика.⁵⁰ Встречаются сосуды среднего размера, с туловом, украшенным резным узором в виде фестона или гирлянд.⁵¹ Осталь-

³⁸ Г. И. Смирнова. *Op. cit.* S. 3, 8;

М. Петреску-Дэ мбювица. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. — *Dacia* n. s. IV, 1960, 139; E. Zaharia și S. Morintz. *Hallstattul timpuriu în România*, SCIV, 16, 3, 1965, 157—160.

³⁹ S. Morintz. Quelques problèmes concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas-Danube à la lumière des fouilles de Babadag. — *Dacia*, n. s. VIII, 1964, p. III — 127.

⁴⁰ Г. И. Смирнова. *Поселение...* Цит. соч. с. 25, 34. Рис. 2, XXX₂.

⁴¹ А. И. Мелюкова. *Памятники...* с. 24. Рис. 31; I. К. Свешников. *Цит. соч.* с. 48. Табл. I₁₀.

⁴² E. Patek. A. Tököl koravaskori urnatemető Különlenyomat. Budapest reg., XVIII. Kötetéből, 1958. p. 409, 416.

⁴³ I. Pleinerová — H. Olmerová. *Hallstattske nalezky ze Somatorskej hore*, SA VI, I, 1958. S. 109—118 J. Pastor. *Sídliskový výskum na Somatorskej hore*, 1955, SA VI, 2, 1958. p. 314; M. Dušek. *Hallstattska kultura Chotinskej Skupiny*, SA V, I, 1957, 219. Taf. XIV 2.

⁴⁴ E. Patek. *Op. cit.* p. 416.

⁴⁵ Материалы не опубликованы; в Львовском историческом музее.

⁴⁶ И. Д. Головки, Р. Д. Бондарь, А. Г. Загинайло. *Археологические исследования у с. Орловка, Болградского района, Одесской области*, КСАИОГМ за 1963, Одесса, 1965. с. 74. Рис. 5.

⁴⁷ D. Verșiu. *Cercetari arheologice în regiunea București*. MCA II. p. 555.

⁴⁸ J. Paulík. *Op. cit.* с. 34. Obr. 10.

⁴⁹ Раскопки проводились Ив. Венедиковым; материалы не опубликованы.

⁵⁰ Г. И. Смирнова. *Поселение...* с. 25. Рис. 7, III/4, 6.

⁵¹ I. К. Свешников. *Цит. соч.* с. 48. Табл. II.

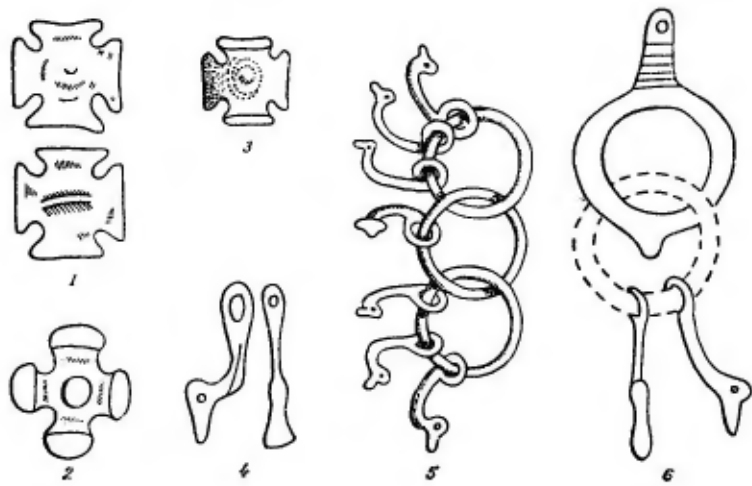

Табл. III

1 — пряжка узды, Голиград, УССР; 2 — пряжка узды, Влашко село, Болгария; 3 — пряжка узды, Тырнава, Болгария; 4 — подвеска, Смерековка, УССР; 5 — 6 — подвеска, Тырнава, Болгария

ные глиняные сосуды повторяют форму и узор сосудов более раннего хронологического периода.

В верхнем культурном слое Магалы с археологическим материалом т. н. развитого фракийского гальштата были обнаружены, кроме керамического материала, также предметы из бронзы, кости и первые железные материалы. Среди них интерес представляют иголка с вазочковидной головкой и два железных ножа.⁵² К этому хронологическому периоду принадлежит Михалковский клад, состоящий из золотых предметов. В нём были обнаружены браслеты с раздвоенными и изогнутыми спиралью краями, зооморфные фибулы, украшенные узором равноплечного креста.⁵³ Высказывается предположение, что они являлись украшением и аппликацией к парадной одежде жреца. К эпохе т. н. развитого фракийского гальштата относится также коллективная находка из Голиграда, содержащая бронзовые детали парадной лошадиной сбруи.⁵⁴ Псални лошадиной узды трубковидной формы с закругленными или конусовидными краями характерны для фракийского гальштата. Интересны бляхи крестовидной формы с умбоили конусовидным выступом в центре (табл. III₁). Форма этих блях полностью повторяет узоры ряда предметов Михалковского клада. В связи с этим мотивом высказано предположение, что это соллярный сим-

⁵² Г. И. Смирнова. Цит. соч. с. 48. Рис. 7, III₈₋₁₂.

⁵³ W. Przybyslawski. Dwa złote skarby z Michalkowie. — Teza konsewatorska. T. II. Lwow, 1900. S. 34—35; K. Hadaczek. Złote skarby michalkowskie. Lwow, 1904. S. 8—10. Tabl. X, 4—5; M. Gimbutas. The Treasure of Michalkov. Archaeologia, 1959. Vol. 12/2. p. 84.

⁵⁴ I. K. Свешников. Цит. соч. 56. Табл. III₂₀; А. И. Мелюкова. Памятники... с. 29. Рис. 5/22; М. Русу. Докиммерийские детали конской сбруи. — Dacia IV, 1960. Рис. 1_{21,24}; M. Ebert. Reallexikon, XIV. Taf. 10/1a; T. Sulimirski. Kultura wysocka. Krakow, 1931, 105. Tab. XXX/7; B. W. Antoniewicz. Archaeologia Polski. — Archaeologia Warszawa, 1928, 139; M. Hörnæs. Goldfunde aus der Hallstattperiode in Österreich. Ungarn, JKK Zentralkommission. T. IV, 1. 1900. S. 91.

вол.⁵⁵ Подобные бляхи лошадиной сбруи известны из фракийского поселения у с. Тырнава. Влашко село и Бели извор — Врачанского района в Болгарии (табл. III_{2,3})⁵⁶, а также с территории Венгрии из поселения близ Кискешер⁵⁷ и из других мест.⁵⁸ Интересной является подвеска из Смерековки, состоящая из оканчивающихся под формой головы утки висюлек, нанизанных на трех соединенных одно с другим кольцах⁵⁹ (табл. III₄). Это, по всей вероятности, является украшением ошейника коня. Подвески той же формы известны из Румынии, Венгрии⁶⁰, Югославии⁶¹ и Болгарии⁶² (табл. III_{5,6}).

Г. И. Смирнова датирует верхний культурный слой поселения Магала с материалами т. н. ею развитого фракийского гальштата хронологическим периодом IX — до середины VII вв. до н. э. Эти материалы она синхронизирует и связывает с археологическими материалами Медиаша I и II.⁶³

Связываемые с молдавской группой поселения были расположены террасами, огороженными реками и ручьями. Они были небольшого размера, и в них обнаруживаются тонкие культурные слои. Во время раскопок в одном из поселений найдены также наземные жилища, полуземлянки или землянки. Некоторые из жилищ имеют прямоугольную форму и состоят из одного помещения и коридора. Стены из легкого материала — плетня с толстым слоем глиняной обмазки.

Более важными поселениями, относящимися к Кишиневской группе, являются обнаруженные у с. Дурлешты, недалеко от города Кишинева и с. Лукашевка.

В контурах обоих поселений больше всего было обнаружено фрагментов глиняной посуды. Для кухонной грубой керамики характерны горшки баночной или бочонкообразной формы или с конусовидным в нижней части туловом.⁶⁴ По краям они украшены гладким вылепленным рельефным пояском, прерываемым и спускающимся косо или отвесно книзу. Некоторые из гор-

⁵⁵ I. K. Свешников. О символике вещей Михалковского клада. СА, 1968, I. Рис. 34.

⁵⁶ В. Миков. Материалы от железната эпоха. ИАИ XXI, 1957. с. 296. Обр. 3; В. Николов. Тракийски паметници във Врачанско. ИАИ XXVIII, 1965. с. 165. Обр. 13, с. 198; Р. Попов. Праисторически изследвания във Врачанското поле. — ИАИ II, 1923/24 с. 118—119. Обр. 53.

⁵⁷ S. Gallus — T. Horvath. Un peuple cavalier prescytique en Hongrie. Budapest, 1939, p. 97—98, XXXVI.

⁵⁸ J. Nestor. Op. cit. S. 122, 9/16; VI. Milošić. Die dorische Wanderung im Lichte der Vorgeschichtlichen Funde JDAI, AA B, 63/64, 1948, 49, VIII, Abb. 3/14; V. J. Jansz. Tubes et boutons cruciformes trouvées en Eurasie. — Bulletin of the Museum of For Eastern Antiquities, 1932. Pl. IV, 4a; Z. Magic. Donja Dolina. Glasnik zemaljskog museja u Sarajevu. — Arch. n. s. sv. XIX. Sarajevo, 1957. T. 31/20; М. Русу. Цит. соч. Рис. 1/21, 24. О распространении этого типа пряжки к конской сбруе, см. Н. И. Членова. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. Табл. 60, 18—26. с. 131.

⁵⁹ I. K. Свешников. Цит. соч. с. 57. Табл. III₂₅; А. И. Мелюкова. Цит. соч. с. 29. Рис. 5/16; G. Kossak. Studien zum Symbolgut der Urnenfelder und Hallstattzeit. Mitteleuropas RGF 20, 1954. S. 20—24.

⁶⁰ S. Gallus — T. Horvath. Op. cit. Tab. LXV_{7,8}.

⁶¹ S. Gallus — T. Horvath. Op. cit. p. 108. Pl. LVI_{2,4}; J. Todorovic. Starinar, XVIII; N. Tasic. The Bosut group of the Basarabi complex and the "thraco-cimmerian" finds in Yugoslav regions... Balcanica II. Beograd, 1971. p. 38. Fig. 22.

⁶² Р. Попов. Цит. соч. с. 126. Обр. 58 Д.

⁶³ Г. И. Смирнова. Цит. соч. с. 34; G. I. Sмирнова. Op. cit. 6, 8.

⁶⁴ А. И. Мелюкова. Памятники... с. 9, 55; А. И. Мелюкова. Культурные... с. 39 сл. Рис. 16; Там же. Памятники... с. 57. Рис. 13.

шков украшения рельефными, лепленными поясками из ямок. Этот вид сосудов продолжает традиции керамического производства, развитого в эпоху культуры Ноа, предшествующей материальную культуру фракийского гальштата в Молдове. Многие из горшков имеют под венчиком языкообразные и полусферические выступы-шишечки. Интересны сосуды, которые можно причислить к кухонной керамике с туловом баночной формы, украшенным вертикальными зашпленными пальцами каннелюрами. Фрагменты сосудов той же формы и украшения известны из поселения, залитого в настоящее время водохранилищем „Винница“ в Шуменском районе.⁶⁵

Столовая керамика отличается сильно лощенной до металлического блеска лицевой поверхностью черного или темно-серого цвета. Внутренняя сторона сосудов желтого или оранжевого цвета. Самыми характерными сосудами этого вида керамики является т. н. поздний тип Вилланова. Из них сохранились только фрагменты. Их горлышко украшено горизонтальными каннелюрами, тулово — вертикальными косыми каннелюрами, на границе между горлышком и туловом находятся небольшие конусовидные выступы. Некоторые из фрагментов, украшенные каннелюрами, происходят из сосудов т. н. „Сомоторского“ типа. Этот вид сосудов встречается в контурах поселений, принадлежащих к группе Голиград II. Для Кишиневской группы характерны кувшинчики с полусферическим туловом, слабо вогнутым внутрь дном, с умбо с внутренней стороны. Характерными для этого комплекса являются также миски, украшенные с внутренней стороны узором в виде каннелюр или треугольников, нанесенных глубоким вдавливанием заостренной палочкой. Миски подобного узора известны из Голиграда II.

Глиняные сосуды, подобные обнаруженным на поселениях у города Кишинева и Лукашевки, были найдены и на территории Румынской Молдовы в поселениях близ нынешних сёл Корлатень, Трушешти, Ларга Жижия. Их обнаружили над слоем с материалами, которые можно причислить к культуре Ноа.⁶⁶ И. Нестор датирует культурный слой с подобным материалом IX—VIII вв. до н. э. Эта культура причисляется к культуре карпато-дунайского гальштата, известного и в Южной Румынии — в Олтении, Банате, Валахии и Трансильвании.

В контурах Кишиневского поселения был обнаружен фрагмент рогового псалия. Этот псалий А. И. Мелюкова в последнее время относит к IX в. до н. э. В нижнем слое городища Лукашевка была обнаружена двуспиральная дуговидная „италийская“ фибула, которую можно датировать IX—VIII вв. до н. э.⁶⁷

В своих более старых трудах над фракийским гальштатом А. И. Мелюкова относил Кишиневскую группу памятников к концу IX—VII вв. до н. э. В своей последней работе она выравнивает датировку Кишиневской группы с Магалой III и с памятниками фракийского гальштата на территории Румынской Молдовы — датируя её X в. до н. э. Керамический материал

поселений, принадлежащих к Кишиневской группе, довольно фрагментирован и трудно подлежит датировке, но псалия Кишиневского поселения и фибула Лукашевки относятся не ранее чем к IX—VIII вв. до н. э.⁶⁸ Этот хронологический период является более приемлемой датировкой для Кишиневской группы. Кроме того, среди материалов Кишиневского городища были обнаружены фрагменты сосудов „Сомоторского“ типа, характерные также для группы памятников Голиград II. М-Петреску — Дымбовица датирует памятники Кишинева и Лукашевки IX—первой половиной VIII вв. до н. э.⁶⁹ По его мнению, этот археологический комплекс соответствует материалам второго верхнего слоя поселения близ Корлатень и некрополей с труположением у Холбока, Трушешти — Мовила в долине Жижии и Валя — Лупулуй — химический завод. Он датирует слой с материалами, относящимися к культуре Ноа, хронологическим периодом XI—IX вв. до н. э. Все это дает основание принять, что Кишиневская группа и памятники Румынской Молдовы относятся скорее к X—VIII вв. до н. э.

В своих последних исследованиях А. И. Мелюкова ставит археологические памятники группы Сахарна — Солончены после археологических материалов Кишиневской группы и до памятников типа Шолданешты.⁷⁰ С группой Сахарна—Солончены связаны материалы поселений и некрополей близ нынешних сёл Сахарна, Солончены, Цахнауцы, Царевка, Алчедар и др.⁷¹

Керамику этой группы также можно разделить на два вида: грубую кухонную и лощенную столовую керамику. У лощенной керамики наблюдается широкое употребление геометрического узора, нанесенного вдавливанием или отпечатыванием зубчатым, в форме буквы S или кругов штампом. Узор состоит из треугольников, ромбов и квадратов, расположенных в шахматном порядке в отдельности из одного вида или в сложных композициях разных видов. Встречается также узор расположенных косо или линиями в елочку групп. У некоторых сосудов этот узор заполнен белой пастой. Употребление каннелюр в виде орнамента чувствительно уменьшается. И в археологических комплексах этой группы, также как и у Кишиневской группы, встречаются фрагменты из урн позднего типа Вилланова. Миски напоминают посуду Кишиневской группы. Они или с ровными краями и украшены с внутренней стороны каннелюрами, или же с загнутым внутрь венчиком, под которым находится геометрический узор, исполненный вдавливанием или отпечатыванием зубчатым штампом. Появляются и некоторые новые формы сосудов. Теперь кувшинчики-чашки отличаются цилиндрическим, широким горлышком со слабо загнутыми краями внутрь и сферическим туловом, а также посаженной высоко над венчиком ручкой. На перегибе — выступ. Этот тип кувшинчиков полностью украшен геометрическим узором. Они широко распространены главным

⁶⁵ А. И. Мелюкова. Цит. соч. с. 60.

⁶⁶ М. Петреску-Дымбовица. Цит. соч. с. 156—157.

⁶⁷ А. И. Мелюкова. О датировке... с. 66 сл.

⁷⁰ Там же. 66—71; Т. С. Пассек. Археологические разведки в Молдавии.

КСИИМК. Вып. XXVI, 1949. с. 65 сл.; Р. Л. Розенфельдт. Алчедарские курганы. ИМФ АН СССР, 5(25), 1955. с. 124 сл.; А. И. Мелюкова. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КСИИМК, вып. 56, 1954. с. 59 сл.; Там же. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952—53. ИМФ АН СССР № 5 (25), 1955. с. 51 сл.

⁶⁸ Руководитель раскопок Цв. Дремсизова. Материалы не опубликованы.

⁶⁹ М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове... — Dacia, n. s. IV, 1960. с. 139; E. Zaharia. Remarques sur le Hallstatt ancien de Transilvanie, Dacia, n. s. IX, n. s. 1958. p. 100 suiv.; E. Zaharia si S. Morintz. Hallstattul timpuriu in Romania, SCIV 16, 3, 1965. S. 157—160.

⁷¹ А. И. Мелюкова. О датировке... с. 60.

образом в раннескифском веке.⁷² Для керамики этой группы характерны также сосуды с коротким, тесным горлышком и сферическим туловом, резко сужающимся ко дну. Очень часто они украшены штампом образного или кругообразного узора. Сосуды той же формы, но меньшего размера, украшены в начале тулова выступами — шишечками. Для кухонной керамики характерным является баночной формы горшок, украшенный одним или двумя налепленными рельефными поясками с ямками или выпуклостями.

Как было отмечено выше, с группой Сахарна—Солончены связаны материалы трех более крупных некрополей у с. Сахарна и с. Алчедар. Некрополи поселения Сахарна состоят из небольших каменных могильников, огороженных в основе камнями. Захоронения под могильниками совершались труположением прямо в вырытые в грунте ямы, покрытые сверху камнями. Умерших хоронили в согнутом положении, на левой или правой стороне, головой на юг, юго-восток, восток и редко на север. В одном из некрополей у поселения Сахарна известны погребения и трупосожжением. Погребения некрополя близ поселения Алчедар совершались труположением в гробницы из плит известняка. Умерших клали в согнутом положении (хокеры). Сверху насыпали холмик из земли. Погребения в согнутом положении под небольшой каменной насылью встречаются также в Подолье (Украина).⁷³ Погребения в согнутом положении той же ориентации и с подобным погребальным инвентарем известны из некрополя в Стойканах (Румыния).⁷⁴

Согласно последней датировке развитие группы Сахарна — Солончены охватывает три хронологических периода: начальный — с конца IX до начала VIII вв. до н. э., средний, ее расцвет — вторая половина VIII в. — первая половина VII вв. до н. э., синхронный с Черным лесом II, и третий, поздний хронологический период — вторая половина VII — начало VI вв. до н. э. Он относится к раннескифскому веку. Он синхронен с Бабадаг III и Инсула Банулуй на территории Румынии.⁷⁵ Эта датировка дана на основе датировки костяного псаля из Сахарны, Царевки и Цахнауцы, датировки железной узды из некрополя у поселения Сахарна и ромбовидных наколенников стрел Алчедарского некрополя.

Сильное влияние культуры Бабадаг III из Добруджи и культуры Басараби дает основание для более поздней датировки группы Сахарна—Солончены — начальный ее период отнести к концу VIII в. до н. э.

Что касается хронологического периода Шолданешты, то согласно новой датировке Молдавского фракийского гальштата, он относится к VII — началу VI вв. до н. э. К этой группе, кроме поселения и некрополя близ Шолданешты, А. И. Мелюкова добавляет также некрополь у поселения Селиште.⁷⁶

⁷² В. А. Ильинская. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин. СА 1973/3. с. 9, сл. Рис. 3, 9 и др.

⁷³ А. И. Мелюкова. Цит. соч. с. 39 сл.

⁷⁴ M. Petrescu-Dimbovita. Cetatea de la Stoicani. Materiale arheologice, I, 1953. p. 13, etc.; Idem. Cimitirul hallstatian de la Stoicani. Op. cit. p. 157, 161.

⁷⁵ А. И. Мелюкова. О датировке. . . 68 сл.; S. Morintz, P. Roman. Un nou group hallstatian timpuriu in sud — vestul Romania — Insula Banului. SCIV, 20, 3, 1969. 393—423.

⁷⁶ В. А. Лапушнян. Раскопки культуры фракийского гальштата в Молдавии, Цит. соч. с. 68 сл.; А. И. Мелюкова. Цит. соч. с. 63—64.

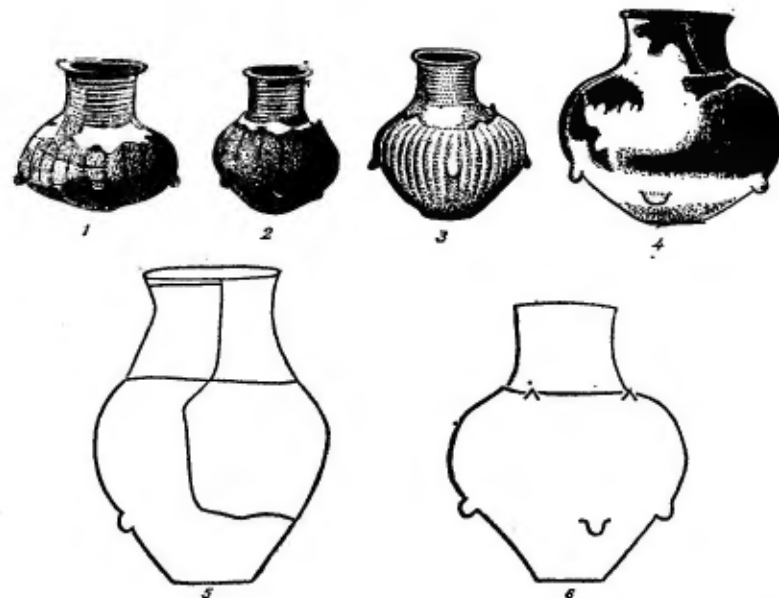

Табл. IV

1, 2 — урны Шолданешть, МССР; 3 — урна из Ендже (Царевброд), Болгария; 4 — Сосуд, Белоградец, Болгария; 5 — сосуд, Шолданешть, МССР; 6 — сосуд, Белоградец, Болгария

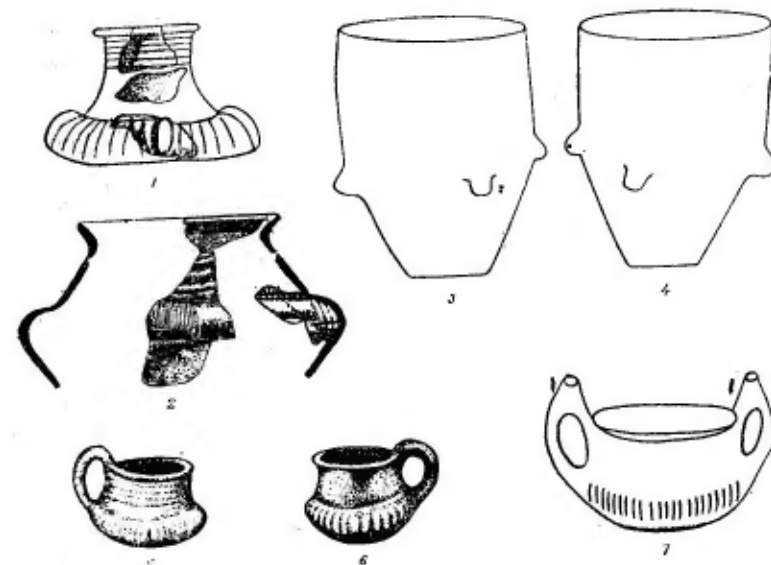

Табл. V

1 — сосуд, Селиште; 2 — сосуд из Несебра, Южная Болгария; 3 — сосуд — урна, Селиште, МССР; 4 — урна, Равна, Болгария; 5 — сосуд из Шолданешть, 6 — кувшинчик, около гор. Лома, Болгария; 7 — сосуд с двумя ручками, Шолданешть, МССР

Керамический комплекс группы Шолданешты характеризуется преобладанием каннелюр в узоре сосудов. В поселении и некрополе из Шолданешты встречаются главным образом три вида урн позднего типа Вилланова. Один из них с гладким туловом (табл. IV₅), другой — с каннелюрами (табл. IV_{1,2}), а третий является поздним вариантом сосуда „Сомоторского“ типа. табл. V₁). Совсем близкие аналогии сосудов первого и второго типа (обнаружены из погребений под курганом близ Ендже и Белоградац⁷⁷ (табл. IV_{3,4,6}). Для этого комплекса характерны также кувшинчики с туловом с каннелюрами в виде миндалевидных выступов, дугообразной ручкой, положенной немного выше венчика (табл. V_{5,6}), сосуды с двумя ручками и с каннелюрами или гладким туловом с выступом на перегибе ручки (табл. V₇). Впервые появляются миски с сильно выдающимся в виде корнiza венчиком, украшенным каннелюрами или спиралевидным узором, характерными для культурной группы Басараби (табл. VI_{1,2,3}). Для кухонной керамики типичным является горшок баночной формы, украшенный под венчиком и по тулову двумя рельефными поясами с ямками, прерываемыми конусовидными или языковидными выступами-ручками. Погребения в некрополях совершались трупосожжением. Прах помещали в урны, которые покрывали мисками или плитами. Урны клали в неглубокие ямы. Над ними насыпали небольшие каменные могильники или площадки из камня. Среди погребального инвентаря наиболее интересными находками являются узды из бронзы „кобанского“ типа и фибулы из железа аркообразной формы.

Археологические памятники культурной группы Шолданешты находят близкие аналогии в находках культурной группы Басараби⁷⁸, её второго хронологического периода, некрополя из Басараби, Инсула Банулуй⁷⁹, из Орловки (УССР).⁸⁰ Их аналогии можно найти и на территории Болгарии.⁸¹ Памятники группы Шолданешты находят параллели в материалах т. н. Босутской культурной группы и в Венгрии.⁸²

⁷⁷ Р. Попов, Могилните гробове при Ендже ИАИ VI, 130—131. с. 103. Раскопки Г. Тончевой. Материалы не опубликованы.

⁷⁸ D. Vergiu, Zorile istoriei in Carpati si la Dunare. Bucuresti 1966. p. 236 sq.

⁷⁹ S. Morintz, P. Roman. Op. cit. p. 393—423. Fig. 8—20.

⁸⁰ И. Д. Головкин, Р. Д. Бондарь, А. Г. Загинайло. Цит. соч. с. 74.

⁸¹ Из фракийского поселения над праисторическим курганом в городе Г. И. Георгиев, Н. Ангелов, Разкопки на селищната могила до Русе през 1948—1949, ИАИ XVIII, 1952. с. 138 сл; Разкопки на селищната могила край Русе през 1950—1953. — ИАИ 1957. с. 45; и окрестностях с. Сливо поле—Н. Ангелов, Новотворити селища по брега на р. Дунав между Русе и Тутракан. — ИАИ XVIII, 371—372.

Обр. 375; из поселения в месте „Дружба“, Варна — ИВНМ VIII (X XVIII), 1972. с. 260—262; из Деветашкой и Еменской пещер; В. Миков, Н. Джамбазов, Деветашката пещера. С., 1960. с. 141; Я. Николова, Н. Ангелова, Разкопки на Еменската пещера. — ИАИ, XXIV, 1961. с. 306—307. Обр. 15; из фракийского укрепленного поселения в городе Несебр (материалы не опубликованы), из пещеры Магура близ с. Рабиша, Видинского округа; Н. Джамбазов, Р. Катинчаров, Археологически находки от пещерата Магура. — Археология, III, 1961. 3. с. 58 сл., из поселений и некрополей Врачанского округа; В. Николов, Тракийски паметници във Врачанско. — ИАИ XXVIII, 1965. с. 166. Обр. 4, 8. Обр. 11; из некрополей близ Равна и Добрина; М. Мирчев, Равнотракийският могилен некропол при с. Равна. — ИАИ XXV, 1962, 97 сл. Его же, Тракийският могилен некропол при с. Добрина. — ИИМВ, I, 1965. с. 33.

⁸² Т. Kovacs, A Holomsiros Kultura Leletei az Eszak — Alföldön, AE, 1966/2, 93, 7/6, 8/21, 22.

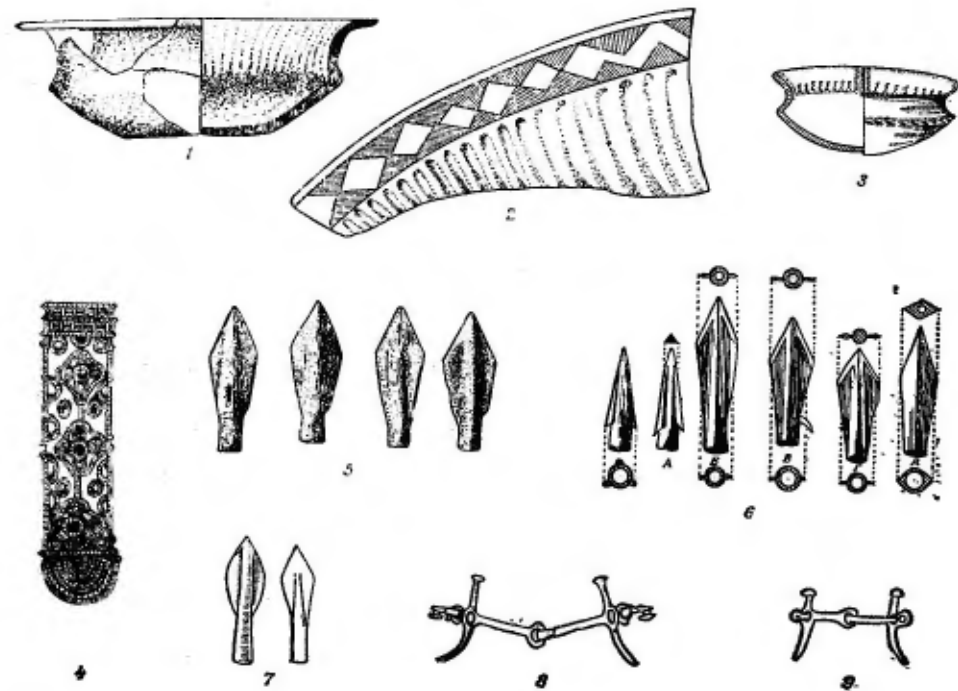

Табл. VI

1 — футляр миски, Селище, МССР; 1 — миска, Шолданешты, МССР; 4 — миска, Русе, Болгария; 4 — кинжал, Белоградац, Болгария; 5, 6, 7 — наконечники для стрел, Белоградац, Ендже, Болгария, Сахарна, МССР; 8 — узды, Ендже, Болгария; 9 — узды, Константиновка, СССР

Для датировки группы Шолданешты могла бы способствовать датировка обеих могильных погребений — из Ендже, Шуменского района и новооткрытое погребение вождя из Белоградац, Варненского района на территории Северо-Восточной Болгарии. Как было отмечено выше, урны типа Вилланова из Шолданешты сходны с этими из Ендже и Белоградац⁸³ и следовательно одного времени с ними. Из погребения у Белоградац был открыт железный кинжал с биметаллической ручкой, состоящей из железной основной пластинки кинжала и золотой обвивки с инкрустацией из янтаря (табл. VI₄). Согласно классификации А. Х. Халикова этот вид кинжалов относится к II типу, II подгруппе. Датированы началом VII в. до н. э.⁸⁴ Наконечники стрел из бронзы относятся к раннему варианту „жаботинского“ типа, к „доскифскому“ периоду, и их можно датировать началом VII в. до н. э.⁸⁵ (табл. VI_{5,6,7}). Из погребения близ Ендже происходит узды

⁸³ Материалы не опубликованы.

⁸⁴ А. Х. Халиков, Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками Волго-Камья. Древности Восточной Европы, М., 1969. с. 28. Рис. 1_{а-в} и указанная там литература: Близкая — параллель кинжала из Белоградаца найдена в кургане в окрестностях близ с. Балки, Запорожской области; В. И. Бидзилья, Э. В. Яковенко, Киммерийские погребения Высокой могилы. — СА 1974, I, с. 151. Рис. 3, 4 (1—2). Относится к концу VIII в. началу VII в. до н. э.

⁸⁵ В. А. Иллinsky, Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського I новочеркаського типів. — Археологія, 1973. 12. с. 13 Её же, Относительная хронология.

из бронзы, напоминающая по форме и своему устройству узды из кости (табл. VI₈). Прямой параллелью этой узды является узда из погребения 376 из Константиновки — Украины⁸⁶ (табл. VI₉). Это погребение относится не ранее чем к VII в. до н. э. Все вышеизложенное дает основание принять, что памятники группы Шолданешты относятся к концу VIII — началу VII вв. до н. э.

К третьему хронологическому периоду развития памятников голиградской группы относится поселение, обнаруженное близ с. Залещики, Тернопольской области (Украина).⁸⁷ В археологических материалах этого поселения уже чувствуется сильное влияние материальной культуры раннескифского века. Это дало основание поселение близ с. Залещики датировать первой половиной VII в. до н. э. Предполагают, что во второй половине VII в. до н. э. появившиеся в этих областях скифские племена вытеснили фракийцев к Карпатам, где с местным населением последние приняли участие в образовании нового племенного общества.

Что касается некрополя из Селиште, то его датировке могли бы способствовать находки из некрополей близ с. Добриня и гара Равна — Варненского района.⁸⁸ Самые ранние урны этого некрополя напоминают урны с гладким туловом из Белоградаца, которые, как было сказано выше, относятся к первой четверти VII в. до н. э. Так как урны из Равна и Добриня немного более позднего типа, то их можно было бы отнести ко второй половине VII или началу VI в. до н. э. (табл. V₃). К этому времени можно было бы отнести большую часть погребений из некрополя, обнаруженного близ Селиште.⁸⁹ Более поздние погребения, погребальный инвентарь которых находит аналогии с инвентарем погребений второй фазы некрополя в Равне, относящейся к VI—V вв. до н. э., можно датировать VI—V вв. до н. э.⁹⁰ (табл. V₄). К этому времени датируется и некрополь с приблизительно тем же инвентарем погребений в Стойканах, обнаруженный на территории Румынской Молдовы.⁹¹

Как Г. И. Смирнова, так и А. И. Мелюкова и М. Петреску — Дымбовица отмечают некоторые существенные различия у археологических памятников в Западном Подолье и Молдавии. Это им дало основание принять, что археологические памятники этих двух областей составлены различными племенами, принадлежавшими одному племенному обществу — фракийскому.

Сравнивая археологические памятники из территории Молдовы с памятниками Причерноморья, охватывающего области между Черным морем, левым берегом Дуная, Балканами и р. Искыр, в особенности из нынешних Добруджи, районов г. Русе, Шумена и Варны, устанавливается большое сходство. Очень большое сходство можно проследить между этими памятниками и археологическими материалами культурной группы Шолданешты,

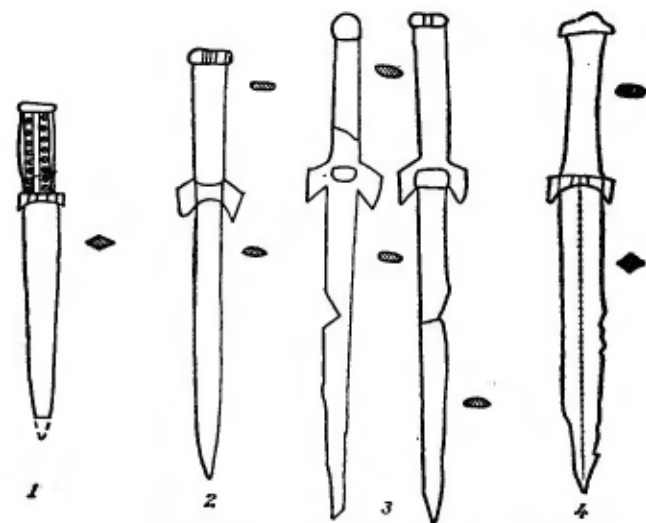

Табл. VII. Кинжалы „киммерийского“ типа, позднего варианта
1 — ахмидовский некрополь погр. 67, Средняя Волга — прототип кинжалов позднего варианта; 2 — высокая могила, Запорожье, УССР; 3 — Березки, Ново-Аненского района, Кишинев, МССР; 4 — Белоградац, Варненского округа, Северо-Восточная Болгария

некрополя у Селиште и Мындрешты. По всей вероятности, эти области были населены близкими по этническому составу фракийскими племенами, поддерживающими между собой тесные контакты.

В материальной культуре племен припонтийской области (Добруджа, Северо-Восточная Болгария) можно проследить также довольно много различий, придающих ей характерный облик. У археологических памятников этой группы, и то главным образом у керамических сосудов, можно проследить широкое употребление S-образного узора, спиралевидного орнамента, узора в виде полукружий с касательными линиями. У керамических комплексов Северо-Восточной Болгарии появляются кувшинчики с высокой шейкой и косо отсеченными венчиками.⁹² Сосуды с косо отсеченным венчиком известны на территории Болгарии позднебронзового века. Захоронения в этих двух областях в среднем хронологическом периоде развития фракийского гальштата совершались в могильных некрополях главным образом трупозарытием в вытянутом положении.

Что касается памятников голиградской группы, то их сходство с памятниками на территории нынешнего Врачанского района совершенно явно.⁹³ Можно проследить довольно большое сходство между ними и археологическими материалами т. н. Босутской группы в Югославии.

⁸⁶ В. А. Ильинская. Цит. соч. с. 16. Рис. 8/6
⁸⁷ Ю. М. Малеев. Раскопки поселения Голиградского типа в м. Залещики на Дністрі. Вісник Київського Університету, № 13, 1971, сер. ист. с. 106 сл.; Там же. Продовження розкопок на поселенні Залещики; Там же. № 15. с. 88 сл.; А. И. Мелюкова. Памятники... с. 32 сл.

⁸⁸ М. Мирчев. Цит. съч. Табл. XXVI/1, 4. Табл. II, VII₃₃.

⁸⁹ В. И. Лапушнян. Цит. съч. Рис. 2/5, рис. 4/2, 4, 8.

⁹⁰ М. Мирчев. Цит. съч. Табл. XX₅, XII₁, XV, 4.

⁹¹ M. Petrescu-Dîmbovita. Op. cit. Mat. arch. Vol. I, 1953. p. 132, 60—61, 63. p. 157, 10/4 e.

⁹² Г. И. Георгиев, Н. Ангелов. Цит. съч., ИАИ XVIII. с. 139, Обр. 114; Там же. Цит. соч.— ИАИ XXI. с. 47. Обр. 11.
⁹³ Б. Николов. Селища и некрополи от бронзовата епоха във Врачанско. — Археология, 1964, 2. с. 69—77; Его же. Тракийски паметници... Цит. съч. с. 164 сл. Обр. 1; Его же. Окръжен музей, Враца. С., 1968. Обр. 35; N. Tassie. Op. cit. p. 54. Fig. 2—41.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что на территории Западной Украины жили племена северного разветвления фракийского племенного общества. На территории Молдавской ССР и в Румынской Молдове жили племена северо-восточной группы, а на территории Добруджи и Северо-Восточной Болгарии — племена юго-восточного разветвления фракийского племенного общества.

А. И. Мелюкова, а в последнее время Г. И. Смирнова, принимают, что носители фракийского гальштата в Западной Украине и Молдове не имеют локального происхождения. Некоторые румынские археологи придерживаются другой точки зрения. По их мнению, материальная культура фракийского гальштата возникает на базе материальной культуры поздне-бронзового века в Карпатодунайском районе, за исключением культуры Ноа.

Результаты раскопок поселения Магала, ряд старых находок в Западной Украине, новые находки из некрополя близ Мындрешты и результаты раскопок поселения близ Корлытень на территории Молдавии свидетельствуют о явных генетических связях с носителями культурной группы Гава из Венгрии и племенами Украины и Молдовы. Это же относится и к территории Болгарии и Югославии. Можно добавить, что подобные материалы обнаружены и в Македонии, в поселениях близ Чаушица и Вардаровца — культурный слой II б⁹⁴. Конечным пунктом распространения этого вида материалов является поселение Троя в его культурном слое VIIб₂.⁹⁵

Вторжение носителей культурной группы Гава, фракийских племен, населявших области около Карпат и Венгрии, на территорию Балканского полуострова в последнее время считается историческим событием, которое спору не подлежит. Эталон датировки археологических комплексов, связанных с культурной группой Гава, служила датировка культурного слоя Троя VII б₂.⁹⁶

В последнее время высказывается мнение, что Троя VII б₂ и Вардаровица IIб в зависимости от датировки субмикенской керамики, найденной в этих поселениях, относятся к XI—X вв. до н. э.⁹⁷ Датировка X века до н. э. фракийского гальштата из Западной Украины подтверждается систематическими раскопками поселения Магала. О более поздней датировке фракийского гальштата и с территории Болгарии доказательством являются находки из фракийского поселения, обнаруженного в нижних культурных слоях средневековой крепости Цепина, Пазарджикского района.⁹⁸ Там среди археологических материалов XI—IX вв. до н. э. была обнаружена керамика, которую можно датировать IX—VIII вв. до н. э.⁹⁹

На территории Украины, Молдавии и Добруджи материалы фракийского гальштата находятся непосредственно над культурным слоем, содер-

жащим материальные культуры Ноа или культуры Ноа—Кослоджен в Добрудже, Румынии.¹⁰⁰ Культура Ноа в Западной Украине относится к хронологическому периоду середины XIII—XI вв. до н. э. К этому же хронологическому периоду относятся также материалы культуры Ноа с территории Румынской Молдовы. Это является подтверждением начальной даты раннего фракийского гальштата, следующего за культурой Ноа. Культурную группу Гава из Венгрии датируют XII—X вв. до н. э.¹⁰¹, что является важным указанием датировки фракийского гальштата на территории Украины, Молдовы и Северо-Восточной Болгарии¹⁰², так как он находится в генетической связи с начала среднего периода развития этой культурной группы.

Используя результаты последних археологических исследований и раскопок на территории Украины, Молдавии, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии, можно определить, на нынешнем уровне исследований археологических комплексов, следующие хронологические границы фракийского гальштата в этих областях:

По Мюллеру—Карпе¹⁰³

I. Ранний фракийский гальштат:

Голиград I, Магала III, коллективные находки: На А₂ и На В₁—В₂.
Грушка, Смерковка; Мындрешты — Корлатень, XI—IX вв. до н. э.
Трифещь, Бабадаг I, Сава — Дылгопол, Голямо Делчево, Вылчитрынский клад.

II. Средний фракийский гальштат:

Голиград II, Магала IV, Кишинев, Сахарна — На В₃ . . . IX—VIII
Солончены, Козия, Бабадаг II, Орловка, Русе, вв. до н. э.
Деветашка пещера (гальштат), Каварна, Мизия.

III. Поздний фракийский гальштат:

Голиград III, Залещики, коллективные находки На С . . VIII—до
Голиград и Михалков, Сахарна — Солончены II, середины VII вв. до
Шолданешты, Селище I, Стойканы I, Еменская н. э.
пещера, Деветашка пещера, Варна — курорт
„Дружба“, Белоградец, Ендже, Несебр (Юго-
Восточная Болгария), Тырнава, Влашко село,
Бели извор, Врачанского района.

Появление ряда археологических памятников в конце VIII—VII вв. до н. э. на территории Румынии, Венгрии, Болгарии и Югославии, состоящих главным образом из принадлежностей лошадиной сбруи, узды „фрако-кimmerийского“ типа, оружия — кинжалов, наконечников стрел и др. происхождением с Кавказа, Кубанской области и Причерноморья, объясня-

⁹⁴ A. M. Woodward. *Archeology in Greece 1925—26*. JHS, 1926. p. 232; W. A. Heurtley. *Pottery from Macedonia*. Antiquaries Journal III, 1927. p. 47—48. Fig. 3.

⁹⁵ C. Blegen. C. Boulter . . . Troy. Vol. IV. Princeton, 1958. p. 2/218.

⁹⁶ Д. П. Димитров. *Цит. съч.* С. 11—12 и указанная там литература.

⁹⁷ K. Kübler. *Die Neufunde aus den Nekropolen des 2. und 10. Jahrh. Kerameikos*. IV, 1943, 15, 19, 23. Taf. 31; N. Sandars. *The European Community in Later Prehistory. Studies in honour of C. F. C. Hawkes*, 1971. p. 3; V. R. Desborough. *The last Mycenaeans and their successors*, 1964. p. 139.

⁹⁸ Н. Гиздова. *Тракийското селище от крепостта Цепина, Пазарджишко Трасия III*, 1975 г. с.

⁹⁹ Археологические материалы в Пазарджикском музее.

¹⁰⁰ М. Петреску-Дымбовица. *К вопросу...* *Цит. соч.* 157; Г. И. Смирнова. *Поселение...* 34; А. И. Мелюкова. *Культуры...* с. 34; S. Morintz, N. Angelescu. *O noua cultura a epocii bronzului in Romania*. *Cultura de tip Coslogeni*, SCIV, 1970, 21/3. p. 412 s.

¹⁰¹ T. Kemenczei. *Agava kultura leletei a Mişkolci muzeumbah*. *A Herman O. muz. eukönyve*, X, 1971, 59. Fasc. 1—2. p. 332.

¹⁰² Археологические материалы из поселения на сваях близ с. Езерово, поздняя бронза, материалы в Варненском музее; В. Миков, Н. Джамбазов. *Деветашката пещера*. *Цит. съч.* с. 122. Обр. 91 д и др.

¹⁰³ H. Müller-Karpe. *Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen*, Berlin, 1959. S. 228.

Таблица археологических памятников фракийского гальштата в Венгрии, Румынии,

Средняя Европа по Мюллер-Карпе	Века	Венгрия	Румыния Трансильвания Олтения	Румыния Молдова	Румыния Добруджа	МССР
На А ₂	XI	Гава I	Ляпуш Реши I Пойана Ia, Острувул корбулуй, Острувул маре	Корлатени I Трифещи Данещи	Бабадаг I Бойан B	Голеркан ? Мындерещи
На B ₁₋₂	X—IX	Гава II	Реци II Медиаш I, II Козия I	Корлатени II	Бабадаг I	Кишинев Лукашевка Валя Русулуй
На B ₃	IX—VIII	Добоз-Доросло	Инсула Банулуй Козия II Пойана Ib		Бабадаг II Бассараби I	Кишинев Лукашевка
На C	VIII—VII	Далия-Печ	Инсула Банулуй Бассараби I, II	Стойкани I	Бабадаг III Бассараби II	Сахарна-Солончени I
На D	VII—VI	Тракокиммерийский период	Бассараби III	Стойкани II Темеонни	Бассараби III	Сахарна-Солончени II Шолданещи Селище I Алчедарь
	VI	Скитский период		Стойкани		Сахарна-Солончени III

МССР, УССР, Северо-Восточной и Северо-Западной Болгарии и Югославии

УССР	УССР Причерноморье	УССР Поднепровья	Северо-Восточная Болгария	Северо-Западная Болгария	Югославия	Троя
Голиград I Магала I(III) Грушки Смерковка	Белозерка	Черни лес I	Вылчитрын-клад, Голямо Делчево, Сава, Дыгпол, Емен, Деветак, Сливо поле Шуменская крепост	Рабиша I	Медиана II Вардаровцы II Вардина	VII ₆₂
Голиград II Магала II/IV			Остров Каварна Мизия Козлудуй	Рабиша II	Вергина I	
Голиград III	Новочеркасский период	Черни лес II	Русе I Тлачене	Пеклюк	Босутска група Вергина II	VIII
Михалков Ленковцы Орловка I			Русе II, Белоградец, Ендже, Варна — Дружба	Рабиша I		
Орловка II Залецки I	Скитский период	Скитский период	Сини вир I Добрна, Равна I Влашко село, Търнава	Рабиша II		
Залецки II			Сини вир II Равна II Бели извор			VIII

сколько исторических событий, подтвержденных письменными источниками, однако, отречь нельзя. Это — нашествие скифов из Малой Азии в Причерноморье, вытеснение ими киммерийцев из этих областей, а, по всей вероятности, и их северо-восточных соседей — фракийцев-треров, переселение фракийцев-треров в нынешний Врачанский район, взятие столицы Лидии Сарди в середине VII в. до н. э. фракийцами-трерами, которые, вероятно, перешли в Малую Азию через Босфоры и т. д.¹⁰⁶ Высказывается предположение, что фракийские племена из Украины покинули местожительство

¹⁰⁶ И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.—Л., 1956. с. 228—229, 232, 234, заб. 2, 235, 241, 285 и указанная там литература.

лось вторжением в Дунайскую область киммерийцев — номадов из степного Причерноморья.¹⁰⁴ В последнее время это явление объясняется результатами развития местной культуры, находящейся в контакте с Северным Причерноморьем, и в особенности, с Предкавказскими областями.¹⁰⁵ Не-

¹⁰⁴ G. Gazdapustai. Op. cit. 332; N. Tassie. Op. cit. 54; T. Gallus, S. Horvath. Op. cit. S. 54.

¹⁰⁵ W. Podborsky. Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit. Brno, 1970. S. 48; А. И. Тереножкин. Киммерийцы и Кавказ. Тезисы докладов, Тбилиси, 1971. с. 34—38; А. И. Тереножкин. Киммерийцы и Кавказ, Тезисы докладов, Тбилиси, 1971. с. 34—38; А. И. Тереножкин. К истории изучения предскифского периода. — Ип: сб. Скифские древности. Киев, 1973 г. с. 18, 19.

ство в середине VII в. до н. э. Все это ясно свидетельствует о значительных передвижениях и размещении фракийских племен в VIII—VII вв. до н. э.

Возможно изменениям в этническом составе населения нынешней Северо-Восточной Болгарии обязаны обычай и погребальные обряды и инвентарь при захоронениях в Белоградце и Ендже¹⁰⁷ и позднее в Мумджиляр Русенского района, и в Голямо Делчево Варненского района, а также и появление некоторых новых форм кинжалов и уздечек в Ендже и Белоградце, характерных для припонтских областей. Новые, более многочисленные находки, подтвердили бы эти предположения.

Следует отметить, что в материальной культуре племен нынешней Северо-Восточной Болгарии в VIII до середины VII в. до н. э. нельзя установить влияния материальной культуры скифов. Поэтому середина VII в. до н. э. принимается как крайняя граница позднего фракийского гальштата. Старогреческая колонизация берегов Понты также способствует существенным изменениям в материальной культуре в течение следующих хронологических периодов.

Здесь следует отметить некоторые характерные черты фракийского гальштата на территории Украины, Молдовы, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии.

В начале фракийского гальштата на этих территориях создается новая материальная культура, носителями которой являются новые племена. Вместе с местным населением они образуют новое племенное общество с характерным обликом, которое можно было бы назвать фракийским племенным обществом. В вышеуказанных областях развивается довольно близкая материальная культура, в особенности что касается материальной культуры Молдавии, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии. Это отражено также в топонимии этих областей.¹⁰⁸ По всей вероятности, населявшие эти территории племена говорили на одном и том же протодакийском — мезийском диалекте фракийского языка.

Жизнь в небольших, большей частью неукрепленных поселениях, была довольно подвижной — в их контурах обнаруживаются тонкие культурные слои. Населявшие эти области племена, были хорошими скотоводами и, главным образом, хорошими коневодами. В течение раннего фракийского гальштата железо все еще не вошло широко в жизнь. В среднем фракийском гальштате железные орудия, оружие и другие предметы уже вытесняют бронзовые.

Характерной чертой погребальных обрядов у этих племен являлось воздвижение курганов из камней, земли или камней с землей. Под курганом обнаруживаются обыкновенно одно центральное и около него еще два-три погребения. Курганы с многими погребениями родово-общинного строя исчезли. Племенного вождя хоронили вместе с дорогим, изящно выработанным оружием. Это подчеркивало его значение как военачальника. Способ погребения вождя является одним из доказательств существующей в то время военной демократии.

¹⁰⁷ Материалы из курганного погребения в окрестностях с. Белоградца, Р. Попов. Цит. съч. с. 108 сл.

¹⁰⁸ В. Л. Георгиев. Генезисът на балканските народи. — В: Сб. Етногенез и култура на българския народ. С., 1971. с. 13.

В период раннего фракийского гальштата передвижения новых племенных групп и влияния следует с севера к востоку и юго-востоку, а в период позднего гальштата их ориентация является другой — с востока к юго-западу и северу.

ON THE REMAINS OF THRACIAN SETTLEMENTS IN PRESENT-DAY UKRAINE, MOLDAVIA, DOBROUDJA AND NORTHEASTERN BULGARIA OVER THE 11TH TO 6TH CENTURY B.C.

G. Toncheva

(Summary)

The present paper considers in a chronological order the archeological material from the western part of the Ukraine, Moldavia (the territory of the Moldavian Soviet Socialist Republic and Romania), Dobroudja and Northeastern Bulgaria, covering the period from the 11th to the 6th century B.C.

A comparison of the archeological monuments from the territory of Moldavia and those of the Black Sea region, between the left bank of the Danube, the Balkan Range, the Iskar River and in particular the material from the present-day territories of Dobroudja, the Districts of Roussé, Shoumen and Varna, reveals a striking similarity. On the basis of that evidence the author draws the conclusion that these territories have been inhabited in those days by ethnically close Thracian tribes in constant contact with one another.

The monuments of the Goligrad group, 8th to 6th century B.C., resemble the chronologically identical archeological material of the Vratsa District. There is quite a strong similarity between them and the so-called Bosut group from Yugoslavia.

Using the results of the recent archeological research and excavations in the Ukraine, Moldavia, Dobroudja and Northeastern Bulgaria, it is possible to establish the following chronological limits of the Thracian Hallstatt in these regions:

I. Early period of the Thracian Hallstatt — 11th to 9th century B.C. — Ha A₂ and Ha B_{1,2} (according to Müller-Karpe); II. Middle period of the Thracian Hallstatt — 9th to 8th century B.C. — Ha B₃; III. Late period of the Thracian Hallstatt — 8th to mid-7th century B.C. — Ha C.

Finally the author mentions some of the characteristic features of the Hallstatt in Bulgaria today.

In the beginning of this period a new material culture was in the course of its formation; with the migration of alien tribes through their fusion with the local tribes, a new tribal entity with characteristic traits was established. It is precisely this formation that can be considered as a Thracian ethnic element. The tribes which inhabited these regions were skilful stock-breeders and horse-breeders. During the middle period of the Thracian Hallstatt iron implements, arms and other objects were already replacing those made of bronze. The predominant social order was a military democracy.

During the Early Thracian Hallstatt period a migration from the north of some tribes took place, heading east and southeast, while during the late period of the Thracian Hallstatt their migratory movements changed — they took the course of migration from east to the southwest and northward.

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ КИММЕРИЙСКИХ И СКИФСКИХ ПЛЕМЕН С ФРАКИЙЦАМИ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

А. И. Мелюкова

(СССР)

Вопрос о фракийцах, их участии и роли в истории населения Северного Причерноморья, особенно скифов, неоднократно поднимался в трудах дореволюционных русских ученых. Исследования велись или в чисто теоретическом плане, или на базе только письменных источников, главным образом с целью выяснения этногенеза славян.

После лингвистических работ В. Ф. Миллера многими историками, как западноевропейскими, так и русскими, была признана иранская принадлежность большинства скифских племен, названных Геродотом. Сомнения высказывались лишь по поводу скифов-пахарей и алазонов, которых одни исследователи считали предками славян, другие — фракийцами¹. Сам В. Ф. Миллер допускал возможность обитания племен фракийской принадлежности только на Нижнем Дунае и Днестре².

Точку зрения В. Ф. Миллера разделял В. В. Латышев³. Близок к этому решению был и А. Л. Погодин⁴. Труды последних двух историков интересны для нас еще и тем, что в них впервые в отечественной науке рассматривалась история гетов и некоторых других фракийских племен, а также поднимались вопросы об этническом и культурном взаимодействии скифов с фракийцами. А. Л. Погодину, в частности, принадлежит мысль о том, что Дунай уже во времена Геродота не мог быть постоянной границей между гетами и скифами⁵. Позднее ту же идею развивали В. Пырван и некоторые другие румынские ученые. С большой убежденностью А. Л. Погодин настаивал на фракийской принадлежности агафирсов, которых от-

¹ История развития науки о скифах хорошо освещена в книге: С. А. Семевнов - Зуев. Скифская проблема в отечественной науке 1692—1947, Харьков, 1947.

² В. Ф. Миллер. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, Спб., 1886, X (октябрь), с. 264 сл.

³ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. Спб., 1887, с. 19 и сл.

⁴ А. Л. Погодин. О сношениях Боспорского царства с варварскими народами — В: Сб. статей по археологии и этнографии, VII, 1902. 106—107.

⁵ А. Л. Погодин. Указ. соч. с. 141 сл.

дельные западноевропейские историки без достаточных оснований до недавнего времени считали скифами⁶.

А. А. Спицын был первым русским исследователем, обратившимся к археологическому материалу как к историческому источнику, важному для изучения в том числе и этнического состава населения Геродотовой Скифии⁷. Подметив существование значительных связей культуры земледельческих племен Побужья и Поднестровья с гальштатом (главным образом по сходству керамики Немировского городища с гальштатской), он высказался в пользу принадлежности скифов-пахарей к числу фракийских племен.

Большую роль фракийскому этническому компоненту в составе населения Северного Причерноморья придавал М. И. Ростовцев, строивший свои выводы на неправильном представлении о близости иранских и фракийских языков⁸. С особенной настойчивостью он отстаивал родство киммерийцев с фракийцами, что способствовало утверждению такого представления в умах многих зарубежных и советских историков и археологов.

Вплоть до начала 50-х годов в советской исторической науке в области интересующих нас проблем наблюдалось лишь очень незначительное движение вперед в связи со слабой разработкой источниковедческой базы в археологии и незначительным поступлением новых материалов.

Историки и лингвисты в конце 40-х годов неоднократно касались вопросов о том, к каким этническим группам следует отнести киммерийцев оседлое земледельческое и кочевое население Скифии. Однако построения тех и других были скорее критической оценкой дореволюционных исследований и поисками новых решений без глубокого анализа всей суммы письменных и археологических источников. На основании одних и тех же данных ученые по-прежнему делали разные выводы по поводу этнической принадлежности племен Геродотовой Скифии, сходясь лишь в признании иранской принадлежности собственно скифов и, прежде всего, скифов — царских. Так, П. Н. Третьяков считал большинство лесостепного автохтонного земледельческого населения славянами.⁹ М. И. Артамонов высказался в пользу их фракийской принадлежности, относя к числу фракийцев не только скифов-пахарей и земледельцев, но и скифов-кочевников Геродота¹⁰. В отношении большей части автохтонных племен это же предполагал и А. Д. Удальцов¹¹.

Широко распространенной в те годы была точка зрения о фракийской принадлежности киммерийцев.¹²

Лингвисты, не возражая против выводов историков, вместе с тем подчеркивали ведущую роль иранского языка у населения Северного Причер-

⁶ K. Patsch. Der Kampf um den Donauraum unter den Domitian und Traian. Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, Phil. Hist. 1940. с. 123.

⁷ А. А. Спицын. Скифы и гальштат. — В: Сб. археологических статей, посвященный графу А. А. Бобринскому. Спб., 1911 с. 162.

⁸ М. И. Ростовцев. Эллинизма и иранство на юге России. Пгр., 1918. с. 34—35.

⁹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948. с. 87 сл.

¹⁰ М. И. Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 1947, 3. с. 76.

¹¹ А. Д. Удальцов. Проблемы происхождения славян в свете современной археологии. — ВИ, 1949, 2. с. 17.

¹² Н. С. Державин. История Болгарии. М.—Л., 1945. с. 47; В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. Вестник МГУ, 1948, 8. с. 9 сл.

номорья. Наличие фракийских языковых элементов В. И. Абаев объяснил лишь соседством иранских племен с фракийскими племенами и таким образом не признавал существования сколько-нибудь заметного фракийского этнического массива в Северном Причерноморье¹³.

Существенный вклад в разработку фракийской проблематики в конце 40-х годов внесли работы Т. В. Блаватской¹⁴ и Т. Д. Златковской¹⁵, благодаря которым получили освещение с позиций марксистской методологии плохо известные ранее эпизоды истории отдельных фракийских племен, их социально-экономическая структура, а также ситуация и последствия, связанные с пребыванием скифов на фракийской территории.

Исторические события, в которых принимали участие скифы и фракийцы одновременно, династические связи, известные по письменным источникам, между скифскими и фракийскими царскими фамилиями были отражены в популярной книге Б. Н. Гракова, вышедшей в 1947 г.¹⁶

Начавшиеся во второй половине 40-х г. интенсивные раскопки памятников эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепной Украины и Молдавии уже в начале 50-х г. дали совершенно новые и чрезвычайно важные материалы для изучения многих вопросов этнической истории населения Северного Причерноморья, а также проблем этнических и культурных взаимодействий его с фракийским миром. Состоявшаяся в 1952 г. конференция ИИМК АН СССР по вопросам скифо-сарматской археологии подвела итоги сделанному и наметила пути дальнейшего изучения отдельных племен и народов Северного Причерноморья¹⁷. Именно тогда со всей очевидностью было показано, что собственно скифский мир, относящийся по языку к северо-иранской группе, охватывал только степные области Причерноморья, где он господствовал. Племена лесостепных областей имели иную этническую принадлежность, хотя некоторые из них могли входить в состав Скифского царства. Такой вывод стал возможным благодаря открытию и изучению на Правобережье лесостепи памятников белоградской и чернолесской культур, генетически связанных с памятниками этого же района раннескифского времени. Вместе с тем вопрос о том, к какой этнической группе или группам принадлежит это лесостепное население, остался открытым. А. И. Тереножкин высказал предположение о древнейших славянах, на эта мысль в то время не была поддержана ни лингвистами, ни археологами. Те и другие считали, что убедительных данных для доказательства такого вывода пока нет, поскольку материальная культура не равнозначна языку, которому принадлежит решающая роль при определении этноса¹⁸.

Оживленная дискуссия относительно этнической принадлежности нескифских племен развернулась на VI научной конференции Института археологии АН УССР, проходившей через полгода после упомянутой.

¹³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949. с. 147 сл.

¹⁴ Т. В. Блаватская. Греки и скифы в Западном Причерноморье. — ВДИ, 1948, I. с. 206 сл.; она же. Западнопонтские города в VII-I вв. до н. э. М., 1952.

¹⁵ Т. Д. Златковская. Мезия в I и II веках нашей эры. М., 1951.

¹⁶ Б. Н. Граков. Скифы. Київ, 1947.

¹⁷ Н. Н. Погребова. Состояние проблем скифо-сарматской археологии на конференции ИИМК АН СССР в 1952 г. — ВССА, М., 1954. с. 5 сл.

¹⁸ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (чернолесский этап). — ВССА, М., 1954. с. 108—110; Н. Н. Погребова. Указ. соч. с. 21—23.

С археологическим обоснованием ранее высказанной гипотезы о фракийской принадлежности большинства племен Скифии выступил М. И. Артамонов¹⁹. Игнорируя глубокое и тщательное изучение археологических комплексов, М. И. Артамонов базировал свои выводы преимущественно на одном виде археологических источников — чернолощеной керамике, действительно имевшей ряд общих черт с гальштатской керамикой Карпато-Дунайского района. Наличие такой керамики на Среднем Днестре и в Днестро-Бугском междуречье, по его мнению, можно считать показателем фракийской принадлежности местного населения. Сложение же этого этноса и его культуры связывается с носителями комаровской культуры, а от них прямо восходит к триполью. Таким образом, по М. И. Артамонову, фракийский массив на правобережье лесостепной Украины был исконным и развивался в одном русле с населением Карпато-Дунайского района. Также фракийцами, потомками племен усатовской культуры, ученый считал и основное население эпохи поздней бронзы степей Северного Причерноморья, из которого формировались кочевники.

Построения М. И. Артамонова были поддержаны на киевской конференции только В. Д. Рыбаловой, которая, кроме того, без достаточных оснований развивала мысль некоторых польских ученых о вторжении в лесостепное Правобережье киммерийцев, фракийцев по своей этнической принадлежности²⁰. Гипотеза о фракийском происхождении большинства племен Геродотовой Скифии была подвергнута острой и справедливой критике со стороны ряда археологов и языковедов, выступивших в прениях и с докладами. Особенно много внимания уделено было вопросу А. И. Тереножкина, показавший своеобразие чернолесской культуры, ее местные корни, резкое отличие от степных культур эпохи бронзы, а также преемственность в развитии населения правобережной лесостепной Украины с конца II тыс. до н. э. до исторически засвидетельствованных славян. Тогда же А. И. Тереножкин высказал сомнения относительно фракийской принадлежности киммерийцев²¹. В пользу славянства или отнесения к предкам древних славян населения правобережной лесостепи от Карпат до Днепра в скифский период высказалось большинство участников Киевской конференции. Вместе с тем в ряде докладов был отмечен гипотетический характер этого вывода, требующего подкрепления и проверки в будущем²². Вопросы же об оценке роли и значения фракийских этнических и культурных элементов в истории скифских и нескифских народов Северного Причерноморья специально никто из исследователей не касался, хотя связи с фракийским миром в керамике и бронзе у племен Правобережья отмечались А. И. Тереножкиным и Е. Ф. Покровской²³.

¹⁹ М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии. — В: Сб. Доклады I научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953. с. 169 сл.

²⁰ В. Д. Рыбалова. К вопросу о слежении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе Правобережной Украины. — В: Сб. Доклады VI научной конференции Института археологии. с. 225—226.

²¹ А. И. Тереножкин. Некоторые актуальные вопросы скифоведения. — В: Сб. Доклады VI конференции Института археологии. с. 140—154.

²² Б. Н. Граков. Основные культуры скифского времени в Причерноморье и лесостепной зоне. — В: Сб. Доклады VI конференции Института археологии. с. 165.

²³ Е. Ф. Покровская. К вопросу о сложении культуры раннего железного века в лесостепном правобережном Поднепровье. — КСИИУ, 1953. с. 36.

Исключительно важное значение для изучения проблем, связанных с фракийским миром на территории юга СССР, имели раскопки памятников фракийских культур, начавшиеся в конце 40-х годов в лесостепной Молдавии и несколько позже в западных областях Украины, где эти памятники были зарегистрированы еще польскими археологами. Благодаря этим работам уже ко второй половине 50-х годов был накоплен достаточно выразительный комплекс археологических источников, характеризующих культуру фракийских племен Карпато-Днестровского района в конце эпохи бронзы — начале железного века. Оказалось, что памятники этого круга весьма своеобразны, не имеют местных корней, отличаются от одновременных им памятников Побужья и Среднего Поднепровья, а также от степных, киммерийских и древнейших скифских. В то же время они составляют одно целое с гальштатскими памятниками Карпато-Дунайского района — Румынии и Венгрии²⁴.

Весьма существенными оказались также исследования гетских городищ IV—III вв. до н. э. на территории Молдавии, в результате которых были получены данные для сопоставления с памятниками гетских племен на основной территории их обитания, с одной стороны, и со скифскими в Северном Причерноморье, с другой²⁵.

Новые материалы позволяли А. И. Тереножкину с еще большей уверенностью отстаивать гипотезу о славянской принадлежности населения Правобережья Украины, особенно Днепро-Бугского междуречья, в предскифский и скифский периоды.²⁶ Элементы сходства, имеющие место в отдельных формах и орнаментации керамики (главным образом парадной лощеной посуды), в приемах домостроительства и культовых мест (глиняных жертвенников) объяснялись существованием взаимосвязей между местным и фракийским населением Карпато-Днестровского междуречья. Однако А. И. Тереножкин не придавал серьезного значения выявлению специфически фракийских черт, отмечая возможность проникновения фракийских этнических элементов в местную среду. Не возражая против такой постановки вопроса А. И. Тереножкиным, Е. Ф. Покровская вместе с тем предположила существование более глубоких и прочных связей населения правобережного Среднего Приднепровья с фракийским миром и значительно более заметную роль последнего в культуре местного населения в VII—VI

²⁴ А. И. Мелюкова. Памятники предскифского времени на Среднем Днестре. — КСИИМК, вып. 51, 1953. с. 60 сл.; она же. Памятники VIII в. до н. э. на территории лесостепной Молдавии. Известия МФ АН СССР, 1956, № 4 (31). с. 39 сл.; она же. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. — МИА, 64, 1958. с. 51—103; она же. Памятники предскифского времени в лесостепной Молдавии. — МИА, 96, 1961. с. 5—53; И. К. Свешников. Памятники галиградского типа на Західному Поділлі. — МДАПВ, вып. 5, Київ, 1964; Г. И. Смирнова. Археологическая культура лесостепной правобережной Украины и Молдавии в VII—V вв. до н. э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954; она же. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала, Черновицкой обл. КСИИМК, вып. 70, 1957. с. 99 сл.

²⁵ Г. Д. Смирнов. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. Ученые записки ИИЯЛ. Т. II, Кишинев, 1949. с. 193 сл.; она же. Скифское городище и селище „Большая Сахарна“ КСИИМК, вып. XXVI, 1949. с. 93 сл.; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. с. 90 сл.

²⁶ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961. с. 228 сл.

вв. до н. э.²⁷ К этому же пришла Г. И. Смирнова в отношении племен Подолья²⁸.

Последнее десятилетие, пожалуй, не принесло ничего принципиально нового для утверждения или значительных изменений уже существующих построений относительно роли фракийцев в истории и культуре населения правобережной лесостепной Украины. Вместе с тем происходящее с каждым годом накопление новых археологических источников позволило значительно углубить изучение общих и частных вопросов этой темы. Уточнились границы и хронологические рамки культуры фракийского гальштата (так называемого галиградского типа) на территории Западной Украины, охватывавшей в X—VII вв. до н. э. современные Тернопольскую, Черновицкую и Ивано-Франковскую области УССР. Определена ее генетическая связь с культурой Гава, распространенной в Трансильвании, Венгрии и Юго-Восточной Словакии. Появление памятников этой культуры на землях Западной Украины можно рассматривать как показатель продвижения племен из Верхнего Потисся, приведшего к ассимиляции носителей культуры ноа, живших здесь ранее²⁹. Что касается гальштатской культуры Молдавии, то истоки ее пока не выявлены. Ясно лишь, что они отличались от отмеченных для Западной Украины³⁰. Произведенный мною пересмотр хронологии памятников начала железного века на территории Молдавии и изучение В. Л. Лапушняном нескольких новых памятников фракийского гальштата позволяют предполагать, что на протяжении X—VI вв. до н. э. в Днестро-Прутское междуречье проникло не менее трех волн фракийского населения, видимо, из разных районов Балкано-Дунайской и Карпато-Дунайской областей³¹. Выяснение генезиса племен, от которых до нас дошли памятники типа Кишинев—Лукашевка, Шолданешты—Алчедар и Сахарна—Солончены, составляет одну из насущных задач, стоящих перед советскими исследователями, равно как и выяснение их связей с окружающим миром. Это тем более важно, что от решения ее зависят объяснение ряда сходных элементов в культурах лесостепной Молдавии и Правобережного Среднего Приднепровья³².

²⁷ Е. Ф. Покровская. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен Правобережного Приднепровья в VIII—VI вв. до н. э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев, 1953. с. 12—13. она же. Население лесостепного правобережного Приднепровья в VII—VI вв. до н. э.; Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1966. с. 92—93.

²⁸ Г. И. Смирнова. Указ. автореферат.

²⁹ Г. И. Смирнова. Раннегалиградский комплекс Магала. КСИА, вып. 105, 1965. 109 сл.; она же. Поселение Магала—памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье. ДФСР. с. 26.

³⁰ А. И. Мелюкова. Памятники предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 96, 1961. с. 40 сл.

³¹ А. И. Мелюкова. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. — СА, 1972, № 1. 57 сл.; В. Л. Лапушнян. Новые находки раннего железного века из села Матеуцы. — В: Сб. „Далекое прошлое Молдавии“. Кишинев, 1969. с. 128 сл.; она же. Раскопки памятников культуры фракийского гальштата в Молдавии. Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1972. с. 88 сл.; она же. Исследование могильника у с. Селиште. Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1973. с. 100 сл.; И. А. Рафалович, В. Л. Лапушнян. Работы Реутской археологической экспедиции. Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1974. с. 116 сл.

³² В. А. Ильинская. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин. — СА, 1973, 3. с. 3 сл.

исследованиями последнего десятилетия подтвердилась высказанная ранее мысль о происходившем в раннескифское время расселении земледельческого населения из земель Среднего Поднепровья и Побужья на Запад до Верхнего Днестра и связанной с этим ассимиляции и частичном вытеснении живших здесь племен фракийской принадлежности. Кроме того, оказалось возможным объяснить появление в Закарпатье³³ и вдоль северных притоков Днестра³⁴ куштановицкой группы памятников скифского периода движением населения из Западной Подолии. Вместе с тем в Западной Подолии в скифский период гораздо ярче, чем раньше, проявились элементы фракийской культуры, с одной стороны, как наследие, оставшееся от прошлой эпохи, с другой³⁵ — как результат постоянных связей с фракийским миром в VI в. до н. э.

Несмотря на значительные успехи в изучении предскифской и скифской эпох в истории населения Западной Украины, осталось еще много нерешенных вопросов. Прежде всего предстоит выяснить период, охватывающий время после V в. до н. э. до появления на этих землях племен липицкой культуры во II в. до н. э., до сих пор почти не исследованный, ибо большинство известных там поселений скифского времени прекратило свое существование не позднее начала V в. до н. э. В дополнительных исследованиях нуждается заключительный этап фракийского гальштата и связь его с раннескифскими памятниками в разных районах Западной Украины.

Интересные и важные дополнения к выводам археологов о взаимодействии фракийского мира с населением Правобережной лесостепной Украины получены лингвистами. В гидронимии Правобережья, особенно в Побужье, на Тетере и Среднем Днепре наряду с группой славянских языковых образований О. Н. Трубачев отметил элементы восточнобалканского происхождения. По мнению исследователя, они являются показателем существования очень древних и стабильных связей местного населения с восточной частью Балканского полуострова³⁶.

Изучение археологических памятников раннего железного века в лесостепных областях Молдавии в течение последних десяти лет значительно расширило наши представления о фракийских племенах Днестро-Прутского междуречья не только в начале железного века, но и в VI—III вв. до н. э. По последней теме появились новые сводки материалов с важными историческими обобщениями³⁷. Кроме гетских городищ и поселений, теперь стали известны и могильники³⁸. Комплексные данные позволяют говорить

³³ Г. И. Смирнов а. Севериновское городище. — АСГЭ, 2, Л., 1961. с. 94 сл.; она же. Позднеголиградский могильник у с. Острица. АСГЭ, вып. 15, 1973. 9—10; Г. И. Смирнов а. К. В. Бернякович. Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатье — АСГЭ, вып. 7, 1965. с. 98—102.

³⁴ Л. И. Крушельницкая. Памятники скифского времени на Верхнем Поднестровье. ПСА, М., 1971. с. 120 сл.

³⁵ О. Д. Ганіна. Поселения скифского часу у селі Іване-Пусте. — Археологія, XIX. Київ, 1965. с. 106 сл.

³⁶ О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. с. 282, карта 15.

³⁷ Т. Д. Златковская, Л. Л. Полевой. Городища Прутско-Днестровского междуречья и вопросы политической истории гетов. — В: Сб. ДФСР. с. 61 сл.

³⁸ И. Т. Никул и ц. Исследование гетского могильника у с. Ханска. — В: Сб. Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969. с. 134 сл.; она же. Погребальный обряд гетов в IV—III вв. до н. э. — СА, 1973, 2, 27 сл.; она же. Исследование поселений раннего железного века в Ханском микрорайоне. Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1974. с. 95 сл.

о том, что в IV—III вв. до н. э. Прутско-Днестровское междуречье в лесостепной его полосе было густо населено. Отдельные поселки гетов находились в степной части Нижнего Поднестровья и на правобережье Днестровского лимана, а также по берегам лиманов и озер в степной части между Днестром и Дунаем. Эти новые данные позволили более уверенно решать вопрос о скифо-гетской границе в IV—III вв. до н. э.³⁹

Распространенная на Западе теория о сокрушительной роли нашествия бастарнов, уничтоживших и изгнавших гетское население Поднестровья, не получила подтверждения в материалах, добытых советскими археологами на поселениях и могильниках II—I вв. до н. э. Сохранение традиций, свойственных материальной культуре гетов более раннего периода, отмеченное исследователями этих памятников, свидетельствует о том, что существенно смены населения в связи с нашествием бастарнов в Прутско-Днестровском междуречье не происходило. Новые элементы, придавшие своеобразную окраску культуре II—I вв. до н. э., могут рассматриваться как результат контактов гетского населения с соседними и более отдаленными племенами венедо-бастаринского круга⁴⁰.

Гето-фракийские элементы прослеживаются исследователями для черняховской культуры Днестро-Дунайского междуречья и объясняются сохранением фракийского населения среди носителей этой культуры в данном районе⁴¹.

Наряду с очевидными успехами, в изучении фракийской проблемы на территории Молдавии имеются значительные пробелы. До сих пор остаются неизвестными памятниками V в. до н. э., что не позволяет проследить генезис гетских племен Днестро-Прутского междуречья. Принимало ли в нем участие местное население культуры фракийского гальштата, или геты появились здесь лишь в IV в. до н. э.? В дополнительном изучении нуждается вопрос о гетских городищах IV—III вв. до н. э.; необходимо выяснить причины их возникновения и гибели, характер оборонительной системы. Недостаточно ясным является также отношение гетских племен Молдавии к первому достаточно крупному объединению гетских племен под властью Дромихета и ряд других моментов их истории.

Обратимся теперь к степной зоне Северного Причерноморья, в которой обитали киммерийцы, а затем собственно скифские племена, чтобы показать, как в настоящее время советскими исследователями решаются и ставятся вопросы, так или иначе связанные с фракийской проблематикой.

Прежде всего следует отметить, что гипотеза о фракийской принадлежности киммерийцев подвергалась очень серьезному пересмотру. Начавшиеся в пятидесятых годах массовые раскопки курганов в степях Украины, открытие и исследование значительного числа поселений эпохи поздней бронзы привели к накоплению весьма важных материалов для определения культурной и этнической принадлежности киммерийцев. Все более и более очевидной становится их связь с носителями срубной культуры, продви-

³⁹ А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и гетами. — ДФСР. с. 61.

⁴⁰ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. — МИА, 89, 1960; М. А. Романовская. Об этнической принадлежности населения, оставшегося памятники типа Лукашевка. — ДФСР. с. 81 сл.

⁴¹ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. — СА, 1957, № 4. с. 179 сл.; Э. А. Рикман. О фракийских элементах в черняховской культуре Днестро-Дунайского междуречья. — ДФСР. с. 178 сл.

нувшимися из-за Волги и Дона в степи Северного Причерноморья и созданными здесь в конце эпохи бронзы оригинальную культуру, представленную памятниками сабатиновского и белозерского этапов.⁴² Скорее всего эти племена были родственными скифам и по языку принадлежали к той же северо-иранской группе⁴³.

Выступая против фракийской принадлежности основной массы киммерийцев, исследователи вместе с тем предполагают присутствие фракийских этнических элементов среди населения западных областей Северного Причерноморья. Действительно, в памятниках эпохи поздней бронзы Днестро-Дунайского междуречья гораздо чаще, чем в более восточных районах, находят керамику, типичную для культур фракийского гальштата⁴⁴. Однако общее сходство поселений и погребений западных областей с позднесрубными на Буге и Днепре не позволяет считать памятники Днестро-Дунайского междуречья собственно фракийскими. В настоящее время в степях Северо-Западного Причерноморья известно только одно определенно фракийское поселение X—VIII вв. до н. э., расположенное на левобережье Нижнего Дуная у с. Орловка Одесской области⁴⁵. С позднесрубными племенами связываются первые походы киммерийцев в Малую Азию через Балканы, безусловно способствовавшие сближению киммерийцев с фракийцами — трерами⁴⁶. Находки в Трое, в слое VII в. керамики, типичной для конца сабатиновского и начала белозерского этапов срубной культуры Северного Причерноморья вместе с керамикой фрако-мизийских племен раннего гальштата достаточно ясно свидетельствует об этом.⁴⁷ Как результат прямых контактов белозерских племен с населением Балкан рассматриваются находки бронзовых фибул и некоторых других вещей в погребениях X—VIII вв. до н. э. в степях Северного Причерноморья.⁴⁸

Позднейшим киммерийцам или не только киммерийцам, но и древнейшим скифам, считаются принадлежащими памятники типа погребений конных воинов в курганах у Черногоровки и Камышевах или Новочеркасского клада VIII—VII вв. до н. э.⁴⁹. По обряду и керамике они генети-

чески связаны с предшествующими позднесрубными⁵⁰. В памятниках этого круга имеют место вещи, главным образом принадлежностью конского убора особого вида, вошедшие в науку под названием фрако-киммерийских древностей, встречающиеся на Северном Кавказе, в Причерноморье, Средней и Юго-Восточной Европе. Несмотря на то, что дискуссия о происхождении ряда вещей продолжается, большинство западноевропейских и советских ученых рассматривают сейчас фрако-киммерийские древности как результат мирных и военных связей, ставших возможными благодаря большой подвижности киммерийских племен, постоянно контактировавших с фракийцами, с одной стороны, и племенами Северного Кавказа, с другой⁵¹.

Дальнейшее накопление источников должно привести к более убедительному обоснованию намеченных выводов.

Для выяснения роли фракийцев в истории собственно скифских степных племен и скифо-фракийских взаимоотношений в разные исторические периоды за последние десять-пятнадцать лет сделано немало, но основные вопросы скифо-фракийской проблемы пока остаются нерешенными или дискуссионными. Неясно, например, какое участие принимали фракийцы в формировании ядра скифского племенного союза, сколь глубокими были связи скифов с фракийским миром и какой отпечаток они наложили на культуру того и другого народа.

По-прежнему считается, что среди автохтонного населения, ассимилированного пришлыми скифами, в степях Северного Причерноморья, могли быть и племена фракийской принадлежности⁵². Под последними обычно подразумеваются остатки киммерийцев. Однако, если киммерийцы в основной своей массе, так же как и скифы, принадлежали к иранской языковой группе, то, видимо, ни о каких фракийских племенах или племенах говорить невозможно. Речь может идти лишь об отдельных фракийских элементах, быть может, сохранившихся среди киммерийцев на западных окраинах степи. Вместе с тем есть некоторые основания предполагать, что в VII—VI вв. до н. э., возможно, происходил какой-то приток фракийского населения в степи Северо-Западного Причерноморья. В немногочисленных впускных погребениях в курганах Буго-Днестровского междуречья найдены лощеные горшки и кубки с пышным резным и штампованным орнаментом, очень близкие к сосудам на фракийских памятниках типа Сахарна—Солончены в лесостепной Молдавии и одновременных с ними памятников правобережной лесостепной Украины⁵³. Вместе с тем погребения с такими сосудами по обряду не отличаются от остальных синхронных им степных памятников, что не позволяет считать их собственно фракийскими. Однако керамика дает возможность предполагать присутствие фракийцев среди скифского населения Буго-Днестровского междуречья, появившихся здесь, видимо, из более северных районов того же междуречья.

⁴² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 46, 1955; А. М. Лесков. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. ПСА, М., 1971. с. 75 сл.

⁴³ Некоторые лингвисты склонились к этой мысли еще в конце 40-х годов: J. N a r t a t t a. Le problème cimmirien. АЕ, 1946—1948, 7—9. с. 131. Иранцами по языку считали киммерийцев Гиршман и И. М. Дьяконов. См. R. G h i r s h t a n. Iran. N a r t o h d s w o r t h, 1954. с. 96; И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956 с. 241.; В. И. Абаев. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. ПСА, М., 1971. с. 10 сл.

⁴⁴ А. И. Мелюкова. Работы в Поднестровье в 1958 г. — КСИА, вып. 83, 1961. с. 120—123; она же. Курганы эпохи бронзы у с. Олонешты. — КСИА, вып. 89, 1962. с. 30 сл.

⁴⁵ И. Д. Головкин, Р. Д. Бондарь, А. Г. Загинайло. Археологические исследования у с. Орловка Болградского района Одесской обл. КСОГАМ за 1963 г., Одесса, 1965. с. 75. Рис. 1.

⁴⁶ И. М. Дьяконов. История Мидии. с. 241 и др.

⁴⁷ Вопрос о древнейших походах киммерийцев в Малую Азию через Балканы в советской литературе впервые был затронут Т. Д. Златковской в статье К вопросу об этногенезе фракийских племен. — СЭ, 1961, № 6. с. 82 и сл.

⁴⁸ А. М. Лесков. Предскифский период в степях Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы и раннего железа. ПСА, М., 1971. с. 85—90.

⁴⁹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР — СА, XVIII, 1953. с. 103 сл.; А. И. Тереножкин. Ким-

мерийцы. Тезисы докладов на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964. с. 7 сл.; она же. К истории изучения предскифского периода. — В: Сб. Скифские древности, Киев, 1973. с. 12 сл.

⁵⁰ А. М. Лесков. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории бронзового века Северного Причерноморья. Памятники эпохи бронзы Европейской части СССР. К., 1967. 18 сл.

⁵¹ А. И. Тереножкин. К истории изучения предскифского периода. с. 19.

⁵² Там же.

⁵³ А. М. Лесков. Предскифский период в степях Украины. с. 90—91.

К аналогичному выводу пришел К. К. Марченко, выделивший фракийскую керамику среди лепной посуды в слоях второй половины VII—VI в. до н. э. в Ольвии и на Березани, а также на некоторых поселениях ольвийской округи.⁵⁴

Изучение вопроса о границе между скифами и фракийцами — гетами, хотя и не привело к окончательным выводам, но позволило сделать следующие предположения: по-видимому, этническая граница не совпадала с политической ни в эпоху, известную Геродоту, ни в более позднее время, а проходила восточнее нее. Для VI—V вв. этническая граница не могла быть западнее низовий Прута, а в IV—III вв. она шла по Днестру⁵⁵. Вместе с тем пребывание кочевых скифов в степях Днестро-Дунайского междуречья уже со второй половины VII—начала VI в. до н. э. фиксируется открытием ряда погребений скифов-воинов, относящихся к VII—VI, VI—V и IV—III вв. до н. э.⁵⁶ Постоянный этнический контакт между скифскими и гето-фракийскими племенами в Днестро-Дунайском междуречье особенно ясно виден в среде скифских земледельцев, появившихся на левобережье Днестровского лимана в конце VI—начале V в. до н. э. Для IV—III вв. н. э. он фиксируется как для скифов левобережья Нижнего Поднестровья, так и для гетов, обитавших на правобережье Днестровского лимана⁵⁷. Продвижение гетов к востоку за Днестр, видимо, началась еще в IV в. до н. э., возможно, сразу же после гибели Атея в 339 г. до н. э. Поселения конца IV—II вв. до н. э. с преобладающей гетской керамикой на побережье Кучурганского лимана достаточно определенно говорят об этом.⁵⁸ Но все же вплоть до середины III в. до н. э., а возможно, и позднее, гетская инфильтрация далеко за Днестр не проникала. Исключение составляет лишь Ольвия, где для IV—III вв. до н. э. снова известна фракийская керамика и начинают появляться фракийские имена в надписях.⁵⁹ Было ли связано проникновение фракийцев в Ольвию с процессами, происходившими в варварской среде степного Причерноморья, или в Ольвии существовали свои, независимые от местного населения контакты с фракийцами пока сказать трудно.

На основании письменных источников и эпиграфических материалов еще В.В. Латышев⁶⁰ писал об активизации гетских племен в последние века до н. э. и интенсивном продвижении их на восток, особенно в середине I в. до н. э. при Биребисте. Раскопки позднескифских городищ на Ниж-

нем Днестре⁶¹ и Днепро-Бугского лимана⁶² дали археологические материалы, прекрасно подтверждающие письменные источники.

Появление гетов в степях Северного Причерноморья вплоть до Днепра отразилось прежде всего в составе лепной керамики, где, кроме обычной скифской посуды, теперь появились типичные фракийские горшки, миски и кружки. Фракийское воздействие сказалось и в духовной жизни населения позднескифских городищ, в заимствовании от фракийцев так называемых „коньков“ и жертвенников. Вместе с тем существенно заметить, что в степях Днепро-Бугского междуречья до сих пор не встречено ни одного фракийского погребения. Этот факт можно расценивать как показатель того, что пришлое фракийское население растворилось в местной среде и не составляло сколько-нибудь значительного этнического массива. Показательно и то обстоятельство, что скифское кочевое население сохранялось на левобережье Нижнего Поднестровья до конца II в. до н. э.⁶³

Специальную тему в скифо-фракийской проблеме составляет исследование сходства ряда черт в материальной и духовной культуре, а также в искусстве скифов и фракийцев VI—III вв. до н. э. с целью выявить природу или источник общих явлений. Под влиянием концепции М. И. Ростовцева долгое время в зарубежной и отчасти в советской литературе господствовала точка зрения о решающей роли скифов в возникновении сходных элементов в культуре обоих народов. На неправильность такой постановки вопроса первым из советских исследователей обратил внимание М. А. Артамонов, призвавший относить сходство памятников Скифии и Фракии за счет влияний, идущих из Фракии, а не наоборот⁶⁴. Однако в таком подходе к теме сказалось явное преувеличение М. И. Артамоновым роли фракийского мира в этнической истории Скифии, о чем уже говорилось выше. Поиски наиболее верных решений данной темы в археологии ведутся постоянно. Несмотря на это пока удалось сделать не так уж много. Выявлен ряд бесспорных заимствований из Фракии среди украшений и предметов быта в памятниках V—IV вв. до н. э. в лесостепной полосе и в степи⁶⁵. Определены как скифские или сделанные во Фракии, но по скифским образцам предметы вооружения и конского убора из ряда фракийских комплексов.⁶⁶ Вместе с тем существуют противоречивые мнения относительно происхождения ряда предметов торевтики из царских скифских курганов IV—III вв. до н. э., отличающихся высоким художественным вкусом и мастерством. Отстаиваемая А. П. Маневич с большим упорством, но без достаточных оснований, точка зрения о фракийском центре или центрах

⁵⁴ К. К. Марченко. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII — середине I в. до н. э. — ВДИ, 1974, 2, с. 149 сл.

⁵⁵ А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и гетами. с. 61 сл.
⁵⁶ Ко второй половине VII—VI в. до н. э. принадлежат: погребения в кургане у с. Огородное Болградского р-на Одесской обл. (Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглий. Курганы у с. Огородное. — МАСП, вып. 6, Одесса, 1970, с. 151. Рис. 17); курган V в. до н. э. у с. Червоный яр Килийского района Одесской обл. (А. В. Гудкова. Скифское погребение с конем из Нижнего Подунавья. АО 1969 г., М., 1970, с. 240); погребение VI—V вв. в кургане г. Арциз Одесской области. (И. А. Алексеева. Раскопки курганов в междуречье Дуная—Днестра. АО, 1972 г. М., 1973, с. 252—253). Для IV—III вв. до н. э. известно уже довольно много скифских погребений.

⁵⁷ А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и гетами. с. 71 сл.
⁵⁸ А. И. Мелюкова. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. — КСИА, вып. 94, 1963, с. 67 сл.

⁵⁹ К. К. Марченко. Указ. соч., Т. Н. Книпович. Население Ольвии догетского периода по данным эпиграфических источников. — КСИАУ, вып. 2, 1953, с. 51 сл.

⁶⁰ В. В. Латышев. Указ. соч. с. 72 сл.

⁶¹ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днестре. — МИА, 64, 1958, с. 136 сл.; М. I. Вязьмитина. Золота Балка, Київ, 1962; она же. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра. ДФСП. с. 112 сл.

⁶² М. С. Свиницын. Городище у хутора Петуховка Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 годов. — ВДИ, 1952, 2, 245 и сл.

⁶³ А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины. — МИА, 115, 1962, с. 160 сл.

⁶⁴ М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии. с. 186.

⁶⁵ Е. Ф. Покровська. Курганы IV в. до н. э. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли. — Археологія, X, Київ, 1957, с. 65 сл.; В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ, вып. ДІ—4, М., 1967, с. 25, 30, 32.

⁶⁶ А. И. Мелюкова. Скифские элементы в гетской культуре. — КСИА, вып. 105, 1965, с. 32 сл.; Б. Н. Гривков. Легенда о скифском царе Арианте. История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 101 сл.

их производства⁶⁷ не получила признания у большинства советских специалистов.⁶⁸ В тоже время и противоположное мнение о боспорском изготовлении этих вещей все еще нуждается в дополнительных подтверждениях и проверке.

На конференции по вопросам скифо-сарматской археологии в 1952 г. И. В. Яценко была отмечена большая близость художественного стиля украшений конского убора из царских скифских курганов, с одной стороны, и с территории Фракии, с другой. При оценке этого явления исследовательница склонилась к признанию влияния скифской культуры на фракийскую.⁶⁹ Накопление и публикация произведений фракийского искусства позволяют в настоящее время проследить фракийское влияние на скифский звериный стиль IV—III вв. до н. э., сказавшееся главным образом на парадных украшениях конского убора, преимущественно из серебра и золота. Вместе с тем вызывает возражение гипотеза о независимом от скифского происхождения фракийского искусства звериного стиля⁷⁰, отстаиваемая в последние годы И. Венедиковым.

До сих пор одной из нерешенных задач является изучение общих черт в погребальном обряде, прослеживаемых по курганам скифской аристократии, с одной стороны, и фракийской знати, с другой. Очень мало сделано в исследовании сходных религиозных представлений и обычаев.

Как можно видеть из обзора, проблема взаимодействий народов Северного Причерноморья и древней Фракии в I тысячелетии до н. э., хотя и разрабатывается советскими исследователями, еще далека от разрешения. Углубленного изучения требуют многие вопросы, касающиеся этнических и культурных связей киммерийцев, скифов и их ближайших соседей с фракийцами. Совершенно очевидно, что для успешного их решения необходимо объединение усилий советских археологов с деятельностью румынских, болгарских и других ученых, занимающихся фракийской тематикой и уже немало сделавших для развития науки о фракийцах и их связях с соседними народами.

⁶⁷ А. П. Манцевич. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху. ВДИ, 1949, № 2, с. 196 сл.; она же. Гребень и фиала из кургана СОЛОХА. — СА, XIII, 1950, с. 234—238; она же. Ритон Талаевского кургана. — В: Сб. История и археология древнего Крыма, Киев, 1957, с. 168—172; она же. Парадный меч из кургана Солоха. ДФСР, с. 110—118.

⁶⁸ Н. Н. Погребова. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов (по поводу статей А. П. Манцевич). — СА XVII, 1953, с. 285 сл.; Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла (торевтика). АГСП, М., 1955, с. 344 сл.; Н. А. Онайко. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток скифских мечей, найденных в Приднепровье. КЛМ, М., 1966, с. 159 сл.

⁶⁹ Доклад не опубликован. О нем см. Н. Н. Погребова. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР, 1952 г. с. 27—28.

⁷⁰ А. И. Мелюкова. К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства звериного стиля. Тезисы докладов III всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972, с. 36 сл.

CONCLUSIONS AND TASKS ON THE STUDY OF THE INTERRELATIONS OF THE KYMMERIS AND THE SCYTHIAN TRIBES WITH THE THRACIANS IN SOVIET SCIENCE

A. I. Melukova

(Summary)

The author has made a detailed review of the studies of Soviet scholars on the interrelations of the Kymmeris and Scythian tribes with the Thracians. It is pointed out that these studies were first begun by pre-Revolution Russian scholars like Miller, Latyshev, Pogodin and Spitsyn, the latter being the first of these scholars to turn his attention to archeological material as a historical source. The results of the studies and the theses since 1940's have been presented in greater detail. At the end of the 1940's the conception of the Kymmeris belonging to the Thracians gained wide currency. The theses of Tretyakov, Artamonov and Udaltsov, and also of Abaev who does not recognize the presence of a Thracian ethnic mass in the region of the northern Black Sea Coast despite the established presence of Thracian linguistic elements, have been set forth in greater detail. The author emphasizes the vital contribution of T. V. Blavatskaya and T. D. Zlatkovskaya in the working out of Thracian problems from the standpoint of Marxist-Leninist methodology.

The digs in the western regions of the Ukraine and the forest steppes of Moldavia represent a stage of special importance in the studies. These digs have provided data on the Late Bronze and Early Iron Ages, which represent a valuable contribution to the study of the ethnic history of the population along the northern Black Sea Coast, as well as on the ethnic and cultural interaction with the Thracian world.

The culture of the Thracian tribes of the Carpatho-Dniester region at the end of the Bronze and the beginning of the Iron Ages has been characterized on the basis of these data. It has been established that there were no local roots and that this culture differed from the contemporary culture of the tribes from Pobuzhye and the middle reaches of the Dnieper, and also from the culture of the steppe, the Kymmeris and the Scythian tribes of an earlier age.

At the same time it has been established that this culture of the Thracian tribes from the Carpatho-Dnieper region from the end of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age, formed a whole with the culture of the tribes from the Carpatho-Danube region in Romania and Hungary during the Hallstatt period. The towns from the 4th to the 3rd century B. C. belonging to the Geths have been discovered in the territory of Moldavia. The data allow a comparison between the culture of the Geths and that of the Scythians from the northern Black Sea Coast.

The author dwells in greater detail on the hypotheses set forth and on the discussions opened in 1952 at the Conference on IIMK of AN USSR on the problems of Scythian-Sarmatian archeology where questions connected with the ethnic history of the population of the northern Black Sea Coast and the problems of the ethnic and cultural interactions and interrelations with the Thracian world were discussed. The hypotheses of Artamonov, Rybakov and Terenozhkin, Lypushkin, Podrovskaya and others have been set

forth. Further on the author emphasizes that for the moment only one definite Thracian settlement, that of the 10th to the 8th century B.C. on the left bank of the Lower Danube near the village of Orlovka in the Odessa region, is known to the steppes of the northern Black Sea Coast. The discovery of ceramics characteristic of the 7th century Troy stratum (typical of the end of the Sabatinovsky and the beginning of the Belozersky stages of Sruba culture) is connected with the later Sruba tribes and the first campaigns of the Kymmeris through the Balkans to Asia Minor, which contributed to the drawing together of the Kymmeris and the Thracians.

In the concluding part of her review the author emphasizes the topicality of two important tasks: the study of the general features of the funeral rite in the tumuli of the Scythian and Thracian aristocracies and the investigation of similar religious customs. The author stresses that in order to achieve a successful solution to these problems it is necessary to unite the forces of Soviet archeologists and historians with the activities of Romanian, Bulgarian and other scholars working on Thracian themes.

О СВЯЗЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
И НИЖНЕГО ДУНАЯ С ВОСТОКОМ
В КИММЕРИЙСКУЮ ЭПОХУ

Н. Л. Членова

(СССР)

Из всего комплекса вопросов, составляющих эту проблему, в данной статье рассматриваются лишь два: о кинжалах киммерийского (или кабардино-пятигорского) типа и каменных изваяниях. Вопросы эти оказались взаимосвязанными благодаря тому, что такое изваяние стояло на кургане у с. Белоградец Провадийского района (СВ Болгария), исследованном Г. Тончевой, а инвентарь этого кургана включал кинжал киммерийского типа¹. По инвентарю этот курган сближается с группой восточноевропейских памятников (Симферопольское погребение в Крыму², Аксайское погребение на Дону³, Носачевский курган, Высокая могила и Суворово на Украине⁴, группа каменноостско-березовских и близких им памятников на Северном Кавказе⁵,) Аозинский, Второй Полянский и Старший Ахмыловский могильники на Средней Волге⁶ и ряд поселений и слу-

¹ Г. Тончева. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям. — *Thracia I*, 101 сл.

² А. А. Щепинский. Погребение начала железного века у Симферополя. — *КСИАУ*, 12, 1962.

³ А. Н. Мелентьев. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени. — *КСИА*, 112, 1967.

⁴ Г. Т. Ковпаненко. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы. — *КСИАУ*, 12, 1962; В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко. Киммерийские погребения Высокой Могилы. — *СА*, 1974, I; Н. М. Шмаглей, И. Т. Черняков, И. Л. Алексеева. Курганы Нижнего Подунавья. *АО* 1970, М., 1971.

⁵ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. *ВССА*, 1954; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Н. В. Анфимов. Протомеотский могильник у с. Николаевского. — В: Сборник материалов по археологии Адыгеи, Т. II, Майкоп, 1961; он же. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. *МИА*, 177, 1971; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972;

⁶ Е. А. Халикова. Второй Полянский могильник. — *УЗ ПГУ*, 148, Пермь, 1967; А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. II, Йошкар-Ола, 1962; А. Х. Халиков, Н. Л. Членова. Киммерийские памятники на Средней Волге. Доклад на Археологической сессии 1969 г. в Ленинграде.

чайных находок), которые принято теперь связывать с киммерийцами⁸.

Кинжалы киммерийского типа — один из самых характерных компонентов этих комплексов. Их отличительные черты — перекрестье прямое или в виде лопастей и грибовидное или брусковидное навершие. Наиболее поздние из них изготовлены из железа, ручка их лишена орнамента, а по типу перекрестья они делятся на три группы: А) — с перекрестьем в виде широких лопастей или двойной секиры (рис. 1, 2, 7, рис. IV, 17, 19); В) — с перекрестьем в виде узких лопастей (рис. IV, 20) и С) — с длинным прямым узким перекрестьем (рис. 1, 13, рис. IV, 15, 16). По сечению ручки каждая из этих групп делится на 2 подгруппы: с плоской ручкой и с округлой в сечении ручкой. Позднейшие экземпляры группы А представлены в Высокой Могиле Запорожской области Украинской ССР (рис. 1, 1)⁹ и в кургане, частично разрушенном бульдозером, у с. Березки Ново-Аненского р-на Молдавской ССР (рис. 1, 2)¹⁰. Их дата — VII в. до н. э. — определяется инвентарем погребений Высокой могилы (рис. II), в первую очередь, бронзовыми наконечниками стрел с ромбовидным и подтреугольным пером (рис. II, 1), ближайшими аналогиями находящимися в Малой Цимбалке¹¹, а также застежками из алебаstra и кости (рис. II, 3, 12a), находящими многочисленными аналогиями (могильник Мебельная фабрика в Кисловодске на Кавказе, погребение 5¹²; в погребении II (34) того же могильника найдены наконечники стрел типа Малой Цимбалки и Высокой могилы¹³, Уйгарак Сыр-Дарье, курган 21, табл. 3, 2; та же дата; Ближние Елбаны VII на Алтае, VII—VI вв. до н. э.; Райков улус в Минусинской котловине, VII—VI вв. до н. э.; Аржан в Туве, VII в. до н. э.¹⁴. Навершие кинжала из Высо-

⁷ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. ВССА, 1954; он же. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961; Н. В. Анфилов. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья. МИА, 130, 1965; А. Х. Халиков. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья. — В: Сб. Древности Восточной Европы. М., 1969 и др.

⁸ А. И. Тереножкин. Киммерийцы. Доклад на УП МКАЭН. М., 1964; он же. Киммерийцы и Кавказ. Тезисы докладов на Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971; А. А. Шепинский. Ук. соч.; Г. Т. Ковпаненко. Ук. соч.; А. Н. Мелентьев. Ук. соч.; А. Х. Халиков, Н. Л. Членова. Ук. доклад; Н. Л. Членова. Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карауской общности. — В: Сб. Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция 1969. Доклады. М., 1971.

⁹ В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко. Ук. соч. с. 150. Рис. 3.

¹⁰ Раскопки В. Л. Лапушиной. Кинжал известен мне по рисунку А. Х. Халикова и фотографии А. И. Тереножкина.

¹¹ Дата Малой Цимбалки по П. Рау. Предскифский период ((P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929. с. 31. Taf. XIV, 2, A—H), по А. А. Иессену (Ук. соч. с. 102); И. В. Яценко (Скифия VII—V вв. до н. э. ТГИМ, 36, М., 1959. с. 3—41); К. Ф. Смирнову) Вооружение савроматов, МИА 101, 1961. с. 37) и А. И. Мелюковой) Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднепровья. МИА, 64, 1958. с. 19; она же. Вооружение скифов. САИ, вып. Д 1—4, М., 1964, табл. 1, В) — VII в. до н. э. Дата А. И. Тереножкина (Предскифский период. 187—191; он же. Киммерийцы. с. 1—3) — VIII—начало VII в. до н. э.

¹² А. П. Рунич. Отчет за 1958 г. Архив ИА, р-1, д. 1720.

¹³ А. П. Рунич. Отчет за 1971 г. Архив ИА, р-1, д. 4633. с. 33. Рис. 9, 15—17.

¹⁴ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. — МИА, 48, 1956, табл. XIX, 1, табл. XX, А. Н. Липский и И. Археологические раскопки в Хакассии. — КСИИМК, 64, 1956. с. 123. Рис. 63, 6; М. П. Грязнов. Отчет за 1971—72 гг. Архив ИА, р-1, д. 4833-а, Рис. 119, 120.

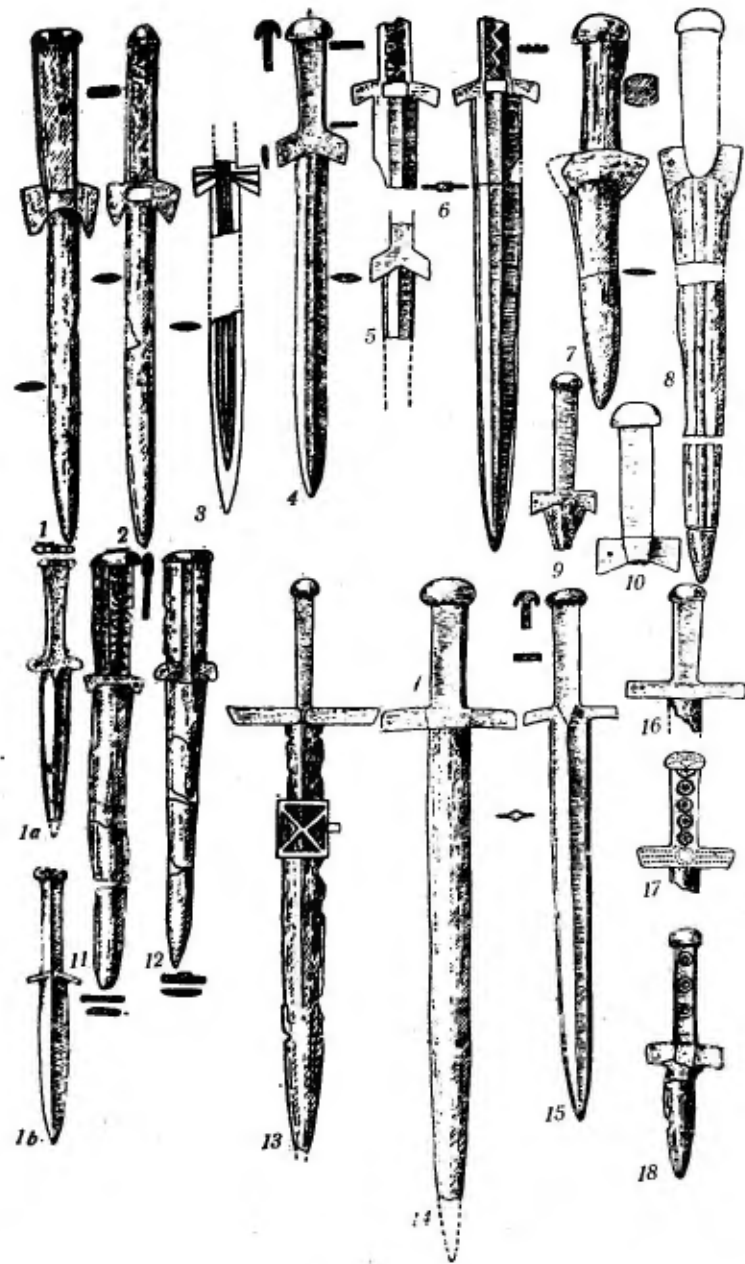

Рис. 1. Киммерийские кинжалы и их восточные параллели

1 — Высокая могила, погребение 2; 1a — Минусинский край, ГЭ, 5531—251; 1b — Ужур, курган 7, раскопки Н. Л. Членовой, 1955, ГИМ; 2 — Березки (1, 2) по фото А. И. Тереножкина; 3 — Дальверани. По М. Е. Массону; 4 — с. Катунское. ВМ; 5 — Горный Алтай, точное неизвестно. ГАМ; 6 — Томск, Лагерный сад. ТКМ; 7 — Уйгарак, курган 21, раскопки О. А. Вишневской. ГИМ; по рис. Н. Л. Членовой; 8 — Мебельная фабрика, могила 14. По В. Б. Виноградову; 9 — Кескем (Сев. Кавказ). По ОАК за 1898 г.; 10 — Кавказ, коллекция Н. Л. Брюкнер, ГИМ, № 63048, хр. А8/17б. По рис. В. И. Козенковой; 11 — Ахмылово, погребение 67, раскопки А. Х. Халикова, 1962; 12 — Там же, погребение 36; 13 — Лейбниц. По Л. Мартоп. 14 — Билир. По рис. А. Х. Халикова; 15 — район Змеиногорска. МАЭ, 833—540; 16 — Мебельная фабрика; 17 — Там же. По В. Б. Виноградову; 18 — с. Навки б. Пензенской губ. По ЗРАО. Т. XII, вып. 1—2, Спб., 1901.
1 — Украина; 1a, b — Минусинская котловина, Средняя Сибирь; 2 — Молдавия; 3, 7 — Средняя Азия; 4, 5, 15 — Алтай; 6 — Среднее Приобье; 8—10, 16, 17 — Северный Кавказ; 11, 12, 14 — Средняя Волга; 13 — Штирия; 18 — Пензенская область. 1, 2, 7 — железо, 3—6, 15, 1a, b — бронза, остальное — бронза и железо.

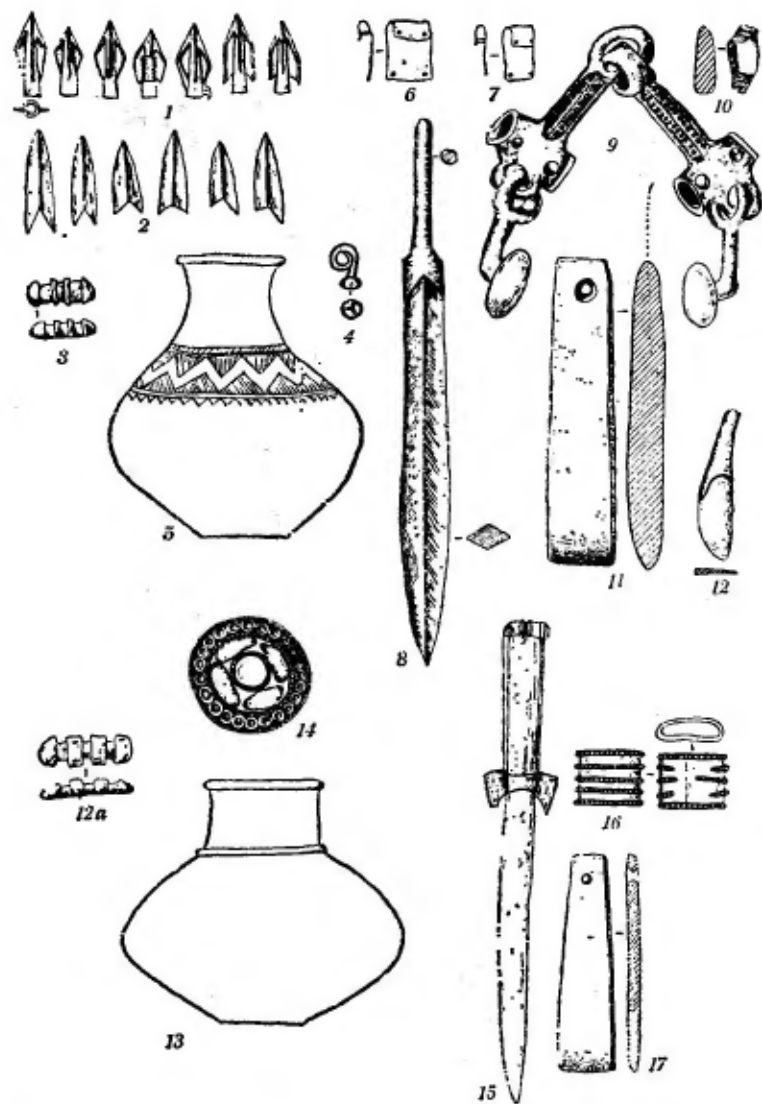

Рис. II. Комплексы киммерийских погребений Высокий могилы
 1—12 — погребение 5; 12а—17 — погребение 2.
 1, 2, 5, 10—13 — по В. И. Видзля и Э. В. Яковенко; остальное — по фото и рисункам А. И. Тереножкина.
 1, 8, 9, 12 — бронза; 2, 12 — кость; 3 — алебастр; 4, 6, 7, 14, 16 — золото; 5, 13 — керамика; 10, 11, 17 — камень; 15 — железо

кой могилы подражает по форме такой застёжке (рис. I, 1), и такие же навершья имеют раннетагарские кинжалы из Ужгура (Минусинская котловина, VII в. до н. э., рис. I, 1 также рис. I, 1 а)¹⁵ и Аржана в

¹⁵ Н. Л. Членова. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины. — В: Сибирский археологический сборник, 2, Новосибирск, 1966. с. 226. Рис. 8.

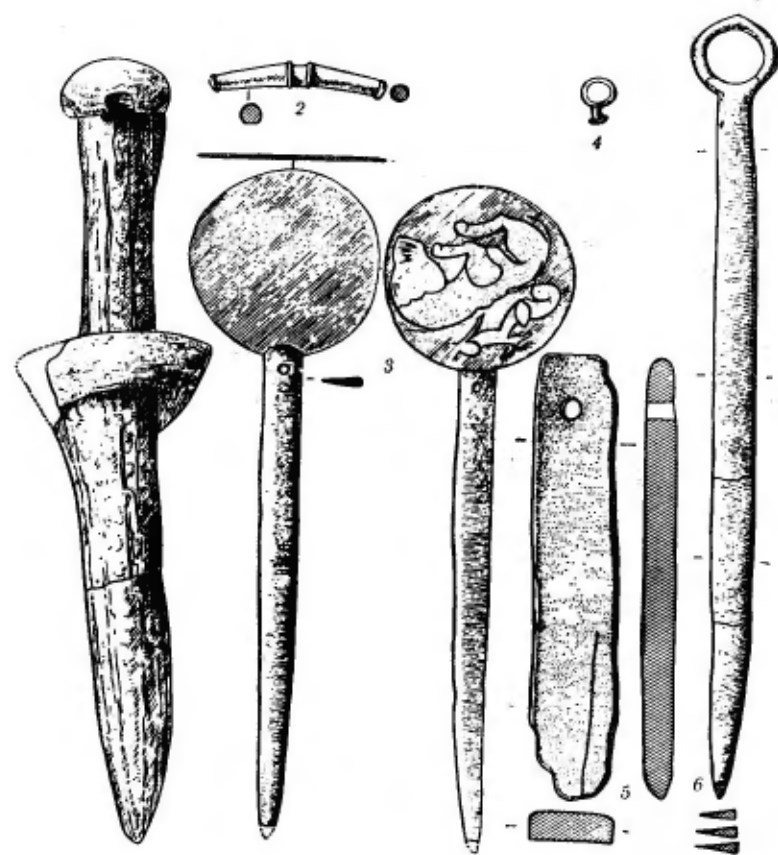

Рис. III. Комплекс кургана 21 могильника Уйгарак
 1 — по О. А. Вишневской, остальное — по материалам ГИМ.
 Рис. Н. Л. Членовой. 1 — железо; 2 — алебастр; 3, 6 — бронза;
 4 — золото, 5 — камень

Туве¹⁶. Остальные датированные материалы, подтверждающие эту дату, здесь не рассматриваются за недостатком места.

Железный кинжал из кургана 21 в Уйгараке относится к той же группе А (с широкими лопастями), к подгруппе с круглой в сечении ручкой. Комплекс этого погребения, помимо упомянутой алебастровой застёжки (рис. III, 2), содержит и другие датированные вещи: бронзовый нож с кольцом (рис. III, 6) ближе всего напоминает нож из Аламышка на Тянь-Шане и ножи из Карамуруна I и Тасмолы VI в Казахстане (VII—VI вв. до н. э.)¹⁷. Другой бронзовый нож, служащий ручкой зеркала (рис. 3, 3) находит многочисленные параллели в тагарских памятниках Минусинской котловины VII—VI вв. до н. э. и казахстанских той же эпохи.

¹⁶ М. П. Грязнов. Отчет за 1971—72 гг. Архив ИА, р-1, д. 4833-а. Рис. 101.

¹⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. — МИА, 26, 1952. с. 31. Рис. 12, 1; А. Х. Маргулан, К. А. Акшиев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. с. 350. Рис. 43, 1, 2. Рис. 66, 62, 63.

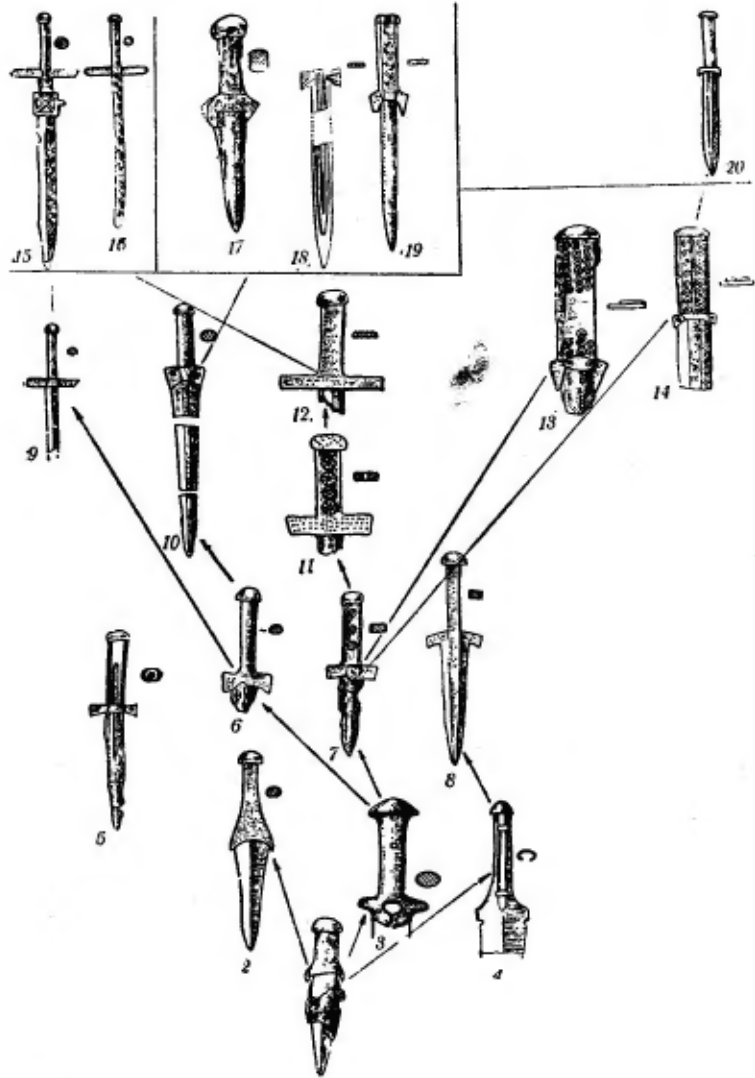

Рис. IV. Схема развития киммерийских кинжалов

1 — Египет. По Н. Bonnet; 2 — Кобан. По МАК VIII, 1900; 3 — Микены. По J. Naue. Die vorgömischen Schwerter aus Kupfer, Bronze und Eisen. München, 1903; 4 — пос. Ермак Павлодарской обл. По рис. А. А. Чарикова; 5 — Березовский могильник. ГИМ; 6 — Кескем. По ОАК за 1898 г.; 7 — с. Навки Пензенской губ.; 8 — с. Тальменское. ГИМ, 3816; 9 — с. Демкино. По Е. К. Максимова, СА, 1962, №3; 10—12 — Мебельная фабрика. По В. Б. Виноградову; 13 — р. Березовка. По Е. И. Крупинову; 14 — Ахмылово. По А. Х. Халикову; 15 — Лейбниц; 16 — Панад (15, 16) по Н. Seger); 17 — Уйгарак, раскопки О. А. Вишневской; 18 — Дальверзин. По М. Е. Массону; 19 — Высокая могила. По фото А. И. Тереножкина; 20 — Белогорадец. По рис. Г. Тончевой
1 — Египет; 2, 5, 6, 9—13 — Кавказ; 3 — Греция; 4 — Верхний Иртыш, Восточный Казахстан; 7 — Пензенская область; 8 — Алтай; 9, 14 — Среднее Поволжье; 15 — Штирия; 16 — Семиградье; 17, 18 — Средняя Азия; 19 — Украина; 20 — Болгария
1 — ремень и кость; 2—4, 8, 18 — бронза; остальные — бронза и железо

Кинжал группы В представлен единственным экземпляром из кургана Белогорадец (рис. IV, 20). Его дата — VII в. до н. э. — определяется наличием стрел „типа Ендже“, крестообразным орнаментом, типичным для фрако-киммерийских памятников и другими вещами. Типологических прототипов (кинжалов с бронзовым навершьем и перекрестьем и накладными пластинами на ручке) он имеет довольно много: кинжалы из Старшего Ахмыловского могильника, VII в. до н. э. по А. Х. Халикову (рис. I, 11, 12)¹⁸, кинжалы из окрестностей Кисловодска¹⁹ и др. Позднейшие кинжалы группы С (рис. I, 13; рис. IV, 15, 16) в комплексах неизвестны. Их синхронность позднейшим киммерийским кинжалам устанавливается как на основании того, что эта развитая форма должна иметь длительный путь предшествующего развития, так и на основании пряжки от ножен, сохранившейся на одном из них (рис. I, 13); эта пряжка может быть сопоставлена с пряжками на изваяниях из Белогорадца и Дионгетни-Гарвэн (см. ниже). На востоке есть близкая параллель: кинжал из района Змеиногорска (Западный Алтай, рис. I, 15); но это — единственная известная восточная параллель. Кинжалы с длинным прямым перекрестьем для востока не характерны.

Индивидуальные измерения киммерийских кинжалов, выполненные по той же программе, что и измерения карасукских кинжалов²⁰, выявили большую близость абсолютных размеров и их соотношений в пределах каждой группы и с кинжалами карасукскими близких форм, из восточных районов. В группе А особенно близки друг другу, почти тождественны по индивидуальным измерениям кинжалы из Высокой могилы на Украине и из Березок в Молдавии. Это несомненно говорит о синхронности этих кинжалов и о том, что кинжалы в эту эпоху изготовляли по строго определенным меркам. Близкие размеры и пропорции имеют и бронзовые кинжалы карасукского типа из Дальверзина²¹ и из с. Катунское на Северном Алтае. Несколько дальше по размерам кинжал из Лагерного сада в г. Томске (также бассейн Оби), он отличается более широким и длинным клинком и несколько более длинным и узким перекрестьем (рис. I, 6). Тем не менее, близость размеров и пропорций всех пяти кинжалов группы А (подгруппы с плоской ручкой) столь велика, что не может быть случайной, а говорит об их родстве и синхронности. Для кинжала из Дальверзина эта синхронность подтверждается еще и найденными вместе с ним тремя бронзовыми крючками²², такими же, как в Ендже в Болгарии, VII в. до н. э.²³ и в Минераловодском могильнике на Кавказе (первая половина VI в. до н. э.)²⁴

¹⁸ А. Х. Халиков. Железные кинжалы. с. 281.

¹⁹ Например, могильник Мебельная фабрика, могила 13 (36). Отчет А. П. Рунича за 1971 г. Архив ИА, р-1, д. 4633. Рис. 10, 19. О дате этого могильника см. выше.

²⁰ Н. Л. Членова. Карасукские кинжалы. (В печати).

²¹ Кинжал из Дальверзина известен в обломках. По сведениям издавшего его М. Е. Массона, он был длиной 40 см; М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953. с. 12. Табл. I. Рис. 1, 3, 1—4. Предполагая, что длина ручки этого кинжала — 12 см (средняя длина ручек киммерийских кинжалов, кроме группы С, для которой характерны очень короткие ручки — см. табл. I), получаем недостающие размеры — длину и указатель клинка, поставленные в табл. I со знаком вопроса.

²² М. Е. Массон. Ук. соч. Рис. I. 11—12; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962. с. 351, табл. 59, 1—3. с. 227—229.

²³ Р. Попов. Могильники гробов при с. Ендже. ИБАИ, т. VI. С., 1932. с. 104. Рис. 91.

²⁴ В. Б. Виноградов. Ук. соч. с. 98, 100, 101, 329. Рис. 13, 15.

Таблица 1
Индивидуальные измерения некоторых киммерийских и карасукских

№ п/п	Рис	Место находки	Длина кинжала (в см)	Ширина кинжала макс. шир. (в см)	Длина клинка (в см)	Длина ручки с перекрестьем (в см)	Указатель стройности
1	1,1	Высокая могила (Украина)	42	2,6	27	15	6,2
2	1,2	Березки (Молдавия)	42,6	2,6	27,6	15	6,1
3	1,3	Дальверзин (Ташкентская обл.)	40	2,7	28(?)	12(?)	6,7
4	1,4	Катунское (Алтай)	39,1	2,4	28	11,1	6,1
5	1,6	Лагерный Сад (Томск)	?	3,7	36,5	?	?
6	1,7	Уйгарак (Сыр-Дарья)	31,5	4,0	18,5	13	12,7
7	1,9	Кескем (Кавказ)	?	3,0	?	11	?
8	1,10	Кавказ	?	?	?	12,6	?
9	1,8	Мебельная фабрика, мог. 14	46	4,8	32	14	10,4
10	1,12	Ахмылово, мог. 36 (Волга)	34	3,4	24,1	9,9	10
11	1,13	Лейбниц (Штирия)	46	3,3	34	12	7,2
12	4,16	Панад (Семиградье)	39,9	2,2	30	9,9	5,6
13	1,14	Билар (Волга)	54,7	3,1	42,7	12	5,7
14	1,16	Мебельная фабрика (С. Кавказ)	?	2,6	?	9,1	?
15	4,9	Демкино (Волга)	?	2,2	?	10,8	?
16	1,15	Змеиногорск (Алтай)	43,2	3,1	32,6	10,4	7,2
17	1,17	Мебельная фабрика	?	2,2	?	9,2	?
18	—	Гамов (Силезия)	36,3	3,5	23,2	13,1	9,6
19	4,8	Тальменское (Алтай)	25,7	3,1	14,5	11,2	12,1
20	1,18	Навки (Пенза)	20	2,3	9	11	11,5
21	4,4	с. Ермак (Иртыш)	25	4,3	14,2	10,8	17,2

Киммерийские кинжалы группы С отличаются очень короткими ручками (иногда равными ширине ладони) и очень длинным и узким перекрестьем (до 12 см длиной при ширине лопастей 0,8—1,5 см), благодаря чему указатель ручки очень высок, он достигает 100—110. Общая длина кинжала и длина клинка, как правило, превышает эти же размеры в группах А и В. По остальным характеристикам — ширине и толщине клинка, указателю стройности, разности максимальной и минимальной ширины ручки — кинжалы группы С достаточно близки кинжалам группы А. (см. табл. I).

Рассмотрение особенностей поздне-киммерийских кинжалов и их восточных параллелей позволяет сделать некоторые общие выводы об их происхождении. Предполагаемая схема их развития представлена на рис. IV. Три наиболее поздние группы А, В и С, распространенные от Украины до Штирии, имеют синхронные паралели на Востоке (Сыр-Дарья, Алтай и

КИНЖАЛО

Указатель клинка	Указатель ручки	Ширина лопастей перекрестья (в см)	Толщина клинка в середине (в мм)	Ширина перекрестья (в см)	Ширина ручки максимальной (в см)	Ширина ручки минимальной (в см)	Разность ширины перекр. и максим. ширины ручки (см)	Разность ширины ручки максимальной и минимальной (в см)	Толщина ручки максимальной (в мм)
9,6	40	3	6	6	3,4	3,0	2,6	0,4	?
9,4	38,5	3	6	5,8	2,4	2,4	3,4	0	8
9,6(?)	46	4,4	5,5	5,5	?	1,7	3,8	?	?
8,6	48,7	2	7	5,6	2,7	2,1	2,9	0,6	5
10	?	1,4	6	6,7	2,3	2,3	4,5	0	6
21,6	57,7	4	4	7,6	2,8	2,8	4,8	0	27
?	44,5	1,8	?	4,9	1,7	1,3	3,2	0,4	17
?	51,5	2,7	?	6,5	2,6	2,2	3,9	0,4	?
15	48	3,9	?	6,7	3,3	2,9	4,4	0,4	?
14	37	1,5	5	5	3,7	3,2	1,3	0,5	9
9,7	100	1,4	?	12,1	1,5	1	10,6	0,5	15
7,4	110	1,4	?	10,8	1,9	1,6	9,2	0,3	18
7,4	88	1,5	?	10,5	2,6	2,3	7,9	0,3	?
?	97	1,2	?	9,4	2,3	2,0	7,1	0,3	?
?	70	1,4	?	9,1	1,2	1,2	7,9	0	12
9,4	72	0,8	7	7,5	2,0	2,0	5,5	0	6
?	82	1,4	?	7,5	2,4	2,1	5,4	0,3	?
14,9	52	1,3	?	6,8	2,4	2,0	4,4	0,4	?
21,2	61	1,3	?	6,8	1,4	1,3	5,4	0,1	7
25,5	52,7	1,5	?	5,8	1,6	1,6	4,2	0	?
31'	40,7	0,9	?	4,8	3,5	1,5	1,3	2,0	?

Средняя Обь). Типологические прототипы их, рубежа VIII—VII или VII в. до н. э. имеются в Восточной Европе (в основном, Северный Кавказ; экземпляры со Средней Волги — скорее всего, ответвление кавказского типа)²⁵ и на востоке (Алтай). На этой стадии перекрестья кинжалов трех групп не столь различны по размерам и форме (см. рис. IV, 9, 10, 12—14), а их ручки либо лишены орнамента, либо покрыты орнаментом из колец в несколько рядов, иногда нанесенным на бронзовые пластинки, укрепленные на железной ручке (рис. IV, 13, 14). Этот орнамент, несомненно, является вырождением кольчатого прорезного орнамента бронзовых ручек еще более ранней группы, представленной, например, кинжалом с Мебельной фабрики на Северном Кавказе и целым рядом других кинжалов, в основном северо-кавказских, но распространенных и в Восточной, и в Средней

²⁵ А. Х. Халиков. Н. Л. Членова. Указ. доклад.

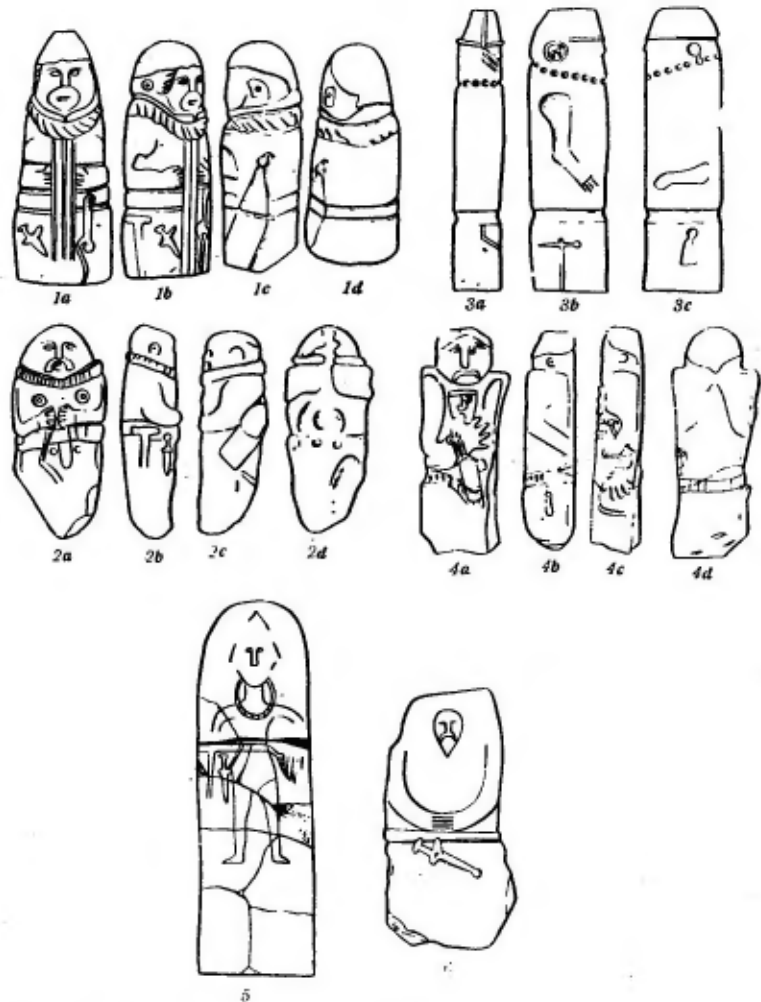

Рис. V. Изваяния скифского типа

1 — Ольховчик, Донецкая область, Украина, по О. К. Тахтаю; 2 — Сибиряра, Добруджа. По А. D. Alexandrescu; 3 — Самагалтай, Тува. Тувинский НИИЯЛИ. По обмерному рисунку Н. Л. Членовой, 1964; 4 — Терновка, Украина, Николаевская область, по Н. Г. Елагинной; 5 — Ачаньино, Нижнее Прикамье, по А. В. Збруевой; 6 — Галайты, Дагестан, Северный Кавказ. По В. И. Марковину и Р. М. Мунчаеву
а — лицевая грань; б, с — боковые грани; д — спина; 1—6 — камень.

Европе (Навки в Пензенской области (рис. IV, 7)²⁶, Матра в Венгрии, Штрамберг в Моравии, Гамов в Силезии²⁷). Кинжалы на этой стадии не

²⁶ Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, Табл. 6, 16.

²⁷ S. Gallus, T. Horváth. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. Dissertationes Pannonicae. Ser. II. № 9, Budapest, 1939. Pl. S; V. Podborský. Štramberk dýka s křížovým jílcem a otázka rozšíření, původu a datování těchto dýk v Evropě. AR, XIX, 2, 1967, stor. 207, obr. 57, 1; M. Gedl. Kultura luzycka na Górnym Śląsku. Warszawa, 1962; H. Müller-Karpe. Die Vollgriffschwerter der Urnenfelderzeit aus Bayern. München, 1961. Taf. 61.

различаются формой навершья, перекрестья и даже мало различаются сечением ручки: навершье-грибовидная шляпка, перекрестье — два коротких прямоугольных выступа, сечение ручки — прямоугольник, близкий к квадрату, иногда с закругленными боковыми сторонами (рис. IV, 6, 7, 8). Длина клинка и общая длина кинжалов как правило невелики: длина клинка 9—14 см, общая длина 20—26 см. Многочисленны параллельные кинжалам этой стадии есть в Сибири, только на их ручках не бывает кольчатого орнамента. Одна из наиболее близких сибирских параллелей — кинжал из с. Тальменское на Северном Алтае (рис. IV, 8); перекрестье его на концах слегка расширяется. Эта форма перекрестья, развиваясь, дает две разновидности: узколопастное перекрестье группы В и широколопастное группы А. Дата кинжалов этой стадии определяется комплексами Гамов и Штрамберг: конец гальштата В. В зависимости от того, как датировать На В, абсолютная дата их — VIII в. до н. э.²⁸, рубеж VIII—VII вв. до н. э.²⁹ или VII в. до н. э.³⁰. Наконец, еще более ранние стадии (которые для простоты в данной работе можно объединить в одну и считать исходной) — это бронзовые кинжалы с ручкой, как бы надетой на клинок (рис. IV, 2, Кобан) или действительно надетой на клинок, с черенком и прикрепленной к этому черенку с помощью отверстий в ручке и гвоздей (Микены, рис. IV, 3). Позднемикенский меч по форме ручки и коротким закругленным шипам-перекрестью ближе стоит к рассматриваемым здесь киммерийским кинжалам (отверстия в ручке, утратив функциональное значение на киммерийских кинжалах, превращаются в кольчатый орнамент, а отверстия в шипах-перекрестье, с помощью которых на микенском мече ручка соединена с клинком, также пережиточно сохраняются на многих киммерийских кинжалах — см. рис. I, 8; (рис. IV, 5, 10, 14). Дата позднемикенских и эгейских мечей — вторая половина XV в. до н. э.³¹ Кинжал из Кобана (рис. IV, 2) по форме к исходным составным прототипам, представленным кинжалом из Египта³² (рис. IV, 1); узкие, заостренные концы ручки на кинжалах типа рис. IV, 1, впоследствии трансформировались в шипы, как на микенском мече.³³ Дата самого кинжала из Кобана может быть достаточно поздней³⁴, это пережиточный архаический тип. В Сибири формы кинжалов, где ручка имитирует надетую на клинок, представлены группой I карасукских кинжалов из Минусинской котловины (дата их определяется XI—VIII вв. до н. э.), а формы с постепенно вырабатывающимся перекрестьем „шипами“ —

²⁸ H. Müller-Karpe. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959.

²⁹ K. Kilian. Zum Beginn der Hallstattzeit in Italien und im Ostalpenraum JRGZM, 17. Jg. 1970.

³⁰ M. Šolle. Hallstatt-Chronologie in Mähren; O chronologii pravěku Československa. Praha, 1956; K. Jazdzewski, Chronologische Tybellen zur Urgeschichtliche Mittel- und Mittel-Ost Europas. — Prace i materialy museum archeologicznego i etnograficznego w Zodzi, seria archeologiczna, № 14, Lodź, 1967.

³¹ N. L. Sanders. Later Aegean Bronze Swords. AJA, v. 87, № 2, 1963. с. 117.

³² H. Bonnet. Die Waffen der Völker des Alten Orients. Leipzig, 1925; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история. Табл. 6, 35.

³³ См. об этом: Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история. 18—20 и табл. 6; она же. Хронология памятников карасукской эпохи. С. 132 и табл. 61.

³⁴ Это доказывается изображением подобного кинжала на одной из новомордовских стел. А. Х. Халиков. Стелы с изображением оружия раннего железного века. СА, 1963, № 3. 183. Рис. 5, 9. На другой стеле изображен кинжал с короткими шипами типа Навки или Якабхедь (там же. с. 183. Рис. 5, 9).

группой II карасукских кинжалов (рис. IV, 4; VIII—VI вв. до н. э.)³⁵. Таким образом, исходные формы киммерийских кинжалов находятся на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, где восходят к составным (ручка и клинок изготовлены отдельно и из разных материалов) II тысячелетия до н. э. и более ранним. Северокавказские киммерийские кинжалы несомненно восходят к ним, что доказывается и вариантами их формы, и тем, что большинство их биметаллические, с кольчатым орнаментом на ручке и пережиточными отверстиями на перекрестье. Сибирские карасукские бронзовые кинжалы — восточная ветвь переднеазиатских кинжалов, промежуточным звеном были кинжалы Северного Ирана³⁶. Рассматривать карасукские кинжалы группы II, рис. IV, 4 (безразлично, происходят ли они из Сибири или Восточной Европы, где их найдено пять)³⁷ в качестве предков киммерийских кинжалов, как считает А. И. Тереножкин³⁸, нельзя, как потому, что у карасукских кинжалов отсутствуют только что перечисленные признаки киммерийских кинжалов, связывающие их со средиземноморско-переднеазиатскими, так и потому, что линии развития карасукских кинжалов нам хорошо известны, и все они дают формы, достаточно отличные в деталях от киммерийских. Так, характерной особенностью карасукских кинжалов является короткое перекрестье, и эта особенность сохраняется вплоть до VII—VI вв. до н. э.³⁹ Только одна из трех позднейших форм киммерийских кинжалов (группа А) имеет параллели на востоке, вплоть до Сыр-Дарьи и Среднего Приобья, причем очень близкие абсолютные размеры и пропорции исключают возможность независимого появления этой формы в столь отдаленных друг от друга районах. Распространялась ли эта форма с запада на восток или наоборот, или, наконец, из какого-то района (например, Средней Азии), на запад и на восток, — пока установить нельзя, но несомненно, что само ее существование является доказательством самых тесных контактов.

На пространстве к западу от Урала районом, из которого распространились киммерийские кинжалы, несомненно был Северный Кавказ, как об этом писали уже А. А. Иессен, Е. И. Крупнов, А. Х. Халиков и автор данной статьи, В. Подборский и В. И. Козенкова⁴⁰. Доказательством служит и то, что на Северном Кавказе сосредоточена основная масса этих кинжалов (около 30 экз.), тогда как в других районах их значительно меньше (16 в Среднем Поволжье, 5 на Украине, 1 в Молдавии, 9 в Средней Европе), и то, что на Кавказе они представлены самыми разнообразными типами, в том числе и такими, которые ближе всего стоят к ближневосточно-средиземноморским прототипам, и географическим положением Кавказа, расположенного ближе всех других названных территорий к Ближнему Востоку. На запад кинжалы распространялись, видимо, вдоль северного побережья

³⁵ Н. Л. Членова. Карасукские кинжалы.

³⁶ Там же.

³⁷ Н. Л. Членова. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе. — СА, 1973, 2; А. И. Тереножкин. Бронзовые кинжалы предскифского времени. — В: Сб. Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

³⁸ А. И. Тереножкин. Бронзовые кинжалы. с. 124—125.

³⁹ Н. Л. Членова. Карасукские кинжалы.

⁴⁰ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА XVIII, 1953, с. 75; Е. И. Крупнов. Древняя история... 203; А. А. Халиков, Н. Л. Членова. Указ. доклад; V. P o d b o r s k ŷ. Op. cit. с. 219—220; В. И. Козенкова. Статья в настоящем сборнике.

Черного моря, а дальше — по Дунаю и его притокам, как об этом писал уже В. Подборский⁴¹. Три новых кинжала — из Одесской области (Суворово), Молдавии (Березки, рис. 1, 2) и Северо-Восточной Болгарии (Белоградец, рис. IV, 20) подтверждают этот путь. Мнение А. И. Тереножкина, что родина киммерийских кинжалов — Северное Причерноморье, подкрепленное единственным аргументом — что Северное Причерноморье занимает срединное положение в области распространения этих кинжалов⁴² — не убедительно.

Датировка киммерийских кинжалов позволяет перейти к другому объекту статьи — каменным изваяниям, изображающим воина с оружием. По мере накопления материала выяснилось, что все они являлись надгробными памятниками. В свое время автор данной статьи связал западную группу этих изваяний скифской эпохи, традиционно называемую „каменными бабами“ (Причерноморье; сюда же была отнесена Ананьинская плита) с восточной, традиционно называемой „оленими камнями“ (Забайкалье, Монголия, Тува, Алтай); между ними наблюдался большой территориальный разрыв⁴³. За последние годы оление камни были обнаружены далеко на западе: на Южном Урале (Гумарово Оренбургской области, рис. VI, 4)⁴⁴ и в Прикубанье (Зубовский хутор и Усть-Лабинская)⁴⁵. К изваяниям типа оленних камней следует отнести еще два: из Ольвии (рис. VI, 1) и из Белоградца (рис. VI, 2). Общее количество каменных изваяний уже довольно значительно; на основании 30 отличительных признаков их можно разбить на 2 большие группы, независимо от их географического положения. Первая группа (изваяния скифского типа) включает отчетливые изображения человеческой фигуры, с головой (обычно изображены черты лица и часто — усы), руками, поясом и оружием, гривной на шее и часто — с ритонном (рис. V, табл. 2, 1—23). Лицевая сторона изображения всегда наносится на широкую грань плиты или столба. Вторая группа — изваяния типа оленних камней, также изображающие человеческую фигуру, но всегда гораздо схематичнее: голова скульптурно не выделяется, а лишь отделена от туловища ожерельем, руки не изображаются, на месте лица часто помещены 2 или 3 косые черточки, на месте ушей — часто серьги, в верхней части головы иногда схематически изображен головной убор или лента — диадема; изображается пояс с подвешенным к нему оружием; лицевая сторона изображения обычно наносится на узкую грань столба⁴⁶.

Первая группа изображений, как это видно по табл. 2, может быть подразделена еще на 3 или 4 подгруппы. В подгруппу 1 первой группы входят изваяния с № 1 по № 5 или по № 6 верхней части таблицы⁴⁷ с наиболь-

⁴¹ V. P o d b o r s k ŷ. Op. cit. с. 218. Обр. 64 (13). 219—220.

⁴² А. И. Тереножкин. Киммерийцы и Кавказ. с. 37.

⁴³ Н. Л. Членова. Об оленних камнях Монголии и Сибири. — В: Монгольский археологический сборник. М., 1962.

⁴⁴ С. А. Попов. Археологические находки на территории Оренбургской области. АЭБ, т. II, Уфа, 1964. с. 261. Рис. 1, 7, 8. с. 264.

⁴⁵ Д. Г. Савинов. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков. Доклад на Конференции по проблемам скифо-сарматской археологии. М., 1967. — Сб. Современная советская археология (в печати).

⁴⁶ Все свободное пространство многих оленних камней заполняется изображениями оленей и других животных; наряду с ними есть и камни без животных. В настоящей статье рассматриваются только они.

⁴⁷ Места находок изваяний перечислены на табл. 2; в тексте они для краткости не называются. При составлении таблицы за основу взята таблица в статье Н. Г. Ела-

Таблица 2

Отличительные признаки каменных изваяний

Тип изваяния	№№ п. п.	Место находки изваяния	Отличительные признаки и детали												
			Усы	Лопатки	Плеть	Панцирь	Рытло	Грива	Руки	Голова, скульптурно выделенная	Линия	Лицевая грань — широкая	Книжка (меч)	Пояс	Лук или горит
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Скифского типа	1	Терновка	+	+			+		+	+	+	+	+	+	+
	2	Ольжичик	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
	3	Буторы	+	+			+		+	+	+	+	+	+	+
	4	Краснодар	+	+	+	+	+	?	+	+	?	+	+	+	+
	5	Сибноара	+	+			+		+	+	+	+	+	+	+
	6	Краснодар II				+	+	?	+	+	?	+	+	+	+
	7	Калиновка		+			+		+	+	+	+	+	+	+
	8	Бесскорбная		+			+		+	+	+	+	+	+	+
	9	Дон					+		+	+	+	+	+	+	+
	10	Станицино					+		+	+	+	+	+	+	+
	11	Надежда (Крым)					?	?	+	?	?	+	+	+	+
	12	Киев					+		+	+	+	+	+	+	+
	13	Днепропетровск I		?			+		+	+	+	+	+	+	+
	14	Днепропетровск II		?			+		+	+	?	+	+	+	+
	15	Первомайск					+	?	+	+	+	+	+	+	+
	16	Эрделевка		?			+		+	+	+	+	+	+	+
	17	Жданов		?	+		?		?	?	?	+	+	+	+
	18	Херсон (Грушевка)		+					+	+	+	+	+	+	+
	19	Ступина (Добруджа)							+	+	+	+	+	+	+
	20	Добруджа							+	+	+	+	+	+	+
	21	Галайты		+					+	+	+	+	+	+	+
	22	Дагестанские огни							+	+	+	+	+	+	+
	23	Бети-Мокх							+	+	+	+	+	+	+
	24	Ананьино						+	+	+	+	+	+	+	+
25	Самагалтай (Тува)							+	+	+	+	+	+	+	
26	Ушкин Увер								+	+	?				
27	Агрын (Хубсугул)								+	+	?				
Типа оленных камней	1	Ольвия											+	+	
	2	Белоградец											+	+	
	3	Диногетия-Гарвен											+	+	
	4	Гумарово											+	+	
	5	Зубовский											+	+	
	6	Усть-Лабинская											+	+	
	7	Сосновка (Тува)											+	+	
	8	Уюк-Тарлаг											+	+	
	9	Ново-Мордово I											+	+	
	10	Ново-Мордово II											+	+	
	11	Ново-Мордово III											+	+	
	12	Ново-Мордово IV											+	+	

Секера	Оселок	Головной убор	Лицевая грань — узкая	Верх изваяния скошен	Поясная пряжка	Каури	Нож	Мешок с узором	Бусы биконические	Бусы круглые	Косые черточки на месте лица	Кольцевидная серьга	Серьга с шариком	Подвеска-животное в круге	Олень	Другие животные	Дата (в. до н. э.)
14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	
+	+	+															V
	+	+															V-IV
		?													+	+	V
+		?															
+																	VI-V
+																	VI-V
																	VI-V
																	VI
																	VI
																	VI
																	VI
+	+							+	+								VI
+	?	+	?	+	+												
		+	?														
+	+																VII
	+																VII
																	VII
+		+	+	+													VII
+		+	+	+													VII
+		+	+	+													VII
+																	VIII-VII или VII
+																	VIII-VII или VII
+																	VIII-VII или VII

шим количеством деталей (II—IV вв. до н. э.), в том числе усы, лопатки, плеть, панцирь, секира, оселок и головной убор. Некоторые из них датированы на основании изображенных на них акинаков, горитов, шлема и других изображений (изваяние № I—V в. до н. э. по Н. Г. Елагиной; № 2 — V или V—IV вв. до н. э. по О. К. Тахтаю и П. Н. Шульцу; № 4 — V в. до н. э. по А. Д. Александреску. Следующая группа — изваяния с № 7 по № 17 или с № 9 по № 17 — представляет гораздо меньшее число деталей (9—11 деталей); перечисленные выше, такие как усы, панцири и пр. — отсутствуют; обычно изображаются гривна, ритон и лук или горит (как и в предыдущей группе), иногда секира. По форме кинжалов-акинаков изваяния № 8 и II датируются VI—V вв. до н. э. (П. Н. Шульц) и так же должно, очевидно, датироваться изваяние № 15.

Наконец, на последней группе изваяний (с № 18 по № 23) представлено еще меньше деталей (не более 6, но иногда и 4—5). Это, так сказать, необходимый минимум признаков изваяния скифского типа, обязательное ядро признаков, присутствующее во всех группах (признаки № 7—12: руки, голова, лицо, кинжал-акинак, пояс, лицевая сторона изваяния — широкая грань). По форме акинаков датируются изваяния № 18 и 19 (VI в. до н. э. по П. Н. Шульцу) и изваяние № 21 (VI в. до н. э. по В. И. Марковину и Р. М. Мунчаеву).

Таким образом, приведенные для датировки выделенных подгрупп опорные даты создают впечатление, что для более ранних изваяний характерен небольшой набор изображаемых деталей, а в течение V и вплоть до IV в. до н. э. этот набор постепенно расширяется. Правда, этот вывод нуждается в некоторых существенных оговорках. Во-первых, в подгруппу 2 попало несколько обломанных изваяний (например, № 11 и 17). Сохранились они полностью, набор деталей у них, возможно, был бы обширнее. Во-вторых, подгруппу 3 с минимальным набором деталей составляют почти исключительно изваяния, найденные за пределами собственно скифской территории: из Добруджи (№ 19, 20) и из Дагестана (№№ 21—23), только одно из них происходит из Грушевки близ Херсона (№ 18). Так что небольшой набор деталей может в данном случае объясняться не только хронологическим, но и географическим положением этих изваяний. Но в целом вы-

гиной Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. СА, 1959, № 2, с. 195, но добавлен еще ряд признаков. Использованы публикации: В. Н. Ястребов. Каменная баба. Древности. Тр. МАО, т. XI, 1886, с. 87; T. Passet et V. A. Latupine. Sur la question des „kamennje baby“, ESA, IV, 1929; А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИРАИМК, IV, 1925; А. И. Мелюков в а. Каменная фигура скифа-воина. КСИИМК, XLVIII, 1952; П. Н. Шульц. Скифские изваяния Причерноморья. — В: Сб. Античное общество. М., 1967; он же. Кубанские изваяния скифского времени. СА, 1973, № 4; О. К. Тахтай. Скифская статуя з с. Ольховик Донецкой области. Археология. Т. XVII, Київ, 1964; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, № 1; А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952; А. Д. Александреску. Două statui fraco-scitice din Dobrogea. SCIV, IX, № 2, 1952; G. Toncheva. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям. Thracia, I, Serdicae, 1972, I. Varnea. Idol feminin sau „kamennaja baba“? — SCIV, XIII, № 1, 1962; Н. Appelgren-Kivalo. Alt-Altische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931; М. Х. Маннай — оол. Тува в скифское время. М., 1970; А. Х. Халиков. Стелы. . ., СА, 1963, № 3; И. А. Батманов и А. Ч. Куна. Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. II. Кызыл, 1963; С. А. Попов. Ук. соч.; Д. Г. Савинов. Ук. соч.; В. В. Волков. Доклад на археологической сессии 1972 г. в Москве.

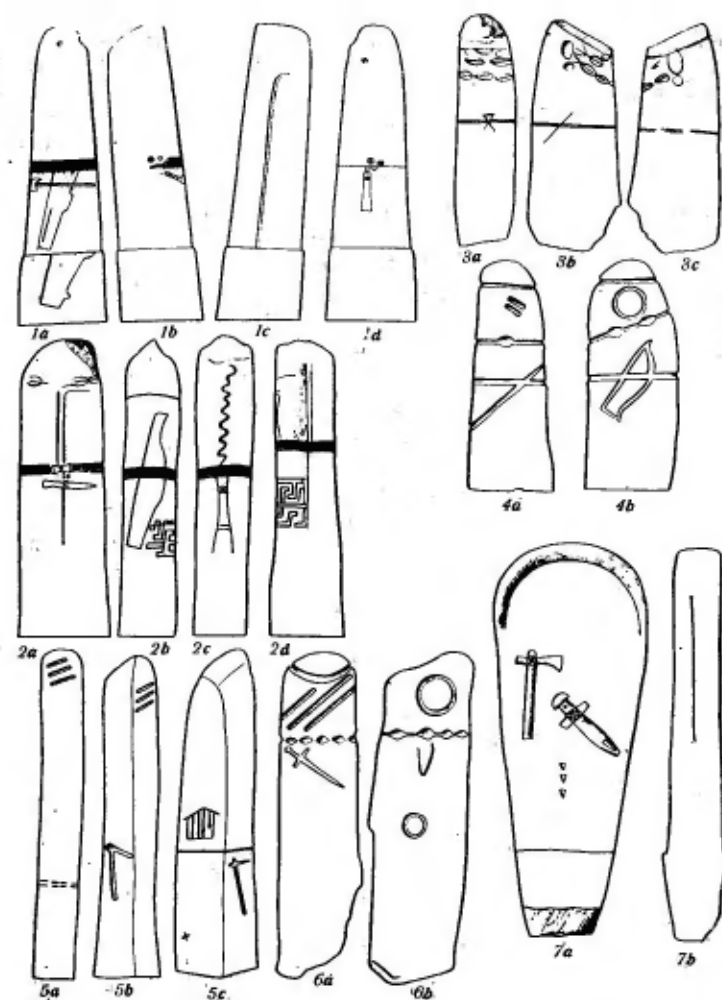

Рис. VI. Изваяния типа оленьих камней

1 — Ольвия, Нижнее Побужье, Украина; 2 — Белоградц, Северо-восточная Болгария. По Г. Тончевой; 3 — Диногетия-Гарвен, Добруджа, по I. Varnea; 4 — Гумарово, Оренбургская область, Южное Приуралье. По С. А. Попову; 5 — Уюк-Тарлаг, Тува. По И. А. Батманову, А. Ч. Куна и Н. Appelgren — Kivalo; 6 — Сосновка, Тува. По М. Х. Маннай-оолу; 7 — Ново-Мордово, Татарская АССР, Среднее Поволжье. 1, 7 — по обмерным рисункам Н. Л. Членовой, 1967 и 1970; а) лицевая грань; б, в) боковые грани; д) спина

вод о том, что с VI по начало IV в. до н. э. количество деталей, изображаемых на изваянии, все увеличивается, заслуживает внимания. К изваяниям скифского типа явно примыкает Ананьинская плита (рис. 5, 5), где вырезано изображение воина во весь рост, в шлеме, с гривной, поясом, акинаком и другим оружием. (9 деталей, рис. II, № 24) и изваяния — оленьие камни из Тувы и Монголии (рис. V, 3; табл. 2, изваяния № 25—27), у двух последних выделены головы и изображены лица.

На изваяниях второго типа, „типа оленьих камней“ представлено разное число деталей (от 3—4 до 13, см. табл. 2, нижнюю часть, №№ 1—12). С изваяниями скифского типа их сближает не только то, что те и другие — надгробные памятники⁴⁸ и изображают воина с оружием, но и то, что у тех и других совпадает по 6 категорий деталей (табл. 2, детали №№ 11—16: кинжал, пояс, лук или горит, секира, оселок, головной убор). Однако типы этих вещей другие, не скифские.

Лучше других датировано изваяние из Белоградца: инвентарем кургана, на котором оно стояло (VII в. до н. э., см. выше). Дополнительные датирующие материалы изображены на самом изваянии. Так, нож (рис. 6, 2а) ближайшую параллель находит в могильнике Санский мост в ЮВ Боснии (VI в. до н. э.)⁴⁹. В отличие от поясов скифских изваяний, покрытых вертикальными поперечными линиями (рис. V, 4), означающими бронзовые или железные пластины, укрепленные на кожаной основе⁵⁰, пояс белоградского изваяния заштрихован семью продольными полосами (рис. VI, 2). Наиболее близкая параллель ему — пояс из погребения 68 кобанского могильника Гли⁵¹, найденный в комплексе VII в. до н. э.⁵² и представляющий собой тонкую бронзовую пластину с несколькими продольными ребрами — вариант кавказского и ближневосточных бронзовых поясов. Наконец, поясная пряжка белоградского изваяния, в форме бабочки или двойной секиры (рис. VI, 1) является, видимо, вариантом пряжки на изваянии из Диногетия-Гарвэн (рис. 6, 3а); выше они уже сравнивались с прорезной пряжкой от ножен на клинке кинжала из Лейбница (рис. 1, 13), который относится к позднейшим киммерийским кинжалам.

Изваяние из Ольвии (рис. VI, 1) очень сходно с белоградским. Оно было найдено в Ольвии и числится в музее как „причальный столб с Ольвийской пристани“⁵³, т. е., очевидно, было найдено во вторичном использовании. Точнее условия его находки неизвестны. Вероятнее всего, оно синхронно найденной в Ольвии негреческой чернолощеной керамике с белой инкрустацией, аналогичной керамике лесостепной Украины и бронзовому наконечнику стрелы с ромбическим пером типа Малой Цимбалки. С. И. Капошина датирует эти находки концом VII или рубежом VII—VI вв. до н. э.⁵⁴ Исходя из даты Малой Цимбалки, правильнее отнести их к VII в. до н. э.⁵⁵ Наряду с этой керамикой К. К. Марченко в последние годы обнаружил в Ольвии и керамику типа фракийских памятников Кар-

⁴⁸ Это достоверно известно о 7 изваяниях из 12 (Белоградец, Зубовский хутор, Усть-Лабинская и все Новомордовские стелы). Остальные памятники найдены либо во вторичном использовании, либо связь их с погребениями не установлена.

⁴⁹ F. F i a l a. Die Flachgräber und die prähistorische Ansiedlung in Sanski most. — WMBH, VI Bd. Wien, 1899, fig 20 (нож железный).

⁵⁰ А. П. М а н ц е в и ч. О скифских поясах. СА, VII, 1941. С. 23—27; Е. В. Ч е р н е н к о. Скифські бойові пояси. Археологія, XVI, Київ, 1964. с. 43, 45; он же. Скифський доспех. Киев, 1968. 58—63.

⁵¹ Б. В. Т е х о в. Раскопки Глиевского могильника в 1960 г. СА, 1963, № 1. Рис. 8, 5, 6. с. 172.

⁵² Там же. Рис. 4, 4; рис. 6, 1, 2, 4; рис. 7, 6, 7. Ср. В. А. Г л л и н с ь к а. Про походження і етнічні зв'язки племен скифської культури Посульсько-Донецького лісостепу. Археологія, XX, 1966, с. 68.

⁵³ Одеський гос. археологічний музей, инв. № А 50748.

⁵⁴ С. И. К а п о ш и н а. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, 50, 1956. с. 159—160. Рис. 5, 1—3.

⁵⁵ Ср. В. Л а п и н. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. с. 55—59, 87, 138.

пато-Дунайского бассейна⁵⁶, что представляет для нас очень большой интерес в связи с тем, что ольвийское изваяние столь близко напоминает изваяние из Белоградца в Болгарии. По данным К. К. Марченко, в самой Ольвии негреческая керамика восходит ко времени не ранее VI в. до н. э., но на Березани она известна с середины—второй половины VII в. до н. э. Это приводит автора к выводу, что фракийцы и лесостепные скифы появились в районе Нижнего Побужья около середины—второй половины VII в. до н. э.⁵⁷ На лицевой стороне изваяния изображен пояс, такой же, как на изваянии из Белоградца, но заштрихованный 12 параллельными линиями (рис. VI, 1а); местами он украшен еще кружками. К поясу подвешен горит; контуры его поперечны и на нижней части той же грани столба (все изображения гравированы). Поверх горита изображено оружие типа двойной секиры. Двойные секиры и близкое им оружие в столь позднее время известно. Оно изображено на рельефах из Сакче-Гёзу в Малой Азии (VIII в. до н. э.)⁵⁸ на ассирийских рельефах из Куянджика (VII в. до н. э.)⁵⁹ и на статуе из Каппадокии, „предположительно скифской“⁶⁰.

Очень интересно, что двойные секиры очень долго бытуют в Карпато-Дунайском бассейне (например, комплекс Чернату в Трансильвании эпохи гальштат В; могильники Фериджеле, Гогошу и клад Быльвэншти в Румынии, VI—V вв. до н. э.⁶¹ и др.).

Любопытный бронзовый молоток с двумя обушками найден в кургане 18 Уйгарака⁶² (основная часть этого могильника, по нашему мнению, относится к VII в. до н. э., по мнению О. А. Вишневской — к VII—VI вв. до н. э.) и почти аналогичный предмет — в могильнике Шанчуг в Туве⁶³.

На задней стороне изваяния — оселок, обычная для киммерийских комплексов вещь (рис. VI, 1). На боковой стороне — вертикальная углубленная полоса с Г-образным загибом сверху, напоминающая углубление на изваянии из Белоградца (рис. VI, 2).

Изваяние из Диногетии-Гарвэн (рис. VI, 3), как это уже установила Г. Тончева, сближается с белоградским; на нем мало деталей, как и на изваяниях скифского типа из Добруджи. Кроме пряжки и пояса, на нем представлено только ожерелье из раковин каури, как на изваяниях из Белоградца и Зубовского хутора. Не будучи, конечно, датирующими материалами, натуральные раковины каури характерны, тем не менее, для культур киммерийско-карасукского круга (кизил-кобинской культуры Крыма, кобанской культуры Кавказа, могильника Сиалк В, карасукской

⁵⁶ К. К. М а р ч е н к о. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I вв. до н. э. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1974. с. 14—15.

⁵⁷ Там же. с. 15.

⁵⁸ E. P o t t i e r. L'art Hittite, I. Paris, 1926. Fig. 117.

⁵⁹ G. R a w l i n s o n. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World. London, 1871, v. I. с. 459.

⁶⁰ Там же, с. 459.

⁶¹ Z. S z é k e l y. Nouvelles données sur la chronologie de l'âge du fer (époque du Hallstatt) en Transylvanie (R. S. de Roumanie). Actes du VII-e Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Prague, 21—27 août 1966. T. 1. Prague, 1970. 737, pl. XXVI; А. Вулле, Вопросы в связи с концом раннежелезного века в свете раскопок в Фериджеле. — Dacia IV, 1960. с. 187. Fig. 5, 13. с. 192.

⁶² О. А. В и ш н е в с к а я. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII—V вв. до н. э., М., 1973.

⁶³ М. Х. М а н н а й - о о л. Тува в скифское время. М., 1970. с. 40. Рис. 4.2.

культуры и пр.). В более позднее время раковины каури распространены гораздо шире.

Изваяния из Зубовского хутора и Усть-Лабинской, отнесенные Д. Г. Савиновым к разряду оленних камней (прежде их ошибочно относили к „вишам“), замечательны тем, что связывают оленние камни восточные, тувинско-монгольские (две косые черточки вместо лица; биконические бусы; кольцевидные серьги и подвески в виде животных в круге и пр.) с западными (кобанские топоры и киммерийские кинжалы⁶⁴ типа Головатино-Лейбниц). На изваянии из Усть-Лабинской изображен мешок, как на белоградецком изваянии, но орнамент его другой. Топоры, кинжалы и орнамент мешка позволяют датировать эти изваяния VII в. до н. э. На ту же дату указывают изображения животных, стоящих на кончиках копыт (по многим восточным параллелям).

Изваяние из с. Гумарово (рис. VI, 4) — оленний камень восточного типа, с двумя косыми черточками вместо лица, поясом-желобком, луком, ожерельем из бус или раковин каури и кольцевым желобком, отделяющим головной убор (ср., например, рис. VI, 6). Твердо датированных изображений на нем нет. Изваяния из Тувы (рис. VI, 5 и 6) — обычные восточные „оленние камни без оленей“. На месте лица — косые черточки, показано ожерелье из бус и кольцевые серьги. На изваянии из Сосновки — кинжал с прямым перекрестьем (рис. VI, 6А), может быть, того типа, как зменногорский (рис. I, 15) VII—VI вв. до н. э.

Несколько особняком стоят Ново-Мордовские стелы. Они примыкают к изваяниям типа оленних камней, но еще схематичнее их: изваяние уже не делится на 3 пояса (голова, средняя и нижняя часть туловища), нет серег, ожерелья и пояса, есть лишь оружие-кинжалы и секиры (табл. 2, № 9—12, рис. VI, 7). Их дата — рубеж VIII—VII или VII в. до н. э. определяется этим оружием⁶⁵.

По табл. 2 видно, что изваяния типа оленних камней имеют с изваяниями скифского типа ряд общих категорий признаков (признаки № 11—16 — кинжалы, пояс, лук, секира, оселок, головной убор). Это, однако, еще не говорит о прямой преемственности и единой культурно-этнической принадлежности обоих типов изваяний. В самом деле, на тюркских (в том числе половецких) изваяниях также изображались пояс, меч или сабля, гривна — но из этого не следует, что они непосредственно восходят к скифским или сарматским и созданы в ираноязычной среде. Связь безусловно существует, но она более сложная и опосредствованная. Хотя на изваяниях типа оленних камней изображены кинжалы, но они киммерийского и карасукского типа, а не акинаки, как на скифских изваяниях; пояс тоже другие — видимо, металлические, а не с нашивными пластинами; как на скифских изваяниях, секиры и топоры изображены более схематично, но все же на скифских изваяниях не бывает кобанских топоров, как на зубовском и устьлабинском; головной убор скифских изваяний — шлем или род башлыка, а на оленних камнях — низкая круглая шапочка либо лента-диадема.

Изваяние типа каменных баб — скифские или сделаны под скифским влиянием. Культурная принадлежность западных оленних камней через

посредство кинжалов и других вещей определяется как киммерийская. О том, что эти памятники входят в обширную евразийскую общность, характеризующую целым рядом близких категорий вещей (керамика, многих украшений, рядом форм оружия и орудий, многими чертами в обряде погребения и даже в ряде случаев близким физическим типом ее носителей) уже приходилось писать. Общность эта была названа киммерийско-карасукской по наиболее известным из крайних ее культур⁶⁶. Рассмотренные в данной статье каменные изваяния типа оленних камней существенно дополняют наши представления об этой общности, позволяя связать некоторые восточные оленние камни с культурами, входящими в нее, причем свидетельствуют явно не о торговых связях (каменные изваяния слишком тяжелы и громоздки, чтобы ими торговать, да и вряд ли такой „товар“ нашел бы спрос в совершенно чуждой среде), а о передвижениях населения. Передвижения эти осуществлялись иногда на очень далекие расстояния (о чем свидетельствуют косые черточки вместо лица и другие отличительные особенности тувинско-монгольских камней на изваяниях зубовском и устьлабинском на Кубани), но были, вероятно, не прямыми, а постепенными, от одной местности к другой, так что местное население во многих случаях успевало добавить или видоизменить изображаемые детали — например, кобанские топоры и киммерийские кинжалы на тех же зубовском и устьлабинском изваяниях. Изваяния типа Ольвия-Белоградец образуют особую подгруппу общей большой группы оленних камней; восточные пределы этой подгруппы пока определить нельзя. Точно так же пока невозможно из-за недостатка материала определить место происхождения всей группы изваяний типа оленних камней хотя бы с той же точностью, как для киммерийских кинжалов. Пока важно установить восточные связи этой группы изваяний.

ON THE RELATIONS OF THE NORTH-WESTERN BLACK SEA COAST AND THE LOWER DANUBE WITH THE ORIENT IN THE KYMMERIS AGE

N. L. Chlenova

(Summary)

The article examines the problem of the relations of the North-Western Black Sea Coast and the Lower Danube with the Orient in the Kymmeris Age on the basis of two types of monuments: the daggers of the so-called Kabardino-Pyatigorsk or Kymmeris type and the 'stone grannies'.

The author dwells on the latest daggers which were made of iron and had an undecorated handle. The daggers are classified into three groups according to the type of crosspiece at the base of the handle: A — a crosspiece in the form of broad coloured leaves or of a double axe; B — with a crosspiece in the form of narrow leaves; C — with a long straight and narrow

⁶⁴ Установлено Д. Г. Савиновым.

⁶⁵ А. Х. Халиков. Стелы... с. 184—185.

⁶⁶ Н. Л. Членова. Хронология... с. 131—135. Табл. 60—68.

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ДАТЕ НЕКОТОРЫХ КИНЖАЛОВ ТАК НАЗЫВАЕМОГО КАБАРДИНО-ПЯТИГОРСКОГО ТИПА

В. И. Козенкова

(СССР)

Исследование культурных контактов Карпато-Дунайского бассейна и Балкан с областями Восточной Европы и Северного Кавказа в предскифское время — проблема не новая, но тем не менее по-прежнему мало разработанная как в советской, так и в зарубежной археологии. Причина такого положения вещей кроется в разрозненности и единичности известных науке фактов, не позволяющих достаточно полно и ясно реконструировать картину многосторонних связей, имевших место между этими удаленными областями в древности. В частности, болгарские исследователи (Р. Попов, А. Милчев, Д. П. Димитров, И. Венедиков, М. Чичикова) неоднократно отмечали среди фракийских древностей чуждые местной культуре предметы, определяемые как кавказские, точнее — кобанские¹. В то же время на Северном Кавказе, по мере углубленного исследования, растет число вещей определенно импортных из Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и из ареала раннефракийской культуры, а также местных, северокавказских предметов, аналогии которым в указанных областях имели место в культурах фрако-киммерийского хронологического пласта.

К последним относятся биметаллические кинжалы т. н. кабардино-пятигорского типа, обширная исторнография которых отражает большое разнообразие точек зрения на их происхождение, типологию и хронологическую классификацию².

¹ Р. Попов. Культура и живот на прадисторическия човек в България. С., 1930. с. 26; А. Милчев. Трако-киммерийски находки в българските земи. — В: Сб. Гаврил Кацаров. т. II, С., 1955. с. 361—362; Д. П. Димитров. България — земля древних культур. С., 1959. с. 12; И. Венедиков. Предахеменидски Иран и Тракия. ИАИ, XXXI. С. 1969; М. Чичикова. Печати с изображения на накити върху питоси от Севтополис. Сб. „Изследвания в чест на акад. Д. Дечев“. С., 1958. с. 486—487.

² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. с. 203; А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961. с. 137, 201; Н. В. Анфилов. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья. — В: Сб. Новое в советской археологии. М., 1965. с. 197; А. Х. Халиков. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья. — В: Сб. Древности

crosspiece. Each of these groups is divided into two subgroups according to the cut of the handle: a flat handle and a handle with a round cut. The last daggers in Group A date from the 7th to the 6th century B. C. The only dagger in Group B is the specimen from the tumulus at the village of Belogradets (Varna District), Bulgaria, which dates from the 7th century B. C. The daggers in Group C are contemporary with the last Kymmeris daggers. The dimensions of the daggers are very close to the sizes and proportions of each group, which testify to their contemporaneity and their conformity with strictly specific measurements. The Karasuk daggers from the Oriental regions are also close in size and proportion. The three last groups of daggers (A, B and C) of the Kymmeris type were found from the Ukraine to Shtyria. The author considers the daggers from 8th and 7th century B. C. found in the Northern Caucasus as their prototypes, and at an even earlier stage the Koban and Late-Mycaean daggers from the middle of the second millenium B. C. The Siberian Karasuk daggers cannot have descended from the Kymmeris daggers, but may be explained as an oriental branch of the Fore-Asiatic ones. The author shows the daggers from Northern Iran as the intermediate link between the daggers of the Northern Caucasus and the Orient. The Kymmeris daggers were diffused from the Northern Caucasus to the Orient from the West.

The second group of monuments examined in this article are the tombstones representing an armed warrior. They have been divided into two groups. The slabs of the Scythian type, the so-called 'stone grannies', belong to the first one. Images of a human figure with a head, arms, a belt and a weapon are clearly engraved on them. The facial image is to be found on the broad part of the slab or the column. The second group, independent of geographical difusion, has been called oriental and it includes monuments by the traditional name of 'deer stones'. They also bear the image of a human figure, but it has been treated very schematically. The facial side of the image is as often as not engraved on the narrow side of the column. The first group dates from the 6th to the beginning of the 4th century B. C., whereas in the second group the stone slab from Belogradets (Bulgaria) has been best dated from the 7th century B. C. The stone slabs of the 'deer stones' type had not only the same purpose of gravestones like the 'stone grannies', but also bore the same images of a warrior with a weapon: a dagger, bow or quiver, axe, belt, etc. However, the type of these objects is different, not Scythian. The daggers on the 'deer stones' are of the Kymmeris and Karasuk types, and not the 'akinake' as of the Scythian ones. The plates are also of metal and not of sewn plates.

The monuments of the 'stone grannies' type are Scythian or have been worked under Scythian influence, whereas the cultural affiliation of the western group of 'deer stones' dating mainly from the 7th century B. C. may be defined as Kymmeris. The western group of 'deer stones' is related to the oriental 'deer stones' by means of which it entered the Eurasian community, and has been called Kymmeris-Karasuk.

Морфологическое богатство вариантов самих бронзово-железных изделий, а также появление в последнее время серии целиком бронзовых или целиком железных предметов этого типа ставит исследователей перед необходимостью дифференцированного подхода к их характеристике. Даже визуальное рассмотрение кинжалов показывает, что широкая датировка всей группы VIII — началом VII века до н. э., не всегда соответствует имеющимся данным, а потому не может удовлетворять исследователей.

В нашей статье предпринята попытка, на основе анализа биметаллического кинжала из станицы Змейской (Северная Осетия), выделить из всей группы кинжалов кабардино-пятигорского типа предметы наиболее древние.

Кинжал из ст. Змейской был случайно обнаружен в 1959 г. во время работы Северокавказской археологической экспедиции на площади средневекового могильника (Рис. 1А, 2). Е. И. Крупнов лишь бегло упомянул об этой находке, и, по сути дела, она осталась вне поля зрения исследователей³.

Предмет этот, однако, заслуживает самого пристального внимания, особенно в свете новых археологических данных, выявленных за последние годы. Хотя точное место находки осталось невыясненным, совершенно ясно, что к средневековым захоронениям кинжал не имеет отношения. В то же время отсутствие на площади средневекового могильника могил раннего железного века дает основание предполагать, что кинжал относился к слою Змейского поселения X—VIII вв. до н. э., раскоп которого находился в 1959 г. в 150—2000 м от позднего некрополя.

От кинжала сохранилась лишь бронзовая рукоятка с небольшим куском железного клинка у основания перекрестия. Рукоятка плоская, с грибовидным навершием и перекрестием в виде широких лопастей подтреугольной формы. В центре перекрестия полое. Именно в нем и был закреплён железный клинок. Интересна ажурная орнаментация рукоятки, состоявшая из одного ряда кружков с рельефным циркульным рисунком. Длина рукоятки 11,7 см; ширина в области навершия 2,9 см; ширина на переходе к перекрестию 2 см; толщина 0,6 см. Перекрестие в сечении плоское, утолщенное лишь в центре. Ширина его 5 см; толщина 0,3—0,8 см. С одной стороны у края перекрестия имелось круглое сквозное отверстие.

Спектрально-аналитические исследования металла рукоятки, произведенные Т. Б. Барцевой в лаборатории Института археологии АН СССР, показали сложный состав металла с высоким содержанием олова (8%) в медной основе. В металле довольно высокий процент сурьмы (1,5%) и мышьяка (1,5%), что, по мнению Т. Б. Барцевой, характерно для выделенной ею восточной (чечено-ингушской) металлургической группы Сев. Кавказа предскифского времени⁴.

По общим параметрам рукоятка из ст. Змейской бесспорно относится к многочисленной и весьма разнообразной коллекции кинжалов VIII—VII вв. до н. э., известной в настоящее время не только на Северном Кавказе, но и в Поволжье, Северном Причерноморье и в Центральной Европе и на-

Восточной Европы". М., 1969. с. 275—281; Н. Л. Членова. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. с. 132—135; V. Podborsky. Stramberská dýka s křížovým jílsem a otázka rozšíření, původu a datování těchto dýk v Evropě. Archeologické rozhledy, XIX—1967, 2, Praha. 219—220.

³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа... с. 203.

⁴ Т. Б. Барцева. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке. Автореферат канд. диссертации, М., 1974. с. 9—12.

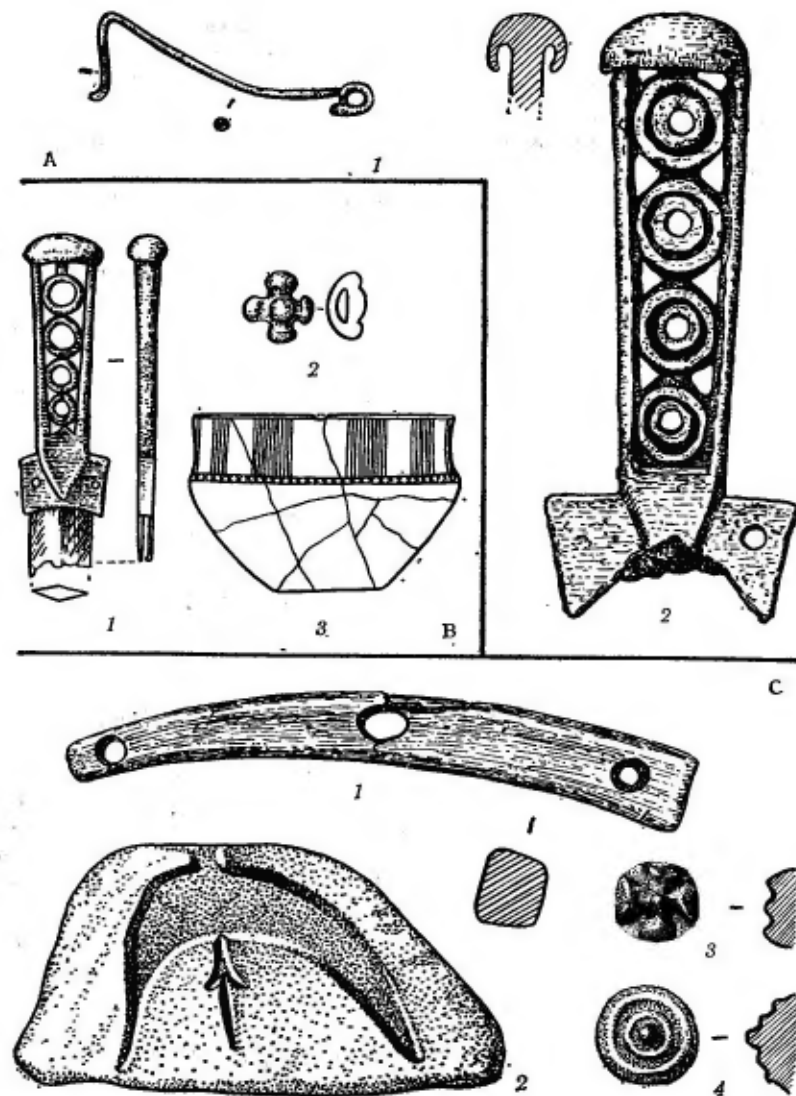

Рис. 1

А1 — бронзовая фибула из слоя Змейского поселения; А2 — рукоятка биметаллического кинжала из ст. Змейской; В 1—3 — часть комплекса погребения № 28 могильника на Мебельной фабрике в г. Кисловодске; (1 — бронза и железо; 2 — бронза; 3 — глина); С — предметы из слоя Бамутского поселения: 1 — роговой псалей; 2 — каменная литейная форма; 3, 4 — оттиски из литейных форм

считывающей более 50 экземпляров. Из них на долю Северного Кавказа приходится 31 экземпляр (т. е. более 60%). При ближайшем рассмотрении, однако, круг аналогий кинжалу из ст. Змейской значительно сужается. В эту группу, кроме него, можно, на наш взгляд, отнести лишь следующие находки.

1. Целиком бронзовый кинжал из погребения № 70 Сержень-Юртовского могильника в Чечено-Ингушетии (Рис. 3, 4).

2. Биметаллический кинжал из погребения № 28 (раскопки 1971 г.) могильника на Мебельной фабрике в Кисловодске⁵ (Рис. 1В, 1).

3. Биметаллический кинжал из разрушенного погребения № 6 там же⁶ (Рис. 2, 4).

4. Биметаллический кинжал из окрестностей Кольца-горы в Кисловодске⁷ (рис. 2, 5).

5. Биметаллический кинжал из клада № 5 с поселения близ с. Штрамберк в Чехословакии⁸ (Рис. 2, 1).

6. Биметаллический кинжал из Гамова в Польше⁹ (Рис. 2, 2).

7. Биметаллический кинжал, случайно найденный на горе Матра в Венгрии¹⁰ (Рис. 2, 3).

8. Биметаллический кинжал, случайно обнаруженный в начале XX в. в бывш. Пензенской губернии на правом берегу р. Атлеса близ с. Навки и приобретенный в 1902 г. А. А. Спициным¹¹ (Рис. 2, 6).

9. Бронзовый кинжал, случайно найденный в 50-х г. в Туве у с. Туран¹² (Рис. 2, 7).

Перечисленные кинжалы объединяет, кроме грибовидного навершия, орнаментация уплощенной рукоятки однородно-кольчатый узором. Наличие серии детально близких по орнаментации предметов исключает, на наш взгляд, элемент случайного совпадения и, скорее всего, может свидетельствовать о сравнительно узком периоде их бытования.

Особенно разительно сходство кинжала из ст. Змейской с кинжалами из погребения № 28 на Мебельной фабрике (Рис. 1В, 1) и из кладов Центральной Европы, из Штрамберка, Гамова и с Матры (Рис. 2, 1—3).

Морфологически теснейшим образом к ним примыкает бронзовый кинжал из с. Сержень-Юрт (Рис. 3, 4). Меньшее сходство обнаруживает кинжалы из Кисловодска (Кольцо-гора и погребение № 6) и из Навки и Турана (Рис. 2, 4—7). Для последнего, датированного Л. Р. Кызласовым VII—VI вв. до н. э.¹³, мы не исключаем даже случайного совпадения орнаментации, так как визуально он все же выделяется среди остальных.

Хронология всей группы кинжалов с однорядно-кольчатым ажурным орнаментом на рукоятке, а вместе с ними и кинжала из ст. Змейской, уточняется как на основе анализа комплексов, в которые непосредственно входили предметы такого рода, так и путем привлечения новых памятников, вещевой материал которых имел ряд точек соприкосновения с инвентарем

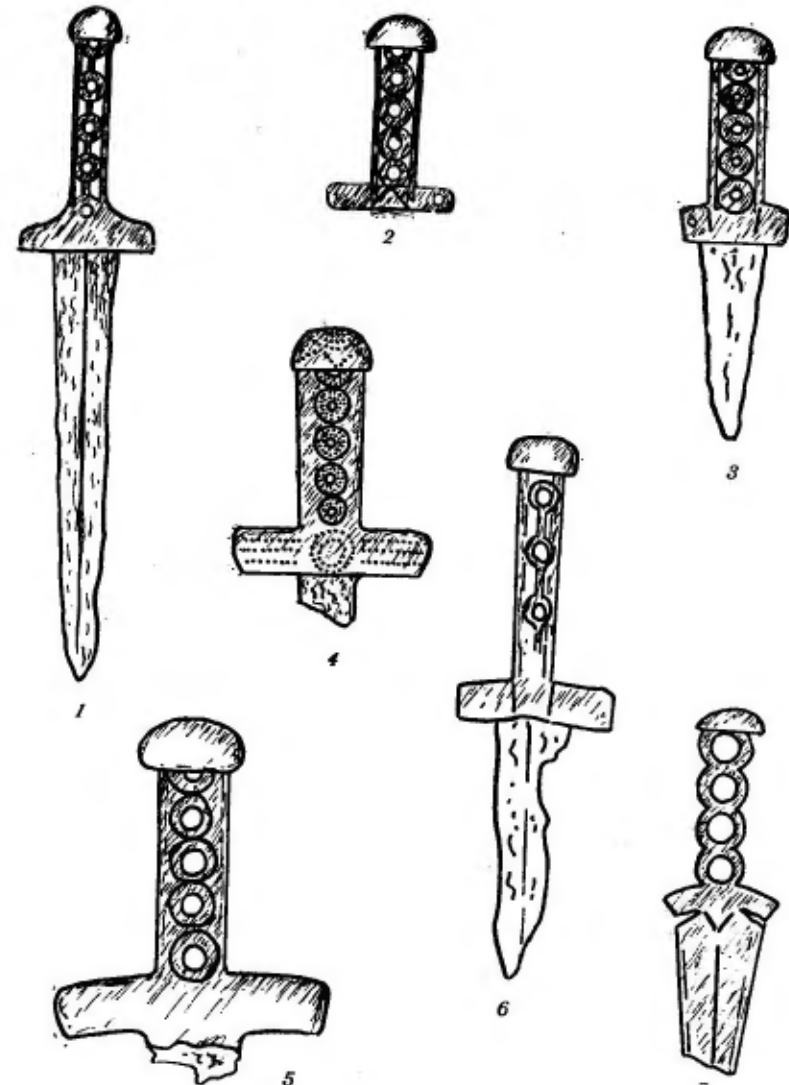

Рис. 2. Биметаллические и бронзовые кинжалы с однорядно-кольчатым орнаментом
1 — Штрамберк; 2 — Гамов; 3 — Матра; 4 — могильник на Мебельной фабрике (погр. 6) в Кисловодске; 5 — Кольцогора (Кисловодск); 6 — Навка; 7 — Туран

этих комплексов. Таковыми, в первую очередь, являются погребение № 28 на Мебельной фабрике, клады из Чехословакии и Польши, материалы Сержень-Юртовского, Змейского и Бамутского поселений кобанской культуры.

Общей чертой для подобного рода памятников является почти полное отсутствие в них железных предметов, за исключением самих биметалличе-

⁵ А. П. Рунич. Отчет о работе в районе Кавминвод в 1971 г. Архив ИА АН СССР. Р-1 № 4633.

⁶ А. П. Рунич. Отчет о работе в районе Кавминвод в 1971 г. Архив ИА АН СССР. Р-1 № 4633.

⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. . . с. 457. Табл. XXV. 5.

⁸ V. Podborsky. Stramberska dýka s křížovým jilcem a otázka rozšíření původu a datování těchto dýk v Evropě. с. 207 Рис. 57, 6.

⁹ V. Podborsky. Указ. соч. с. 211. Рис. 59, 8.

¹⁰ V. Podborsky. Указ. соч. Рис. 62, II, 10.

¹¹ А. Х. Халиков. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками. . . с. 276. Рис. 1, 2.

¹² Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. Вестник МГУ, № 4, 1959 (историко-филологическая серия) с. 76, Табл. II, 36.

¹³ Л. Р. Кызласов. Указ. соч. с. 75.

ских кинжалов. Это служит косвенным свидетельством принадлежности их к первоначальной поре освоения железнотельного производства.

Среди предметов погребения № 28 на Мебельной фабрике знаменательно присутствие бронзовой крестовидной пуговицы с петлей на обороте (Рис. 1В, 2). По форме пуговица до мельчайших деталей повторяет негатив литейной формы из однослойного поселения у с. Бамут (Чечено-Ингушетия), датированного X—VIII в. до н. э.¹⁴ Ранняя дата материалов Бамутского поселения обосновывается присутствием в слое таких предметов, как роговой трехдырчатый псалий с двумя малыми круглыми отверстиями по краям и большим отверстием в центре (Рис. 1С, 1). Подобный тип псалиев, по мнению А. М. Лескова, характерен для европейской территории лишь для X—IX вв. до н. э.¹⁵ В Закавказье чрезвычайно близкий по форме псалий зафиксирован в слое древнего Эребуни¹⁶, что дает весьма прочную опору для абсолютной датировки. Как известно, основной слой Эребуни датируется временем между 782 г. до н. э. (основание города) и 776 г. до н. э. (сооружение Аргиштихинили и перенос туда всех сокровищ урартских царей VIII в. до н. э.)¹⁷.

Вместе с литейными формами крестовидных бляшек в слое Бамутского поселения обнаружены также формы для дисковидных выпуклых бляшек, не имеющих аналогий в культуре Северного Кавказа и, скорее всего, по своему происхождению связанных с гальштатской культурой. Они являются типичной находкой в кладах группы Гроссмогль (Штирия, Вёллерсдорф) времени НаА в Нижней Австрии¹⁸.

Не менее показательно присутствие в слое Бамутского поселения литейных форм для наконечников стрел кавказского типа (Рис. 1С, 2) и, что особенно важно, для серпов (рис. 1С, 2), аналогичных серпам из Боргустанского и Бекешевского кладов Прикубанья¹⁹. Материалы этих кладов (основная группа позднекубанского периода по А. А. Иессену), как известно, относительно старше комплексов типа Новочеркасского клада, т. е. датируются не позднее середины VIII в. до н. э.²⁰

И, наконец, сам факт отсутствия в слое Бамутского поселения каких-либо следов железных предметов, а также ранних двулопастных с ромбической головкой втулчатых бронзовых наконечников стрел VIII—VII вв. до н. э. (по классификации А. И. Мелюковой), свидетельствует о том, что верхний хронологический рубеж существования поселения лежит несколько глубже, чем например, в Сержень-Юртовском поселении, где такие наконечники четко отграничивают более ранний слой X—VIII вв. до н. э.,

¹⁴ А. Р. Магомедов. Культура Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы. Автореферат канд. диссертации. М., 1973. с. 15.

¹⁵ А. М. Лесков. Предкифский период в степях Северного Причерноморья. ПСА, М., 1971. с. 84—86, рис. 4.

¹⁶ Экспозиция ГМИИ им. А. С. Пушкина. Отдел „Урарту“.

¹⁷ Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур. Л., 1970. с. 14—15; С. А. Есаян. Ереван, 1969. с. 62—69.

¹⁸ R. Pittioni. Urgeschichte des Österreichischen Raumes. Wien, 1954. 478. Рис. 342, 3, 7, 13; H. Müller-Karpe. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959. Т. 1. с. 64, 158; Т. II. Табл. 136, 14.

¹⁹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951. с. 91. Рис. 20. с. 92. Рис. 21.

²⁰ А. А. Иессен. Указ. соч. с. 117—120; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, XVIII, 1953. с. 108—109.

ских кинжалов по составу находок Бамутского, от более позднего слоя VII—V вв. до н. э.²¹

Таким образом, для комплекса погребения № 28 на Мебельной фабрике, имеющего прямые и самые близкие аналогии в слое Бамутского поселения, дата VIII в. до н. э. является самой крайней поздней гранью и может быть изменена лишь в сторону удвения. Важное значение для определения даты кинжала из ст. Змейской и подобных ему находок имеют комплексы кладов из Штрамберка и Гамова, единодушно определяемые западноевропейскими исследователями (Р. Питтиони, Я. Вернер, Я. Филип, Х. Мюллер-Карпе, В. Подборский и др.) временем периода НаВз (750 г. до н. э. по Х. Мюллер-Карпе). В. Подборский, специально останавливавшийся на этом вопросе в ряде работ²², датировал клад с биметаллическими кинжалами „фрако-киммерийского“ слоя из Европы временем не позднее середины VIII в. до н. э. Автор руководствовался при этом следующими соображениями²³. Во-первых, составы кладов, за исключением самих кинжалов, являются переходными. Предметы, особенно из Гамова (фибула, нож, меч), морфологически еще тесно примыкают к группе материалов На В₂ IX в. до н. э. по Х. Мюллер-Карпе). Во-вторых, появление в Центральной Европе биметаллических кинжалов с востока, как он полагает, из области Северо-Западного Кавказа, не может быть слишком оторвано от места их первоначального возникновения, вероятно, где-то в начале VIII в. до н. э.

Таким образом, и в системе западноевропейских древностей, даже при существующей дискуссионности (Н. К. Сэндерс против Х. Мюллер-Карпе) в определении абсолютной даты позднего пласта НаВ²⁴, хронология кинжалов с однорядно-кольчатым орнаментом рукояти не противоречит дате этих кинжалов, вытекающей из анализа материалов Северного Кавказа, а главное — не переходит рубеж VIII—VII вв. до н. э.

Морфологически рукоятка из ст. Змейской — ближайшая параллель кинжалам из могильника на Мебельной фабрике и из кладов у Штрамберка и Гамова. Следовательно, наиболее вероятная поздняя дата его может быть установлена в пределах середины — третьей четверти VIII в. до н. э. Такая дата согласуется и с абсолютной хронологией Змейского поселения, установленной обычным сравнительно-типологическим методом. Она определена его исследователями Е. И. Крупновым и Д. В. Деопиком X—VIII вв. до н. э.²⁵ и пока остается без изменений. Мало того, обе хронологические грани бытования поселения, нижняя и верхняя, получили в последнее время дополнительные обоснования. Конечная дата подкреплена абсолютной синхронностью материалам Бамутского поселения (керамика, роговые

²¹ В. И. Козенкова. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Канд. диссертация. М., 1969.

²² V. Podborsky. Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit. Brno, 1970.

²³ V. Podborsky. Štramberká dyka s křížovým jilcem... с. 220.

²⁴ N. K. Sanders. From Bronze Age to Iron Age: a Sequel to a Sequel. The European Community in Later Prehistory. Studies in honour of C. F. C. Hawkes. London, 1971.

²⁵ Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. — В: Сб. „Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии“. Орджоникидзе, 1961. с. 36.

псалии, роговые навершия булав, бронзовый серп и т. п.) и не выходит за пределы VIII в. до н. э.

Обоснование ранней даты получило неожиданно веское подкрепление в виде ранней субмикенской бронзовой фибулы типа Панталича II, выявленной нами в материалах поселения²⁶. Подобный тип фибулы (рис. 1А, 1) характерен для археологических комплексов Южной и Центральной Европы XI—X вв. до н. э. (Панталича I и II по Х. Мюллер-Карпе).²⁷ В единичных случаях этот тип зафиксирован в памятниках IX в. до н. э.²⁸ Скорее всего он мог быть занесен на Кавказ в пору его самого широкого бытования, т. е. не позднее X в. до н. э.

Для выяснения генезиса однорядно-кольчатой орнаментации на биметаллических кинжалах VIII в. до н. э. большое значение имеет обнаруженный в погребении № 70 могильника у с. Серезень-Юрт целиком бронзовый кинжал, который можно считать более ранним, но не первоначальным звеном изучаемой разновидности (Рис. 3, 4). Клинок у него типично кобанский, рукоятка с грибовидным навершием, но еще не плоская, а массивная, прямоугольная в сечении. Перекрестие уплощенное с опущенными книзу лопастями подтреугольной формы и двумя отверстиями по краям. Рукоятка орнаментирована круглыми сквозными отверстиями по центру и углубленными треугольниками по обоим краям. Сочетание орнаментальных элементов близко однорядно-кольчатому рисунку рукоятки из ст. Змейской и ей подобным, но не идентично им. Кинжал входил в погребальный комплекс воина-всадника. Все металлические предметы комплекса исключительно бронзовые (Рис. 3). Могилы такого рода, выделенные нами в первую раннюю группу по украшениям, типу вооружения, по некоторым предметам оружия и конского снаряжения западноевропейского происхождения (бронзовые псалии со шляпками, наконечник копья с выпуклыми валками на пере), датированы концом IX—первой половиной VIII в. до н. э.²⁹ Горизонтальная стратиграфия могильника показывает, что погребение № 70 относится к старшим в выделенной группе. Состав инвентаря также свидетельствует об относительной древности комплекса. Особенно показательно присутствие в комплексе бронзового наконечника копья необычного для Кавказа типа. Аналогии ему обнаружены в материалах Центральной Европы среди древностей, характерных для HaV.³⁰ Архаичны формы втульчатого долота и тесловидного топора из погребения № 70. Последний близок еще тесловидным топорам Бекешевского и Боргустанского кладов.

Все сказанное свидетельствует, на наш взгляд, о местном северокавказском формировании кинжалов с ажурной однокольчатой орнамента-

²⁶ В. И. Козенкова. Северный Кавказ и Юго-Восточная Европа в начале I тыс. до н. э. (некоторые археологические параллели). — В: Сб. «Скифские древности», II, Киев (в печати). Фибула была ошибочно принята исследователями за обломок булавы.

²⁷ H. Müller-Karpe. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit Nördlich und Südlich der Alpen. T. I. Рис. 32.

²⁸ H. Müller-Karpe. Beiträge zur Chronologie. . . T. II. Табл. 4F5; 4H, 5, 6.

²⁹ В. И. Козенкова. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. Материалы по археологии Дагестана (в печати).

³⁰ H. Müller-Karpe. Указ. соч., Т. II, табл. 131, 21; I. Тодоровић Каталог праисторијских металних предмета. Београд, 1971. с. 102 № 405. Табл. XLVII, 5.

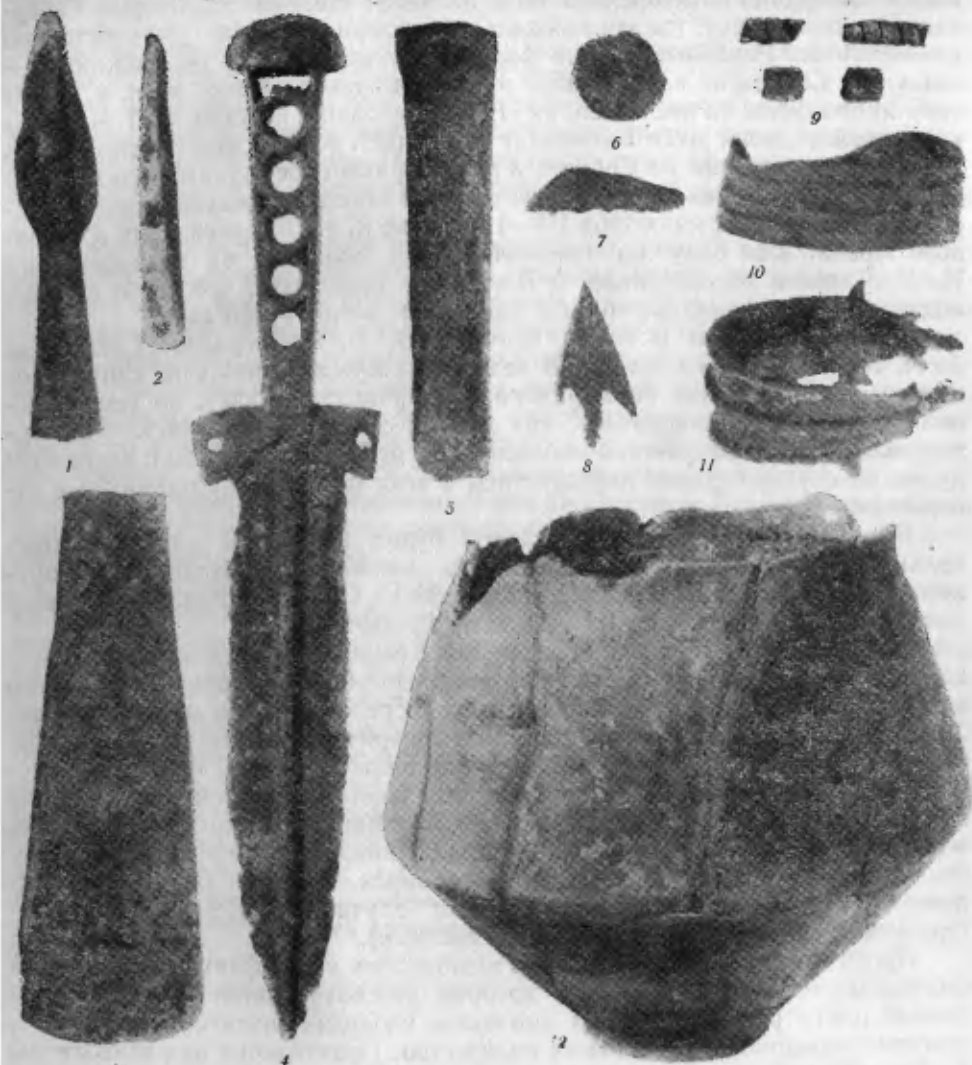

Рис. 3. Комплекс погребения № 70 Серезень-Юртовского могильника (Чечено-Ингушетия)

1—11 — бронза; 12 — глина

цией на рукоятке, грибовидным навершием и перекрестием в виде опущенных вниз лопастей подтреугольной формы. Этот вывод вместе с тем служит подтверждением высказанного ранее А. А. Иессеном, Е. И. Крупновым, Н. В. Анфимовым предположения о местных кавказских истоках биметаллических кинжалов кабардино-пятигорского типа.

Имеется, однако, и другая точка зрения, предложенная А. И. Тереножкиным. По его мнению, центром формирования биметаллических кин-

кавказского кабардино-пятигорского типа является степная территория Северного Причерноморья, где эти кинжалы характеризуют культуру собственно киммерийцев. Исходные ранние формы кинжалов А. И. Тереножкин выводит из Сибири от карасукских кинжалов начала I тыс. до н. э.³¹ При этом он ссылается на исследование Н. Л. Членовой³². Однако Н. Л. Членова ни в одной из своих работ не выводит кинжалы т. н. кабардино-пятигорского типа непосредственно из Сибири, а рассматривает обгруппы — сибирскую и кавказскую, как два варианта: восточный и западный, ведущие свое происхождение от ранних кинжалов III—II тыс. до н. э. Передней Азии и Северного Ирана. Как одну из предполагаемых областей их формирования Н. Л. Членова рассматривает и Восточное Закавказье, что особо следует подчеркнуть при анализе группы кинжалов, исследуемой нами.

Более осторожен в своих выводах В. Б. Виноградов. Следуя за А. И. Тереножкиным в общей оценке биметаллических кинжалов кабардино-пятигорского типа как киммерийских по происхождению³³, он тем не менее справедливо подчеркивает, что „все их считать киммерийским импортом нельзя“. К специфически кобанским им отнесены кинжалы с вариантом рукоятки с укороченным перекрестием в виде острых треугольников с отверстиями.

Вопрос этот, видимо, еще долго будет предметом полемики, поскольку киммерийская принадлежность кинжалов кабардино-пятигорского типа, а также путь их проникновения на Северный Кавказ из степей пока слабо подкрепляется имеющимися данными.

В настоящее время только Северный Кавказ дает в целом устойчивую картину равномерно рассеянного распределения находок подобного типа по всей территории с бесспорным их сосредоточием на западе региона. О кавказском происхождении кинжалов говорит и количественное их преобладание здесь по сравнению с другими территориями и большее разнообразие вариантов формы и ornamentации самих предметов. Чрезвычайно показательны и то, что на Северном Кавказе обнаружены хотя и единичные, но весьма выразительные ранние образцы кинжалов изучаемой группы. Они, если и не более ранние, чем те сибирские формы, на которые ссылается А. И. Тереножкин, то во всяком случае одновременны им (Мугерганский и Сержень-Юртовский могильники).

Противоречит гипотезе А. И. Тереножкина и тот факт, что на самой собственно степной территории, которая рассматривается как предполагаемый центр распространения кинжалов кабардино-пятигорского типа³⁴, известно парадоксально малое их количество. Практически они эпизодичны и, как правило, самых поздних вариантов. Мало того, все кинжалы кабардино-пятигорского типа, обнаруженные вне Северного Кавказа, найдены в таких комплексах, которые содержит элементы, близкие северо-

³¹ А. И. Тереножкин. К истории изучения предскифского периода. — Сб. „Скифские древности“, Киев, 1973 с. 17—18; А. И. Тереножкин. Бронзовые кинжалы предскифского времени. — Сб. Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. с. 124—125.

³² А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961 с. 201.

³³ В. Б. Виноградов. Кинжалы с „крестовидной рукоятью“ на Северном Кавказе. Тезисы докладов и сообщений III крупновских чтений. Грозный, 1973. с. 10—11.

³⁴ А. И. Тереножкин. К истории изучения предскифского периода. с. 17.

кавказским, а то и прямо кобанские. Вспомним изображение кобанского топора на стеле в I Ново-Мордовском могильнике и находки искаженных поздних вариантов бронзовых топоров кобанского типа в погребениях Старшего Ахмыловского могильника в Поволжье; сосуды из погребений Высокой Могилы на Украине. Прямые аналогии этим формам авторы раскопок указывают в классических кобанских памятниках типа Змейского поселения³⁵.

Таким образом, в свете всех приведенных данных следует предполагать длительный и сложный процесс развития кинжалов кабардино-пятигорского типа. Варианты с однорядно-кольчатым орнаментом на рукоятке представляются наиболее ранними. Именно этим объясняется тот факт, что и в Западной Европе, и на Северном Кавказе они сопровождаются материалами, характерными для горизонта древностей эпохи поздней бронзы.

К рубежу VIII—VII вв. до н. э. ornamentация на рукоятках усложняется до двух и трехрядного кольчатого узора. Но эта серия кинжалов, как правило, сопровождается уже только железными предметами вооружения (погребение № 26 в Сержень-Юрте на Северном Кавказе; погребения №№ 26, 55, 67 Старшего Ахмыловского могильника в Поволжье; комплекс из Печ-Якабхед в Венгрии).

В начале VII в. до н. э. кинжалы с кольчатым орнаментом на рукоятке почти выходят из употребления. На смену им, а возможно параллельно, появляются в первой половине VII в. до н. э. целиком железные кинжалы, как например, кинжалы из Высокой Могилы.

Кинжалы с однокольчатым орнаментом на рукоятке — свидетельство ранних контактов между Западной Европой и Северным Кавказом, по времени совпадающих с малоазийскими походами киммерийцев и фракийцев, — начала I тысячелетия до н. э. Но взаимосвязаны ли эти два явления, пока неясно. Некоторые материалы (фибула violinbogen из Змейского поселения, ребристые браслеты, наконечники копий из Сержень-Юртовского поселения и т. д.) указывают на противоположное направление движения культурных элементов рубежа II—I тысячелетий до н. э. с запада на восток, вплоть до северо-восточных предгорий Кавказа.

ON THE QUESTION OF THE EARLY DATE OF SOME DAGGERS OF THE SO-CALLED KABARDINO-PYATIGORSK TYPE

V. I. Kozenkova

(Summary)

In connection with the investigation on the culture of the regions of the Northern Caucasus of pre-Scythian times and their relations with the neighbouring regions the author examines the bimetallic daggers of the Kabardino-Pyatigorsk type. Their dating hitherto (8th-7th centuries B.C.) is very

³⁵ В. И. Бидзилья, Э. В. Яковленко. Киммерийские погребения Высокой Могилы. СА, 1974, № 1. с. 158—159.

ФРАКИЙСКИЙ МОТИВ В ИСКУССТВЕ СКИФОВ

И. Венедиков

(Болгария)

Самым старым памятником, изображающим оленя с разветвленными рогами в виде птичьих голов, бесспорно, является фигурка оленя из Севлиева.¹ В этой статуэтке тело животного передано геометрически в виде призмы, два ребра которой соединяют плечо с бедром животного, а два других образуют хребет и проходят посередине живота. Ноги животного от лопатки и бедра не стилизованы, а даны свободно. Конечно, для нас очень важно знать, когда была сделана эта статуэтка. К сожалению, по этому вопросу мы не можем дать ничего конкретного, кроме совсем общих объяснений, а именно, что, очевидно, статуэтка была изготовлена в Фракии еще в эпоху господства геометрического искусства. Мы могли бы сказать, что это искусство возникло в Греции сразу же после упадка микенской культуры, т. е. после XII в., и достигло своего кульминационного момента в VIII и VII вв. до н. э. Вероятно, что в Тесалии и Македонии оно задержалось в меньшей или большей степени даже в VI в. до н. э.² На золотом нагруднике последней четверти VI в. до н. э. из Мушовицы близ Дуванлия мы видим, что фракийский мастер-самоучка полностью порвал с геометрическим искусством. Этот нагрудник украшен бордюром из 16 изображений птицы с расправленными крыльями. Изображение птицы не геометрическое и напоминает подобные изображения в восточном искусстве.³ Следовательно, этот памятник позволяет нам предположить, что отказ от геометрического искусства и в Фракии наступил в то же самое время, как и в Македонии, а именно — не позднее середины VI в. до н. э. Другими словами, самые поздние памятники геометрического стиля, обнаруженные до сих пор в Фракии, не могут быть датированы позднее первой половины VI в. до н. э. Следовательно, и статуэтку из

¹ И. Венедиков и Т. Герасимов. Тракийското изкуство. С., 1973 г. с. 359, № 9 обр. 9 и 31. А. Милчев. Трако-кимерийски находки в българските земи, ИАН XIX, 1955 г. с. 365, обр. 9.

² P. Amandry. Collection Hélène Stathatos, I, Strasbourg 1953. p. 71.

³ B. Filow. Die Grabhügelnekropole bei Duvanli. Sofia, 1934. p. 84, Nr. 1—2; I. V. Venedikov und Th. Gerassimov. Die Thrakische Kunst, 4 Wien, 1973. p. 375, Abb. Nr. 214.

broad and this article makes an attempt to put a date to the earliest specimens. The dagger from Zmeyskaya Stanitsa has been examined with particular attention. Only its handle has been preserved, which is of bronze, and a part of the iron blade. The handle is flat. In the upper part, which has a mushroom-like end, there is also a hemstitched decoration composed of a row of circles. The crosspiece at the base of the handle is leaf-shaped. These characteristic features number the fragment of the dagger among the Kabardino-Pyatigorsk type of daggers of which about 50 specimens are known in the Northern Caucasus, the Volga Basin, the Northern Black Sea and Central Europe. About 31 of them have been found in the Northern Caucasus. The closest analogies of the dagger from Zmeyskaya Stanitsa are 9 specimens from Kislovodsk, Gamov (Poland), Stramberg (Czechoslovakia), Matra (Hungary) and other places. An analysis of the sites where the daggers were found contribute to the chronology of this group. These daggers have also warranted other investigators to relate the sites mainly to the 8th century B. C. The latest date to which we may refer the dagger from Zmeyskaya Stanitsa is the middle to the third quarter of the 8th century B.C. In order to elucidate the genesis of the design of the row of circles the author refers to the dagger found at Burial-Ground 70 from the necropolis at the village of Serzhen Yurt, which may be considered earlier than the one examined, i. e., from the end of the 9th century to the first half of the 8th century B.C. This testifies to the local Northern Caucasian production of the daggers with a hemstitched design on the handle, a mushroom-like end to the handle and a crosspiece in the shape of leaves drooping downwards in a triangular form. With this evidence the author corroborates the suggestions expressed on the local Caucasian sources of the bimetallic daggers of the Kabardino-Pyatigorsk type.

Their quantitative prevalence in the Northern Caucasus and the diversity of variants in form and decoration also testify to their Caucasian origin. It may be held that these daggers had had a long and complicated process of development. The variants with the decoration of one row of circles are the earliest ones. At the end of the 8th century B.C. the decoration became more complicated with two or three circles, and the daggers were accompanied by iron objects of armament. At the beginning of the 7th century B.C. the daggers with such decoration became defunct.

The daggers of the Kabardino-Pyatigorsk type are evidence of the early contacts between Western Europe and the Northern Caucasus at a time coinciding with the Asia Minor Campaigns of the Kymmeris and Thracians at the beginning of the first millennium B.C. Some materials — fibulas and bracelets from the necropolis at Serzhen Yurt — indicate, on the other hand, movements of cultural elements from the West to the East.

Севлиева надо отнести к VIII—VII вв. или не позднее первой половины VI в. до н. э.

Случайно найденные многочисленные памятники геометрического стиля следует отнести почти к этому же периоду. Так, например, топоры с украшенным обухом, не имеющие точной даты, подобны топорам с более точной датой, найденным в некрополе близ Гольштадта; один из них относится к 600 г., а другой — к 800 г. до н. э.⁴ Это дает нам основание предположить, что распространение топоров в Фракии перед их появлением в Гальштадте взаимствовано с востока и чт, как те, так и геометрическое искусство, ярким отражением которого они являются, существовали намного раньше в Фракии. А это значит, что не позднее IX в. до н. э. Фракии уже было знакомо геометрическое искусство. Возможность отнести его к более ранней дате существует опять-таки из общих рассуждений. В сущности, топор с украшенным обухом после двухтысячелетнего существования в Малой Азии, или скорее всего в Передней Азии и Иране, в последние два-три века второго и в первые два-три века первого тысячелетия является самым распространенным.⁵ Этот памятник в качестве символа царской власти обходит области около Ассирии и Вавилона и встречается в виде украшения иголок на Кавказе или в форме культового предмета перед тем, как через Фракию попасть в Гальштадт. Все это приводит нас к мысли о том, что топор с украшенным обухом, являющийся подобием топора с востока, мог появиться во Фракии и до IX в. и существовать в ней и в XI, и в X вв. до

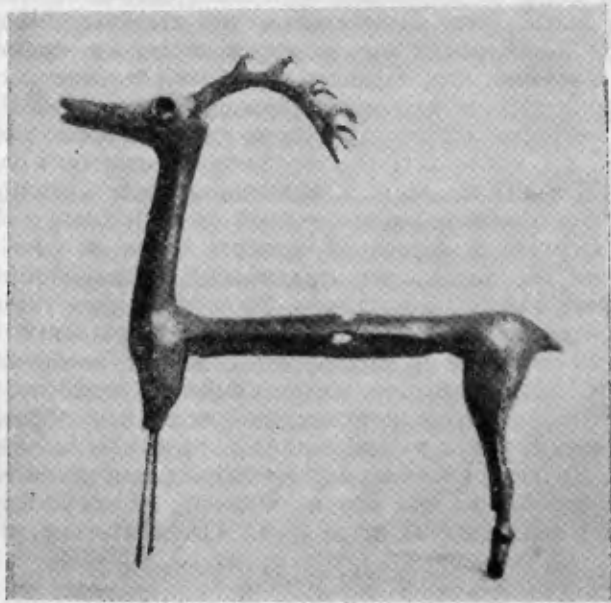

Рис. 1. Олень из Севлиево

⁴ К. Кроммер. *Hallstatt-prahistorische Kunst*. Wien, 1963. Taf. 38, 41—43, 51.

⁵ A. Godard. *L'art de l'Iran*. Paris, 1960. p. 79. R. G. H. R. I. S. M. A. N. *Perse*. Paris, 1963. p. 78.

Рис. 2. Матрица из Гырчинова

н. э., и что, вероятно, в Фракии, как в Македонии, Тесалии и Греции геометрическое изображение животных, подобно оленю из Севлиево (рис. 1), встречается во всей этой эпохе, хотя в вышеуказанных странах они датируются второй половиной этого длинного периода между XII и VII вв. до н. э. Разумеется, что статуэтка из Севлиево ни по форме рогов, ни по форме шеи и туловища, ни по способу передачи бедра и плеча не может сравниться с греческими статуэтками того времени. Следовательно, для статуэтки из Севлиево мы можем предложить период, доходящий до середины VI в. до н. э.

Памятники, найденные в Фракии, предлагают нам еще одно изображение оленя (рис. 2) на матрице из Гырчинова.⁶ Но здесь в изображении оленя внесено много изменений. Статичное положение застывшей геометрической фигуры из Севлиево здесь заменено позой, полной динамики напряжения: голова откинута назад, тело упирается на грудь, а задняя часть его приподнята, ноги выброшены вперед. Однако, в целом изображении доминируют огромные рога, разветвления которых стилизованы посредством подробно переданных львиных голов. Ясно очерченное ребро проходит между бедром и плечом животного, как и в статуэтке из Севлиево, — остаток от времени геометрического искусства в Фракии. Плечо животного, однако, не трактовано свободно, а стилизовано в виде большой птичьей головы, которая, как мы обратили уже внимание, заменяет известный орнамент — ахеменидскую восьмерку.⁷ Олень на матрице изображен в сцене нападения на него небольшого льва. По обе стороны льва находится: с одной — грифон, с другой — орел. Мастер, изготовивший матрицу, не сумел ясно передать взаимоотношения в этой композиции. Для нас это просто ряд животных. Особое внимание, однако, в этом ряду привлекает грифон с огромным рогом, разветвления которого расположены симметрично в форме птичьих голов. Тело грифона передано таким же образом,

⁶ A. Feti ch. *Der skythische Funde aus Garcinovo*. Budapest, 1935. I. B. F. I. o. w. Ein skythische Bronzerelief aus Bulgarien ESA IX, 1934, p. 197.

⁷ И. В е н е д и к о в. Торевтиката в северозточна Тракия. Известия на Народния музей във Варна IV (XIX) 1968. 8. И. В е н е д и к о в. и Т. Г е р а с и м о в. Тракийското изкуство. с. 95 № 152.

как и тело оленя, только вместо клюва изображена пасть. В сущности, только грива на шее и крылья, переданные в виде птичьих голов, приближенных к голове, изображающей лопатку, напоминают настоящего грифона. Так как мастер видел грифона только с одной стороны, а хотел показать и другое крыло, то он изобразил и одну птичью голову перед грудью грифона. В сущности, внимание заслуживает то, что у статуэтки оленя из Севлиева и у изображения оленя из Гырчинова есть два рога с разветвлениями в виде звериных голов, а у изображения грифона — один рог и головы-разветвления расположены симметрично.

Тот же мотив — олень между двумя животными — встречаем снова в Фракии в находке из Аджигела на двух серебряных кубках.⁸ Центральной фигурой обеих кубков является олень, рога которого возвышаются над головой в виде палки, переходящей в гирлянду из птичьих голов. Третий подобный кубок найден в местности Железна Врата.⁹ Среди животных, изображенных на этих кубках одно из них напоминает грифона с матрицы из Гырчинова. Его огромный рог передан с симметричными разветвлениями, изогнутыми в сторону головы, но они не получили здесь форму птичьих или звериных голов.

Мы располагаем только общими данными о датировании матрицы и Гырчинова, которую большинство исследователей пытаются отнести к VI в. до н. э. Но, имея в виду, однако, появление влияния восточного искусства, которое возникает в Фракии после середины VI в., с одной стороны, и обстоятельство, что на матрице из Гырчинова все еще сохраняются элементы геометрического искусства, с другой стороны, мы должны отнести матрицу к концу VI в. до н. э. Самой ранней вероятной датой изготовления матрицы можем предположить первую половину V в. до н. э. Эта дата лучше всего соответствует матрице, имея в виду ее междинное положение между статуэткой оленя из Севлиева и изображением оленя и грифона на кубках из Аджигела. Непременно нужно добавить, что находку из Аджигела, по всей вероятности, нужно датировать первой половиной IV в. до н. э., точнее между 385 и 359 гг., так как в ней есть фиал, изготовленный мастером Этбесом во время царствования Котиса I.¹⁰ С другой стороны, находка является современной с находкой из Могилянкой могилы во Враце, которая относится к этому же периоду, благодаря тем же самым соображениям. Обе находки имеют много общего и нет сомнения, что они относятся к одному и тому же периоду. Итак, мы видим, что в конце VI или в начале V вв. до н. э. во Фракии уже изображались животные с рогами в виде птичьих голов в двух вариантах: первый — с двумя рогами, второй — с одним рогом с симметричными разветвлениями. Интересным является то, что оба эти варианта относятся и к обем животным, которые как в матрице, так и на кубках являются различного типа: один — олень, другой — грифон.

Мы уже занимались вопросом о возможности, что этот мотив ведет свое начало от скифского искусства, и доказали с помощью общих соображений, что это невозможно.¹¹ Сейчас мы хотим обратиться к этому вопросу более подробно. Верно, что искусство скифов заимствует свои восточные формы

из Передней Азии гораздо раньше, еще во второй половине VII в., и с тех пор до его исчезновения в III в. до н. э. оно продолжает свое существование и изображает оленя — любимое животное в искусстве скифов. Скифский мастер (это относится и к фракийскому мастеру) отличался своим вкусом к разнообразию. Он часто повторял один и тот же мотив, но для передачи одного и того же сюжета использовал несколько различных способов. Вот почему часто повторяются не один и тот же способ передачи льва, быка или оленя, а много и самых различных способов передачи этих животных. При этом художник не занимался анатомией животного, а стилизовал, отличительную характерную черту, присущую данному животному. Так, например, при изображении оленя он больше работал над рогами животного, несмотря на его скульптурную или рельефную передачу.

В разнообразной передаче оленя в южной России мы наблюдаем случаи, когда животное изображено совсем спокойно, но рога переданы — один вперед, другой назад, хотя голова расположена в профиль.¹² Иногда они переданы так декоративно, что напоминают половину или целую пальметту.¹³ В других случаях они только намечаются двумя серпами, образующими открытое кольцо.¹⁴ Часто встречаются и рога в виде спиралей, причем две спирали направлены в одну сторону, а остальные три или более в другую — обратную двум спиральям.¹⁵ В скифском искусстве часто можно встретить оленя с двумя телами и одной головой, повернутой прямо к зрителю.¹⁶ В таких случаях рога трактованы как пальметта. Между всеми этими способами передачи головы оленя с различной трактовкой рогов, хотя и очень редко, встречаются и разветвления рогов в виде птичьих голов.

Два раза олень с разветвленными рогами в виде птичьих голов встречается на золотых пластинках из одного и того же захоронения, датированного первым десятилетием V в. до н. э. Пластинки относятся к Иличевскому комплексу надгробных могил.¹⁷ На одной из пластинок изображена большая голова оленя, над которой вразброс расположены птичьи головы, очевидно, образующие рога (рис. 3). Но их беспорядочное расположение, с одной стороны, и значительная поврежденность пластинки, с другой стороны, не позволяет нам видеть, каким образом расположены птичьи головы над головой оленя. Во всяком случае, и здесь пустое пространство под головой, как и пустое пространство на матрице из Гырчинова между животными, занято самостоятельно изображенными птичьими головами или розетками, трактованными как отдельный орнамент. Очень важна, хотя так же поврежденная, другая пластинка, на которой изображения ясно видны (рис. 4). Как на матрице из Гырчинова, так и на этой пластинке мы видим несколько животных, среди которых олень занимает центральное место. Он с вытянутой шеей и подогнутыми под себя ногами — как будто силится подняться и отбросить своих нападающих: спереди змею; сверху льва, вцепившегося лапой в его плечо и вонзившего зубы в грудь (видна верхняя челюсть снизу); а сбоку орла, нападающего на его бедро. Здесь

¹² M. I. Artamonov. *Goldschatz der Skythen*. Praga—Leningrad, 1970 Abb. 29; Taf. 113.

¹³ Artamonov. o. c. Abb. 3, 64, 65, 78; 131; Taf. 80, 114, 129.

¹⁴ Artamonov. o. c. Taf. 17.

¹⁵ Artamonov. o. c. Taf. 10, 13, 21, 50, 52—64.

¹⁶ Artamonov. o. c. Abb. 57, 63. Taf. 128, 130.

¹⁷ A. Лесков. Новые сокровища курганов Украины (A. Leskov. *Tresasures from the Ukrainian barrows: latest discoveries*. Leningrad, 1972. p. 50—52 pl. 12—13.

⁸ D. Berciu. *Arta Thraco-getica*. Bucuresti, 1969.

⁹ B. Goldman. A Scythian helmet from the Danube. *Bull. of the Detroit Institute of Arts*, 42, 4, 1961, p. 1.

¹⁰ И. Венедиков. Надписите върху тракийските фиали. *Археология*, I. 1972 г. II.

¹¹ И. Венедиков. Указ. соч., I и сл.

Рис. 3. Пластинка из Иличевского комплекса

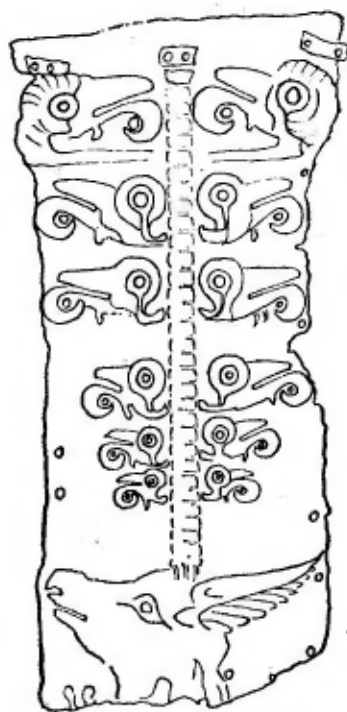

Рис. 4. Пластинка из Иличевского комплекса

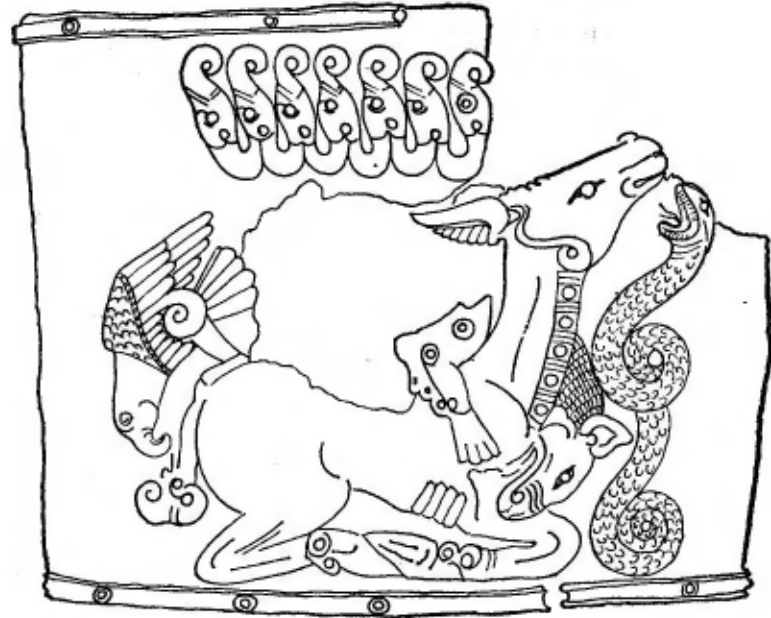

Рис. 5. Пластинка из Журовки

так же, как и на матрице из Гырчинова и на кубках из Аджигела рога оленя представляют из себя гирлянду, опоясывающую верхний край предмета. Гирлянда дана таким образом, как бы была дана гирлянда, составленная из цветов лотоса, или пальметта — отдельные элементы соединены только снизу. Вот почему и в южнорусских, и в фракийских изображениях, головы повернуты клювами всегда вверх, как будто при этом соблюдается одна закономерность, данная в статуэтке оленя из Севлиева.

Если сравним матрицу из Гырчинова с пластинкой из Илиевского комплекса, то увидим и другие сходные элементы — в обоих памятниках на оленя с рогами в виде птичьих голов нападают трое животных, т. е. и в обоих случаях мы сталкиваемся с одним и тем же сюжетом. Тут нечего сомневаться в связи между матрицей из Гырчинова и второй пластинкой из Илиевского комплекса.

Третий случай,¹⁸ где мы встречаем оленя со стилизованными рогами в виде птичьих голов, — это пластинка из Журовки, найденная в 401 могиле, датируемой второй четвертью V в., т. е. на два-три десятилетия позднее двух вышеуказанных пластинок (рис. 5.). Здесь голова оленя изображена в профиль, причем из темени, между глазом и ухом, выступает широкий рог с шестью симметричными разветвлениями вперед и назад. Все развет-

вления рогов изображены в виде птичьих голов, шен которых повернуты к рогу, а клювы наружу. Так что и здесь тот же мотив: оленя с одним рогом с симметричными разветвлениями в форме птичьих голов мы встречаем и на матрице из Гырчинова. Если у фракийского мастера этот рог является характерной чертой другого животного — грифона, то в южной России — оленя. В сущности, на матрице из Гырчинова мы сталкиваемся с очень странным фантастическим животным, которое не является ни грифоном, ни львом-грифоном, так как у него есть рог. Мы указали, что это, может быть, представляет собой более далекий период развития этого выдуманного фантастического животного — льва-грифона с рогом, раздвоенным как рассоха и изображенным в Сузе, в древнем персидском искусстве. Вероятно, эта идея изображения, как было уже упомянуто, перешла из Персии в Фракию в период сильного контакта между ними в конце VI и начале V вв. до н. э. и осуществлялась здесь. Однако, несмотря на свое происхождение, в южной России это животное превратилось в непонятное чудовище, которое в представлении скифов слилось с оленем со стилизованными рогами в виде звериных голов.

Из сделанного обзора можно увидеть, что прежде всего между изображениями с мотивом — олень с рогами в виде звериных голов — самыми старыми являются изображения из Фракии. Несомненно, из них старее южнорусских можно считать не только статуэтку из Севлиева, но, вероятно, и матрицу из Гырчинова. Следовательно, мы можем вполне уверенно сказать, что в Фракии этот мотив возник раньше, чем в южной России. Это наводит на мысль, что после появления этого мотива в Фракии, он перешел и в южную Россию, где передавался на многочисленных изображениях

¹⁸ Artamonov. o. c. Abb. 32.

олений в самых различных позах, сливаясь с ними. Его присутствие в южной России сначала не воспринималось как чужое влияние и поэтому до сих пор никто и не пытался выделить этот мотив как чуждый скифскому искусству, который совсем незаметно проник в него. Во всяком случае, у скифов он не получил широкого распространения. Наоборот, он остался единственным мотивом, который постепенно был вытеснен различными местными изображениями оленя, приобретающими все более широкое распространение. Мы уже упомянули, что скифский мастер очень различными способами передавал рога оленя. Но ни в одном из них он не украсил рога оленя звериными головами, что он непременно бы сделал, если бы этот мотив был присущ скифскому искусству. Наоборот, скифский мастер сохранил оба способа передачи рогов в Фракии — в виде птичьих или звериных голов.

Нет сомнения, что за этим изображением острого рога в виде головы птицы, даже льва, кроется гиперболизирующее действие рога, верх которого, превращенный в звериную голову, терзает плоть других животных клювом или пастью. Невольно возникает вопрос, не является ли этот своеобразный способ передачи рога оленя фольклорным мотивом, нашедшим свое отражение в изобразительном искусстве? Мы не можем не думать, что в Фракии рассказывались сказки или пелись песни об олене — животном, которое и без этого связано с солнцем. Оно имело острые рога, пронизающие как клюв сокола или острые зубы льва. Если действительно такой олень воспевался фольклором, то этот фольклор не был скифским, а фракийским.

A THRACIAN MOTIF IN SCYTHIAN ART

I. Venedikov

(Summary)

A portrayed stag or gryphon (a lion adorned with horns), ending with animal heads is usually considered a Scythian motif originating in the southern parts of Russia and adopted by the Thracians. So far all known motifs of Scythian origin date back, at the earliest, to the 5th century B.C. In Thrace itself this motif appears on 4th century art objects, the goblet of Adjighiol, dated between 480 and 450 B.C., in monuments of the 5th or even the first half of the 6th centuries B.C., the matrix of Gurchinovo, and the figurine of a stag from Sevlievo. Judging from the dating of the various art objects and hence their distribution in the southern plains of Russia, among the Scythians, and the Saki tribes in Siberia, the art objects from Thrace are dated earlier and belong to an older period — to the 7th century B.C. at the earliest.

An identical motif appears further to the east and is given another treatment among the Saki tribes in Siberia, with another function, where it can be observed in two separate episodes. The presentation in applications of that kind of a hunting party resting under a tree is quite frequent in

applications from Siberia. This allows for the emergence of a type of application where one side, depicting a tree, dominates over the other side, thus actually serving as an hemstitch ornament. Another composition appears in the same form and in a hemstitch manner, that of two animals, one attacking the other. A similar application from the Baikal region, coming from Verhnedunskaja has been attributed by Artamonov to the 3rd century B.C. Here we see a gryphon resembling the lion-gryphon of the Gurchinovo matrix. It has a mane and wings ending in birds' heads. Instead of being treated on one plane, as in the case of the matrix from Gurchinovo, or the Adjighiol goblet, they form a hemstitch nimbus around the head of a fantastic creature, each of the horns finishing with a bird's head at the end. The tail of the animal, just as the tail of the gryphon in the Gurchinovo matrix, is also depicted as a bird, while the animal itself is attacked by another beast resembling a panther or a tiger. In yet another similar application, also originating from this region, there appears only one animal with the identical hemstitch nimbus or branches, covered with leaves, forming the animal's horns. These two images of the same monster, appearing once with branch-like horns and in other instances, transformed into serpent-like horns, clearly indicate how far either the motif of the strange horned beast or bird-like creature could spread. The same distant exchange of motifs, evident between Etruria and Uratru, following sea routes, can be traced through migrations of one motif of a stag and a gryphon with horns ending with animals' heads. In this case, however, the migration took place over the plains instead of following a sea route.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ВАРВАРОВ НА ПРЕДМЕТАХ ТОРЕВТИКИ ИЗ КУРГАНОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

А. П. Манцевич

(СССР)

В коллекции древних золотых изделий Государственного Эрмитажа, широко известной своим богатством и разнообразием, выделяется ряд шедевров торевтики с изображениями варваров, т. е. персонажей негреческого облика: они представлены на сосудах, украшениях и других предметах бытового назначения, а также на вооружении — ножнах меча и горитах. Почти все они были найдены в XIX и в начале XX века, и только в последнее время эта серия памятников обогатилась новыми уникальными находками, которые пополнили сокровищницу УССР в Киеве.

Все эти изделия выполнены в стиле античного реализма, однако при анализе этих предметов, их формы и сюжета, выявляются негреческие элементы. Так, например, гребень (рис. 1) и горит (рис. 2) из кургана Солоха, сосуды из Воронежского (рис. 3) и Куль-Обского (рис. 4) курганов по своей форме чужды греческому быту. При ярко выраженном античном стиле в трактовке сюжетов и характере орнамента электровой куль-обской вазы (плетенка на туловище, розетка на дне) ее форма и сюжет, да и сам материал все же оказываются негреческими. Шаровидная форма в греческой ангийологии вообще не встречается¹, но ее можно видеть среди сероглиняной лощеной керамики фракийского происхождения². Эта посуда имеет своеобразную технику, обжиг и обработку поверхности путем лощения. Formой и цветом кружальная сероглиняная керамика имитирует серебряную посуду. Серебряные и электровый сферические кубки найдены в Болгарии и в Северном Причерноморье (Радювене, Солоха, Куль-

¹ W. Schiering. Griechische Tongefässe. Gestalt, Bestimmung und Formwandel. Berlin, 1967.

² В. Цончев. Сивата тракийска керамика в България. Годишник на народния археологически музей в Пловдив, кн. II. С 1959. с. 96. Рис. 51; М. Сисикова. Développement de la céramique thrace à l'époque classique et hellénistique. Acta antiqua philippopolitana. Studia archaeologica. С., 1963. с. 44—48; Г. Бакърджиев. Болгарская керамика. С., 1956.

Рис. 1. Гребень. Курган Солоха. Золото

Оба)³. О живучести этого типа в негреческой посуде свидетельствуют несколько удлиненной формы (с „ожерельем“ из полушарий) серебряные „сасанидские“ сосуды, скорее всего, византийского происхождения, VII или начала VIII в., великолепные образцы которых найдены в Приуралье⁴.

Материал куль-обской вазы — электр — также нехарактерен для греческого художественного ремесла. Из драгоценных металлов, как известно, в Греции добывалось только серебро (в рудниках Лавриона), причем разработка велась фракийцем Сосием (Хепорф)⁵.

Гребень из кургана Солоха, как и куль-обскую вазу, большинство исследователей (например, М. И. Ростовцев, В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич) считает образцом искусства греческих ювелиров, которые работали на Боспоре. Однако оба предмета нельзя рассматривать как продук-

³ В. Filow. Denkmäler der thrakischen Kunst. RM. 32, 1917. 52, рис. 55; ИБАД, III, 1912—13. С., 1913. с. 334. Рис. 267. ОАК за 1913—1915 гг. с. 119. Рис. 190; И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. П, СПб., 1889. с. 140—141. Рис. 117 и 118.

⁴ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, Табл. 47, 52—55, 64—65.

⁵ R. J. Norrerg. The attic silver mines in the fourth century. BSA, XLVIII, 1953, 200—254.

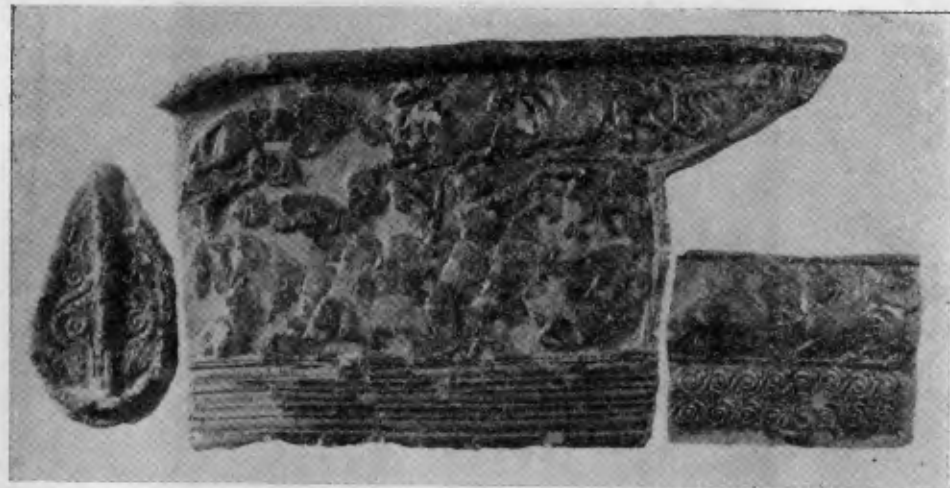

Рис. 2. Облочка горита. Курган Селсха. Серебро, позолота

цию греческих ювелиров не только из-за сюжета, формы и материала: изображения львов на гребне и на сосуде со сценами охоты на этих хищников, найденном в том же кургане, указывают, что эти предметы также изготовлены на севере Балканского полуострова, в районе обильных золотом и серебром рудников, где водились львы, представлявшие грозную опасность для населения этой области. Не случайно эмблемой серебряных монет Аканфа служит лев, терзающий быка⁶. На монетах македонских царей Аминты III (389—369 гг. до н. э.) и Пердикки II (364—359 гг. до н. э.) также изображен лев⁷.

Костяные гребни такой же формы, но примитивного исполнения найдены в Куль-Обском, Воронежском и Семибратнем курганах. Они являются также продукцией этой варварской среды, но их авторы, в зависимости от их удаленности от греческого влияния, в разной степени были проникнуты духом греческой культуры. Это сказалось больше всего на авторе куль-обского гребня (пальметка с волютами), менее — на авторе семибратнего гребня (головы птиц у пальметки). Совсем нетронутым оказался автор воронежского гребня, изображающего стилизованные схематичные головы кабанов. Необходимо при этом учесть различное мастерство этих исполнителей.

Обычно звериный стиль принято называть „скифским“, но неоднократно высказывались суждения в пользу того, что он служил выражением идеологии фракийских племен Подунавья (Д. П. Димитров, Д. Берчу, И. Венедиков, Д. Николов, Хр. Буюклиев и др.). Б. Филов определяет его как скифо-фракийский⁸. С нашей точки зрения, все упомянутые гребни следует считать продуктом фракийской культуры.

⁶ K. Regling. Die antike Münze als Kunstwerk. Berlin, 1924, NN 480, 697.
⁷ Там же, № 694 и 696.
⁸ M. Rostowzew. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931. с. 541.

Предметы торевтики с изображениями варваров представляют сцены из жизни воинов-конебедов: у них одинаковый костюм, првчески, оружие. Они или готовятся к бою, или сражаются, или отдыхают после боя, чинят снаряжение, дрессируют коней, или, наконец, охотятся.

Возникает вопрос, кто изображен на этих предметах?

Ввиду того, что они были найдены в Северном Причерноморье, в науке принято считать, что это — изображения скифов, представленные на изделиях греческих мастеров, выполнявших заказы скифских вождей в столице Боспора — Пантикапее.

Такое мнение было высказано в 1830 г., когда найдена была куль-обская ваза — первый предмет торевтики с антропоморфными изображениями⁹, хотя место находки предмета, особенно — драгоценного, каким является ваза, далеко не всегда связано с местом его изготовления.

Внешний вид персонажей, о которых идет речь, чрезвычайно выразителен; их одежда — украшенные узорами кафтан и шаровары. Кафтан без ворота и застежек стянут чешуйчатым поясом. Обувью служат мягкие сапожки без подошв, подвязанные у щиколотки. Головной убор этих варваров имеет вид высокой шапки-башлыка. Нередко это шкура лисицы с висящими на затылке шапки хвостом и лапами (алопекис). Она изображена на ножнах меча из Чертомлыкского кургана (рис. 5) и у танцовщиц на бляшках из кургана Большая Близица (рис. 6). Это тот же убор, что и у фракийцев — слушателей Орфея на берлинском кратере из Гель¹⁰. Но часто воины изображались без головного убора, с оригинальными прическами, с

⁹ И. Толстой, Н. Кондаков. Указ. соч. с. 141.
¹⁰ A. Furtwängler. Orpheus. 50. Winckelm.-Progr. Berlin, 1890. Табл. II.

Рис. 3. Ваза. Курган 2 близ Воронежа. Серебро, позолота

Рис. 4. Ваза. Курган Куль-Оба. Электр

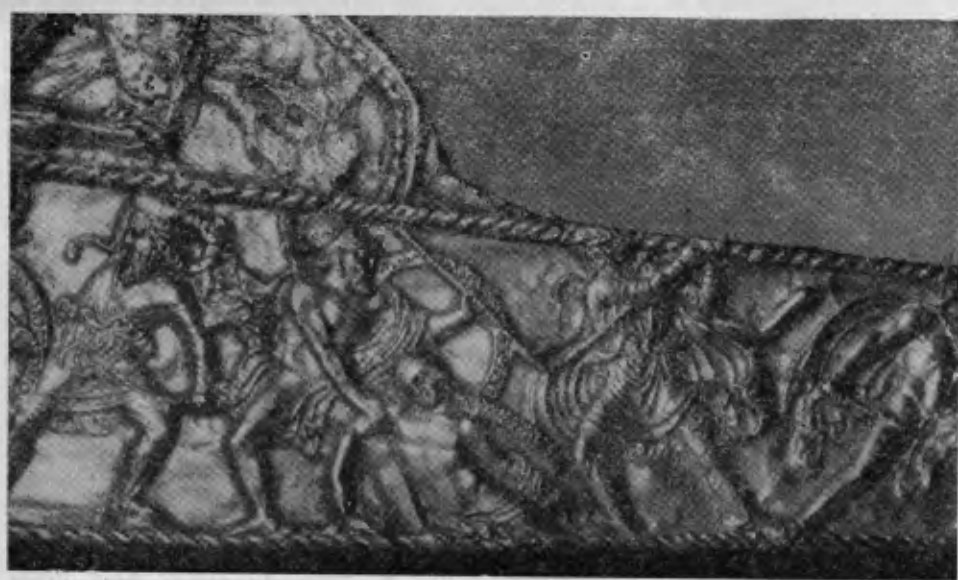

Рис. 5. Оболочка ножен меча (деталь). Курган Чертомлыкский. Золото

пышной бордой и усами; длинные волосы у них прядями падают на плечи; на лбу они собраны в узел или чуб. Это та прическа фракийцев, которая дала им эпитет „чубатые“, или акрокомой (Илиада, песнь IV, 533; рис. 1, 3, 4).

Описанный костюм, состоявший в основном из кафтана и шаровар, иногда дополнялся плащом, и, в зависимости от занятий действующих лиц в представленных сценах, он характеризуется рядом вариантов и комбинаций. Его можно видеть на всех варварах в изделиях античного художественного ремесла IV в. до н. э., например, у „персов“ на лекифах Ксенофанта, на аттических вазах¹¹. В таком же костюме изображен Парис на куль-обской пластине из слоновой кости (рис. 7); тот же костюм мы видим и на рельефах Персеполя¹².

Что касается предметов вооружения этих „скифов“, то необходимо отметить, что называемый скифским горит встречается в качестве эмблемы на монетах Филиппа и Александра, а также города Эритр¹³. Меч с украшенной в зверином стиле рукояткой, определяемый как скифский, представлен находками в Болгарии — с. Гозница и Агатово¹⁴, а также Рошава Драгана.¹⁵

¹¹ B. r. Schröder. Zu Mikongemälde der Marathonsschlacht in der Stoa Poikile. *JD1*, XXVI, 1911. с. 284, 285, 287. Рис. 3—5.

¹² E. F. Schmidt. *Persepolis I*. Chicago—Illinois, 1953, табл. 29, 35, 65 с. 110—Е 9, Е 10 и Е 14.

¹³ K. Regling. Указ. соч., № 775.

¹⁴ Р. Попов. Новооткрыти паметници от желязна епоха в България. ИБАИ. Т. V, 1926—1929. с. 289, рис. 143; А. Милчев, Н. Ковачев. Необнародвани паметници от Севлиево. *Археология*, 1967, № 2. с. 40. Рис. 2.

¹⁵ Д. Николов, Хр. Буюклиев. Тракийски могили гробове от Чаталка, Старозагорско. *Археология*, 1967, № 1. с. 25. Рис. 9.

Рис. 6. Бляшки с изображением танцовщицы. Курган Большая Близница. Золото

Еще в 1949 г. мною было отмечено, что местом изготовления предметов, торевики (античной), найденных в курганах Северного Причерноморья, были области северной части Балканского полуострова, богатые золотом и серебром и в настоящее время. Очевидно, сюжет льва взят из той же местной среды.

По сведениям, сообщаемым Геродотом, львы водились на пространстве между Нестом (у Абдеры) и Ахелоем (у Акарнании). На пути Ксеркса из Аканфа в Ферму через области пеонов и крестонов они нападали на верблюдов, навьюченных съестными припасами (Геродот, VII, 124—126), а на Халкидике — ночью, когда верблюды паслись во время привала войска царя.

Уроженец Халкидики, „отец зоологии“, Аристотель, говоря о повадках этих хищников, сообщает, что старые львы, не имея сил охотиться на диких животных, приходили в города и нападали на людей. Поэтому естественно, что львы служили излюбленным сюжетом местным художникам и ремесленникам. Особенно изобиловали львами горы Пангея (ныне Пирнари, южный отрог Родоп на водоразделе бассейнов Струмы-Стримона и Марицы-Гебра), богатые золотом, серебром и драгоценными камнями (Геродот, VII, 112 и 125.)

На ряде бронзовых ситул северобалканского происхождения, как, например, на ситule из Вача в музее Любляны и на так называемой чертозской ситule в Болонье, изображен лев, пожирающий ногу человека¹⁶. Иллюстрацией рассказа Аристотеля служит и рельеф на золотой оболочке ножен меча из кургана Солоха, представляющий хищника с рукой чело-

¹⁶ J. Kastelic. *Umetnost alpskin ilirov in venetov*. *Situle od Pada do Donave*. Ljubljana, 1962, t. 12, 30, priloga B, E.

века в зубах¹⁷. Поэтому в сценах, изображенных на серебряном сосуде из кургана Солоха, в охотниках на львов следует видеть жителей севера Балканского полуострова — фракийцев или македонян, чему отвечает и негреческая форма сосуда.

Из сказанного можно заключить, кто изображен на предметах торевтики, о которых идет речь. Вместе с тем, север Балканского полуострова был областью наиболее тесного соприкосновения и наиболее длительного взаимодействия культур — античной (греческой) и варварской (фракийской)¹⁸.

Как известно, колонизационная деятельность греков здесь началась очень рано; эпизод у Дробеска в 464 г., описанный Фукидидом (I, 100 и IV, 102) — лишь позднейшее отражение этих событий. Именно на севере Балканского полуострова сложились культура и искусство, отличительной чертой которых в V—IV вв. до н. э. явилось гармоническое единство элементов греческого и фракийского. Еще в 1968 г. М. К. Чичикова указывала на имеющую место в науке недооценку роли фракийской культуры в Скифии и на тенденцию найденные там фракийские изделия считать скифскими¹⁹. Это имеет место и в настоящее время.²⁰

Не имея возможности рассмотреть все памятники с изображениями варваров, остановимся на тех из них, которые наиболее ярко иллюстрируют их северобалканское происхождение: это серебряная чертомлыкская ваза и золотой нагрудник из Толстой Могилы.

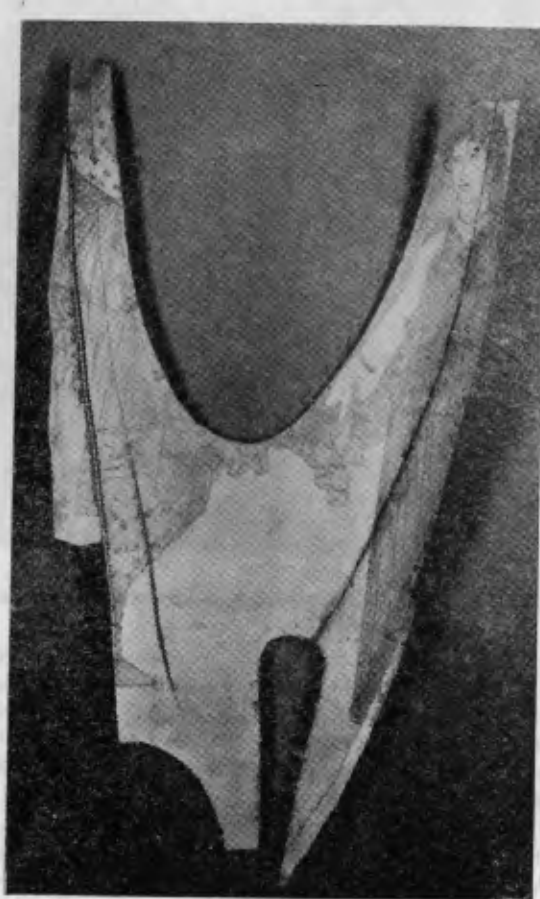

Рис. 7. Пластина с изображением Париса. Курган Куль-Оба. Кость

Рис. 8. Монеты города Тероны. Серебро

Ваза, как известно, найдена в 1863 г. близ г. Никополя на правом берегу Днепра. Существующее мнение о ее происхождении таково, что она изготовлена греческим мастером на Боспоре, в Пантикапее, а изображены на ней скифы (таково мнение, например, М. И. Ростовцева, Б. Н. Гракова, В. Ф. Гайдукевича). Но оказывается, что эта довольно редкая форма сосуда представлена на серебряных монетах Тероны, славившейся вином высокого качества, которое вывозилось за пределы страны (рис. 8). На своих монетах Терона изображала той формы тару, в которой было расфасовано для экспорта ее прославленное вино (обычно эмблемой на монетах был предмет, игравший главную роль в экономике города или государства, объект его торговли). Вблизи Халкидики находятся Дзорские горы с их знаменитыми рудниками, где, по свидетельству Фукидида (IV, 17), Александр I получал ежедневно талант серебра (26 кг=1414 р.). Вероятно, эти рудники и были источником серебра, из которого чеканились монеты Тероны и была изготовлена чертомлыкская ваза²¹.

Ваза служила для вина и имеет три крана, из них два в виде головы льва; на плечах рельефные изображения грифонов, трезающих лань. Этот же сюжет представлен на мозаичном полу дома А—VI—3 в Олинфе²².

Поверхность туловища вазы заполнена двумя ветками растений, входящими из пучка листьев аканфа, с пальметками, цветами и воллутами, на которых сидят птицы. Мотивы того же характера и стиля изображены на мозаике в Пелле²³.

Опоясывает вазу рельефный фриз, представляющий пасущихся и бегущих коней. Люди заняты укрощением и дрессировкой животных, причем центральное место занимает кобылица, которую сдерживают вожжами двое мужчин. Другие персонажи заняты ловлей коней. Идентичные изображения коней эмблемами серебряных монет славившейся конями Ла-

¹⁷ А. П. Манцевич. Парадный меч из кургана Солоха. ДФСР, М., 1969. с. 106, 107. Рис. 10.2 и 11.3.

¹⁸ Д. П. Димитров. Болгария — страна древних культур. С., 1961. с. 11, 13.

¹⁹ М. К. Чичикова. Керамика от старата железна епоха в Тракия. Археология, 1968, № 4, с. 27, примеч. 66.

²⁰ А. И. Мелюкова. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства. Тезисы докладов, посвященных итогам исследований 1970 г. СССР. Тбилиси, 1971. с. 141 сл.

²¹ А. П. Манцевич. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху. ВДИ, 1949, № 2
²² D. Robinson. Excavations at Olynthus. T. V. Baltimore, 1933, табл. III. Дом А VI-3.

²³ Photios M. Petsas. Pella. Studien in Mediterranean Archaeology. T. XIV. Lund, 1964. с. 3—8.

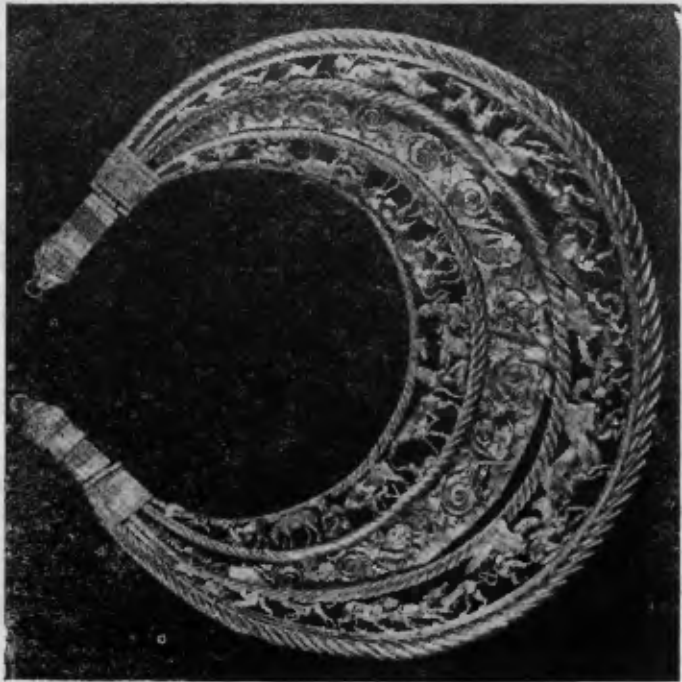

Рис. 9. Пектораль. Курган Толстая Могила. Золото, эмаль

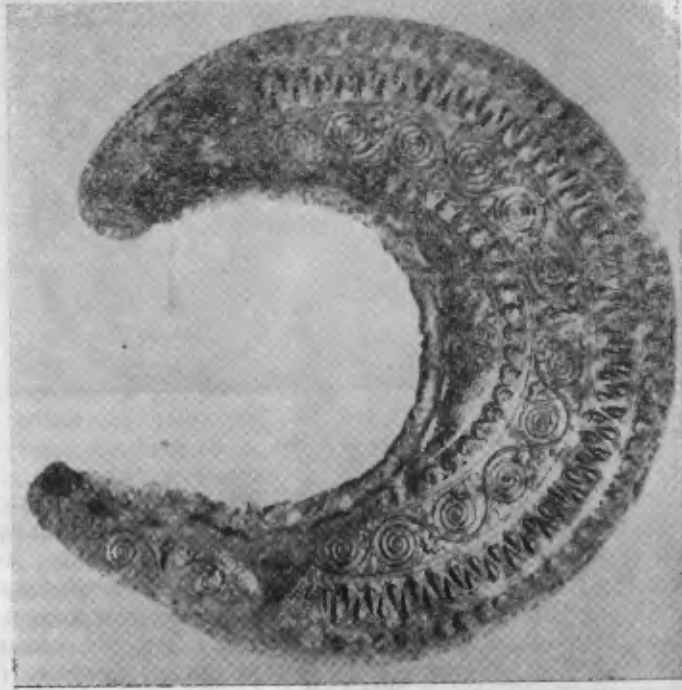

Рис. 10. Пектораль. Курган Мезек. Серебро с позолотой, железо

Рис. 11. Монета Севта III. Бронза

риссы фесалийской, где такие монеты чеканились с небольшими интервалами на протяжении почти полутора столетия²⁴. Лошадь с повернутой назад головой, изображенная на вазе, представлена также и на монетах Лариссы, но эти монеты чеканились очень непродолжительное время (361—353 гг.) и поэтому могут служить надежным критерием для датировки вазы²⁵. Таким образом, вопрос о месте и времени изготовления чертомлыкской вазы решается с полной определенностью.

Второй предмет, который привлекает наше внимание, это нагрудное украшение, близкое по времени, стилю и композиции чертомлыкской вазе (рис. 9). Оно найдено в 1971 г. в Толстой Могиле близ г. Орджоникидзе Днепропетровской области, недалеко от Чертомлыкского кургана. Честь открытия памятника принадлежит сотруднику Института археологии АН УССР Б. Н. Мозолевскому²⁶.

В погребении, кроме украшений, предметов бытового назначения и меча в золотых ножнах, найдены были разбросанными куски железного

²⁴ F. g. Herrmann. Die Silbermünzen von Larissa in Thessalien. ZfN, XXV. 1925. с. 3—49, табл. I—VIII.

²⁵ Егон же. Указ. соч. с. 47, 63, табл. VII, 15.

²⁶ Б. Н. Мозолевский. Товста Могила — видатна пам'ятка Скифії. — Археология, 1972, 5. с. 72—82.

чешуйчатого панциря и покрытые золотом железные трубки — части щита, аналогичного изображенному на гребне из Солохи.

Нагрудное украшение имеет вид ажурного полумесяца диаметром 30 см, весом 1150 г. Заканчивается оно головами львов, в пасти которых зажаты петельки для скрепления концов нагрудника на шею. Нагрудник имеет три фриза; на нижнем изображены звери — реальные и фантастические хищники — львы и грифоны, терзающие добычу: лошадей, оленя и кабана. В среднем поясе, как и на вазе, из пучка листьев аканфа „вырастают“ две ветки выходящих растений с усиками, пальметками, на которых сидят птицы, и цветами, покрытыми эмалью. Таким образом, композиция и сюжет у вазы и пекторали сходны, различно только чередование фриз. На верхнем фризе нагрудника представлен главный сюжет: среди стада лошадей, коров и коз сидят два воина и двое юношей. Их одежда, обувь и прически, а также гориты у воинов те же, что и у персонажей, представленных на вазе.

Одежда юношей состоит из кафтана и шаровар, заправленных в мягкие сапожки, подвязанные у щиколотки. Один юноша держит амфору, другой доит овцу. Прически у юношей разные: у одного лоб закрыт челкой, и волосы спускаются прядями на плечи, у другого они висят в виде локонов, а на лбу завернуты в виде чуба.

В центре композиции сидят на коленях два полуобнаженных воина. Подобно изображениям на вазе, у них чубы и пышные бороды с усами. У одного волосы перехвачены повязкой, у другого они падают на плечи прямыми прядями. Их гориты со стрелами помещаются рядом, — один лежит, другой подвешен в центре. Воины заняты приведением в порядок меховой рубахи-панциря, вывернутой наизнанку. К рубахе снизу прикреплен чешуйчатый пояс такого типа, как у воинов на гребне из Солохи, куль-обской вазе и т. п. Одежду воинов составляют шаровары.

Подобно другим шедеврам торевтики, найденным в Северном Причерноморье, нагрудник исполнен с большим искусством: даже на горитах воинов можно различить сцены борьбы зверей. Не менее тонко охарактеризованы художником различные моменты в поведении людей и животных.

Нагрудник и ваза, близкие по времени (ваза — середины IV века, нагрудник — второй половины IV века), имеющие много общего в композиции и сюжете, не говоря уже о стиле и технике исполнения, позволяют высказать предположение, что очень близки они и по месту изготовления. Мы не знаем, где чеканили свои монеты Терона и Ларисса, но известно, что монетные дворы были и в Олинфе²⁷, и в Маронее, и на Фасосе²⁸; при этом следует отметить, что высокие художественные достоинства монет Амфиополя, Абдеры, Эноса, Аканфа на Халкидике — общеизвестны. Именно с этими областями представляется наиболее вероятной связь персонажей, изображенных на вазе и нагруднике. Небезынтересно также их сопоставление с монетами Севта III (325—313) (рис. 11)²⁹.

По форме и стилистической аналогией нагруднику служит золотое ожерелье из женского погребения 1868 г. в кургане Большая Близица на Таман-

ском полуострове³⁰. Оно представляет собой фриз пасущихся овец и коз среди высокой травы (стебли цветов — это замаскированные подпорки для фиксации фигур животных; автор нагрудника ими не воспользовался). Концы ожерелья и нагрудника идентичны.

Недоумение по поводу нахождения в мужском и женском погребениях сходных шейных украшений разъясняется благодаря публикации Л. Огненовой. Идентичные новонайденному серебряные золоченые нагрудники на железной основе происходят из Мезек (рис. 10), Върбица и Янково³¹. Они служили дополнением и украшением панцирей с глубоким вырезом у шеи, в отличие от древних панцирей VI—V вв. до н. э., которые не имели выреза и подвижного нагрудника и стесняли движение шеи и головы воина. Золотой нагрудник закрывал вырез панциря у шеи, как и найденные в Болгарии серебряные. Несмотря на солидный вес (1150 г), нагрудник из Толстой Могилы все же, очевидно, был парадным предметом и не мог служить защитой воину во время боя, как и ожерелье из Большой Близицы, которое было украшением богатой женщины.

Найденные в Болгарии панцирные нагрудники имеют железную основу и употреблялись во время боя. Нагрудники из Мезек и Върбицы имеют сложные орнаментальные мотивы (спирали на них изготовлены по одной матрице, как полагает Л. Огненова) и украшены женской головкой в центре, так же как и шлем из Мастогиинского кургана³². Л. Огненова правильно считает панцири с нагрудниками местной продукцией, что является лишним подтверждением северобалканского происхождения как нагрудника из Толстой Могилы, так и мастюгинского шлема.

Мы остановились на двух шедеврах торевтики — вазе и нагруднике. Можно было бы предполагать, что эти изделия попали в Северное Причерноморье благодаря их художественным достоинствам; но у нас имеются и другие предметы, не обладающие такими качествами, например, конские уборы с изображением рыбы из кургана Солоха. Это — покрытые золотой оболочкой деревянные рельефы с железными ушками на обратной стороне для крепления их на уздечных ремнях³³.

Рельефы выполнены в классическом зверином стиле, обычно называемом скифским: налобник в виде двух рыб, а нашечники изображают плавник рыбы или крыло. Золотой налобник в виде рыбы найден в Куковой могиле (Дуванлий)³⁴.

Связь рыбы с конем в Фракии, возможно, объясняется тем обстоятельством, что, как сообщает Геродот (V, 16), на озере Прасиас, богатом рыбой, фракийцы строили дома на сваях и ловили в озере много рыбы, которой кормили лошадей и вьючный скот. Конские уборы с различными сюжетами, исполненные в том же стиле и технике, найдены в ряде курганов

²⁷ И. Толстой, Н. Кондаков. Указ. соч., I, 1889. 60, рис. 81.

²⁸ L. Ognenova. Les cuirasses de bronze trouvées en Thrace. BCH, LXXXV, 1961—II, с. 501—538; L. Ognenova-Marinova. Les motifs décoratifs des armures en Thrace au IVe s. av. n. ère. Actes du premier congrès international des études balkaniques et Sud-Est européennes, II, Sofia, 1970. с. 402—406. Рис. 6—11.

²⁹ А. П. Мандевич. Бронзовые пластины из Второго мастюгинского кургана (к вопросу о фракийских шлемах). АСГЭ, 2, Л., 1969. с. 105, 106, III, рис. 1, 3, 2, 2 и 6.

³⁰ ОАК за 1912 г. с. 46—47. Рис. 63—65.

³¹ Б. Дякович. Антична гробница в „Кукова могила“ при с. Дуванлий. ИБАИ. Т. III, 1925. с. 113, рис. II (половина рыбы); Б. Филков. Нови находки от античната гробница при Дуванлий. Там же, т. IV, 1926—1927. с. 33, рис. 14 (две рыбы).

²⁷ Robinson. Указ. соч., Т. II. Baltimore, 1930 с. 99; E. Muret. Tétradrachmes de Sparadocus, roi des Odryses. BCH, 1879, 417.

²⁸ Г. Казаров. О тетрадрахмах Маронее и Фасоса. Археология, IV, 1962, № 1, с. 17—30.

²⁹ М. Чичикова. Севтополис. С., 1970. Рис. 107, 109, III.

Скифии: Ильиницка (на налобнике изображен грифон), Цимбалке (на налобниках — змееногая богиня и два геральдических льва), также с символикой, характерной для религиозных представлений фракийцев.

Известно, что район Амфиополя и Пангейские горы славились лесными богатствами и высокой техникой обработки дерева³⁵. По свидетельству Плутарха, в часы досуга царь Аэроп делал столики и светильники³⁶. Афиней упоминает о фигурке деревянного скорпиона, которого испугался Батис³⁷. Афиняне использовали лес Пангея для постройки кораблей³⁸. Таким образом, и продукция художественного ремесла — конские уборы, благодаря изображаемому на них сюжетам, будь то рыба или лев, или почитавшаяся во Фракии змееногая богиня, равно как и материал этих уборов — облицованное золотом дерево — приводят нас в те же области севера Балканского полуострова. Что касается звериного стиля, то выше уже была отмечена его принадлежность искусству населявших Подунавье фракийских племен. В результате ряда выдающихся открытий на территории Балканского полуострова Д. П. Димитров и М. К. Чичикова справедливо приходят к выводу, что это искусство является „самобытным художественным творчеством фракийцев“³⁹.

Нет ничего необычного в том, что в курганах Северного Причерноморья, представляющих усыпальницы династов — коневодов, найдена масса разнообразных предметов македоно-фракийского происхождения. Синтез варварского и античного элементов и составляет сущность культуры населения севера Балканского полуострова, ее спецификом. В Северном Причерноморье, где она выявляется и в личных именах⁴⁰, главным оплотом ее было Боспорское царство с правившей там в течение почти трех столетий фракийской династией Спартокидов. Не случайно время расцвета культуры Боспора (V—IV вв. до н. э.) совпадает с эпохой могущества и наибольшего процветания царства одрисов и указывает на их тесную связь. Наиболее выдающимися памятниками этого периода, рисующими яркую картину взаимоотношений Северного Причерноморья с Югом, являются курганы Куль-Оба, Солоха, Чертомлыкский и, наконец, Толстая Могила, с одной стороны, а с другой — ряд аналогичных памятников типа Башовой Могилы на территории Болгарии.

Оглядываясь назад, мы увидим, что взаимосвязи Северного и Западного Причерноморья восходят по крайней мере к эпохе бронзы, о чем свидетельствует и серебряный сосуд с изображением ландшафта (Стримон, Прасиас, Пангей)⁴¹ из кургана в Майкопе, и золотой сосуд, найденный в Одесской области (с. Кришовляны), аналогичный большому вълчитрынскому „канфару“⁴², и бессарабский клад⁴³. Боспорское царство — лишь

³⁵ А. С. Ш о ф м а н. История античной Македонии. Ч. I. Казань, 1960. 181.

³⁶ П л у т а р х. Сравнительные жизнеописания. Деметрий. Петр. Алексея. Т. VIII, СПб. без года, с. 189.

³⁷ A t h e n. Deipnosophist. VI, XII.

³⁸ Н е г о д., V, 23; Thuc. IV, 108, 1; Х е н о р ф. Hell. VI, 1, 11.

³⁹ Д. П. Д и м и т р о в. Указ. соч. с. 18—19; М. Ч и ч и к о в а. Златни и сребърни съкровища от България. Методическият журнал „История и география“, 1967, № 1—2. с. 56.

⁴⁰ L. Z g u s t a. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. с. 278—291.

⁴¹ А. М а н т е в и ч. Sur quelques objets du tumulus de Maïkop. Apulum. IX, Alba Julia, 1971. с. 119—121, рис. 16—18.

⁴² Письмо Г. А. Д з и с - Р а й к о, получ. 21. I — 1974 г.

⁴³ О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Бессарабский клад. М., 1949.

наиболее яркий известный нам эпизод, логическое следствие длительного исторического процесса предшествующих веков.

Подводя итог, можно сказать, что культура Фракии — одна из самых ярких страниц в истории европейской культуры, благодаря своей мощной сырьевой базе; как известно, еще в микенскую эпоху уровень культуры Фракии стоял очень высоко⁴⁴. Можно предполагать, что эта культура пришла в Микены и Трою с севера, с Балканского полуострова. Высшая ступень ее развития в античную эпоху — царство одрисов. В дальнейшем на той же материальной основе, на тех же художественных и технических традициях выросла и культурная мощь Византии, сыгравшей видную роль в формировании культуры Древней Руси и Западной Европы, в частности, культуры Италии после падения Константинополя.

На примере двух памятников мы попытались определить этнический тип изображенных на них персонажей. Надо надеяться, что новые материалы позволят более убедительно решить вопрос о происхождении других предметов торевтики с антропоморфными сюжетами.

ON THE QUESTION OF THE IMAGES OF THE BARBARIANS ON THE OBJECTS OF THE TOREUTIKS FROM THE TUMULI ALONG THE NORTHERN BLACK SEA COAST

P. Mantseevich

(Summary)

In this article the author examines the images of the Barbarians depicted on vessels, objects with a domestic purpose and on weapons discovered in tumuli along the northern coast of the Black Sea, and now preserved in the Hermitage in Leningrad. The form of the objects, the subject matter on them, the decorative motifs and especially the portrayal of figures with clothing, hair-styles and weapons unusual to the Greeks has been analysed. In her study the author discusses the subject of the comb and bow-case from the tumulus at Soloha (Fig. 1), the vessels from the tumuli at Voronezh (Fig. 3) and at Kul-Oba. Her fundamental observations, however, have been based on two objects discovered in one and the same region: the vase from Chertomlyk and a hem-stitched breast-plate of gold from Tolstaya Mogila near Ordzhonikidze. The decorative motifs have characteristic features in common: plant designs, palmets and clusters of flowers with birds perching on them, as well as a relief frieze with horses and images of men on both objects. These features suggest that they had been made in neighbouring workshops. On the basis of the analysis carried out the author dates the vase from Chertomlyk towards

⁴⁴ А. П. М а н ц е в и ч. Древнейшее ожерелье в собрании Государственного Эрмитажа. Archaeologia Polona XIV. Miscellanea Casimiro Majewski oblata. Wroclaw—Warszawa, 1973. с. 59—85.

the middle of the 4th century B. C., and the breast-plate from Tolstaya Mogila from the second half of the 4th century B.C.

The author considers the synthesis of Barbarian and Greek elements as vital features of the population of the northern part of the Balkan Peninsula. Of the monuments examined the author has observed in the images of the Barbarians features characteristic of the outer appearance and the clothing of the Thracians. This warrants the hypothesis, which is awaiting further corroboration, that the Barbarians depicted on the foreutiks products are Thracians. The author is also inclined to agree that these products are of Macedonian-Thracian origin.

STUDIA THRACICA, I
ФРАКО-СКИФСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
Sofia . 1975 . София

ВЛИЯНИЕ ТЕХНИКИ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ СТИЛЯ И МОТИВОВ В ТОРЕВТИКЕ ФРАКИЙЦЕВ И СКИФОВ

Л. Огненова-Маринова

(Болгария)

При исследовании искусства и культуры фракийцев, а также их соседей скифов, главным образом, исходят из роскошного погребального инвентаря, найденного в курганных гробницах племенной аристократии. О родстве фракийцев и скифов, о их сходном быте и культуре и об общественно-политической форме управления, характерной для раннего классового общества, — военной демократии — писали как античные авторы, начиная с Геродота, так и современные археологи и историки. Общность культуры племен Северопонтийских и Западнопонтийских областей устанавливается еще в бронзовом веке¹, а родственные связи между племенной аристократией скифов и фракийцев подчеркиваются античными авторами конкретными фактами и событиями, произошедшими где-то около середины V в. до н. э., во время царствования фракийского царя Ситалка и скифского Скила.² Вещественные свидетельства этой эпохи предоставляет нам фракийский некрополь близ Дуванлия³ и скифские в Кубанской области с могилами Семибратних курганов. Оба некрополя находятся вблизи побережья, откуда по непосредственному пути вместе с импортными товарами, естественно, приходят влияния и новые достижения в области искусства и культуры из Средиземноморского бассейна.

Некрополь близ Дуванлия находится в центральной части Фракии, севернее Пловдива, около одного из притоков Марицы, а могилы Семибратних курганов близ Кубани. Уже давно археологи обратили внимание на сходство предметов из IV могилы Семибратних курганов и из Башовой могилы близ Дуванлия.⁴ Среди инвентаря обих захоронений

¹ Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. КСИА АН СССР. Вып. 105. 10 и сл.

² Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971. с. 29 и сл.

³ Б. Ф и л о в. Надгробные могилы при Дуванлий в Пловдивско, София, 1934. с. 231—239 (Дуванлий).

⁴ Там же. с. 231—239; К. Scheffold. Attische Silberschale, RM. 46, 1931. 116—129; К. С. Горбунова. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов. Культура и искусство Античного мира. Л., 1971. с. 18—38 и указ. соч., с. 35—38.

Рис. 1. Золотой нагрудник из „Башовой могилы“

встречаются как импортные, так и местные произведения художественных ремесел, относящихся к концу третьей четверти V в. до н. э. и началу IV в. до н. э. Встречаются аттическая керамика этого времени, бронзовые и серебряные предметы с отличительными чертами ионийского и аттического искусств, а также и золотые предметы — произведения местной торевтики и ювелирного мастерства.⁵

В этих-то предметах местной торевтики, синхронных и принадлежащих лицам с аналогичным социальным и экономическим положением, и непосредственно связанным между собой, мы можем попытаться найти и установить отличительные черты искусства и торевтики фракийцев и скифов. Яснее всего это видно при сопоставлении предметов с одинаковыми сюжетами и техникой выполнения. Такими являются золотая пластинка, украшающая нагрудник панциря из Башовой могилы, и золотые обивки ритонов из IV могилы Семибратних курганов.

Золотой нагрудник из Башовой могилы (рис. 1) или точнее золотая декоративная часть „стегасмы“ панциря, на котором он найден⁶, состоит из тонкой золотой пластинки, как бы вписанной в эллипс шириной 13 см и высотой 9 см. В своей нижней части пластинка заканчивается дугообразно, а в середине верхней части, то есть под горлом, находится небольшой вырез. Украшение плоское, выполненное техникой ковки — репусе и оттиском штампа. Почти вся поверхность пластинки, представляющая гладкое декоративное поле, заполнена изображением льва, обрамленного полоской тисненых полумесяцев или пелт. Полоска следует точно контурам пластинки. Тисненные полумесяцы, нанесенные одним и тем же штампом имеют по три выпуклости, напоминающие как бы три заклепки. Лев, тело которого изображено в профиль, как бы идет влево с опущенной вниз и повернутой прямо к зрителю головой и поджатым между задними лапами хвостом. У льва типичная стойка хищника, почуявшего и подстерегающего

⁵ Там же и Дуванлий. с. 59—79; K. Schefold. Op. cit.

⁶ Дуванлий. с. 62; L. Ognenova. Les cuirasses de bronze trouvées en Thrace, BCH 85, 1961. с. 533—535.

добычу. Голова льва сильно удлинена, особенно пасть с верхней челюстью, слившейся с носом. Верхняя челюсть вместе с усами полностью скрывает нижнюю. Глаза круглые, близко поставленные. Высоко над глазами, как маленькие треугольнички, торчат уши, выделяющиеся над гривой, которая закрывает шею и всю спину до паха зверя. Стилизованная грива напоминает сетку, причем каждая ромбовидная клетка выступает рельефной выпуклостью. Лопатка передней лапы стилизована так же графически и передана декоративно, причем контур мускула лопатки подчеркнут полоской с ямочками, переходящими одна в другую. Эта полоска, в виде ленты, как будто перекинута через прозрачное тело зверя и на ее концах как бы свисают прикрепленные к ней передние лапы. Несмотря на сильную стилизацию и графическую схематизацию изображения, намечены и некоторые детали, как ноздри, усы и четыре когтя на лапах. Характерным для этого изображения льва является плоское графическое изображение, которое не стремится передать пластично объем рельефными и переходящими одна в другую округлыми формами.

Изображение головы льва представляет собой как бы нанесенную оттиском маску, у которой скрыта нижняя челюсть, удлиненная в почти треугольную форму. Голова льва напоминает миниатюрные маски львов, нанесенные оттиском на золотой нагрудник из с. Дылбоки, представляющих также декоративную часть „стегасмы“ панциря того же типа⁷, как и найденная в Башовой могиле. Таким же образом представлена маска льва и на пластинках панциря Скитодока, найденных в большой могиле в Дуванлий.⁸ На первый взгляд, нашему льву с золотой пластинки близки изображения львов и пантер архаического греческого искусства и особенно архаической керамики. В керамике последней четверти VII и начала VI вв. до н. э. мы встречаем ту же голову льва с подчеркнуто удлиненной верхней челюстью, слившейся с носом, с такими же круглыми глазами, маленькими треугольными ушами и гривой, переданной линейно в виде сетки из ромбов.⁹ И на металлических изделиях того времени можно встретить таким же образом выгравированных животных. На богато украшенной спине панциря из Олимпии мы видим ту же трактовку головы в геральдическом расположении зверей (львов или пантер), тот же поджатый хвост между задними лапами в двух крылатых сфинксах с львиными телами.¹⁰ Принято,

⁷ А. Прохоров. Болгарские раскопки близ Эски-Загары. Санкт-Петербург, 18—88, табл. III, Д. П. Димитров. Тракийската гробница от с. Дылбоки, РП IV, 1950 с. 211 и сл.; D. V. Har den. Aschmolean Museum, Report of the Visitors 1949, Oxford, с. 20; L. Ognenova. Op. cit. с. 516—518, 533—535.

⁸ Дуванлий, с. 113, табл. IX, 2—5; Л. Огненова. Ризници на траки от V—IV в. пр. н. э. Археология. Т. 1—2. С. 1959. с. 35—36; Конкретнее о мотиве из львиных масок срвн. L. Ognenova-Marinoва. Les motifs décoratifs des murs en Thrace au IVe siècle av. n. ère. Actes du Ier Congrès de Balkanistique. Т. II. с. 413; Бронзовая пластинка панцирной с львиной маской аналогична пластинкам с масками на панцире Скифодока, найденной в Додоне; J. P. Michaud. Chronique des fouilles — BCH 97, 1973. 325. Рис. 14.—147. Ergon, 1972. с. 40—45.

⁹ H. P a u n e. Necrocorinthia. Oxford, 1931; J. L. V e n s o n. The Erlenmeyer Painter. — Antike Kunst, 1964, 7 Jg. Heft 2, Taf. 23; С. П. Б о р н о в с к а я. О некоторых стилистических группах и мастерах, ориентализирующих коринфские вазы. Культура и искусство античного мира, Ленинград, 1971. Обр. 1—2 (о стилизованной львиной гривне, переданной в виде ромбовидной сетки рис. 9, с. 13—14)

¹⁰ A. F u r t w e n g l e r. Die Bronzen von Olympia. Berlin, 1890, tabl. LX. с. 157.

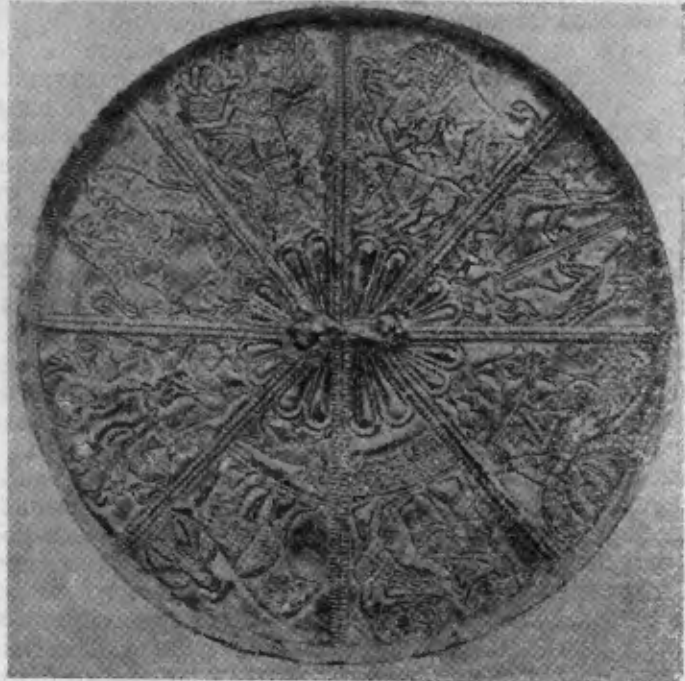

Рис. 2. Серебряное зеркало в золотой обкладке из Келермеса

что этот панцирь выполнен под сильным ионийским влиянием и относится к концу VII в. до н. э.¹¹ Зверей и сфинксов, подобных изображенным на спинах панцирей, мы встречаем в Северопонтийской области на известном зеркале из Келермеса с позолоченной, богато украшенной оковкой (Рис. 2). Это местное изделие с влиянием восточно-ионийского стиля, относящееся ко времени около 575 г. до н. э.¹² На панцире из Олимпии изображения выгравированы, а те же самые изображения на зеркале из Калермеса выкованы техникой репусе, более плоские, почти графические, с подчеркнутым стремлением к декоративности.

Золотая пластинка из Дуванлия представляет собой декоративный элемент, прикрепленный к подвижному защитному нагруднику (стегасме) панциря, тип которой засвидетельствован в Фракии на трех панцирях и пяти нагрудниках и весьма специфичен для нее. Золотые пластинки из Семибратних курганов представляют декоративный элемент столь же специфичных для скифов предметов, а именно ритонов (по мнению Б. Н. Гракова).¹³ Четыре таких декоративных золотых пластинок найдены в IV могиле Семибратних курганов. Они имеют почти треугольную форму с за-

¹¹ Дуванлий. с. 206; E. Pflügel. *Malerei und Zeichnung der Griechen*. München. T. III, 135.

¹² М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА XXI, 1954.

¹³ Б. Н. Граков. указ. соч. 117—118, табл. XXVII; М. Артамонов. *Goldschatz der Skythen*. Prag—Leningrad, 1970. Рис. 116, 118, 120, 121, 122.

круглым нижним краем. Эта форма явно продиктована формой предмета, для украшения которого они сделаны, — роговидная форма ритонов из рога или дерева.

Техника выполнения четырех золотых пластинок из IV могилы Семибратних курганов также репусе. Но здесь трактовка изображения не графическая и плоская, а рельефная. Это стремление к пластичной передаче объема на скифских пластинках напоминает первообразы, выполненные техникой, отличающейся от техникиковки металла. Влияние резьбы по дереву чувствуется особенно в фигурке оленя из сцены нападения льва на оленя.¹⁴ Трактовка оленя, найденного в Пазырыке¹⁵, напоминает деревянные скульптуры или ажурные пластинки, предназначенные для украшения конской сбруи. Четыре золотые пластинки подтверждают заключение таких исследователей скифской торевтики как М. Артамонова, М. Пардуца, Л. Членовой и др., о том, что скифские металлические изделия напоминают первообразы из дерева или кости и что стиль скифской торевтики оформился под влиянием резьбы по дереву и кости.¹⁶

Сюжет четырех золотых пластинок состоит из одного мотива, заполняющего все декоративное пространство. На двух пластинках верхний край, попадающий на отверстие ритона, представляет собой выточенную полоску с серийным мотивом на ней — ионийской кимой. На двух пластинках встречается изображение льва: на одной — лев нападает на оленя (Рис. 3), на другой — крылатая львица нападает

Рис. 3. Золотая обивка ритона из Семибратних курганов

Рис. 4. Золотая обивка ритона и Семибратних курганов

¹⁴ М. Артамонов. *Op. cit.* Рис. 12).

¹⁵ G. Charrière. *L'art barbare schytha*. Paris, 1971. p. 280, 287 — марка с характерной трактовкой резьбы по дереву.

¹⁶ М. Артамонов. Скифо-сибирские искусства эллинистического стиля, *Проблемы скифской археологии*. М., 1971. с. 24—36; Н. Четочев. К вопросу о первичных

на козла¹⁷ (Рис. 4). У обоих зверей тело представлено в профиль, а голова повернута прямо к зрителю, при этом нижняя челюсть хищника скрыта. Форма головы треугольная, но не удлинена так сильно, как у льва из Башовой могилы. Глаза также круглые, уши маленькие и расположены по обе стороны головы, как и усы. Грива тоже закрывает шею и спину до паха зверя, только условное обозначение прядей выражено не ромбовидной сеткой, а квадратной.

Поджатый хвост льва из Башовой могилы встречен и на пластинках из IV могилы Семибратних курганов. Только он встречен не у льва, а у крылатой лвыцы.

Особый интерес представляет выполнение лопатки и передних лап льва на скифских пластинках. На условной, декоративно и линейно переданной гриве выделяется гладкая полоса в виде ленты, перекинутой через тело зверя. Нижняя часть ленты переходит в переднюю лапу. По внешнему впечатлению это изображение близко льву из Башовой могилы. Но изображенное в профиль тело зверя скрывает от зрителя вторую половину перекинутой ленты, заканчиваемой второй лапой.

Выполнение лопатки двумя concentричными дугообразными изогнутыми линиями, сливающимися с контуром передней лапы зверя встречается в Северопонтийской области, точнее около Кубани, уже в ранне скифский период. Например, на окованном золотыми листами топорике-жезле из Келермеса¹⁸ и на бронзовом ажурном изображении оленя из той же могилы, в которой были найдены рассмотренные здесь обивки ритонов.¹⁹ Этот способ передачи пластичной формы характерен для графического изображения — рисования или гравировки на металле. Он встречается в Передней Азии и не только на произведениях тореvтики, для которой характерен, но и в скульптуре из камня, где он теряет свое функциональное предназначение и превращается в условный декоративный элемент.²⁰ Этот мотив, выполненный двумя concentричными дугообразными линиями, как на топорике из Келермеса, встречается в конце VII в. до н. э. в Курдистане на нагруднике из Зивия.²¹ Превращенный в декоративный мотив, он широко распространяется в произведениях композиционного ахеменидского искусства, в создании которого участвуют художники и мастера-торевты из всей обширной Ахеменидской империи.²² Они в свою очередь внесли свой вклад в дело возрождения старых традиционных сюжетов, мотивов и выразительных средств, распространенных в художественных произведениях Восточного Средиземноморского бассейна еще с середины II тысячелетия или бронзового века.

материалах предметов в зверином стиле. Пробл. скиф. археол. с. 208—217; М. А р т а м о н о в. Goldschatz der Skythen. с. 25; М. P a r d u c z, Probleme der Skythenzeit im Karpatenbecken, Budapest, 1973. с. 37; Р. А м а н д р у, L'art scythe archaïque, AA 1966. 903.

¹⁷ М. А р т а м о н о в. Goldschatz . . . Рис. 116.

¹⁸ Ibid. Рис. 9—19.

¹⁹ Ibid. Рис. 63, стр. 35.

²⁰ R. G h i r s h m a n. Cerse, Paris, 1963. 220; L. V a n d e n B e r g h e. Archéologie de l'Iran ancien. Leides, 1959.

²¹ A. G o d a r d. Le trésor de Ziwie (Kurdistan). Haarlem, 1950, Cj. les lions du pectoral.

²² P. A m a n d r u. L'art achéménide. Mélanges offerts à Kazimirz Michalowski. Warszawa, 1966. с. 203—234.

Рис. 5. Костяная пластинка из Спаты

Не только сюжеты — львы, хищные птицы, грифоны и хищники, нападающие на оленей, козлов и быков, но отдельные мотивы и выразительные средства, встречающиеся на произведениях фракийских и скифских мастеров, находят свои первообразы в середине II тысячелетия до н. э., хотя между ними огромный промежуток времени.²³ Интересно, однако, отметить, что эти давние первообразы встречаются преимущественно среди произведений микенского искусства. Костяные пластинки из Спаты XIII в. до н. э. и конкретнее та, на которой рельефно представлена сцена нападения льва на козла (Рис. 5), не только напоминает сюжеты, характерные для скифской тореvтики, но и композицию и трактовку форм отдельных животных.²⁴ Однако, самой красноречивой документацией является деревянная шкатулка из Микен, окованная 12 богато украшенными золотыми пластинками. Шкатулка найдена в шахтной могиле V, относящейся к середине второго тысячелетия.²⁵ Сюжеты на этих пластинках почти такие же, как на костяной пластинке из Спаты, только выполнены они присущей металлу и эпохе техникойковки. Здесь изображения переданы более плоско и линейно. На этих пластинках встречаем почти весь, характерный для тореvтики ски-

²³ L. O g n e n o v a. Survivances de la civilisation méditerranéenne du IIe millénaire en Thrace vers la seconde moitié du 1er millénaire. AAPSА, Sofia 1963. с. 27—34; М. K o r k u t i. Les rapports de civilisation illyro-égéenne à l'Age du bronze et la survivance de certains objets du type mycénien à l'Age du fer. Actes du IIe CIESE. Athènes, 1970.

²⁴ S. M a r i n a t o s. Kreta und das Mykenische Hellas. München, 1959. Рис. 216.

²⁵ Ibid. Рис. 198—199.

Рис. 6. Золотые накладки коробки из Микены

Рис. 7. Статуэтка льва из Золотого кургана близ Симферополя

фов и фракийцев, репертуар — скачущие олени с сильно откинутой головой. Тело животного передано в профиль, а голова повернута к зрителю и пр. Лопатка льва передана двумя concentричными дугообразными линиями, переходящими в контуры передней лапы, только эти линии не касаются линии хребта зверя. Эта особенность, как и ромбовидная стилизация прядей гривы, характерны и для изображений из Передней Азии.²⁶ Среди изображений львов из Эгейского бассейна этой эпохи можно встретить сильно удлинённые головы и поджатый хвост точно такие, как и на нагруднике из Башовой могилы.²⁷

Передача хищников или точнее их передних лап, слившихся с лопаткой в одну ленту, которая как бы переброшена через их плечи, находит объяснение с помощью очень редкого произведения скифской торевтики — статуэтки льва или львицы из Золотого кургана близ Симферополя (Рис. 7). Изделие относится ко второй четверти V в. до н.э.²⁸ Эта статуэтка, несмотря на то, что она сделана из бронзы и золота, носит все отличительные черты старинной техники „сфирелатон“, при которой деревянная форма статуи или статуэтки оковывается тонким металлическим листом. Эта техника, следы которой в Греции теряются где-то к VII в. до н.э., сохраняется позднее у скифов. Доказательством тому является ручка в виде хищной птицы на деревянном сосуде из окрестностей Воронежа, относящемся к IV и III вв. до н.э.²⁹ (Рис. 8).

Статуэтка из Симферополя представляет из себя хищника, похожего одновременно и на нападающего льва с золотых пластинок из IV могилы Семибратних курганов, и на льва с панциря из Башовой могилы. У этой статуэтки передние лапы обвиты отдельно вырезанной длинной пластинкой, концы которой облицовывают лапы, а средняя ее часть перекинута через плечи хищника. Эффект этой обвивки обеих лап одной лентой, которая выделяется на декоративно выполненной гриве, тот же, как и переданный

Рис. 8. Хищная птица — ручка на деревянном сосуде из окрестностей Воронежа

²⁶ R. Ghirshman. Op. cit. P. Amandry. Un motif „skythe“ en Iran et en Grèce. Journal of Near Eastern Studies, 1965.

²⁷ S. Marinatos. Op. cit. Рис. 116. 210.

²⁸ M. Artamonov. Op. cit. Рис. 75: Б. Н. Граков. Указ. соч. табл. XXVIII.

²⁹ G. Charrière. Op. cit. Рис. 60.

Рис.9.Серебряная аппликация из Березово

в первообразах, вырезанных по дереву, тогда как плоское, почти графическое изображение льва отличается особенностями техникиковки металлических пластинок.

Схема статуэтки из Симферополя та же, что и льва с золотого нагрудника из Башовой могилы. У обоих изображений хищник как бы медленно передвигается с поджатым между задними лапами хвостом, только повернутая прямо к зрителю голова у одного — низко наклонена, как будто принюхивается, а у другого — приподнята, как будто бы передан следующий момент движения. Условно и линейно стилизованная грива закрывает у обеих зверей все тело до паха, только у статуэтки пряди переданы миндалевидной, а на пластинке ромбовидной сеткой. У льва с пластинки пряди гривы есть и на шее, а у льва-статуэтки с поднятой головой они отсутствуют, что вызывает колебания при его идентификации. Вырезанную длинную пластинку, которой облицованы обе передние лапы и которая перекинута как гладкая декоративная лента через плечи статуэтки, мы встречаем и у выкованного на золотом нагруднике хищнике, но в линейном исполнении. Здесь она значительно отличается от ленты на золотой пластинке из Семибратних курганов, где более реалистическое чувство объема не позволяет изобразить ленту с другой стороны тела, как это сделано на фракийской пластинке.

При сопоставлении трех изображений хищников можно сделать заключение, что изображение льва на нагруднике претерпело линейную

рельефно чеканкой на пластинке из IV могилы Семибратних курганов. Благодаря этой статуэтке, можно установить, что техническая необходимость облицовки деревянного или бронзового ядра статуэтки и трудность при обивке обеих передних лап превратилась в декоративный эффект и выразилась даже при рельефном и графическом изображении, когда не существовала эта техническая необходимость, как например, на золотых пластинках из IV могилы Семибратних курганов. Этот эффект, продиктованный техникой „сфирелатон“, часто встречается на произведениях скифской тореутики, только он менее заметен, так как в большинстве случаев преобладает пластическое моделирование и эффекты, унаследованные от резьбы по дереву, оставившей свой отпечаток на стиле и мотивах тореутики скифов. Как уже было отмечено, в золотых пластинках, украшенных сценой льва, нападающего на оленя, олень выполнен более пластично, чем лев, и моделирование его тела следует искать

схематизацию, продиктованную техникойковки. Передача передних лап и лопатки, слившихся в дугообразную ленту, представляет одно из графических выражений этой технической необходимости, возникшей при облицовке тонким металлическим листом скульптурных творений в старинной технике „сфирелатон“. Отдельное изготовление из одной ленты обеих передних лап привело к их выделению в самостоятельный декоративный мотив, как это показывает ажурная плоская пластинка из Березова.³⁰ Трудность, которую испытывали фракийские тореуты при передаче третьего измерения, как мы уже указывали и в других случаях,³¹ заключается в явной традиционной техникековки, для которой характерна линейная схематизация мотивов и которая хорошо подтверждается изображением льва на нагруднике панциря из Башовой могилы.

Синхронные произведения тореутики, принадлежащие племенной аристократии фракийцев и скифов, подсказывают нам, что существенная разница не в сюжетах и репертуаре мотивов, которые почти одинаковы, а в воспроизведении этих сюжетов и мотивов под влиянием традиционной техники для обоих народов — техники металла у фракийцев и техники резьбы по дереву и кости у скифов.

THE INFLUENCE IN THE TECHNIQUE IN THE WORKING ON STYLE AND MOTIFS IN THE TOREUTICS OF THE THRACIANS AND SCYTHIANS

L. Ognenova-Marinova

(Summary)

Through the comparison of the local Thracian and Scythian toreutics of the last quarter of the 5th century B.C., which coincide chronologically and belong to individuals in an analogous social and economic position, the author attempts to determine the characteristic features and motifs in the art and toreutics of the Thracians and the Scythians and to establish their origins and development.

A starting point was the gold pectoral from Bashova Mogila (Thrace) and the four gold applications of a rhyton of the tumulus IV of the Seven Brothers Tumulus "Sembratiev", Kuban Region. The technique employed was the beating out of metal. The decorative choice of ornament and the distribution are analogous, the only difference with the pectoral being that the beast of prey is represented in two planes and graphically while the applications for the rhyton are three-dimensional and done in plastic lines.

When determining the characteristic elements in the style, it is the graphic images typical of Corinthian pottery of the last quarter of the 7th century and the beginning of the 6th century B.C. that they recall, as well as the chain-mail armour from Olympia dating from the end of the 7th century

³⁰ Б. Ф и л о в. Паметници на тракийското изкуство. ИАД VI, 1919 с. 7; L. Ognenova-Marinova. Notes sur la toreutique antique en Thrace. Actes du Ier Congrès de Thracologie. S., 1972 (в печати).

B.C., the looking glass of Kelermes from the end of the 6th century B.C. and the plastic works such as the stag of Pazyryk, the beast of prey from Simpheropol, dating from the second quarter of the 5th century B.C., and the bird of prey from a wooden vessel from Voronezh, of the 4th century B.C. or the 3rd century B.C. The author is particularly interested in the technique of the presentation of the forelegs and hindlegs in Thrace, the Northern Pontus regions, Mid Asia and the Mediterranean. In the search for the origins of the motifs treated the author goes back to bone and metal plates with the same motif, and even with similar means of expression, dating back to the second millenium and belonging to the Mycenaean civilization — the bone plaque from Spata and the applications of a wooden box from the shaft tomb V of Mycenae.

The author points out that the linear treatment of the lion is the outcome of the technique of metal beating. The rendering of the fore and hind legs, which are joined together in an arc-like strip, is a graphic expression of the necessity of covering the sculptured relief with a thin sheet of metal, demanded by the ancient technique, known as "sphirelaton". The beating out of the separate entire metal strip of the forelegs brought their separation as a decorative ornament of the flat, hemstitch-type of applications from Brezovo. The graphic treatment of the motif of the shoulder-blade with the forelegs and the difficulties the Thracian silversmiths experienced in the rendering of the third dimension, all spring from the traditional Thracian technique of metal working, a most ancient method of beating out the ornament with a die used as early as the Bronze Age.

The toreutic works, coming from the same period and belonging to the Thracian and Scythian nobles, suggest that the major difference is not so much in the subject matter and their repertoire of motifs, which is almost identical, but in the treatment of the subject matter and motifs, a work influenced by the traditional techniques of both nations — the technique of metal work of the Thracians and that of wood-carving and engravings on bones of the Scythians.

СКИФСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ФРАКИИ (V В. ДО Н. Э.)

Живка Велкова

(Болгария)

При раскопках Дуванлийского могильного некрополя в одном из курганов т. н. Большом кургане было открыто захоронение с очень богатым инвентарем, среди которого находился золотой перстень с именем собственника *Σκιδδοχοος*, золотые нагрудники, серебряный кантареос с вытравленными и позолоченными изображениями, бронзовая гидра, шлем, изготовленный из кожи и бронзы, железный меч, наконечники копья и пр. Найдены были также следы дорогих тканей с золотыми нитями. Погребение относится к V веку до н. э.¹ Роскошная обстановка показывает, что покойник при жизни занимал высокое общественное положение, был владельцем или членом династической семьи. Ему принадлежал и массивный золотой перстень весом 13,70 г. На украшающей его эллипсовидной пластинке выдолблен всадник так, как изображают фракийских владельцев на монетах III века². За конем, на краю пластинки отмечено и имя собственника, стоящее в родительном падеже *Σκιδδοχοο* от *Σκιδδοχοος*.

Это имя — нарах в античной антропонимии фракийских земель: и по сей день нет никаких сведений, что оно встречается в других местах.

Издатель перстня считает, что это, несомненно, фракийское имя категории двусоставных. Вторая составная часть его образована с помощью суффиксов *-дохос*, *-томоос*, что весьма типично для целого ряда фракийских династических имен V—VI вв.: *Μηδοχοος*, *Σπαραδοχοος*, *Σαράτοχοος*, *Αρατοχοος*, *Αραδοχοος* и др. Первый компонент рассматриваемого двусоставного имени *Σκιδδοχος* является в сущности именем нарицательным для скифов.

Д. Дечев принимает это имя в свой корпус фракийских языковых остатков, пытаясь объяснить название скифы с позиции фракийского языка.³

¹ Б. Ф и л о в, И. В. В е л к о в, В. М и к о в. Надгробные могилы при с. Дуванлий, Пловдивско. С., 1934. с. 18 сл. 105, 232, 240. Л. О г н е н о в а. Ризници на траки от V—III в. пр. н. е. Археология I, 1959, кн. 1—2. 30 сл.

² Напр. Севт III. См. Т. Г е р а с и м о в. Портрет на Севт III върху монети. ИАН XIX, 1955. с. 124. Рис. 2.

³ D. D e t s c h e w. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957. S. 426 ff.

В. Георгиев отмечает, что это имя и его форма могут быть фракийскими или эллинизированными фракийскими. Что касается окончания — *o*, то, по его мнению, это окончание родительного падежа имен существительных с основой на *o* в фракийском языке.⁴

К. Влахов, справедливо отвергая мнение Д. Дечева о происхождении наименования „скифы“, считает имя *Σκυθοδοκος* двусоставным гибридным личным именем. Первый компонент *Σκυθης* — единственное число от родового названия „скифы“ использовался как личное имя, а во втором он усматривает греческое происхождение, исходя из своей тезы об иранско-малозападном, а не фракийском происхождении суффиксов *-токос*, *-докос*. И поэтому находит, что фракийское происхождение этого имени вызывает сомнение.⁵

Имя *Σκυθης*, которое встречается в фракийских землях еще раз на надписи из греческой колонии Бизоне как личное имя конца I в. и начала II в. до н. э.⁶, действительно широко распространено в эллинском мире — его часто носили эллины⁷. В Афинах оно появляется уже в V веке. В этом отношении определенное влияние было оказано скифами, жившими во множестве в Афинах. Так, известно, что в эту эпоху из числа скифских рабов набиралась афинская полиция, носившая даже национальную одежду.

Имя *Σκυθοδοκος*, по нашему мнению, принадлежит знатному лицу, фракийскому аристократу. А. Фол, первым обративший внимание на этот факт, относит его к династической семье бессов, включая в систему династических племен на *-токос*, и *-докос*.⁸ Однако эти имена как династические в данную эпоху в большинстве случаев носили представители одрисской династической линии.⁹ И поэтому думается, что решение вопроса о путях влияния скифов в этом отношении, о том, каким образом они смогли сыграть известную роль в возникновении династического имени с первой составной частью *Σκυθης*, следует искать в одном из известий Геродота, на которое до настоящего времени не было обращено внимание в литературе, посвященной *Σκυθοδοκος*. В этом известии Геродот¹⁰ рассказывает о связях между скифской и одрисской династиями в V в., т. е. в то время, к которому относится погребение из Большого кургана. У скифского владетеля Скила, рожденного от женщины из города Истрии, был брат Октамасад, сын дочери Тереса, основателя Одрисского государства, Скил бежал в Фракию, ибо скифы подняли против него бунт, притом бежал к Ситалку, сыну Тереса, чье царство доходило вплоть до Дуная и фактически граничило со скифами (431—424 гг.). К Октамасаду, однако, бежал и брат Ситалка. Ситалк и Октамасад, договорившись между собой, поменялись родственниками, причем брат Ситалка вернулся в Фракию. Предполагается даже, что это был знаме-

нитый брат Ситалка Спарадок, отец Севта, унаследовавший после смерти Ситалка Одрисское государство.¹¹

Эти прямые связи между династиями владетелей скифов и одриссов в V в. могли, по всей вероятности, оказать определенное влияние на возникновение династического имени, двусоставного, первая часть которого отражает племенное название „скифы“, а вторая — часто встречается как компонент в составе имен этих владетелей *-докос* или *-токос*. Но все-таки имя есть *haxax*; его не найти и позже у владетелей V—IV вв.

SCYTHIAN INFLUENCE ON PERSONAL NAMES IN THRACE
(5th c. B.C.)

Zh. Velkova

(Summary)

A rich funeral was excavated in the mound necropolis at the village of Duvanli, at the so-called Goljama Mogila. A massive gold ring with a concave inscription bearing the name Skythodocos of its owner was found among the articles in the necropolis.

This is the only mention of this name in ancient anthroponymics in the Thracian lands. Names with the second component ending in *-dokos*, *-tokos* are typical of a number of series of Thracian dynasty names of the 5th—4th centuries: Amadokos, Mēdokos, Sparadokos, Saratokos, etc. The first part of the two-element name in question is actually the word for a Scythian. The name Skythodocos belonged to a high-placed member of the Thracian aristocracy. The names ending in *-dokos*, *-tokos* as dynastic names during that period, were borne by the Odrysian dynasty. According to data in Herodotus so far overlooked in literature, the ties are stressed between the Scythians and Odrysian dynasties during the 5th century. This is the period dating the Goljama Mogila funeral. These direct ties between the two dynasties during that period could have probably exerted a certain influence on the formation of a dynastic name consisting of two elements, which reflect the tribal name 'Scythian' in its first part, while in its second part it contains the frequently occurring component *-dokos*, *-tokos* in the name of these rulers.

⁴ В. Георгиев. Тракийският език. С., 1957. с. 14, 26.

⁵ K. Vlahov. Sind die Wortteile *-dokos*, *-tokos* u. ä., die in zweistämmigen PN thrakisch? — *Živa antika*. XV/2, 1966. 311—312.

⁶ Mihailov. IGBulg. I², п. 6 с заметками о греческом характере названия Скитес.

⁷ W. Parre. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, 3. Aufl. Bd. II. p. 1413. См. Б. Н. Граков. Термин *Σκυθαί* и его производные в надписях Северного Причерноморья. — КСИИМК, Вып. XVI, 1947. На эту статью обратила мне внимание Л. Огненова.

⁸ А. Фол. Политическа история на траките. С., 1972. с. 75.

⁹ Я. Тодоров. Тракийските царе. ГСУИФФ, 29, 1933, *passim* и с. 75.

¹⁰ Herodot. Hist. IV 80.

¹¹ См. Н. Stejn комментарий к цит. пассажиру—Herodotos erklärt von H. Stein. Berlin, 1896. 79. Thuk. II 101; IV, 101.

БОГИ ФРАКИЙЦЕВ И СКИФОВ ПО СВЕДЕНИЯМ ГЕРОДОТА

Златозара Гочева

(Болгария)

Письменные сведения о фракийской религии доримской эпохи весьма ограничены и в известной степени противоречивы. Зачастую это просто смутные упоминания, толковать которые трудно. Но как бы мало ни было этих сведений, в настоящее время они все еще остаются наиболее важным источником ознакомления с религией фракийцев и выявления ее сущности. Исключительное значение для разрешения упомянутой проблемы принадлежит Геродоту, который уделяет особое внимание этой религии, сообщая о ней гораздо больше данных, чем все остальные авторы. Относительно сведений Геродота о фракийцах и преимущественно об их религии написано довольно много. Однако в большинстве случаев о сведениях писателя лишь упоминается¹, в других — делаются попытки проанализировать их, чтобы раскрыть настоящую сущность фракийской религии. Так, описанные Геродотом греческие божества обычно более или менее удачно идентифицируются с фракийскими.² Из имеющихся недостаточных сведений некоторые авторы пытаются извлечь данные о развитии фракийского общества, его культуры и пришедших извне³ и наслоившихся в ней влияниях. Делаются также попытки связать этот вопрос с политической историей Фракии.⁴ Но несмотря на довольно обширную литературу, ряд возникших в связи с этими сведениями вопросов не получили ни удовлетворительного ответа, ни удовлетворительного толкования. Сведения писателя не подтверждает полностью также существующий археологический материал, который — и это необходимо подчеркнуть — или опровергает их, или просто не подкрепляет.

¹ Х р. Д а н о в. Древна Тракия. Изследвания върху историята на българските земи, северна Добруджа, източна и егейска Тракия от края на IX до края на III в. пр. н. е. С., 1969 г. с. 212 и заб. Х р. Д а н о в. Херодот като извор за историята на Тракия, Македония, Пеония и Западного Черноморие, ГСУ /ИФФ, XXXII, 1936. с. 51.

² G. K a s a r o w. Thracische Religion. RE. 473; Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker. Sarajevo, 1916. p. 23.

Г. М и х а й л о в. Траките. С., 1972. с. 221.

³ P. P e r d r i z e t. Géta, roi des Edones. BCH. XXXV, с. 109; R. P e t t a - z o n i. La religionne dell'antica Thracia ИАИ, XVI, 1950) сб. Г. Канаров. Т. I) 291.

⁴ А л. Ф о л. Политическа история на траките. С., 1972. с. 46.

Основной трудностью правильно понять рассматриваемый текст является невозможность установить, в какой мере самому Геродоту ясна данная тема и насколько следует верить его сведениям. Причин для этого много и они разнообразны. Прежде всего религия — это область, которую трудно понять и правильно передать иноземцу. Сам Геродот знаком с верованиями многих народов и относится к ним с должным уважением, но, разумеется, его собственное религиозное мировоззрение зиждется на греческой религии, и с этой позиции он и рассматривает религии других народов, устанавливая даже между ними связи.⁵ Таким образом в некоторых случаях он создает искусственные духовные отношения на основании внешних признаков, не вникая в сущность вещей и не указывая типичного для каждой отдельной религии. Это приводит к унификации или к неточному пониманию и описанию ряда явлений и действий, привлекающих внимание автора. Очевидно, например, что Геродот⁶ недостаточно вник в характер героизации у фракийцев, которая в отличие от греков имеет совсем другую базу — веру в бессмертие души. Он скептически относится к этим сведениям и пытается дать им какое-либо более рациональное толкование. Не понимая стремления фракийцев к известному монотеизму, писатель и не мог заметить этого явления.

Другой весьма существенной причиной неточностей у Геродота является то обстоятельство, что сам он не имел возможности изъездить всю Фракию и лично ознакомиться с жизнью народа. Следовательно, весьма значительную часть сведений об этой стране он получил от других лиц.

Путешествуя по побережью Черного и Эгейского морей, писатель лишь отчасти углубляется в хинтерланд той или иной греческой колонии. Поэтому очень много и наиболее точные сведения он сообщает о гетах, занимавших область, прилегающую к западному побережью Черного моря, а также о тех племенах, которые населяли юго-западные части Балканского полуострова, расположенные главным образом вдоль побережья Эгейского моря и немного далее — по долинам рек Месты и Струмы.⁷ Вследствие этого лишь ряд сведений Геродота может быть принят как достоверный и притом, что касается очень ограниченной области. В подобных случаях он проявляет понимание, предельную точность и с исключительной добросовестностью передает объективные факты даже когда они не совсем ему ясны. Так, например, заметив у гетов тяготение к монотеизму, писатель сам заявляет: οὐδένα ἄλλον θεὸν νομίζοντες εἶναι εἰ μὴ τὸν σφέτερον.

Все эти соображения чрезвычайно затрудняют толкование сведений Геродота⁸. Тем более, что еще нет таких археологических данных, которые позволили бы уяснить их полностью⁹.

Целью настоящей статьи не является полное толкование этих сведений. Автор скорее хочет осветить несколько по-иному ряд вытекающих из них вопросов и затем рассмотреть их не так, как это делалось до сих пор — в связи с религией греков, а исходя из сведений того же Геродота о религии

⁵ Според Х р. Д а н о в. Херодот като извор. . . 51, прародниной всех религии для Геродота является Египет, но в этом случае писатель хотел подчеркнуть древность греческой религии.

⁶ Herodot. Historia (H. Stein), IV, 93.

⁷ Х р. Д а н о в. Херодот като извор. . . с. 22.

⁸ Herodot. Historia, IV, 94.

⁹ Х р. Д а н о в. Херодот. . . с. 24.

скифов. Отбросив мысль о каком-либо тождестве обеих религий, не постулируя даже всецело общих тенденций, можно просто сопоставить способы описания отдельных божеств и с помощью такого метода попытаться выявить их истинное содержание. Известные основания для этого дает наличие ряда общих черт в образе жизни, культуре и искусстве этих народностей. Подобные черты можно искать и в их религиях. В данном случае, несомненно, помогает и то, что в истории Геродота скифы занимают особое место. Не останавливаясь на причинах интереса автора к этому племени, которые так хорошо известны, скажем только, что им он посвятил целую книгу. Следовательно, хотя и не лично, не в результате непосредственного контакта, но Геродот все-таки хорошо знал быт скифов, и его сведения о них отличаются большей конкретностью, точностью и исчерпательностью.

В своем „Фракийском логосе“ писатель сообщает: *θεοὺς δὲ αἰδόνται μούρους τοῦσδε, Ἄρεα καὶ Διόνυσον καὶ Ἀρτεμιν. οἱ δὲ βασιλεῖς αὐτῶν, πάρεξ τῶν ἄλλων πολεμίων, αἰδόνται Ἐρμῆν μάλιστα θεῶν καὶ ὀμόνοισι μῦθον τοῦτον, καὶ λεγοῖσι γεγόνεσσι ἀπὸ Ἐρμέως ἑωντοῦς.*¹⁰

Все три божества считаются *μούρους* [οἰσδε]. И это явно удивляет Геродота, привыкшего к большему числу богов. Но автор упоминает еще в двух местах и о других божествах — о Залмоксисе¹¹ и Плейсторе.¹²

Тут же следует привести и его слова о богах скифов, которых уже значительно больше: *θεοὺς μὲν μούρους τοῦσδε ἑλάσσονται. Ἰστίην μὲν μάλιστα, ἐπὶ δὲ Δία καὶ Γῆν, νομίζοντες τὴν Γῆν τοῦ Διὸς εἶναι γυναικα, μετὰ δὲ τοῦτους Ἀπόλλωνά τε καὶ Οὐρανίην Ἀφροδίτην καὶ Ἥρακλέα καὶ Ἄρεα, τοῦτους μὲν πάντες Σκύθαι νενομίσανσι, οἱ δὲ καλούμενοι βασιλῆοι Σκῦθαι καὶ τῷ Ποσειδέωνι θύουσι, ὀνομάζεται δὲ σκυθιστὴ Ἰστίη μὲν Ταβύτι Ζεὺς δὲ ὀρθότατα κατὰ γνώμην γε τὴν ἑμὴν καλούμενος Παταῖος, ἣ δὲ Ἀπί—Ἀπόλλων δὲ Γοττόνυρος, Οὐρανίη δὲ Ἀφροδίτη Ἀργίμπασα, Ποσειδέων δὲ Θαγμιασάδας.*¹³

Кроме разницы в числе богов у фракийцев и скифов, любопытен и следующий факт. Фракийские божества Геродот неизменно называет только греческими именами, тогда как в связи с скифами каждый раз сообщает и соответствующее местное наименование. Это показывает, что автор уловил существующее между ними различие и, по-видимому, упоминает о скифских богах наряду с греческими, которых считает к ним близкими, лишь из соображений точности.

Первым из греческих богов Геродот называет Ареса. Что скрывается под этим греческим именем трудно сказать. Правда, еще Гомер считал родиной Ареса Фракию, вероятно, из-за сурового климата, но это еще вовсе не дает основания говорить о его фракийском происхождении. Присутствие Ареса уже в микенской религии свидетельствует о весьма раннем возникновении его культа в Греции. Арес — бог, играющий важную роль и во времена Гомера¹⁴. И, разумеется, нет ничего неестественного, что такой воинственный народ, как фракийцы, чтит бога, связанного с войной с самой ранней эпохи. Однако, если принять Ареса за главное божество фракийцев в том виде и аспекте, в каком он был известен у греков, тогда это едва ли отвечало бы действительности и едва ли бы могло быть оправдано

логически их воинственность. Никаких других данных о его существовании как бога войны, идентичного греческому Аресу, нет. Единственное, что могло бы навести на путь логических рассуждений, это сведения Геродота об обрядах в его честь, имеющих подобные значение у скифов¹⁵. И несмотря на то, что Арес не упоминается в числе почитаемых ими божеств ни здесь, ни в одном из других сообщений, где скифский царь Иданфирис заявляет, что он чтит как своих владык только Зевса и Гестию, все-таки из дальнейших объяснений выясняется, что это одно из главных и весьма чтимых скифами божеств. Любопытно, однако, что Геродот не дает ему другого, скифского имени. Этому факту нельзя найти удовлетворительного объяснения. Может быть, Арес принадлежал к наиболее древним божествам, отождествляемым в самую раннюю эпоху, еще до возникновения антропоморфных представителей, с фракийским мечом акинаком.

Важное место, занимаемое им в скифском пантеоне, подчеркивается иным характером посвященных ему обрядов.¹⁶ Арес — единственный бог, которому воздвигаются особого рода святилища, и совершаются ритуалы, отличающиеся исключительной жестокостью. В то время, как другим скифским богам приносят жертвы, задушив их, без возлияний, Аресу сооружают специальные алтари из хвороста и на них кладут железный меч, который Геродот называет *ἀγάλμα τοῦ Ἄρεος*. На этом мече приносят в жертву не только животных, но и *δὴ καὶ τῶσδ' ἐτι πλέω θύουσι ἢ τοῖσι ἄλλοιαι θεοῖσι*. И действительно, потрясающее впечатление производят эти кровавые жертвы. Описанный Геродотом обычай говорит об очень древней традиции принесения в жертву людей и притом пленных — весьма примитивный способ умиловить верховное божество, олицетворенное в мече. Такие жертвы можно приносить лишь божеству, непосредственно связанному с данным племенем и его судьбой, с его победами и защитой от врага. Нельзя ожидать, чтобы подобный ритуал относился к пришедшему извне, чуждому культу божества, подобного греческому Аресу, который и у себя на родине не имел такого большого значения.

Этот обычай весьма похож на кровавые жертвы, приносимые гетам их богу Залмоксису,¹⁷ хотя, конечно, между ними существует разница в содержании. У гетов в жертву приносят не пленного, а избранного, достойного члена племени, который уходит к богу, как к покровителю, чтобы просить его о помощи. Но и тут кровавой жертвы достоин лишь один бог, являющийся по мнению самого Геродота, верховным и единственным богом гетов. Довольно много общих черт имеется и в ритуале, основной смысл которого — обагрить меч кровью.

Переключаясь с этим обычаем и свидетельство Геродота о фракийском племени апсинти, приносящем жертвы своему богу Плейстору¹⁸ из своих пленных. Интересно, что Геродот, который путешествовал по побережью Эгейского моря и, вероятно, хорошо знал это племя, о Плейсторе упоминает совсем бегло, не давая при этом никаких объяснений, несмотря на то, что в данном случае сам противоречит своим же собственным сведениям о фракийских божествах, которые он определяет как *μούρους τοῦσδε*.

¹⁰ Herodot. V, 7.

¹¹ Ibidem. IV, 94.

¹² Ibidem. IX, 119.

¹³ Ibidem. IV, 59.

¹⁴ Hom. III.

¹⁵ Herodot. IV, 127.

¹⁶ Ibidem. IV, 62.

¹⁷ Ibidem. IV, 94.

¹⁸ Ibidem. IX, 119.

Писателя не смущают противоречия и тогда, когда он говорит, что геты почитают только одного Залмоксиса.

Если принять, что у скифов этот Арес был древним, особенно чтимым племенами божеством, что один и тот же обычай, притом также связанный с верховным божеством данного племени, был засвидетельствован в двух местах Фракии, можно предположить, что здесь, как и у скифов, под образом Ареса Геродот подразумевает верховное божество, покровителя племени, которое оно особенно чтит и, будучи воинственным, связывало со своими бранными удачами.

Как уже было указано, Геродоту трудно было понять эту склонность всех фракийцев к монотеизму. Там, где писатель встречался с ней лично и мог это почувствовать, он говорит о нем, как о чем-то специфическом. Во всех других случаях Геродот относит это за счет божества, которое ему казалось самым схожим с Арестом, а в сущности имело более широкие функции. Именно поэтому позже при усилении контакта с греческой религией и синкретизме с ней это верховное божество с течением времени, получившее развитие, стало значительно отличаться от греческого Ареста. Оно по меньшей мере синкретизировалось с ним или скорее с Аполлоном, которого с большим основанием можно воспринять как верховного покровителя, особенно в эллинистическую эпоху, когда и представление фракийцев об этом верховном покровителе получает известное развитие и изменяется.

Исследователи этого пассажа всегда считали вопрос об Артемиде наиболее легким. Артемиде отождествлялась с Бендидой, и этим вопрос исчерпывался. На первый взгляд все выглядит именно так и могло бы быть истиной, если бы не существовало множества серьезных противоречий, которых обычно не учитывает целый ряд исследователей Геродота. Прежде всего мнение о том, что Бендида была общепракийской богиней не подтверждается археологическим путем. Культ Бендиды во Фракии всецело локализован в юго-западной части страны и, точнее, в поречье Струмы и Месты, по побережью Эгейского моря и, может быть, на островах Лемнос и Тасос. Засвидетельствованный же позже культ Артемиды в других частях Фракии нельзя даже иконографически связать с культом Бендиды. Еще менее того можно говорить о наличии данного совсем в римском аспекте культа Дианы и Дианы и Аполлона, получившего наибольшее распространение на территории нижнедунайского лимеса. Геродот сам почувствовал различие в верованиях Юго-Западной Фракии и сам на них указывает.¹⁹ Доказательством этого служат сведения об обрядах, совершаемых в честь Артемиды именно в этой области леонскими и фракийскими женщинами. Ясно, что Геродот ограничивает общий культ Артемиды от культа Артемиды *βασιλική*²⁰ или уточняет его аспект.

У этой локальной Артемиды-царицы действительно можно найти гораздо больше черт Бендиды, известных из ее культа. Но подразумевает ли Геродот под Артемидой Бендиду, остается невыясненным. Обычно он старается быть предельно точным в своих сведениях. Трудно, однако, предположить, что фракийская богиня вообще не была известна Геродоту. Прежде всего сведения о ней уже давно имелись в греческой литературе.²¹ Бендида была также, вероятно, известна еще значительно раньше и в Малой

Азии²², культуры которой Геродот не мог не знать. Кроме того, он слышал о ней главным образом в тех областях, где и сам, наверное, побывал и получил непосредственные впечатления от ее культа. Но почему писатель не называет богиню настоящим именем, остается неразрешенной загадкой. Объяснить этот факт лишь желанием Геродота рассказать о ее культе, используя имя более близкое к религиозным представлениям греков, неправомерно, ибо в этом меньше всего нуждалась сама Бендида. Вскоре после создания истории Геродота, культ ее был провозглашен в Афинах официальным и государственным.²³ Это дает основание предполагать, что все-таки в то время, когда Геродот писал свою историю, богиню Бендиду знали в греческом мире, по крайней мере, по имени. Кроме того, в Афинах ее вовсе не смешивали с Артемидой. Так, в Пирее²⁴ Бендиде был воздвигнут отдельный храм. Можно предполагать также, что образ Бендиды не исчерпывает для Геродота того женского божества, которое он видит у фракийцев. Сам факт, что писатель не упоминает имени Бендиды, а говорит об Артемиде, свидетельствует о том, что он имеет в виду и нечто другое. Здесь уже указывались случаи, когда Геродот не упоминает о таких известных ему местных богах, как Залмоксис, Плейстор и др. Это, по-видимому, происходит потому, что писатель не видит в них общих для фракийцев божеств и старается найти образ божества и связать его со своими и своих читателей религиозными представлениями.

Но обратимся снова к сведениям Геродота о скифской религии. В них он прежде всего называет три женские божества. Среди них Небесная Афродита, которую нельзя связать ни с Бендидой, ни с Артемидой. Однако, по сведениям писателя, больше всего скифы почитали Гестию.²⁵ Нет сомнения, что и здесь речь идет не о подлинной греческой Гестии, так как и сам Геродот называет ее местным именем Табити. К сожалению, автор не сообщает других данных о культе этой богини и единственной подробностью здесь является то, что он упоминает о ней еще раз как о божестве царского очага, перед которым скифы давали присяги особой важности. О ней говорит и Иданфарис, называя главным божеством наряду с Зевсом (а не Гею, которую считают его женой²⁶). Гестия, по всей вероятности, воплощает какой-то древний культ скифов, корни которого следует искать в более старой стадии развития, когда бог домашнего очага являлся одним из главных божеств. Б. Н. Граков связывает Гестию с легендарной змеевидной богиней, о которой скифские легенды рассказывают как о матери-прародительнице всей народности и царского рода.²⁷ Этой богини, по-видимому, посвящали особые сооружения — кучи пепла, открытые в нескольких местах в жилых помещениях и имеющие культовое предназначение.²⁸ Геродот, однако, лично заявляет, что у скифов не существовало никаких алтарей, храмов и пр. кроме тех, которые были воздвигнуты в честь Ареса. Было бы неоправданным объяснить молчание Геродота тем, что он имеет в виду

¹⁹ L. Robert. Index commenté des noms de personnes, chez N. Firatri. Les stèles funéraires de Byzance. Paris, 1964. p. 15.

²⁰ IG, 12, 310.

²¹ Xenophon. Hellenika (Marchaut), II, 4, II.

²² Herodot. Historia, IV, 68.

²³ Ibidem, IV, 127.

²⁴ Б. Граков. Скифы. М., 1971. с. 86.

²⁵ Б. Граков. Каменское городище на Днепре. Мат. и изсл. по арх. СССР, № 36, М., 1954.

¹⁹ Herodot. V, 3.

²⁰ Ibidem, IV, 33.

²¹ Hipparch (Bergk-II) Frg. 120.

храмы греческого образца²⁹, так как ялицо случай с Аресом. Но, может быть, писатель мало знал о подобных сооружениях, потому что они находились в жилищах, и следовательно, он не мог причислить их к какому-либо культу.

Эти домашние святилища можно связать по смыслу с глиняными площадками, встречающимися на той же территории уже в доскифские времена.³⁰ Наверное, то же назначение имели также напольные площадки, обнаруженные в болгарских землях в Севтополисе,³¹ а в последнее время и в Кабиле.³² Обнаруженные в Болгарии памятники относятся к более поздней эпохе, но совсем ясно, что эти остатки более древнего культа, связанного, вероятно, не всего, с домашним очагом. В настоящее время в Болгарии эти площадки находят в довольно ограниченной области, или, скорее там яснее всего сохранились их следы, но вполне возможно, что они существовали и в других местах. Имеющиеся на них изображения змей и обнаруженная в Севтополисе свинцовая змея дают известные основания для установления связи между ними и богинями-матерями, известными в бассейне Средиземного моря уже с времен минойской эпохи. Почему, однако, Геродот ничего не говорит об этих площадках и о фракийском культе, с которым их можно было бы связать, объяснить нельзя. Бесспорно змея играла особую роль в религии фракийцев. Змеинные кости встречаются в некоторых захоронениях этой эпохи, что связывает их с культом погребения.³³ Впоследствии змея встречается на изображениях в тесной связи с фракийским Герросом, но почему, все еще установить не удалось. Наличие змеи объясняется хтоническим характером культа, но так ли это и как найти связь между ней и изображениями змей на культовых площадках в Севтополисе, и какую роль она играла в ранней фракийской религии, тоже еще нельзя сказать с уверенностью. Да и в сведениях Геродота серьезных указаний для объяснения этого нет. Установлено, однако, что нельзя связать всецело Артемиду с Бендидой, хотя все-таки в силу известных данных она могла бы быть связана с каким-либо культом матери. Д. Дечев отмечает, что в тех областях, в которых культ Бендиды более распространен, культ Герроса почти отсутствует, не давая при этом никаких более или менее серьезных объяснений. Может быть, верховным покровителем племени там господствовала мать-прародительница. Но что происходит с ее культом в более позднее время, и в римскую эпоху сказать нельзя. Правда, там Артемиду встречается довольно часто и притом, может быть, Артемиде βασιλεία Геродота, претерпевшая известные изменения, уже более напоминающая греческую Артемиду, но все еще сохранившая черты старого культа. Любопытно, однако, что за ней нигде не сохранилось имени Бендиды, даже в более позднюю эпоху в качестве эпитета, как это часто бывает с Герросом. Если Геродот имел в виду именно эту богиню, то тогда его сведения носят, как утверждает М. Оперман,³⁵

²⁹ Б. Граков. Скифы, с. 82.

³⁰ Е. Покровская. Жертвенник раннескифского времени до с. Жаботин. Краткие сообщ. ИА, Киев, № 12, 1962, с. 73.

³¹ М. Чичикова. Севтополис. С., 1970.

³² Неопубликованные материалы.

³³ Неопубликованные материалы из Тырговиште.

³⁴ Д. Дечев. Култът на Артемиды в областта на древна Струма. ИАИ, XIX (сб. Г. Кайсаров II), 1955, с. 95 и сл.

³⁵ М. Оперман. Автореферат к диссертации — Култът на Хероса в Тракия, с. 17.

локальный характер. Но когда речь идет о локальных культах, писатель сообщает об этом сам, а в этих его сведениях ясно чувствуется стремление к генерализации. Нельзя даже утверждать, что культовые глиняные площадки связаны с каким-либо женским божеством, и поэтому очень трудно искать в образе описанной Геродотом Артемиды у фракийцев скифскую Гестию.³⁶

Остается еще одно женское божество, которое Геродот считает божеством скифов — Гея. По мнению В. К. Гракова, ее легче других связать с греческой Артемидой, ввиду существующей у обеих связи с одними и теми же животными. Это действительно сближает ее с культом дикой природы и отчасти с общепринятым представлением о Бендиде, как о богине-охотнице, что опять-таки наводит на мысль об ограниченной области Фракии. В настоящее время еще нет данных о всеобщем распространении такого женского культа у фракийцев, и на вопрос, что имел в виду Геродот, говоря о культе Артемиды во Фракии, трудно ответить. Однако ни в коем случае нельзя связывать все это только с Бендидой и искать культ Артемиды в более поздние времена, и в особенности утверждать, что римская Диана является прямой наследницей культа фракийской Бендиды, и то как общеракийской богини.

Другим весьма чтимым фракийским божеством, по Геродоту, является Дионис. О самом Дионисе, о его характере и происхождении написано очень много, но все еще нельзя сказать, что эти вопросы разрешены. Ясно только то, что сведения Геродота относятся к тому Дионису, которого, несмотря на его происхождение, в то время фракийцы весьма чтили, и в Родопах³⁷ существовало воздвигнутое в его честь святилище, имеющее не только локальное значение. Носил ли он тогда это имя, или же другое, писатель не сообщает. Геродот не ставил и не мог ставить себе целью выяснить происхождение Диониса. Этот культ был хорошо известен писателю, и в его распространении во Фракии он не видел ничего неестественного. Однако вопрос, в какой мере можно говорить о распространении культа Диониса во всей Фракии, остается открытым.

Геродот, как уже неоднократно указывалось, знает Фракию и фракийцев со слов греческих колонистов, и его сведения достоверны главным образом в тех случаях, когда касаются близких к их колониям областей. И поэтому, удивительно, что он не видит культа Диониса, например, у гетов, заявляя, что у них существует лишь одно единственное божество. А как раз в ближайших черноморских колониях Дионис был наиболее чтимым богом. Но Геродот не отмечает этого культа, ибо считает его греческим, не имеющим ничего общего с гетами. О проникновении культа Диониса в больших масштабах и в более позднее время нет никаких данных. Это предполагает, что фракийцы воспринимали греческую религию не механически, а лишь в тесной связи с собственными верованиями, религиозными традициями и пониманием. Не слишком был известен культ Диониса и в Северной Болгарии, за исключением Никополиса ад Иструм в римскую эпоху. Наиболее широкое распространение его с самых ранних времен следует искать в Южной и, скорее, в Юго-Западной Фракии. Может быть, именно там столкнулся с ним Геродот. В этом районе культ Диониса вы-

³⁶ Б. Граков. Скифы, с. 86.

³⁷ Herodot. VII, III.

тесняет культ Герроса. В более раннюю эпоху здесь существовал культ главного божества, сходного с Дионисом (или с каким-либо его аспектом). Ко времени Геродота это божество под влиянием ряда причин: греческого имени, проникновения его культа к македонянам и приобретения более широкого значения воздвигнутым в его честь святилищем, было оформлено в Диониса. О характере его культа у фракийцев Геродот не сообщает. Но то, что известно об обрядах, совершаемых в его честь у македонян, а также и об его связи со змеей, дает основание предполагать прежде всего, что он носил хтонический характер. Но культ змеи, как известно, был распространен по всей территории Фракии, и поэтому его следует связывать не столько с Дионисом, сколько с основными религиозными представлениями фракийцев, которые в различных областях принимают различные формы, но в общих линиях содержат одну и ту же идею бога-покровителя племени или района, объединяющего в себе различные функции. Геродот нигде не упоминает об оргиях и о вакханических исступлениях, характерных, как обычно считают, для этого культа во Фракии. Нет подобных и в более поздних памятниках наших земель, связанных с Дионисом. Интересно отметить, что вакханические исступления в одном из других текстов Геродот называет *λέξι "Ελλησι"*³⁸ и тут же рассказывает, что скифы осуждали эллинов именно потому, что не были в состоянии понять, как можно чтить такие божества, которые приводят людей в безумие. Это и является доказательством отсутствия культа Диониса у скифов вообще. Все вышесказанное вовсе не означает, что во Фракии этому культу не были присущи оргастические элементы. Несомненно, однако, что они были далеко не чужды и грекам и что их первоисточника не следует искать во Фракии, в которой, они, вероятнее всего, появились под греческим или малоазиатским влиянием, если вообще существовали они там в связи с Дионисом.

Кроме этих трех божеств, по словам Геродота, цари чтили также и Гермеса, от которого вели свое происхождение. Не случайно толкование этого пассажа всегда вызывало затруднения и до сих пор в этом отношении не достигнуто больших результатов.

И здесь вероятнее всего следует искать другое божество, другие местные религиозные представления, которые Геродот связывал с известным ему и его читателям греческим богом. Существующие в настоящее время данные далеко недостаточны, чтобы объяснить более приемлемо это сообщение. Правда, на обратной стороне некоторых монет фракийских царей V века до н. э. Юго-Западных областей Фракии имеется изображение, по всей вероятности, связанное с Гермесом в его хтоническом аспекте Психопомпа.³⁹ Но как это можно связать с культом царей в религии фракийцев? Хтонических элементов в ней не мало. Искать их, видимо, следует в основе древнейших религиозных представлений фракийцев; они же в более поздние времена залегли также в основу культа Гермеса. Но ни в коем случае эти элементы нельзя связывать лишь исключительно с религией царей. Интересно, например, что на одном из рельефов, связанных с культом Бендиды в Афинах⁴⁰, в одном углу наряду с Паном и Нимфами изображен и

Гермес. На вопрос, что заставило греков, воспринявших культ Бендиды, сделать это изображение, нельзя ответить с уверенностью, точно также как нельзя уверено объяснить, что их заставило провозгласить этот фракийский культ⁴¹ государственным, несмотря на то, что на основании многих данных его надо считать локальным. Немногочисленные сведения из надписи в Севтополисе о фракийской религии⁴² или точнее о культах, существовавших там и в Кабиле, двух больших городских центрах Фракии, где должен бы быть засвидетельствован культ царей, ничего не говорят о Гермесе. Нет достоверных следов об этом культе и позже. Если даже попытаться, как предлагают некоторые, локализовать его в пределах только Юго-Западной Болгарии, на основании данных, которые дают монеты, то тогда он уже будет культом всех фракийских царей. Это, по крайней мере, Геродот должен был знать лучше, чем все связанное с культовыми обрядами жителей Фракии⁴³. И в данном случае объяснение, может быть, надо искать в более ранней эпохе, в более древних религиозных представлениях, которые Геродот не мог хорошо понять. Интересным является предположение о том, что в образе Гермеса сочетаются старые идеи фракийцев о хтоническом и солярном культах,⁴⁴ но их трудно представить только „царскими“, совсем чуждыми народу. Надо думать, что в „царском культе“ скорее всего заключается идея о божественном происхождении царей, ведущих свое начало от божественного прародителя; подобная идея встречается у многих народов.

В сведениях Геродота о скифской религии имеется подобное утверждение. Он говорит: *οἱ δὲ καλεόμενοι βασιλῆσι Σκύθαι καὶ τῷ Ποσειδῶνι θῆοναι*. Из этого, однако, не явствует, чем это можно объяснить и что подразумевает сам Геродот под образом Посейдона. Весьма приемлемым является мнение Б. Н. Гракова,⁴⁵ что это местное божество, называемое еще фагимасадом, связано с Посейдоном на основе его обрядов как покровителя коней. Оно основывается на том, что так называемые „царские“ скифы известны как племена, занимающиеся исключительно коневодством. В таком случае это сообщение не имеет связи со сведениями об обрядах Гермеса у фракийцев. Обряды, характерные для божества как прародителя, имеются и в культе Зевса, называемого также Папаем (что на языке скифов, вероятно, означало отец). Исходя из других легенд о скифах, о их происхождении сделан вывод, что это отец Геракла, родоначальник династии скифских царей.⁴⁶ Самого Геракла Геродот относит к скифским богам, не давая ему, однако, местного имени, несмотря на то, что в легендах о происхождении скифов он известен как Таугитай.⁴⁷ Его культ связан с представлениями о матери-прародительнице, о чем упоминалось выше. Существуют также косвенные данные об

⁴¹ M. Nilsson. Bendis in Athens. From the coll. of Ny carlsbey Glyptothek. III. p. 169; Д. Попов. Върху някои проблеми, които поставя тракийската богиня Бендиди, Студентски проучвания. Т. I. С., 1973 г.

⁴² G. Mihailov. IGBulg., III, N 1731.

⁴³ Perdrizet. Op. cit.

⁴⁴ А. Л. Фол. Политическа история... с. 53.

⁴⁵ Б. Граков. Скифы... с. 82.

⁴⁶ Herodot. Historia, IV. 8—II.

⁴⁷ Ibidem.

³⁸ Herodot. IV, 79.

³⁹ Nead. Historia nummorum. Oxford, 1911; Т. Герасимов. Декадрахми на тракийското племе дерони. ИАИ, XX, 1955. с. 123.

⁴⁰ Hartvig. Bendis, Leipzig—Berlin, 1897. p. 27.

брядках в честь Геракла и у фракийцев, но Геродот говорит не о нем,⁴⁸ а о Гермесе. Геракла, как и Зевса чтят все скифы, что подчеркивается самим Геродотом; даже считается *θεοπάτας δὲ ἔμοιός* самим Иданфирисом⁴⁹, тогда как Гермеса, по словам Геродота, чтут только цари, а не народ. Имеющиеся в настоящее время данные не позволяют сказать ничего более точного и выяснить эти сведения Геродота, представляющие такой интерес, даже если попытаться локализовать их в пределах Юго-Западной Болгарии.

Скудные и туманные, сведения Геродота ставят все-таки множество вопросов, которые продолжают ожидать своего разрешения. Было бы грубой ошибкой пренебречь этими сведениями из-за невозможности объяснить их наличными данными или же ряд содержащихся в них фактов объяснить неосведомленностью автора или его недостаточной заинтересованностью обычаями „варваров“. В этих сведениях несомненно кроется какое-либо рациональное зерно. И его можно найти, если посмотреть на вещи глазами Геродота сквозь призму его мировоззрения, если суметь оценить их на базе существующего археологического материала, в настоящее время все еще недостаточного, и отсеять все лишнее, и если, наконец, рассмотреть в сопоставительном плане все сведения Геродота о религиях отдельных народов с учетом его позиций и тех связей, которые он устанавливает между ними и религией греков.

Предлагаемое исследование вовсе не претендует разрешить все эти вопросы. Цель его — сравнить сведения Геродота о фракийской и скифской религиях, во многих отношениях сходных по характеру. Таким образом, в форме рабочей гипотезы, здесь сведения Геродота рассматриваются совсем не под таким углом, как это делалось до сих пор. Выдвинутый автором ряд проблем нуждается в самостоятельном и подробном исследовании, в сопоставлении с новыми археологическими материалами и сведениями других античных авторов той же или более поздней эпохи, что, несомненно, приведет к более удовлетворительному их разрешению.

THRACIAN AND SCYTHIAN GODS IN HERODOTUS

Z. Gocheva

(Summary)

The information given in ancient Greek writings on Thracian religious beliefs is somewhat limited, yet these writings still remain one of the principal sources for the study of Thracian religion. The data appearing in Herodotus are of particular interest. A variety of interpretations have been put forth, but the problem has been seen primarily from the point of view of Greek religion, and so far there exists no satisfactory interpretation of these sources.

⁴⁸ Существует одно изображение, которое дает его совсем в стиле фракийской иконографии — Л. Огненова. Опыт за реконструкция на два щита, ИАИ, XVIII, 1952.

⁴⁹ Herodot. IV. 127.

The present paper is an attempt to consider the data on the gods of the Thracian pantheon, according to Herodotus, in connection with the information provided by him about Thracian religion. Herodotus acquired his information on both Scythians and Thracians under almost identical conditions. However, for unknown reasons, the attention devoted to the Scythians is greater and the information is more detailed than information given about the Thracians.

As gods, common to all Thracian tribes, Herodotus speaks of Ares, Artemis and Dionysus, while, when speaking of the Scythian deities, he cites a greater number of gods and provides their local names. Among the principal gods of the Thracians Herodotus points out Ares. Ares is also portrayed as one of the principal deities of the Scythians, the only deity to whom human sacrifices were offered. A description of human sacrifices appears with the Thracians in connection with the principal deity of the Thracians. By drawing this parallel we could put forth the proposition that Herodotus had in mind the same deity, a protector of the tribe, whom the warlike Thracians and Scythians associated with warlike feats, of an earlier period in particular.

Artemis has always been treated as being identical with the Thracian deity Bendida. However, there is scanty archaeological evidence to support such an assumption, as Bendida appears as a local deity along the Mesta and Struma valleys. The problem is much more complex in the interpretation of Herodotus who speaks about three female deities of which Hestia was venerated most of all. It is difficult to identify Hestia with Artemis. There is evidence of the existence of a similar cult of household deities (Di indigines), as it is evident from the sites of clay altars which resemble those of the Scythians and the sites of altars along the Mediterranean, but for the time being they cannot be connected with any concrete cult. We have no proof of the existence of a common female deity in the whole of Thrace and it is not possible to establish what Herodotus meant when he spoke of the veneration of Artemis. Artemis however, can hardly be identified with the Thracian Bendida.

The third deity referred to by Herodotus is Dionysus — whether his cult originates in Thrace or not is irrelevant, but it is quite clear that his cult was known and worshipped in the days of Herodotus. Whether he was worshipped by this name is a problem in itself.

Herodotus provides evidence that the Thracian rulers worshipped Hermes separately of their subjects and claimed their descent from him. The interpretation of this passage has also been studied by a number of scholars, but we still cannot speak of a satisfactory interpretation. Possibly the solution is to be sought in the framework of an earlier age and in terms of earlier religious concepts which Herodotus possibly could not understand or explain. The archaeological data available do not allow any satisfactory interpretation of this cult, even if it is localized only to southwestern Bulgaria where there is evidence of its presence on coins.

The present study is far from any claims to offer a satisfactory interpretation of the issues. The author aims at presenting different aspects of the historical evidence given by Herodotus and considers them from a new point of view.

ПРОБЛЕМЫ ГЕТСКОЙ РЕЛИГИИ

Кирил Йорданов

(Болгария)

Гетская религиозная доктрина о вере в бессмертие души или ее превращение в бессмертную,¹ каким является последнее толкование греческого глагола *ἀθάνατος*, входит в интересы исследователей, которые прямо или косвенно занимались фракийской религией и мифологией.

Самой ранней и значительной информацией, достигшей до нас, мы обязаны Геродоту, уделившему три главы IV книги своей „Истории“, чтобы представить основные моменты гетской религиозной жизни. В сведениях Геродота содержится мифологическое предание самих гетов о культе к божеству, антроподемону или человеку Залмоксис, т. н. айтион и версия ионийских колонистов и торговцев, населявших Пропонтиду и Понту. Сам Геродот ясно подчеркивает, что именно они были его основными информаторами. В начале одного из пассажей Залмоксис представлен в качестве раба Пифагора на Самосе, где он усвоил религиозно-философские таинства его учения и ионийский образ жизни. Немного ниже сам Геродот выражает сомнение в достоверности этого факта, считая, что Залмоксис жил много лет назад до известного философа. Все античные авторы поддерживают версию о рабстве гетского антроподемона, превратившуюся в убеждение, по всей вероятности, под влиянием рассказа Геродота.

¹ Основными источниками о гетской религии с культом к Залмоксису являются HDT, 4, 94—96; 5, 4, (ed. Stein-Hude) Plat. Charm. 156D (ed. Groiset) DI O D, 1, 94, 2 (ed. Vogel, Dindorf-Müller); STRAB. 7, 3, 5; 7, 3, 11 (ed. Meineke) POMMEL A. 2, 2, 18 (ed. Frick); IAMBELICH. Vita Pythag. 173 (ed. Deubner) IOR D. Get., 39—40; 67, 73—75; (ed. Mommsen); D. Deitschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957. 173—175, где они систематизированы наиболее важную литературу у: V. Pârvan. Getica. O protoistorie a Daciei, București, 1926. 151—163; I. I. R u s s u. Religia Geto-Dacilor, A. I, St. Cl. 5, 1944/48, Cluj, 1949. p. 61—133; J. Coman. Zalmoxis et Orphée, IAI, 16, 1950. 177—184; R. P e t t a z z o n i, II „monoteismo“ dei geti, Сб. Д. Дечев. С., 1958. 649—655; i d e m. La religione dell'antica Tracia, IAI, 16, 1950. 298—299; F. P a r a z o g l u. Srednobalkanska plemena u predrimsko doba (tribali, autariati, dardanzi i mezi). Sarajevo, 1969. 383—385; K. v o n F r i t z. Zalmoxis, RE, 9A2, 1967, Sp. 2301—2303; Sp. 2303—2305; (I. I. R u s s u); G. K a z a r o w. Zalmoxis, Klio, 12, 1912. 355—364; Его же. Залмоксис. ГСУ—ИФФ, 3, 1906/1907. с. 153—164; его же. Нови изследвания върху религията на старите траки, Сп. БАН, 70 кл. историко-филологичен, 33, С., 1945. с. 167—182; А. л. Ф о л. Политическа история на траките. С., 1972. с. 51; Г. М и х а й л о в. Траките. С., 1972. с. 216, 234, 242, 250—252, 255, 256;

Из анализа исторических сведений можно высказать следующее гипотетическое предположение о воссоздании гетского айтиона в античную письменную традицию. Греческие колонисты западного берега Понты вступили в контакт с гетами и услышали полумифический рассказ об их вере в бессмертие и культе к антроподемону Залмоксис. Они заметили сходные элементы между философско-религиозной доктриной пифагоризма² и гетским религиозным культом. Так например, вера в бессмертие души отличалась многими общими чертами с пифагорейским учением о метемпсихозе. Пифагор и его ученики создали настоящее тайное общество с преклонением перед старыми аристократическими порядками в греческом мире. По сведениям Геродота и Страбона, Залмоксис распорядился построить для него зал для принятия в нем только представителей гетской аристократической верхушки и проповедывания своего учения. Этот факт свидетельствует о намечающейся уже в VI в. до н. э. социальной дифференциации в гетском обществе и подтверждает предположение о том, что во время походов Дария здесь уже шел процесс образования государства. Достигшее до них гетское мифологическое предание, эллины могли себе объяснить лишь единственным возможным по их мнению способом. В VI в. до н. э., находясь в контакте с гетским населением, колонисты услышали местное предание и связали его с доминирующей доктриной пифагоризма в эллинском мире. Существование сходных черт в представлении о видимом и невидимом мире, о душе и некоторых ритуальных очищениях, как отречение от мясной пищи, можно объяснить только фактом, что Залмоксис был в контакте с пифагорейцами. Будучи рабом Пифагора, он усвоил это учение, и вернувшись к своим соплеменникам, стал его проповедывать. Версия настолько сомнительна в отношении ее исторической достоверности, что сам Геродот настроен против нее скептически.

Основная идея состоит в том, что гетские религиозные представления, несмотря на наличие некоторых сходных черт, не находятся в прямой связи или зависимости от учения Пифагора. Для их появления и развития Залмоксис может и не быть рабом и учеником Пифагора. Гораздо вероятнее, как это допускает, хотя и колеблясь, Геродот, культ к Залмоксису возник раньше, возможно в начале раннежелезного века. Такое предположение, однако, не может привести к мнению, которое защищает Ж. Коман при сопоставлении мифологических персонажей Залмоксиса и Орфея. Он допускает, что они являются исторически реальными лицами, которые, живя до Троянской войны, т. е. между 1500—1200 гг. до н. э., провели серьезные религиозные реформы, основанные на монотеистическом начале и бессмертии души. Сочетание жреческой и политической власти в лице Залмоксиса в эту раннюю эпоху пока могло бы привести по крайней мере к выводу о существовании раннеклассовых процессов образования государства в гетском обществе уже во II половине II тысячелетия до н. э. — предположение, лишенное в данный момент убедительных данных для доказательства.

Известие Геродота о том, что некоторые геты называют Залмоксиса именем Гебелеизиса, ставит дополнительные проблемы перед исследователями. Некоторые из них склонны допустить существование одного своеобразного религиозного дуализма, как хтонизм культа персонафицирован

² О философско-религиозной доктрине пифагоризма см. E d. W i l l. Le monde Grec et l'Orient, I. Le Vesiècle (510—403), Paris 1972. p. 528, 571—573, 583—584, 574. о культе к Залмоксису.

с Залмоксисом, а солярность — с Гебелезисом.³ После подробной критики, из-за необоснованности, эта гипотеза была отвергнута. Критикуя предположения о существовании религиозного монотеизма у гетов, Петацони допускает, что доктрина базируется на социально-политической основе. Доказанным и бесспорным является факт, что культ к Залмоксису аристократического происхождения и характера. По мнению Петацони это привело к ответной реакции — его противопоставлению божеству, почитаемому представителями сельской общины под именем Гебелезис.⁴ Поиски социального происхождения в гетской религиозной доктрине по этому предположению имеют свою стоимость, но возможно и более правдоподобно было бы допустить, что — Гебелезис — более старое имя божества. Последние языковедческие исследования этимологии этих имен говорят о сложности проблемы. По мнению К. Влахова, в результате двойственного представления европейских фонем засвидетельствованы также дублетные формы одного и того же имени, как это в случае⁵ *Gevel ~ Zalμ; Germ ~ Zeqm*.

Анализируя Геродотовый пассаж, в котором он упоминает о том, что „геты метают стрелы в гром и молнию к небу, запугивая бога, и считают, что нет другого, кроме их бога“, некоторые ученые склонны принять монотеизм гетской, а отсюда и самой фракийской религии. Возражения даны самим Геродотом, который ясно указывает, что фракийцы почитали несколько божеств и больше всего фракийские гипостазы Ареса, Артемиды и Диониса, а также царский культ к Гермесу.⁶ Со своей стороны, Страбон передает версию о том, что Залмоксис был жрецом „наиболее почитаемого гетами бога“, а после этого „и сам был назван богом“. Если же Залмоксис является единственным верховным божеством, то зачем тогда его почитателям метать к небу стрелы во время бури? Означает ли это, что существует культ к другому божеству солярного аспекта, не охваченного полностью хтонизмом религии Залмоксиса?

Трудно дать на это точный и универсальный ответ, но высказывание рабочей гипотезы никогда не является лишним. Если существовало какое-то верховное солярное божество в гетских религиозных представлениях, возможно это был Арес, о котором в источнике и археологическом материале, относящемся к гетам, нет необходимых сведений. Такое сильное и обладающее военными добродетелями племенное сообщество, какими были геты, включившее в свои религиозные представления веру в бессмертие, по всей вероятности, являлось почитателем и божества войны. Метание стрел к небу во время бури было скорее религиозным ритуалом, которым они желали его умиловить. Вероятно, Геродот слышал об этом и включил этот ритуал в пассаж о культе к антропомону Залмоксису. Здесь воссозданы и наиболее важные обряды, сопутствующие культу к бессмертию. Каждые четыре года почитатели Залмоксиса посылали посланца, избранного посредством жребия, к божеству, подбрасывая его на трех копьях. Поручения, которые посланец должен был передать богу, он полу-

³ См. критику еще у: I. R u s s u. Op. cit. p. 80, а о Гебелезисе, D. D e t s c h e w. Op. cit. S. 100.

⁴ R. P e t t a z z o n i. Op. cit. p. 654.

⁵ K. V l a h o v. Die Vertretung der indoeuropäischen A und E im Thrakischen. G S U — ФЗФ, 60, 1966. 106—107; его же. Към въпроса за трако-дако-балтийските езикови отношения. G S U — ФЗФ, 64, 1970. с. 63—64.

⁶ H D T. 5, 7; А л. Ф о л. Цит. соч. с. 46—48 с лит.

чал заранее, будучи живым. Если он умирал от прободеяния копьем, считалось, что божество благосклонно к своим почитателям. В противном случае, вестителя бога объявляли плохим человеком и сразу посылали другого, более достойного для передачи упомянутых поручений. Г. Михайлов принимает, что это человеческое жертвоприношение являлось символом переселения к божеству каждого покинувшего земной мир. Подобные жертвоприношения,⁷ которыми осуществлялся контакт или слияние с божеством, известны и у других фракийских племен. Это свидетельствует о том, что они не исключение, а скорее реальность в индоевропейских религиозных представлениях. Геродот снова выступает в качестве нашего главного информатора, рассказывая о фракийцах-апсинтах, взятых в плен при отступлении персов с Фракийского Херсонеса аристократа Ойобаз. Он был принесен в жертву местному верховному божеству Плейстору. Этим религиозным актом, по всей вероятности, апсинты желали его умиловить.

В диалоге Платона „Хармид“ включен пассаж, относящийся к бессмертию у гетов и к умению лекарей Залмоксиса, по всей вероятности, жрецов, посредством обрядов таинства, включающих беседу и припевы, устранять страдания тела лечением души. Нельзя заявить категорически, что на основе этого пассажа Платона можно уловить некоторые элементы целительства в культе, но, по всей вероятности, существовали некоторые тайные обряды, известные только сословию жрецов. У Хезихия сохранился краткий пассаж, согласно которому существовали песня и танец в честь Залмоксиса.⁸

Из изложенного до сих пор можно допустить синкретическое наложение отдельных элементов в гетских религиозных представлениях. Первоначально в культе доминировали хтоничные элементы, и по своему аристократическому аспекту он напоминал ритуалы, которыми одрисские владельцы почитали свое верховное божество Гермеса.⁹ Вместе с тем, существующая связь между верой в бессмертие и солярностью орфизма не была нарушена. Сделанные выводы и высказанные предположения свидетельствуют о сложности гетской синкретической солярно-хтонической религиозной доктрины¹⁰, претерпевшей изменения в результате социально-экономического и политического развития общества. Начало веры в бессмертие теряется во временах до Геродота, и ее происхождение явно аристократического характера. Как отмечает Ив. Венедиктов,¹¹ легендарные фракийские цари-жрецы, среди которых и Залмоксис, часто занимали место во фракийском пантеоне рядом с божествами. Это была традиционная власть царя-жреца над племенем, и по религиозному представлению происходила от

⁷ О человеческих жертвоприношениях, связанных с религиозным культом H D T. 4, 94; 9, 119; Г. К а ц а р о в. Нови изследвания. . . 173—174; Х р. Д а н о в. Древна Тракия. С., 1969. 356; Т. Д. З л а т к о в с к а я. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971. с. 248; V. P ä r v a n. Getica. p. 131; I. R u s s u. Op. cit. 116—120.

⁸ P l a t. Charm., 156 D; V. P ä r v a n. Getica. p. 145—146; I. R u s s u. Op. cit. p. 97—98; H. D a i c o v i c i u. Dacia de la Burebista la cucerirea Româna. Cluj, 1972. p. 234. Г. К а ц а р о в. Нови изследвания. 167; Г. М и х а й л о в. Цит. соч. с. 216, 234, 251.

⁹ H D T. 5, 7; Г. К а ц а р о в. Нови изследвания. . . с. 174; А л. Ф о л. Цит. соч. с. 46—47, 49 с лит.

¹⁰ Г. К а ц а р о в. Залмоксис. 160; Его же. Цит. соч. 175; А л. Ф о л. Цит. соч. с. 51; J. С о т а п. Op. cit. p. 184.

¹¹ И в. В е н е д и к о в, Т. Г е р а с и м о в. Тракийското изкуство, С, 1973. с. 21.

бога. В доме владетеля, выполняющем функции святилища и прорицалища, подобно залу, построенному для Залмоксиса, совершались обряды, жертвоприношения и реформировался сам культ.

Связь между политической и религиозной властью, олицетворяемой владетелем — самым ярким представителем аристократической верхушки — и руководителями сословия жрецов, всегда оставалась неразрывной. Владетель, пишет Страбон,¹² постоянно обращался к жрецу, удалившемуся в пещеру священной горы Когайонон. Во время Буребисты — современника Цезаря, пишет автор, функции верховного жреца исполнял Декеней, который проповедовал аскетическую догматику религии Залмоксиса, согласно которой итаться животными было воспрещено, — факт, часто объясняемый верой, что в некоторых частях тела находится центр души, которую не следует осквернять. Также, согласно Страбону, Декеней убедил гетов искоренять лозницу и жить без вина, сведение явно анекдотического характера. У более позднего автора Йорданеса сохранилось сведение о том, что жрецы гетов выполняют также политические функции владетеля. После смерти Декеная, его наследником стал Комосик, который судил и управлял справедливо. После него, в течение 40 лет над племенами в Дакии повелевал Корил.¹³

Несмотря на значительные письменные сведения о гетской религиозной жизни, современные исследователи вынуждены создавать ряд гипотез из-за неосведомленности и невозможности большинства античных авторов вникнуть в сущность этой сложной религиозной доктрины. Они, или воссоздавали культ с его обрядами таким, каким он был воспринят, понят и осмыслен их информаторами и предшественниками, или же создавали полусерьезный — полуанекдотический рассказ. По этому поводу, один из наилучших современных исследователей фракийской религии пишет: „Миф, религиозные представления и практика, айтион, рационалистическое объяснение этого айтиона, аналогии, молва и непонимание или незнание ряда вещей — все было смешано в пестрый и живописный анекдот, в котором, однако, чувствуются основные тенденции рассматриваемой гетской религиозной идеи и практики, первичные элементы которой с точностью понять нельзя“.¹⁴

Будущие археологические раскопки возможно прольют дополнительный свет и на сложные проблемы гетской религиозной жизни предклассической и классической эпохи, как помогли они в этом отношении во времена эллинов и римлян. В последнее время было высказано предположение о том, что многочисленные боги — герои или антропомоны во фракийском религиозном представлении, как Рез, Орфей и Залмоксис, имеют своих почитателей в ограниченном районе. Именно там господствовал гений, дух героя, который покровительствовал определенное место, поселение, область или территорию всего племени. В его честь воздвигали святилища, оракулы и херооны, в которых жрецы проповедывали и поддерживали культ, совершали религиозные обряды. Эта тенденция осталась в силе в течение

всех эпох, несмотря на наличие этнических инфильтраций или социально-экономических и политических связей между отдельными областями¹⁵ в древнефракийских землях.

NOTES ON THE RELIGION OF THE GETAE

C. Yordanov

(Summary)

The religious beliefs of the Getae and their cult of the anthropodemon Zalmoxis and the belief in the immortality of the soul is of interest to most of the contemporary students of Thracian religion. In antiquity it was treated in a variety of ways by ancient sources which brought light on different aspects of Thracian religion, according to the interest and knowledge of various authors and their ability to render its complex character. The present paper is a short survey of the data these sources provide with their interpretation given by contemporary scholars and their views and hypotheses. The hypothesis that the origin of the belief in Zalmoxis should be sought in the beginning of the early Iron Age has been set forth. The problem of other epithets of the god has been studied, supporting the view that they belong to an earlier anthroponymic layer. The analysis of the written sources and their systematic study and classification point to the close links between the religious beliefs of the Getae, with their solar-chthonic doctrine of the orphic cults and the cults of the Thracian hypostasai of Hermes and Ares. The practice of human sacrifices at the rites of the Getae have been studied, drawing attention to the fact that they were not the exception but rather the rule in the religious life of the Thracians. A brief attempt has been made to trace the unbroken links between political power held by the Thracian nobility and the clergy. In conclusion an interesting view is put forth on the position of god-heroes (heroi) in Thracian religion who had adherents in a limited territory where the heroi appeared as genii, a protecting force of a localized settlement or territory of a tribe.

¹² Strab. 7, 3, 5; 7, 3, 11; D. Detschew. Op. cit., p. 124, 273.

¹³ F. Parazoglu. Op. cit. 383; H. Daisovicu. Op. cit. p. 53, 57; I. Russu. Op. cit. 93; Г. Михайлов. Цит. соч. 252, 255.

¹⁴ Iord. Get., 73; V. Parvan. Getica. p. 154; I. Russu. Op. cit. p. 122—123; D. Detschew. Op. cit. 253; Г. Михайлов. Цит. соч. p. 256.

¹⁵ Г. Михайлов. Цит. соч. с. 252.

¹⁵ Сходство между культурами к Залмоксису и Резу отмечено еще у V. Parvan. Getica. 153; I. Russu. Op. cit. с. 95.

Последнюю литературу см. у: А. л. Ф о л. Цит. соч. 42—43; И в. В е н е д и к о в. Тракийский конник. Векове, 4, 1972. с. 3—14 и прежде всего 10, где изложено это гипотетическое предположение.

THRACO-SCYTHICA: ПРОБЛЕМЫ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ О V ВЕКЕ ДО Н. Э.

Александр Фол

(Болгария)

Самое раннее и точное сведение о существовавших контактах между скифами и фракийцами содержится в Нег. VI 40 (Stein-Hude). По рассказу Геродота вторжение Дария в пределы скифов вызвало ответный удар. Объединившись, скифские войска двинулись походом и проникли до самого Херсонеса Фракийского, откуда от них бежал Мильтиад, будущий марафонский победитель. После отступления нападателей, долонки, призывавшие еще в VI в. до н. э. Филаидов быть их правителями, вернули себе обратно. Если верить достоверности текста, происшедшие события можно отнести приблизительно к 497—496 гг. до н. э.

Известие Геродота в литературе воспринимается безоговорочно.¹ Делаются даже попытки объяснить предполагаемое скифское влияние на происхождение и специфику фракийского „звериного“ стиля.² Но ввиду удачного опровержения этого мнения солидными аргументами³ военно-политический смысл сведения Геродота предоставляет единственную возможность для рассуждений.

В чем состоит эта возможность?

Сведение Геродота нельзя проверить ни археологическими данными, ни другими текстами. Известные пока в Болгарии материалы, которые можно было бы связать с культурой Северного Причерноморья, приписываются киммерийцам. Это означает, что передвижение в VIII в., или точнее в VII в. до н. э., некоторых киммерийских групп через Восточную Фракию по направлению к Малой Азии и их возможное мимолетное присутствие на фракийских землях рассматриваются как генетические явления в развитии фракийского искусства.⁴ Этот тезис, между прочим, выглядит не-

¹ Последнее А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и гетами в: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969. с. 79; Ср. Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971. с. 29.

² М. Rostovtzeff. Scythien und der Bosphorus, Bd. I, Berlin, 1931. p. 535.

³ Ив. Венедиков. Предахеменидски Иран и Тракия, ИАИ, 31, 1969. 5—42; idem, L'art thrace et l'art achéménide. Actes du 1er Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-Est européennes; II, Sofia, 1969. p. 381—396.

⁴ А. Милчев. Трако-киммерийски находки в българските земи, ИАИ, 19, 1955 (Сборник в честь Г. И. Кацарова. Ч. II). с. 359—370.

правдоподобным, если судить по последним результатам исследований так называемого геометрического периода в фракийском искусстве.⁵

Единственно пассаж Нег. VI 84 привлек внимание исследователей. По Геродоту, чтобы отомстить Дарию за его вторжение, скифы-номады направили в Спарту своих вестителей и заключили союз со спартамцами. Это произошло при царе Клеомене I, научившемуся при своем общении со скифами пить неразбавленное вино и обезумевшему по этой причине. Именно связывание этого текста с предыдущим дает основание, хотя и молча, приять, что достигшие до Херсонеса Фракийского скифы оттуда направили в Спарту своих посланцев.⁶

Но Нег. VI 84 является очевидной контаминацией. Идея о том, чтобы отомстить Дарию, была бы наиболее свойственной европейским скифам бассейна р. Днестр, где бесславно закончились походы персов. Предложение, однако, могло исходить только из среды представителей племен Прикавказья. По Геродоту, оно состояло в следующем — их вторжение в Мидию должно было осуществиться по течению р. Фасис (нын. Аракс), тогда как спартамцы, начавшие свой поход в Эфесе, должны были направиться на восток и соединиться с пришедшими с севера союзниками. Новую контаминацию содержит также текст и с точки зрения греческой действительности. Если заключение сепаративного скифско-спартанского договора совершалось в период греко-персидских войн, то он неизбежно приобрел бы антиафинский смысл, раз Клеомен является одним из его вдохновителей. Подобная единственно верная возможность в биографии спартанского царя раскрывается, однако, до греко-персидских войн, что является совершенно естественным, так как это совпадает с событиями 508—507 гг., точнее, 507 г. до н. э., когда Афины настойчиво пытаются заключить союз с персами, чтобы обезопасить себя от Клеоменовых посягательств в конфликте между Иссагором и Клистеном. Но как датировка гипотетического договора, так и изоляция Афин в скифско-спартанских отношениях немислимы для текста Геродота, который, видимо, относится ко времени после ионийского восстания. Появление в Эфесе в качестве исходной базы для наступления на спартамцев является чистой интерполяцией автора, имевшего в виду пример афино-эретрийского морского подкрепления именно в Эфесе в 498 г. до н. э.

Наиболее вероятно, что Нег. VI 84 является конструкцией новеллиста Геродота, которая была введена в изложение с морализаторской целью для обрисовки деградации спартанского царя Клеомена. Этот рассказ был чрезвычайно подходящим для афинских слушателей историка, перед которыми он впервые стал читать свое произведение.

Следовательно, для сопоставления и причинного связывания событий обоих пассажей Геродота я не вижу серьезных оснований. При этом положении Нег. VI 40 необходимо рассматривать самостоятельно и как сведение, не подлежащее проверке другими данными и содержащее варианты решения. Их не менее трех, так как известие может явиться реминисценцией движений скифов через Кавказ с общим направлением к югу, или же более

⁵ Ив. Венедиков — Т. Герасимов. Тракийското изкуство. С., 1973. с. 26—36.

⁶ Последнее у Гракова. Цит. соч. 29.

ранних киммерийских волн, задевших видимо и западный берег Понты⁷, или же наконец, действительного вторжения скифов-норманов в ответный удар на поход Дария по следам отступающей армии; в этом случае датировка Геродота, извлеченная из биографии Мильтиада, была бы немислимой, так как нападение конечного пункта Херсонеса Фракийского исторически оправдано не в 497/6 г. до н. э., а гораздо раньше, непосредственно после неудачных походов персов; действительной датировкой явилась бы тогда дата после 519, после 514, после 513 или после 512 гг. до н. э., какими являются предложенные до сих пор даты о походе Дария.

Существенное значение рассматриваемого текста состоит в том, что он раскрывает важную проблемную ситуацию — знакомит с фракийско-скифскими отношениями в V в. до н. э. Их можно, конечно, рассматривать с этническо-культурной точки зрения⁸ Для этого, однако, требуется еще много археологических материалов и проведение новых исследований для получения всех данных.⁹ Письменные источники дают возможность, по крайней мере, затронуть вопросы фракийско-скифских отношений в V в. до н. э. с точки зрения военно-политической истории.

Прежде всего, термин „фракийско-скифский“ следует заменить термином „одрисско-скифский“, так как обе государственные организации вступают в военно-политические контакты. Границей между ними является течение Нижнего Дуная в его последней восточной части к устью, что непосредственно вытекает из Thuc. II 97,1 (Böhme-Widmann). Но эта граница не является территориальной или же границей скифского „политического образования“,¹⁰ а представляет граничную зону военного контроля в период внутреннего подъема. Это является также местом столкновений в переговорах между двумя могучими соседями. Я уже писал, что Нег. IV 80 свидетельствует о дипломатических связях между Тересом, первым видимо засвидетельствованным одрисским владетелем, и Ариаптом, скифским царем, которому одрис отдал свою дочь в жены; по моему мнению, переговоры состоялись в районе Нижнего Дуная и то не к 80 гг. V в. до н. э. по данным всех исследователей, а между походами Дария и Мардония в 492 г. до н. э., так как характерным для скифов было передвижение к югу, а для одриссов — к северо-востоку в период, в котором фракийский юг и юго-восток находился под контролем персов.¹¹ Не вижу осно-

ваний отказаться от этой датировки тем более, что в ее пользу говорит и рассмотренный текст о нападении скифов до Херсонеса фракийского после похода Дария. В таком случае, полуполюгендарные и спорадические сведения Геродота о первоначальных одрисско-скифских отношениях восстанавливают относительно стройную последовательность военно-дипломатических начинаний обеих стран в самом конце VI в. до н. э. После обратного бесславного марша Дария в освобожденную территорию между Днестром и Дунаем и между Дунаем и Херсонесом фракийским — до самого юго-восточного угла Фракии, где находились на стратегических местах персидские гарнизоны — нахлынула скифская конница. Возникшая из-за естественного желания реванша кампания не могла не оказаться бесперспективной — на дальнем фракийском юге персы держались крепко, а в том же свободном пространстве начались военные волнения одрисов, что является наиболее яркой чертой стихии процессов образования государства. Уход скифов из Восточной Фракии по Приморскому пути с его разклонениями, использованному и Дарием в северном направлении, сопутствовал усилившимся импульсами крепнущей одрисской военной и политической организации. При Тересе она отличалась уже достаточной мощью, чтобы завоевать прежде всего покинутые обоими противниками земли — северо-восточные пределы Южно-Дунайской области. Именно тогда в районе Нижнего Дуная у устья был заключен первый одрисско-скифский договор, согласно которому река была объявлена границей для осуществления с севера и юга военного контроля.

Нег. IV 78—80 содержит точные сведения о втором подобном договоре. Здесь изложена история эллинофильски настроенного царя Скила, сына Ариапита, бежавшему к Ситалку, сыну Тереса, после того, как его брат, сын дочери Тереса, взбунтовался и взял власть в свои руки. Октамад двинулся за беглецом в поход на Фракию, т. е. на одрисов, но на Дунае встретил Ситалка с войском. Цари договорились, и Ситалк вернул несчастного Скила его брату, получив взамен своего собственного, искавшего у Октамада убежища после междоусобиц в одрисском царском доме. Обе родственные династические семьи разрешили таким образом территориальный спор и вновь установили Нижний Дунай граничной зоной контролируемых ими владений. По утверждению уже упомянутого, это событие отражено и в драме Еврипида „Рез“ — в Rhés. 388—478 (Wecklein)¹², в которой, естественно, описана победа Рез-Ситалка над скифами — взятие их детей в залог и наложение на них годовой дани является преувеличением поэтом причин, из-за которых одрисский владетель не оказал во время помощи Трое-Афинам.

Определить датировку „похода Реза“ т. е. встречи Ситалка с Октамадом после заключения одрисско-афинского договора в 431 г. до н. э. и до 425 г. до н. э.¹³ является невозможным из-за его хронологической несовместимости с другими событиями одрисской внешней-политической истории.¹⁴ Другая предложенная до сих пор датировка основывается на возможной гипотетической хронологии царствования Тереса до начала 40-х годов

¹² Последнее со всей литературой и обосновкой авторства Еврипида см. R. Gossens. Euripide et Athènes. Mémoires de l'Académie royale de Belgique. Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques, 55, 1962, fasc. 4. p. 236—264.

¹³ Это датировка Gossens. Op. cit. p. 249, 259 et p. 109.

¹⁴ Опровержение у Фолья, цит. соч. p. 145.

⁷ О движениях киммерийцев и скифов см. Нег I. 6, 15, 16, 103 и IV 11, 12, 45. Ср. с лит. J. Wiesner. Die Thraker. Stuttgart, 1963. с. 73—78; V. F. Gajdukovic. Das Bosporanische Reich, Berlin—Amsterdam, 1971. с. 25—30.

⁸ Ср. „Древние фракийцы...“ (бел. I) с советской, балканской и европейской литературой. Кроме того: Г. Тончева. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям. Thracia, I. S., 1972. с. 101—119 с лит. О положении гетов и об их отношениях со скифами; см. последнее D. M. Pirrudi. I Greci nel basso Danubio. Milano, 1971. p. 11—42 с богатой лит. Другое мнение о гетах и, в особенности, о процессах образования государства у них см. А. Л. Фолья. Тракия и Балканы през раннеолигистическата епоха, с. 1974, гл. I.

⁹ Один пример: т. н. Гекатеем „скифские“ подлисы и племена — Kardessus, Matyketai, Myrgetai Jacoby, FGrH I, Berlin, 1923, №№ 188, 189, 190 относятся безусловно к фракийской топонимии и этнонимии и все еще продолжают быть неизученной реальностью на фоне фракийской материальной культуры до Днестра и данных о сравнительно ранних гетских политических организациях. Срв. последнее А. Л. Фолья. Прочувания върху гръцките извори на древна Тракия I. Тракия в периегезата на Хекатей, ГСУИФ 66, 1973, С., 1974, с. 1 сл.

¹⁰ Мелюкова. Цит. соч. с. 79.

¹¹ А. Л. Фолья. Политическа история на траките. С., 1972, с. 139 с лит.

V в. до н. э., на предполагаемом царствовании его сына Спарадока в 40-е годы того же столетия и Ситалка, его второго преемственника, к концу и даже после конца 40-х годов; при этом положении встречу с Октамасадом следовало бы поставить до заключения известного договора с Афинами в 431 г. до н. э. или в 30-е годы V в. до н. э.¹⁶

Но с точки зрения биографии Геродота эта датировка может быть оспорена. Свои путешествия писатель закончил в 445—444 г. до н. э. Приехав в Афины, он попал в круг Перикла, подружился с Софоклом и начал проводить беседы в городе и в других поселениях. Если соблюдать эту хронологию, то Геродот посетил Ольбию и собрал материалы о скифском логосе и о связанных с ним повествованиях о Северо-Восточной Фракии до 445 г. до н. э., когда Октамасад и Ситалк были уже царями.¹⁶ В таком случае царствование Тереса и Спарадока необходимо отнести по крайней мере еще на десять лет назад в пятое столетие. При этом смерть отца и короткое властвование первого сына придется на 50-е годы, а первые шаги Ситалка, среди которых и его встреча с Октамасадом — не позже начала 40-х годов. При этом ясно, что событие может оказаться еще более старым, и тогда хронологию первых одрисских царей придется перенести снова более назад в V в. до н. э. Подобная датировка действительно смогла бы подкрепить высказанное мнение о реальных исторических последствиях государственно-образовательных процессов у одрисов еще в конце VI в. до н. э., когда Терес и Арипит были на сцене.

Не исключена, однако, контаминация некоторых элементов в новелле о Скиле после возвращения автора в Афины, т. е. после 445—444 г. до н. э. ввиду ее яркого морализаторского контекста, внушение которого является задачей сказчика Геродота. Принимая во внимание, что сочинение росло постепенно, а его структура оформлялась параллельно с накоплением материалов,¹⁷ что фактически не существовало отдельного „фракийского логоса“ и отклонения о Фракии относятся к скифскому¹⁸ (по моему мнению, по крайней мере, те, которые касаются северо-восточной Фракии!), то контаминация вполне допустима. В данном случае она выражается вставлением в текст имени Ситалка — наиболее популярного одрисского царя! Эта вставка касается одной более ранней по времени одрисско-скифской ссоры, о которой Геродот узнал в Ольбии со всеми возможными неточностями.

Рассматриваемые сведения являются не совсем надежными и представляют возможности для различной и даже противоречивой трактовки. Их анализ пока приводит к созданию рабочих гипотез, некоторые из которых изложены в настоящей статье. Огромная проблема фракийско-скифских, и в частности, одрисско-скифских отношений в V в. до н. э., и конечно во время других эпох, — в будущем будет поставлена на широкую основу в нашей науке и будет решаться путем сопоставления всех видов источников.

¹⁶ Там же. с. 140—145 с лит.

¹⁶ F. J а с о б у. RE Suppl. Bd. II, 1908. Sp. 243, 252—261; i d e m. Griechische Historiker, Stuttgart, 1956. p. 28, 30—35.

¹⁷ См. С. Я. Л у р ь е. Геродот. М.—Л., 1947.

¹⁸ Это наблюдение, действительно и теперь, проведено еще А. В а u e r. Die Entstehung des herodotischen Geschichtswerk. Wien, 1878. p. 102 ff.

THRACIO-SCYTHICS: PROBLEMS OF THE WRITTEN SOURCES CONCERNING THE 5TH CENTURY B.C.

Al. Foll

(Summary)

This study is devoted to the frequently interpreted passages by Herodotus (IV, 80, VI, 40 etc.) which have been analysed in the light shed on them from Thucydides and Euripides (the tragedy Resos).

The author is of the opinion that so far research has tended to give too much weight to information coming from Herodotus on the links between Thracians and Scythians irrespective of the fact that this information cannot be confirmed through archeological means and disregarding the obvious contamination that accompanies it.

In actual fact the information coming from Herodotus outlines the political relations between Scythians and Thracians in the lower reaches of the Danube. They also make possible a change in the chronology of some events of the earliest periods of the kingdom of the Odrysae, thus arriving at a new chronology of the process of the formation of the kingdom of the Odrysae as early as the 6th century B.C.

ФРАКЦИЙСКАЯ УЗДА ИЗ ХОМИНОЙ МОГИЛЫ

Б. Н. Мозолевский

(СССР)

В 1970 г. у г. Орджоникидзе Днепропетровской области автором был исследован курган Хомина Могила, стоявший на полпути (5—6 км) между всемирно известными скифскими памятниками Чертомлыком и Толстой Могилой¹.

Высота кургана 3,2 м, диаметр 34—44 м. Сложенная из дерна насыпь была обнесена по основанию довольно значительной каменной крепидой. Несмотря на скромные размеры, курган, несомненно, принадлежал очень зажиточной семье, и полученные в нем материалы имеют первостепенное значение для изучения истории Скифии.

Под насыпью кургана были открыты три гробницы в виде катакомб — основная и две боковые, впущенные в материк из-под крепиды. Основная могила принадлежала мужчине, а впускные, вероятно, членам его семьи — жене и сыну-подростку.

Женская могила находилась к западу от основной. Ее длинная погребальная камера подходила вплотную к подземелью центральной гробницы, так что стенка между ними впоследствии обвалилась. Могила оказалась ограбленной. В ее заполнении обнаружено около сотни нашивных золотых бляшек и пронизей, наборное костяное веретено, золотая серьга с бронзовой подвеской, два серебряных сосуда — килик и фиала (рис. 1), пастовые бусы и некоторые другие вещи.

Могила подростка была устроена под северо-восточной полкой кургана. Погребение в ней сохранилось непогрешенным. Подросток был подпоясан поясом, набранным из небольших серебряных пластинок. Слева от него лежал колчаный набор бронзовых наконечников стрел, вдоль камеры — копье и дротик с железными наконечниками и втоками, в дромосе — херсонесская амфора, покрытая светлым ангобом и с клеймом на ручке: *ΠΡΟΛΟΤΟΥ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ*. Под северную стену входной ямы гробницы был вырыт продольный подбой, в котором находилось погребение коня. От его узды сохранились железные удила с псалиями и такой же наносник.

¹ Б. Н. Мозолевский. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. — В: Сб. Скифские древности, К., 1973. с. 208.

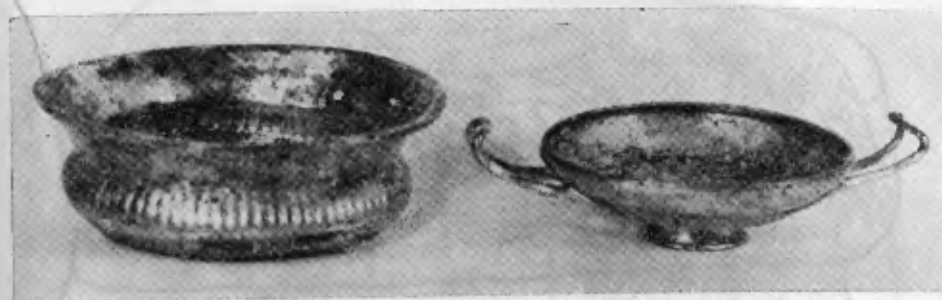

Рис. 1. Серебряные сосуды из женской гробницы

Центральная могила, как и боковая женская, была разграблена. В ее заполнении сохранились обломки железного меча, бронзовые наконечники стрел, обломки амфор, детали наборного костяного гребня и три золотых украшения. Среди этих вещей была найдена также небольшая золотая фигурка дикого кабана, очевидно, служившая ручкой деревянного сосуда. Спаянная из отдельно отлитых деталей, скульптурка представляет собой шедевр древней торевтики, с которым могут сравниться лишь немногие вещи из скифских могил (рис. 2).

Как и в могиле подростка, во входной яме центральной гробницы под длинными ее стенами были устроены ниши для двух конских погребений, до которых грабители, к счастью, не дошли. На головах обоих коней находились уздечки с редкими серебряными наборами, которым и посвящена настоящая статья.

Рис. 2. Золотая фигурка вепря

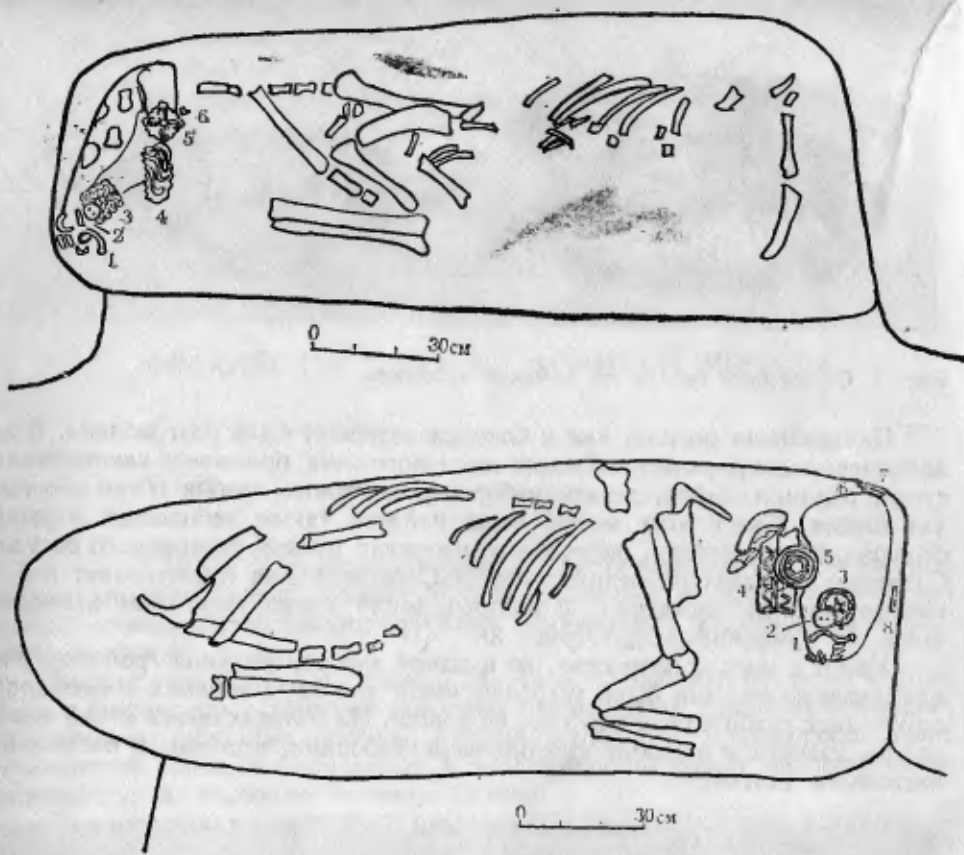

Рис. 3
 I — Погребение коня (№ 1) из северного подбоя: 1—псалии; 2—круглая бляха; 3—четырёхугольная бляха; 4—нащечник; 5—четырёхугольная бляха; 6—ворворка
 II — Погребение коня (№ 2) из южного подбоя: 1—псалии; 2—круглая бляха; 3, 5 — круглые бляхи на месте соединения ремней; 4—правый нащечник; 6, 7—левый нащечник; 8—наносник

Оба коня лежали головами на запад, т. е. к погребальной камере (рис. 3 I, II). Почти все детали узды коня из северного подбоя сохранились на своем первоначальном месте, что позволило без труда реконструировать его уздечку (рис. 4).

Во рту коня находились удила с железными псалиями S-образной формы. На месте соединения удил с псалиями с обеих сторон лежали гладкие круглые бляхи, выполненные, как и все остальные детали набора, из толстой серебряной пластины, покрытой снаружи золотым листом. Выше их, а также на лобных костях черепа с одной стороны и под ними с другой помещались четырехугольные бляхи, прикрывавшие соединение нащечного ремня с нахрапным и налобным. Между ними находились удлиненные фигурные нащечники. Правый из них, оказавшийся под черепом, лежал на первоначальном месте, левый несколько сполз к шее коня. Под челюстью животного был найден лежавший лицевой стороной книзу пластинчатый наносник с фигуркой льва на нем, а в области шеи — две ворворки.

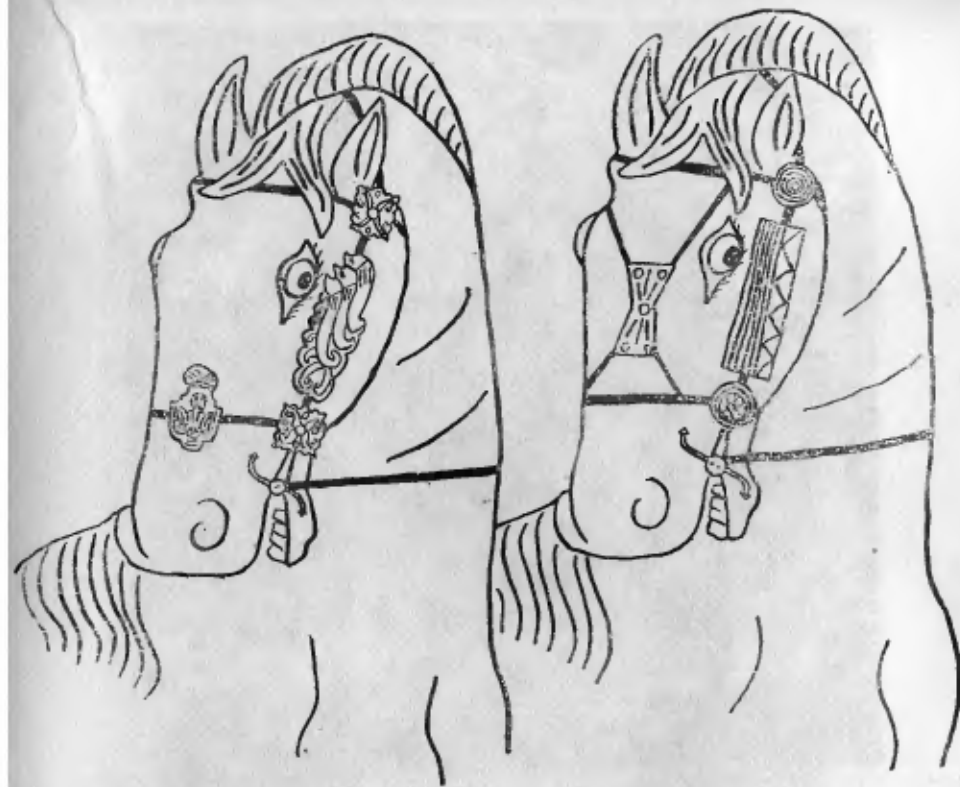

Рис. 4. Реконструкция уздечных наборов коней из Хоминой Могилы

Общий вид набора представлен на рис. 5. Все украшения узды изготовлены из миллиметрового листового серебра и плакированы золотым листком, прочно соединенным с основой. Местами окислы серебра уничтожили золото, по краям золотой листок отстал от серебряного.

Пластинчатые детали набора с тыльной стороны имеют петлю, выполненную из серебряной полоски, несколько более тонкой, чем само украшение. Ширина полоски петель 1,3 см, ширина самой петли 1,5—2 см, высота до 1,5 см. К бляхам петли крепились при помощи двух серебряных заклепок. С лицевой стороны последние находятся под золотым листом покрытия, что свидетельствует о золочении украшений уже в готовом виде.

Остановимся подробнее на описании украшений.

1. Круглые бляхи, прикрывавшие соединение удил с псалиями, гладкие, слегка выпуклые, диаметром 4,5—4,7 см. С тыльной стороны имеют бортик высотой 3 мм. Петля для крепления к ремню расположена горизонтально.

2. Квадратные бляхи, находившиеся на перекрещении налобного и нахрапного ремня с нащечными, имеют волнистый край и украшены рельефным орнаментом (рис. 6). Размеры их 8×8 см. В центре каждой бляхи помещен полусферический выступ с кружком посередине и орнаментом в виде сегнера колеса вокруг него, обведенный валиком с рубчатым орнаментом.

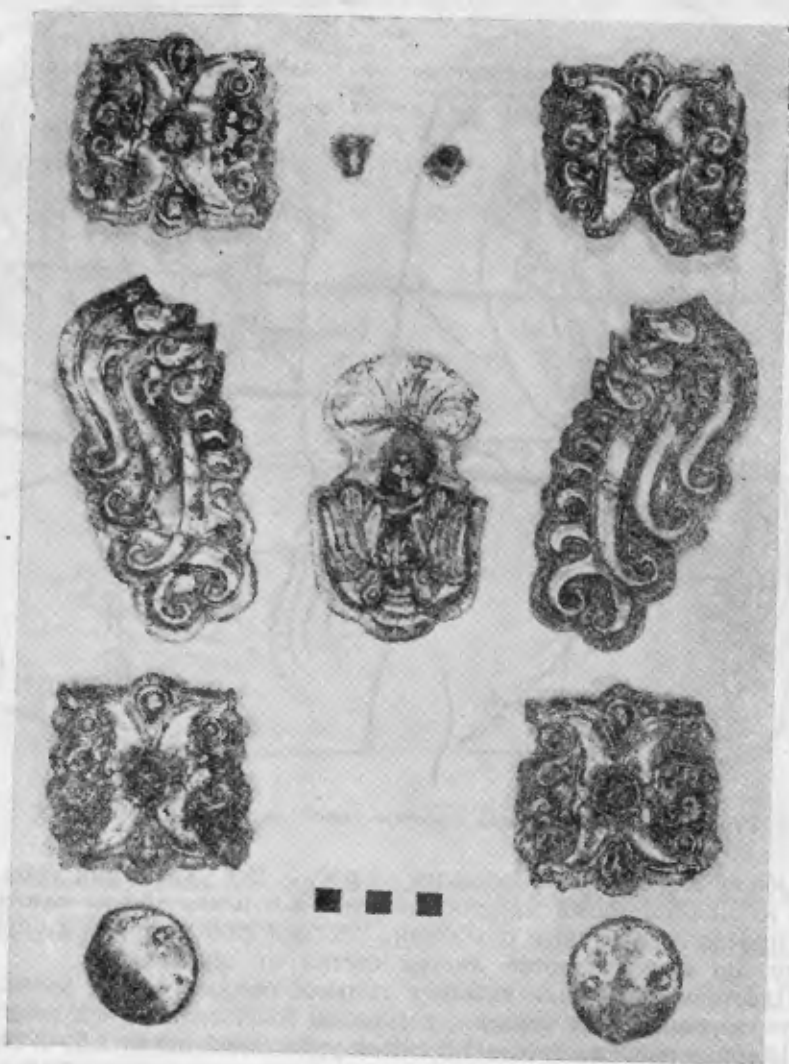

Рис. 5. Общий вид уздечного набора первого коня

От него к углам бляхи, вверх и вниз отходят четыре стилизованные головы грифона с небольшим ухом, занимающим всю голову круглым глазом и закрученным в спираль клювом. Между затылками грифонов сверху и снизу находится по каплевидной выпуклости. Края блях оформлены мелкими рубчиками, поставленными перпендикулярно срезу. Только напротив глаза грифона они идут параллельно ему, имитируя челку зверя.

3. Удлиненные нащечники размерами 14×7 см украшены изображениями трех стилизованных гиппокампов (?) с небольшой головой, короткими лапами и змееподобным туловищем (рис. 7). Изображения расположены вертикально одно за другим, головами кверху и носами вперед. Голова

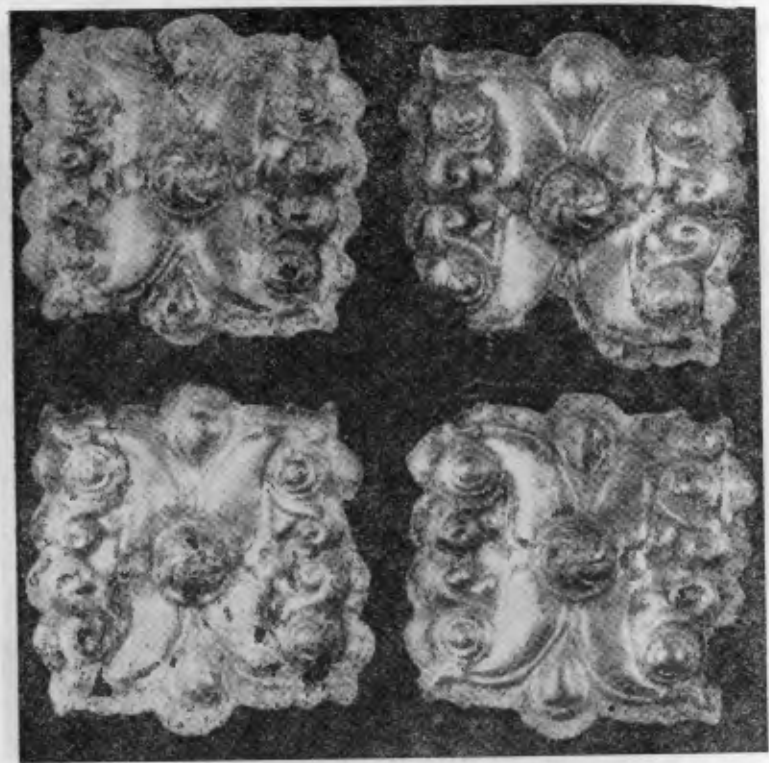

Рис. 6. Уздечный набор первого коня. Четырехугольные бляхи

животного отделена от шеи рубчатым пояском; расположенная ниже него грива передана несколькими „елочками“, идущими вдоль тела. У двух верхних зверей под передней частью туловища находится по две короткие лапки с длинными когтями. У нижнего они заменены большими завитками, расположенными вдоль всего туловища. Первые шесть из них закручены книзу, последний, помещенный под самым хвостом, — навстречу им. Все три изображения обведены мелкими рубчиками. Края блях волнистые, с широкой каймой рубчатого оформления. Горизонтальная петля приклепана в верхней части на обратной стороне бляхи. На наружной поверхности выступают круглые шляпки заклепок. Нащечники должны были качаться на ремне, что свидетельствует только о парадном, а не постоянном их применении.

Правый нащечник в древности получил трещину и был отремонтирован с помощью бронзовой полоски, наложенной с обратной стороны и прикреплённый к пластине.

4. Наносник состоит из скульптурной фигурки льва, сидящего на задних лапах, и пластинчатого фигурного щитка с рельефным, штампованным орнаментом (рис. 8 а, б, в). Фигурка льва литая, полая внутри, но довольно массивная. Высота ее около 4 см. Зверь смотрит прямо перед собой, из оскаленной пасти высунут широкий и толстый язык. Между короткими

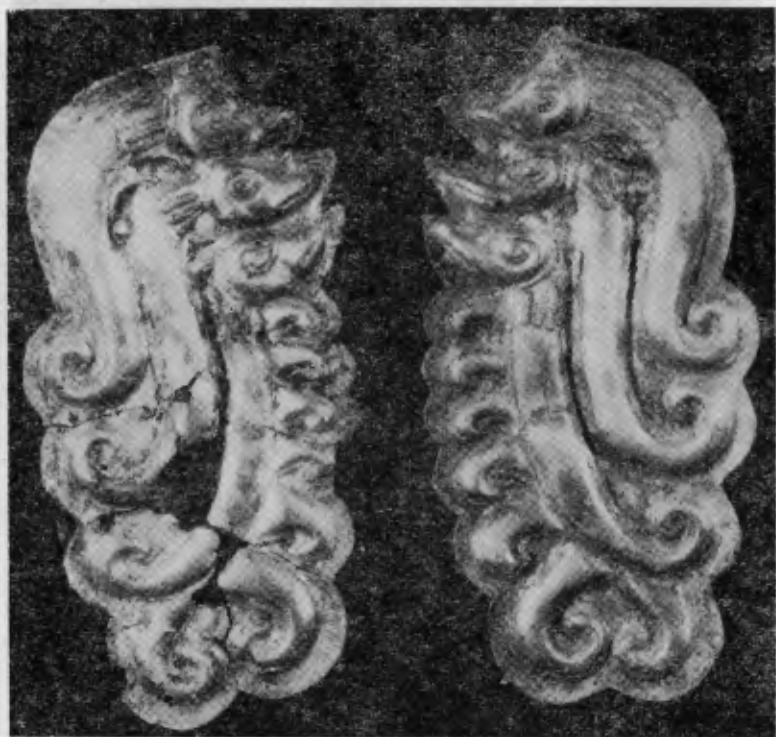

Рис. 7. Уздечный набор первого коня. Нащечники

округлыми ушами возвышается хохолок гривы, покрывающей и всю верхнюю часть тела животного. Грива разделена на длинные узкие пряди и на груди имеет вид фартушка. По шее идет рельефный пояс с вертикальной насечкой, почти сходящийся за ушами. Передние ноги зверя, непропорционально толстые по сравнению с задними, слегка согнуты и широко расставлены. К их лапам вплотную примыкают лапы задних ног.

Фигурка прикреплена к средней части щитка с помощью трех стерженьков, выходящих из передних лап и крупа льва. Эти же стерженьки одновременно служат и заклепками, при помощи которых к задней стороне щитка прикреплялась вертикальная петля для наносного ремня.

Фигурный пластинчатый щиток имеет длину 10,3 см, ширину передней части 6,3, задней — 5—6 и средней — 3,6 см.

На передней части щитка передано изображение двух орлов, клюющих голову какого-то животного (льва?), в которую они впились когтями. Перья их крыльев оформлены рубчиками в виде „елочек“. Оформление перьев у левой и правой фигур несколько отличается в деталях.

Задняя часть щитка украшена фигурными полосами с насечками. Края пластины, как и других украшений набора, обрамлены каймой рубчатых насечек. Трещина на наноснике реставрирована также, как и на правом нащечнике, с помощью бронзовой накладки.

Рис. 8. Уздечный набор первого коня. Наносник с фигуркой льва

Рис. 9. Общий вид уздечного набора второго коня

5. Ворворки согнуты из серебряной пластины, имеют конусообразную форму. В месте соединения краев пластины по всей высоте идет продольный шов. Высота их 1,5 см, диаметр 1,8 см.

Украшения уздечки второго коня (из южного подбоя) оказались несколько смещенными с мест, которые они занимали на морде лошади. Несмотря на это, узда, как и в первом случае, реконструируется легко (рис. 4).

Во внешние петли железных удил были вставлены S-образные бронзовые псалы с двумя отверстиями в средней части. Соединение их с удилами прикрывалось гладкими круглыми бляхами, диаметром около 5 см. Весь набор украшений узды изготовлен из тонкого листового серебра и, за исключением описанных выше блях, покрыт чеканным геометрическим орнаментом (рис. 9). К ремням узды пластины крепились, очевидно, с помощью железных петель (не сохранились), соединенных с бляхами серебряными заклепками. Отверстия для них пробиты с внешней стороны очень грубо, не менее грубы и сами заклепки.

Соединение нащечных ремней с нахрапным прикрывалось круглыми бляхами диаметром 8 см. В центре блях помещена большая полусферическая выпуклость, от которой радиально расходятся семь двойных линий. За ними следуют concentрические окружности: четыре на одной бляхе и пять — на второй. Края блях оформлены крупными чеканными рубчиками.

Такие же бляхи находились и на месте соединения нащечных ремней с налобным. Но радиальные линии на них заменены concentрическими кругами.

Прямоугольные нащечники размером 19,5×7 см орнаментированы не совсем одинаково. Посредине вдоль они разделены широким рубчиком. По обе стороны от него на левом нащечнике помещены двойные зигзаги, иногда с такими же двойными линиями в основании. На правой пластине подобным образом, но не идентично, оформлена только левая половина, правая же украшена четырьмя продольными линиями. По краю блях идет широкая рамка с рубчатым оформлением за ней. На тыльной стороне пластин было по две горизонтальных петли, расположенных у коротких сторон нащечников, в которые продевались нащечные рамки.

Налобник набора пластинчатый, имеет форму, напоминающую бант. Длина его 15 см, ширина по краям 8 см, посредине 4,5 см. Пластина украшена пятью большими круглыми выпуклостями, расположенными в центре и по углам. От средней выпуклости к концам бляхи вверх и вниз идут по три двойных луча. Края пластины оформлены так же, как и у нащечников. Налобник был снабжен вертикальной петлей, находившейся в центре, с обратной стороны пластины.

И форма, и материал, и художественный стиль позолоченных украшений первого коня не вызывают сомнений в фракийском происхождении набора.

Больше всего аналогий в Фракии имеют четырехугольные бляхи, прикрывавшие соединение нащечных ремней с налобным и нахрапным. В разные годы там была найдена целая серия подобных украшений из бронзы и серебра, иногда тоже с позолотой. Все они орнаментированы четырьмя или тремя стилизованными головами коня или грифона, расходящимися к краям блях от расположенного в центре круга. Это пластины из Крайовы², Аджигола³, Летницы⁴, Брезово⁵, Луковитского сокровища⁶

² D. Bergiu. *Arta traco-getica*. Bucuresti, 1969. Рис. 83—89.

³ Там же. Рис. 45, 46.

⁴ Клады болгарских земель (текст И. Венедикова). С., 1965, треугольная бляха с тремя головами грифонов и круглая с лошадиными.

⁵ *Reallexikon der Vorgeschichte* herausgegeben von Max Ebert, II, Berlin, 1925. Рис. 70, e.

⁶ Д. П. Димитров. Материалната култура и изкуството на траките през ранната еллинистическа епоха. Археологически открития в България. С., 1957. 65, 66. Рис. 2.

и целый ряд других. Интересно отметить, что на большинстве перечисленных блях головы животных расположены свастикообразно. Лишь на бляхе из Брезово элементы орнамента поставлены симметрично, влево и вправо от центральной оси, так же как на бляхах из Хоминой Могилы. Пожалуй, самой характерной особенностью этих и всех других украшений фракийской узды является оформление их края полосой параллельных рубчиков, совершенно не свойственное Скифии. Такие же полосы сопровождают и другие элементы орнамента, придавая им совершенно своеобразный и неповторимый вид. Другой характерной чертой фракийского искусства является непринужденное и очень естественное соединение примитивного реализма со своеобразной стилизацией, в той или иной мере присущей всем фракийским изделиям. Именно это соединение реального и стилизованного, дополненное целым рядом других чисто фракийских орнаментальных элементов, не оставляет сомнения в происхождении нащечников из Хоминой Могилы, хотя прямые аналогии им в Фракии отсутствуют. В пользу фракийского происхождения говорит и мотив, переданный на нащечниках. Образ гиппокампа довольно обычен в фракийском искусстве, в том числе и на украшениях конской узды. Для примера можно привести уздечную бляху из Летницы⁷ с реалистическим изображением гиппокампа и нащечники из Аджигода⁸, где тот же мотив передан в сильно схематизированном и стилизованном виде.

Своеобразие стиля свидетельствует о фракийском происхождении и позолоченного наносника из Хоминой Могилы. Наиболее близок к нему наносник из Свицар⁹, передний щиток которого также украшен изображением головы (?) и двух орлов, а посредине помещена скульптурная голова человека в шлеме. Близки по трактовке к орджоникидзевским орлам два грифона, изображенные в геральдической позе на нащечнике из Врацы¹⁰.

Находки фракийских принадлежностей узды, украшенных в зверином стиле, на территории Скифии встречаются не впервые. Бесспорно к фракийскому кругу уздечных принадлежностей относятся один из наносников и нащечники из кургана Огуз¹¹ и некоторые из украшений Чмыревой Могилы. На многие из этих фракоскифских параллелей обратила внимание еще К. Малкина¹² в связи с находками в Крайове. С тех пор фракийское происхождение или изготовление в Скифии под фракийским влиянием некоторых украшений узды из скифских царских курганов ни у кого не вызывает сомнения. В последнее время взаимовлияние и взаимопроникновение образцов скифского и фракийского искусства, представленного на уздечных деталях, очень тщательно проанализировала А. И. Мелюкова. К сожалению, ее взгляды пока что опубликованы только в виде тезисов¹³.

⁷ Клады болгарских земель; пластина с изображением Неренды на гиппокампе.

⁸ D. Vegsiu. Указ. соч. Рис. 45, I, 2.

⁹ Археологически открытия в България, виньетка на стр. 240.

¹⁰ D. Vegsiu. Указ. соч. Рис. 74.

¹¹ О. Лесков. Скарби курганів Херсонщини. К., 1974. Рис. 14—18.

¹² К. Малкина. Zu dem skythischen Pferdegeschirrschmuck aus Craiova. PZ, XIX, 1927. с. 152—185.

¹³ А. И. Мелюкова. К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства «звериного» стиля. Тезисы докладов всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972. с. 36.

Сложнее решить вопрос о происхождении второго уздечного набора из Хоминой Могилы (рис. 10). Примененная на нем система орнаментации остается, пожалуй, пока что неповторимой. Чрезвычайно редко встречаются и украшения узды, соответствующие ему по форме и технике изготовления. Что касается последней, то некоторое соответствие технике производства украшений узды из Хоминой Могилы можно видеть в пластинчатых золотых и серебряных налобниках и нащечниках из больших курганов Северного Причерноморья.¹⁴ Это прежде всего налобник с изображением змееногой богини из кургана Большая Цимбалка и нащечники в виде стилизованных крыльев оттуда же и из курганов Толстая Могила¹⁵, Солоха¹⁶, Александропольский¹⁷, Первый Волковецкий в Посулье¹⁸ и из некоторых могил Правобережной Лесостепи¹⁹. Однако большинство из них было предназначено для набивания на какую-то основу, тогда как украшения из Хоминой Могилы основы не имели. Форма же всех перечисленных пластин и сюжеты орнамента очень далеки от орджоникидзенских, и поэтому аналогии последним приходится искать за пределами Северного Причерноморья.

Налобник рассматриваемого набора наибольшее соответствие находит в пластинах из Рахманлий и Панагюриште²⁰. Изучавшая эти пластины Л. Огнелова пришла к ошибочному выводу о том, что они служили украшением щитов²¹. Правда, по размерам пластины несколько больше орджоникидзенского налобника, но по форме они почти идентичны ему. О принадлежности болгарских пластин к узде свидетельствует тот факт, что обе они сопровождалась круглыми бляхами диаметром 8 см, выявленными в четном количестве²². Такие же бляхи входили в набор из Хоминой Могилы, а также в целый ряд других, рассмотренных выше. Пластина из Панагюриште, кроме того, по изображенному на ней сюжету близка к налобнику из кургана № 9 у с. Прусы²³. Орнамент же последней имеет явные фракийские черты.

Следуя выводам Л. Огнеловой, А. П. Манцевич, вопреки указанию находчика, в свое время причислила к украшениям щитов целую серию подобных бронзовых пластин из Прикубанья²⁴. После находки в Хоминой Могиле она в сообщении автору охотно признала свою ошибку. По-видимому, пластинчатые уздечные украшения на Кубани применялись на протяжении всего скифского времени. К концу IV — началу III в. до н. э.

¹⁴ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II, Спб., 1889. Рис. 99, 100, а также 101; М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов из собрания Государственного Эрмитажа. Прага, Л., 1966. Табл. 186 и 187.

¹⁵ Б. Н. Мозолевский. Курганы Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине. СА, 1972, № 3. с. 274, 275.

¹⁶ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. . . Табл. 146.

¹⁷ Древности Геродотовой Скифии. Вып. I. Спб., 1878. Табл. XIV.

¹⁸ В. А. Ильинская. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. К., 1968. Рис. 34.

¹⁹ В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ. Вып. Д1—4, М., 1967. Табл. 28, 2—5.

²⁰ Л. Огнелова. Опыт реконструкция на два щита от Тракия. ИБАИ, XVII. С., 1952. Рис. 18, 19.

²¹ Там же. с. 61—82.

²² Там же. Рис. 20—23.

²³ В. Г. Петренко. Указ. соч. Табл. 28, I, Ia.

²⁴ А. П. Манцевич. Бронзовые пластины из Прикубанья. Исследования в честь акад. Д. Дечев. С., 1958. с. 459—468.

относятся уздечные наборы из кургана на Васюринской горе²⁵. Близок к орджоникидзенскому суженный посредине и украшенный кругами и точками налобник из первого склепа Васюринского кургана²⁶. И все же и по форме, и по стилю украшения выпуклинами налобник из Хоминой Могилы ближе к болгарским, чем к кубанским пластинам. По видимому, набор узды, которую он украшал, был изготовлен на месте под фракийским влиянием, чем можно отчасти объяснить и орнаментирование его грубым геометрическим рисунком. Впрочем, настаивать на этой мысли нет достаточных оснований.

Уздечные наборы — не единственные вещи в Хоминой Могиле, свидетельствующие о связях с Фракией. Выявленная в женской гробнице серебряная фиала (рис. 2) является почти прямым повторением сосудов из Брезово и Аджигола²⁷.

Для установления даты уздечек Хоминой Могилы большое значение имеет тождественность конструкции центральной и боковой могил. Только в этих двух гробницах погребения коней находились в подбоях, расположенных вдоль длинных стен входной ямы, что, несомненно, свидетельствует как о родственных связях обоих покойников, так и о незначительном промежутке времени между их похоронами. Клеймо же с именем астинома Геродота на ручке амфоры из могилы подростка встречалось в Северном Причерноморье неоднократно. По единодушному мнению специалистов, оно относится к концу IV — началу III в. до н. э.²⁸ На этом основании времени не ранее конца IV в. до н. э. следует датировать и уздечные наборы из центральной гробницы Хоминой Могилы.

Материалы кургана представляют собой еще одно небольшое, но яркое свидетельство о скифо-фракийских связях, особенно усилившихся в IV в. до н. э.

The intact skeletons of two horses discovered in two recesses near the central burial-ground are of special interest. All parts of the horse-trappings were discovered *in situ* and this permitted an exact reconstruction (Fig. 4). The trappings of the two horses were different.

The first trappings, among which S-shaped bits were found, consisted of a forehead decoration with a plastic figure of a lion, recalling that type of decoration from Sveshtari, two elongated plates with three stylised hypopocampi, four square plates with a semi-spherical protuberance in the middle and four stylised heads of gryphons in the corners, two round plates slightly raised and two silver vertebrae.

In the second trappings S-shaped bits were also found and it consisted of a forehead decoration, a rectangular plate with semi-spherical protuberances, two rectangular elongated plates for the sides and four round plates.

The first trappings are analogous to those in Thrace and especially to those of Krayov, Adchigyol, Letnitsa, Brezovo, Lukovit and other places. The characteristic features of the Thracian applications, like the belts with lines cut parallel, which were not usual with the Scythians, warrant the author to seek the origin of these trappings in Thrace.

The author considers that it may be more difficult to solve the origin of the second trappings. He has made an attempt to juxtapose the rectangular forehead decoration with the plate that has the image of a goddess with legs of snakes from Bolshaya Tsimbalkiya, Tolstaya Mogila, Soloha, Aleksandropolsk, etc.

The author considers that these trappings correspond most of all to the trappings from Rahmanli and Panagyurishte, considered as applications on shields. Although the central application on the shields is bigger, the form is similar. On the basis of these materials the author considers that they represent evidence of particularly strong Scytho-Thracian relations in the 4th century B.C.

THE THRACIAN BRIDLE FROM HOMINA MOGILA

B. N. Mozolevsky

(Summary)

The author presents briefly the results from the tumulus he has investigated at Homina Mogila at the town of Ordzhonikidze in the Dnepropetrovsk Region. Three graves were discovered in the tumulus, one central and two lateral. Although the graves had been plundered, the materials discovered in them indicate that the central grave was that of a man. Of the two lateral graves one was of a woman and the other of a boy. Among the finds was a small statue of a boar made of gold (Fig. 2).

²⁵ М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России (альбом). Спб., 1913. Табл. XVIII, XX, XXIV.

²⁶ Там же. Табл. XX.

²⁷ Reallexikon... II. Рис. 70, а; D. Вегсиг. Указ. соч., 19, 20, 23 а, 24.

²⁸ Р. Б. Ахмеров. Об астиномых клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4; В. Б. Борисов а. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. НЭ, XI, 1974. с. 116.

ЖЕРТВЕННИКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ В ФРАКИИ

Мария Чичикова

(Болгария)

Усиленные археологические исследования в Болгарии в течение последних лет дают возможность не только охватить более целостно культурное развитие фракийцев, но и пролить свет на вопросы происхождения их культуры и ее связей с древней цивилизацией Средиземноморья. Особый интерес в этом отношении представляет своеобразная группа культовых памятников, обнаруженных в Севтополисе, на которых я хотела бы остановиться в настоящей статье.¹ Севтополис не был известен в письменных источниках. Он был обнаружен случайно, во время спасительных раскопок, которые велись в районе водохранилища „Георги Димитров“, недалеко от города Казанлыка. Город был основан фракийским династом Севтом III, которому после победы над Лизимахом в 313 году удалось создать независимое фракийское государство в области южнее Старой планины по верхнему течению реки Тонзос, а по подобию современных эллинистических владетелей — и свою столицу, названную его именем.² В хорошо укрепленном и благоустроенном согласно принципам эллинистической фортификации в урбанизации городе были расположены общественные здания и жилища владетеля и его приближенных.³ Царская резиденция возвышалась в северо-восточном укрепленном углу города и представляла монументальное здание-дворец и одновременно храм Великих самофракийских богов, о чем можно судить по данным обнаруженной в нем надписи⁴ (обр. 1). Как дворец, так и другие жилища в своем архитектурно-планировочном решении следуют современным образцам эллинистического строительства, но отличаются некоторыми особенностями, которые говорят о более старых традициях. Одной из характерных черт севтопольского жилища является наличие в его главном помещении глинобитного жертвенника. При раскоп-

¹ Краткие сведения об алтарях-жертвенниках из Севтополиса даны в отдельных публикациях о Севтополисе, но до сих пор они не являлись предметом особого, более полного исследования.

² М. Чичикова. Севтополис. С., 1970 и пос. лит.

³ D. P. Dimitrov. Seuthopolis. Antiquity, XXXV, 1961. p. 91—102.

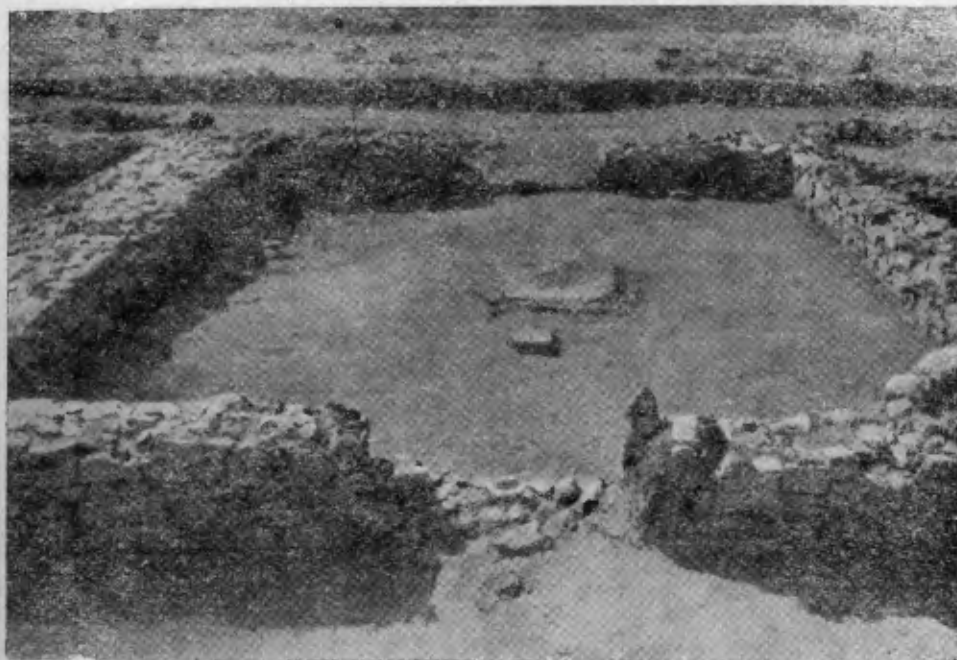
⁴ D. P. Dimitrov. Neue epigraphische Denkmäler über die Religion der Thraker frühhellenistischer Epoche. Mélanges Deonna. Collection Latomus, p. 190 sq.

Обр. 1. Дворец храм из Севтополиса

ках было обнаружено около 30 сравнительно хорошо сохранившихся таких жертвенников. У них квадратная или прямоугольная форма различной величины — от 0,65 м до 1,50 м. Они вылеплены из глины с обильной примесью кварцевого песка в виде низких площадок, возвышающихся над полом до 0,10—0,15 м. Это ядро было обмазано со всех сторон тонким слоем хорошего сорта глины. Тщательно заглаженная поверхность украшена штампованным орнаментом, сделанным с помощью шнура или специальной печати. После обжига поверхность площадок становилась твердой и получила крепкость и гладкость цемента, тогда как внутренняя часть, обожженная до кирпично-красного цвета, оставалась сильно рыхлой.

В каждом жилище было обнаружено по одному жертвеннику, причем следов переделок или вторичной обмазки не было установлено. Только в двух жилищах были найдены более старые и разрушенные площадки жертвенников. Во дворце было два жертвенника — один из них, более сохранившийся, был обнаружен в святилище Великих богов (обр. 2 и 3), а второй, сильно разрушенный — в тронном зале. Это самый большой жертвенник, который был обнаружен в Севтополисе. Длина его сторон около 3 м в соответствии с большими размерами зала — 18 × 12 м. В большинстве случаев жертвенникам уделялись наибольшие центральные или угловые помещения жилища, которые не сообщались с соседними комнатами, а имели вход только с портика, опоясывающего внутренний двор. Жертвенники расположены против входа, посередине помещения, с ориентировкой по направлению его стен. Одна часть из жертвенников имеет в центре округлое углубление,

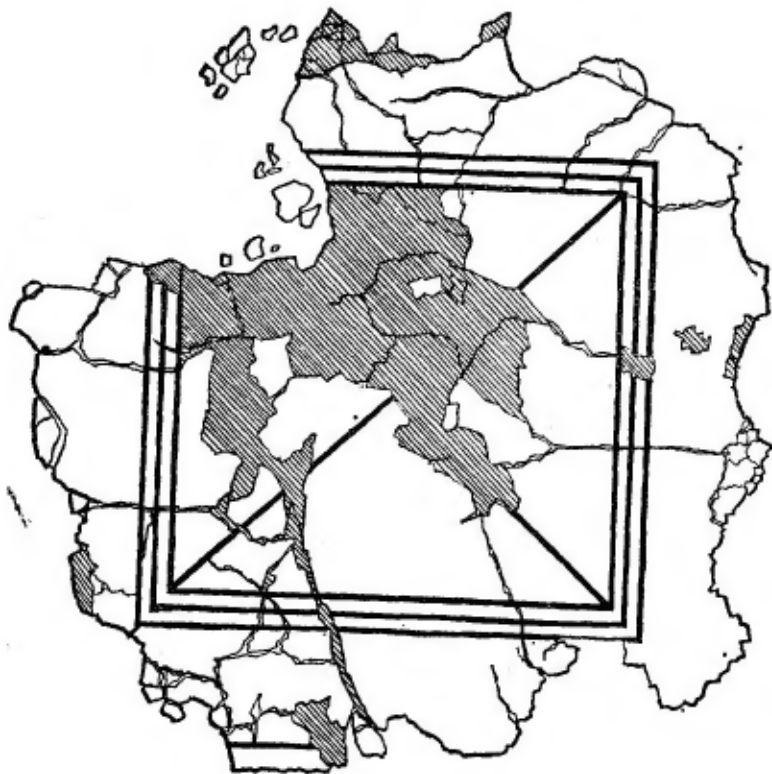
Обр. 2. Святилище Великих богов с жертвенником

напоминающее фиалу, вокруг которого расположен узор. Другие отличаются ровной поверхностью и более простым узором преимущественно с геометрическими мотивами — квадратами, прямоугольниками и кругами, образованными из штампанных шнуром линий. Чаще всего украшение этой группы жертвенников состоит из одного квадрата, охватывающего центральную зону жертвенника. Размеры его различны — 0,30, 0,50 или 0,70 м в зависимости от величины жертвенника. У трех жертвенников во внутреннем квадрате вписаны диагонали (обр. 4), а у другого — из углов квадрата спускаются небольшие эллипсовидные привески (обр. 5). В центральном квадрате третьего жертвенника изображены четыре маленьких прямоугольника, расположенных крестообразно (обр. 6). Очень оригинальной является композиция большого дворцового жертвенника, которую можно восстановить весьма точно графически — около центрального квадрата со стороной в 1,50 м расположены четыре прямоугольных панно той же длины, окаймленных тесными поясами, на которых изображен узор из листьев и плодов плюща, переданных тремя точками. Очень интересным также является украшение жертвенника, обнаруженного южнее жилища № 12. В его центре небольшой круг с листом из плюща посередине. Из круга расходятся крестообразно четыре пары зигзагообразных линий, изображающих, по-видимому, молнии. Весь узор охвачен двумя рамками — внутренней квадратной и внешней крестообразного оформления, которые образованы из нескольких параллельных линий (обр. 7). К жертвенникам с ровной поверхностью можно причислить еще три жертвенника, которые украшены концентрическими, вписанными в круг, окружностями (обр. 8 и 9). У дру-

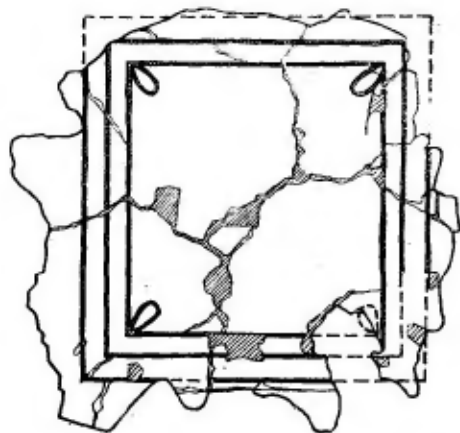

Обр. 3. Тот же жертвенник

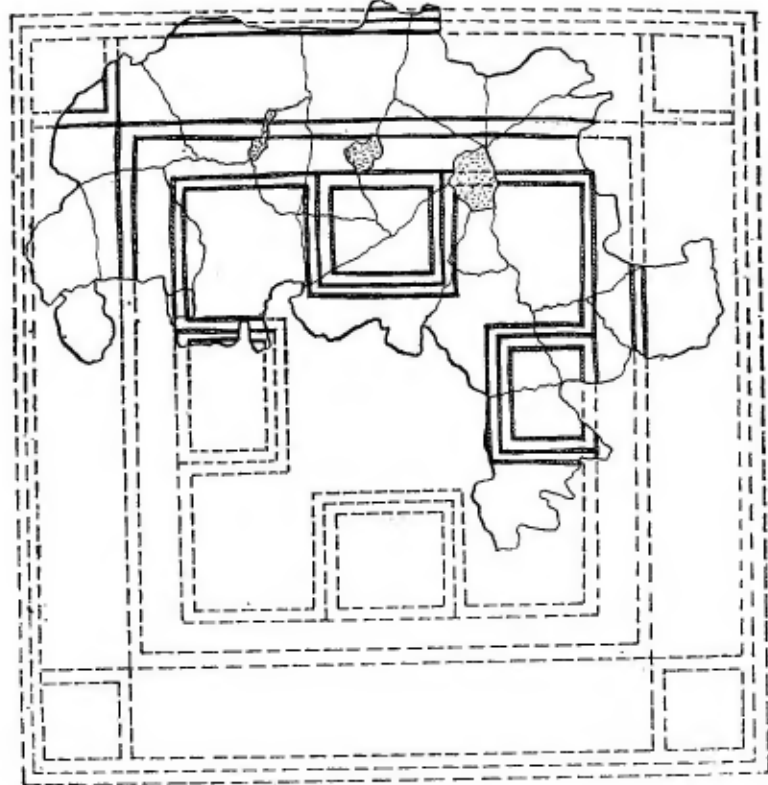
гих жертвенников окаймляющая центральный круг полоса украшена так же, как и у жертвенников следующей группы, характеризующейся круглым углублением посередине, с глубиной от 0,03 до 0,06 м и с различным диаметром — 0,20, 0,23, 0,30, 0,35 и 0,50 м. И здесь, как и у первой группы, встречаются жертвенники с весьма простым узором, состоящим лишь из двух или трех концентрических, вписанных в квадраты, кругов. У большей части жертвенников окаймляющая центральное углубление полоса заполнена декоративными мотивами растительного происхождения: гирляндами из розетт и листьев из плюща, из чередующихся листьев и плодов плюща и пр. (обр. 10 и 11). У трех жертвенников по периферии центральной полосы расположен веночек из лавровых листьев (обр. 12). В сочетании с растительным орнаментом на одном из жертвенников изображены три змеи, выходящие радиально из центра конкавного круга (обр. 13). Узор и у этой группы заключен в две или три четырехугольные рамки, составленные из нескольких параллельных линий разнообразного оформления в углах. У двух жертвенников из жилищ № 11 и № 12 центральный узор окаймлен рамкой из двойных меандровидно изломанных линий, в пустых полях среди которых изображены небольшие фигурки — розетты, листья, гроздь и пр. (обр. 14). Поверхность другого жертвенника напоминает красивую ткань, отдельные поля которой окрашены в красный и синий цвет. Здесь впервые появляется спираль в виде декоративного мотива (обр. 15). Украшения жертвенников являются проявлением художественного чутья местных мастеров. Несмотря на известное повторение мотивов — кругов, квадратов и прямоугольников, им удалось достигнуть большого разнообразия

Обр. 4. Жертвенник жилища № 6

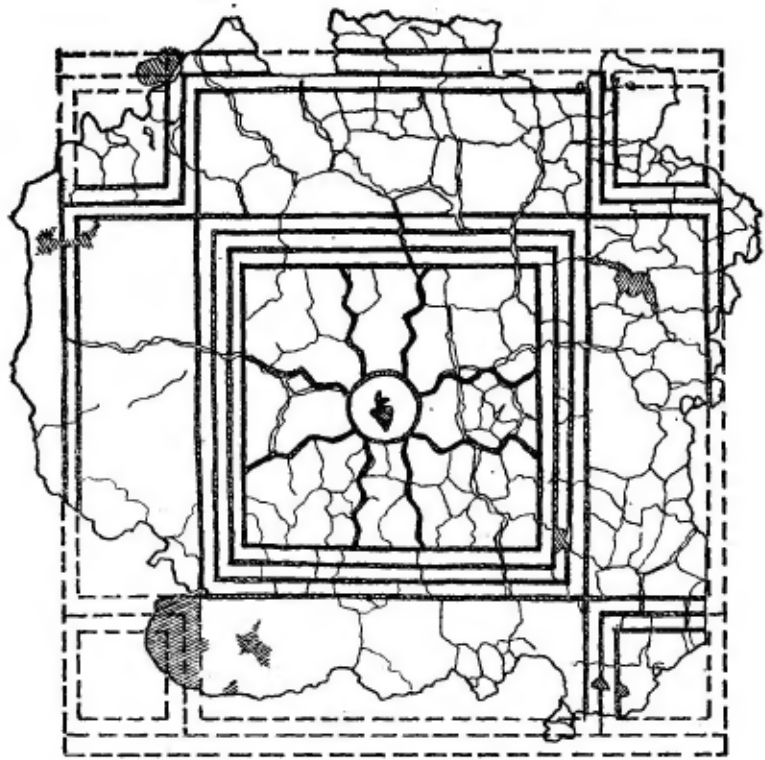
Обр. 5. Жертвенник жилища № 3

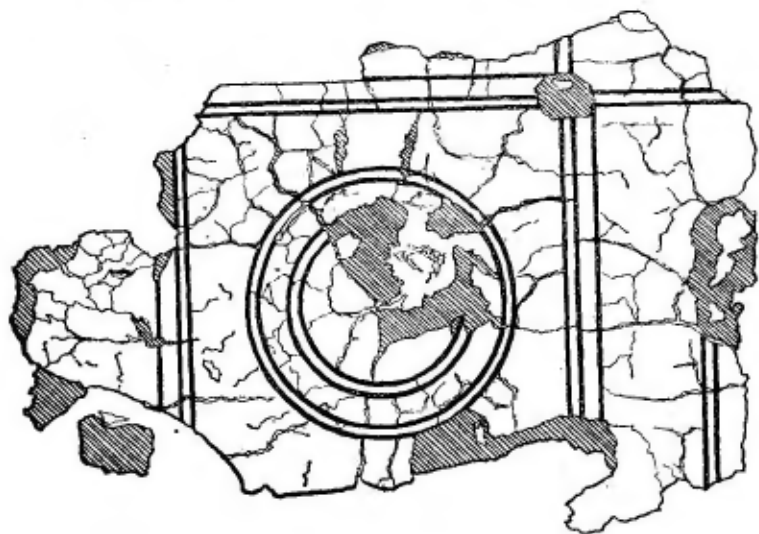
Обр. 6. Жертвенник из Севтополиса

при оформлении рамок узора оригинальной комбинацией линий, изломанных под различным углом и разной численности. Репертуар растительного орнамента такой же как и в период ранней эллинистической эпохи, однако способ орнаментовки оттиском шнура носит следы старых традиций позднебронзового века. Богатый узор, имеющий не только декоративное, но и символическое значение, окрашенная поверхность жертвенников и их обнаруживание в тронном зале и в святилище Великих богов дворца являются несомненным доказательством того, что эти жертвенники не были воздвигнуты для обычного домашнего употребления, а являются первыми свидетелями неизвестного до недавнего времени в Фракии типа культовых памятников и связанных с ними верований и обычаев. В последнее время культовые жертвенники были обнаружены и при раскопках фракийского города Кабиле.⁵ Об их культовом характере свидетельствует также обстоятельство, что такие жертвенники были найдены и в фракийских курганных некрополях IV в. до н. э. Еще в 1934 г. Геза Фехер сообщает о глиняной плите, обнаруженной в центре могилы кургана № 2 у с. Свещари (бывшего Мумджи-

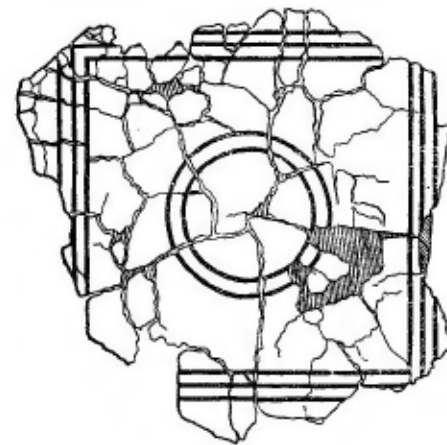
⁵ По сведениям зам. гл. руководителя раскопок н. с. Александра Димитрова-Милчева.

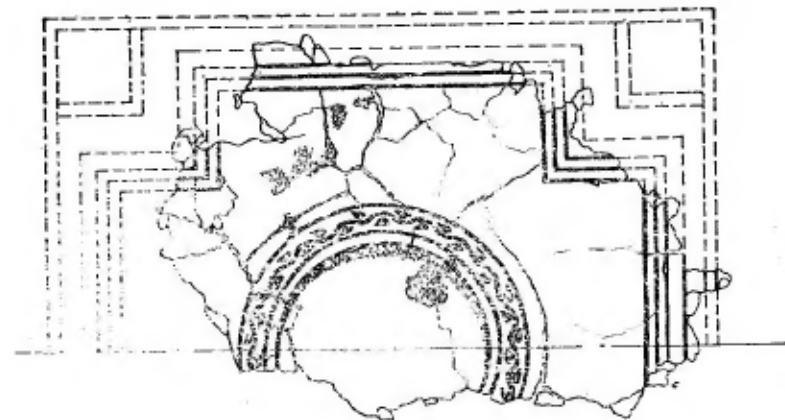
Обр. 7. Жертвенник к югу от жилища № 12

Обр. 8. Жертвенник из Севтополиса

Обр. 9. Жертвенник из Севтополиса

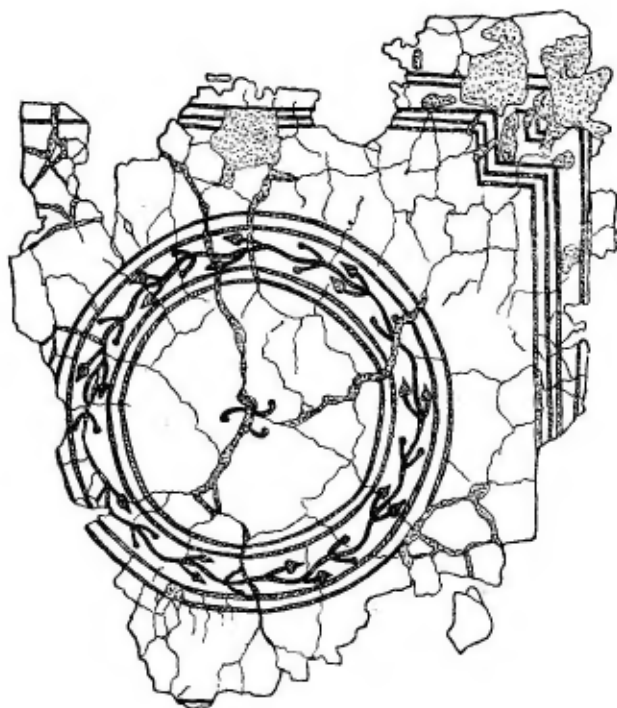

Обр. 10. Жертвенник жилища № 2

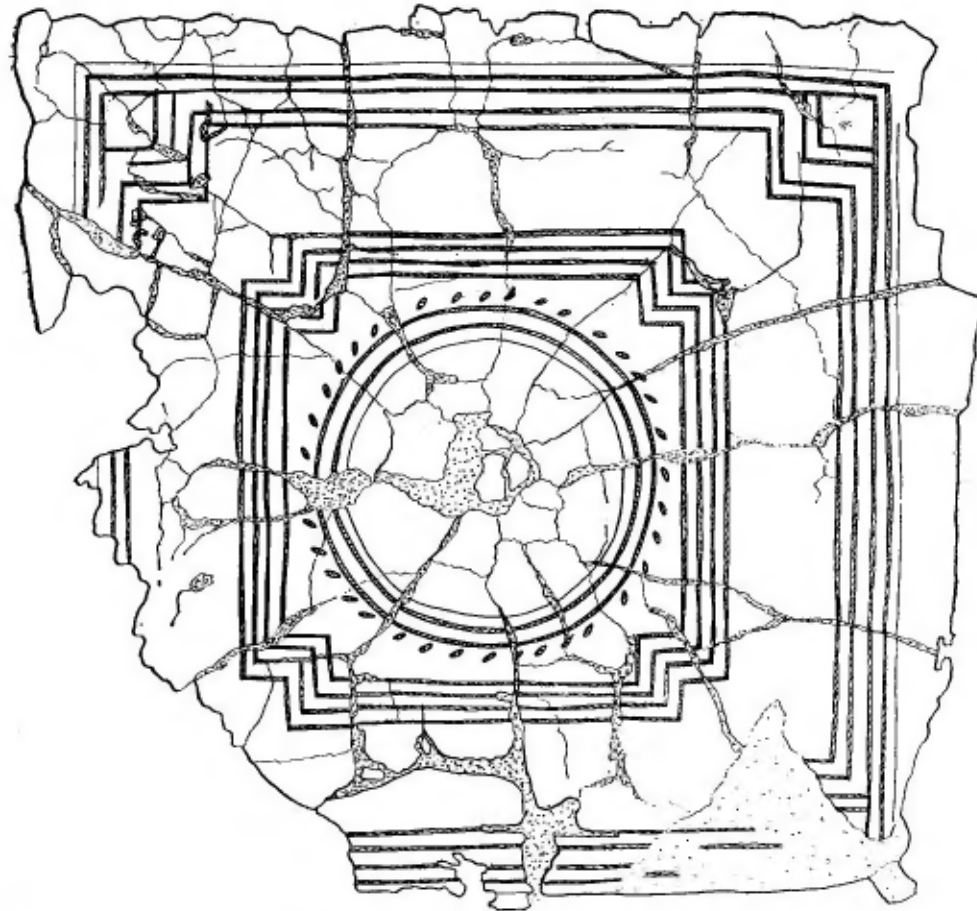
лар) Разградского округа, предназначение которой объяснить не может.⁶ Плита гораздо меньше и ниже, чем севтопольские алтари — она представляет из себя квадратную площадку (0,42 м × 0,05 м), украшенную вписанными квадратами, очерченными углубленными линиями (обр. 16). Обнаруженные в 1973 году новые культовые жертвенники в курганном некрополе у с. Голямо Извор, Разградского округа,⁷ показывают еще раз, что алтари-жертвенники занимали свое место не только в домашнем, но и в погребаль-

⁶ Геза Фехер. Могильные находки у Мумджилар. ИАИ VIII, 1934, с. 110 сл. Обр. 93. Впервые Д. П. Дмитриев правильно связывает этот памятник с культовыми жертвенниками близ Севтополиса, срв. Д. П. Дмитриев. — Севтополь-фракийский город близ с. Копринка, Казанлыкского района. Сов. археология, № 1, 1957, с. 208, заб. 1.

⁷ Доклад руководителя раскопок Ара Маргос на заседании Античной секции при археологическом институте.

Обр. 11. Жертвенник жилища № 5

Обр. 12. Жертвенник святилища Великих богов

ном культе фракийцев. В основе фракийских религиозных верований, связанных с культовыми жертвенниками, лежат старые традиции, которые ведут свое начало от критско-микенского культа. Первообраз этих алтарей-жертвенников мы обнаруживаем еще в среднеминойском периоде (конец III — начало II тыс. до н. э.). В критских жилищах домашний очаг был центральным пунктом и культовым местом дома, из которого развился алтарь-жертвенник и стол для даров, на котором совершались возлияния и воздавались почести домашним божествам.⁸ Во дворце „священном доме“ царя-жреца, также был культовый жертвенник, на котором сам владетель лично совершал возлияния и приносил дары богам. Поразительным является сходство культового жертвенника из дворца в Фестосе с фракийскими алтарями. Он также вылеплен из глины и имел прямоугольную форму с округлым углублением в центре и богатым, нанесенным штамповкой, орнаментом по периферии.⁹ Ясно, что из дворца и дома алтарь-жертвенник перешел и в могилу — вечный дом покойника. В одной из центральных комнат некрополя у Chrysolakkos на полу обнаружен круглый глинобит-

ный алтарь с яйцевидным углублением посередине, в котором устанавливаются следы либо горевших светильников, либо курений.¹⁰

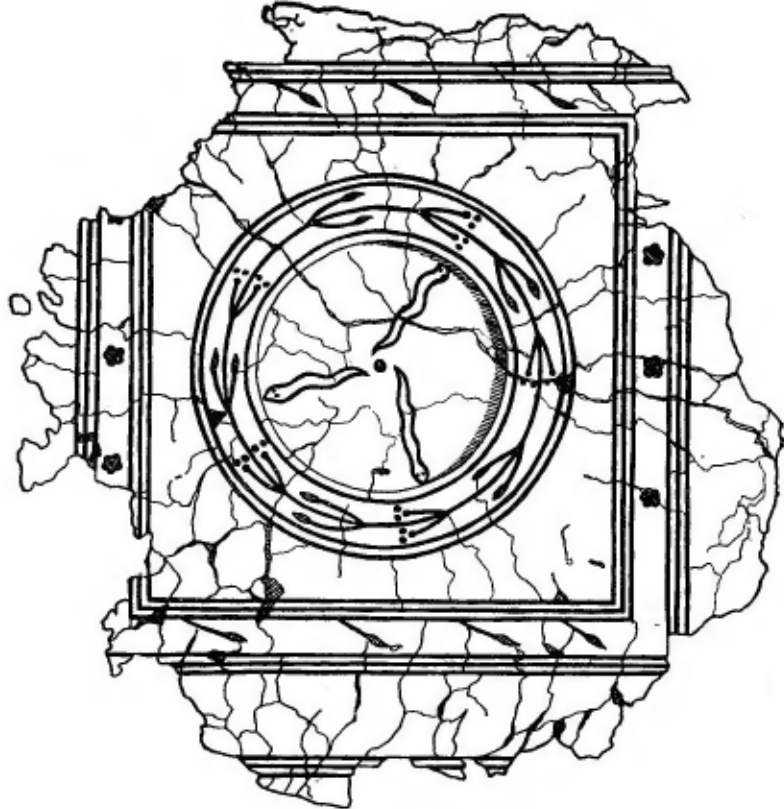
Фракийские алтари находятся в еще большей близости с алтарями дворцов в Микенах, Пилосе и Тиринфе, в континентальной Греции поздне-бронзового века (вторая половина II тыс.).¹¹ Алтари этих центров также вылеплены из глины и расположены посередине мегарона. Они, однако, круглой формы с диаметром 3,70 м в Микенах, 4 м в Пилосе и 3,59 м в Тиринфе. Их поверхность украшена спиралью и другими орнаментами, некоторые из которых окрашены, а другие отпечатаны шнуром. Монументальные размеры, богатый узор и занимаемое ими место у трона владетеля не вызывает сомнений в том, что они играли важную роль во время официальных культовых церемоний, выполняемых царями. Те же функции выпол-

⁸ P. Demargne. Culte funéraire et foyer domestique dans la Crète minoenne. BCH LVI, 1932, p. 76.

⁹ Martin R. Nilsson. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. London 1927, p. 85, 105. Fig. 9.

¹⁰ P. Demargne. Op. cit., p. 64.

¹¹ G. E. Mylonas. Ancient Mycenae. London 1957. p. 54 sq. Fig. 22; P. Demargne. Op. cit., p. 78 sq.

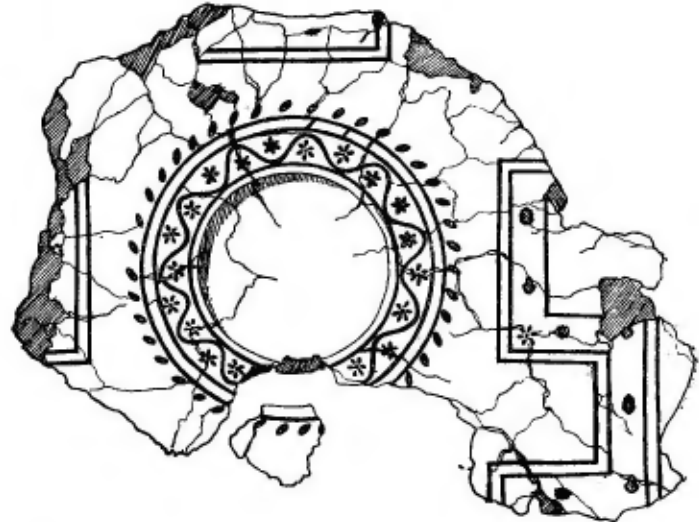

Обр. 13. Жертвенник из Севтополиса

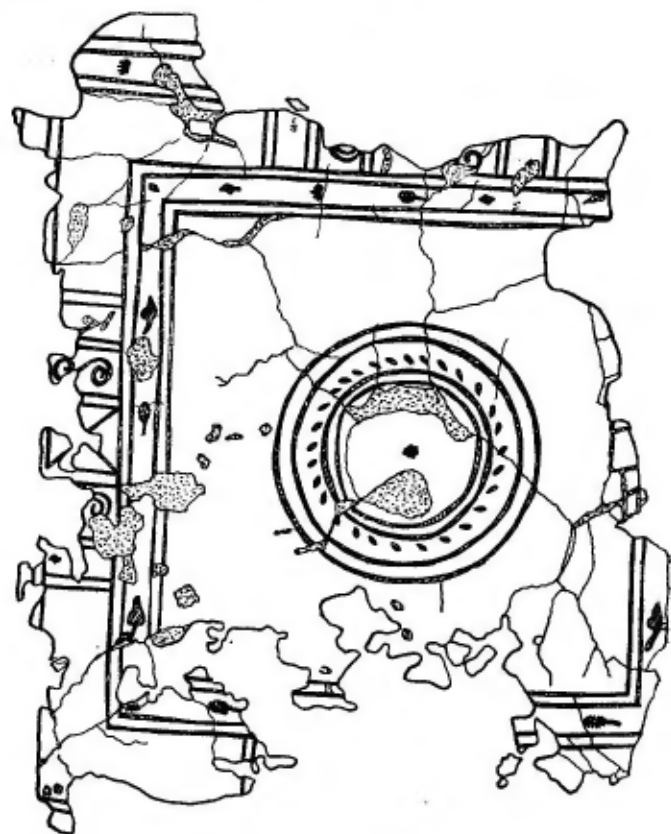
нял и алтарь тронного зала в Севтополисе. По своим размерам он приближается к микенским, и на нем, подобно микенским владетелям, фракийский царь совершал приношения. Вместе с другими памятниками IV в. до н. э. обнаруженные в Фракии фракийские алтари-жертвенники свидетельствуют о тесной связи с критско-микенским культом и являются пережитком доэллинской культуры Средиземноморья II тысяч. в Фракии в IV — начале III в. до н. э., а также далеким отголоском ранних контактов Фракии с микенским миром.¹² Об отношениях балканских земель того времени с островной и материковой Грецией и о проникновении южных культурных влияний в самые отдаленные области Полуострова свидетельствуют разные археологические памятники, среди которых особое значение играет алтарь из Wietenberg близ Sighisoara в Румынии, который по времени соответствует алтарю из мегарона в Микенах.¹³ Эти связи кос-

¹² L. Ognenova. Survivances de la civilisation méditerranéenne du IIe millénaire en Thrace, vers la seconde moitié du Ier millénaire. Acta antiqua Philippopolitana, Studia archaeologica, Serdicae 1963. p. 27 sq.

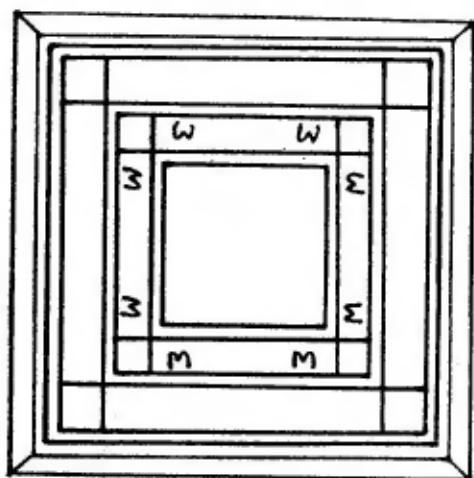
¹³ K. Horedt. Siebenburgen und Mykenä. Nouvelles études d'histoire, II, Bucarest 1960. p. 31—44.

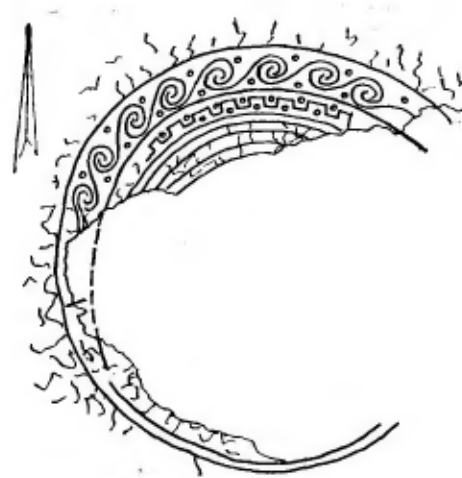
Обр. 14. Жертвенник жилища № 12

Обр. 15. Жертвенник из Севтополиса

Обр. 16. Жертвенник из кургана у с. Свещари, Разградского округа (по Геза Фехер)

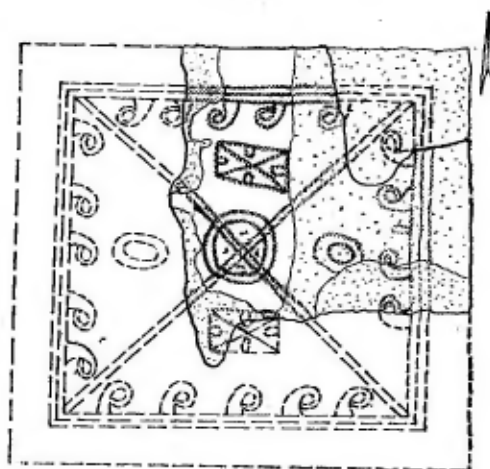

Обр. 17 Жертвенник из с. Жаботины (по Е. Ф. Покровской)

нулись также районов Северного Причерноморья, а также некоторых частей по течению реки Днепр, о чем свидетельствуют культовые жертвенники раннескифского поселения у с. Жаботин, Черкасского района, УССР (обр. 17). На одном лучше сохранившемся алтаре круглой формы обнаруживаем орнамент из спиралей и меандров, хорошо известных из критско-микенской орнаментики.¹⁴

Алтари-жертвенники обнаружены также в нескольких укрепленных поселениях лесостепных районов Приднепровья IV—III вв. до н. э. Некоторые из них имеют посередине округлое углубление и украшены concentрическими кругами. Несомненно, что эти культовые памятники также отражают старые культурные традиции Восточного Средиземноморья. Влияние этих традиций можно проследить и в западных частях Средиземноморского бассейна. В опидуме у Ла Рок (южное побережье Франции) в слоях IV—III вв. обнаружены глинобитные алтари.¹⁵ У них форма низких площадок с ровной поверхностью, украшенной врезными орнаментами меандры, трискели и квадрискели, который является своеобразным декоративным синтезом античных и местных мотивов.

Широкое распространение алтарей-жертвенников в различных областях Средиземноморья в период VI—III вв. и их большая близость по форме, предназначению, размерам, устройству и орнаментам с критско-микенскими культовыми памятниками несомненно является результатом их возникновения на базе общего прототипа, созданного в культуре критско-микенского мира.

Обр. 18 Жертвенник из Попешти (по Р. Вульпе)

Самые поздние представители алтарей-жертвенников относятся к II—I вв. В этот период они появляются в гетских поселениях в Румынии, расположенных около Дуная и в Молдавии. Оба жертвенника из Пояна-Маре¹⁶ отличаются простым орнаментом из очерченных двойными врезными линиями квадратов, тогда как орнамент одного из жертвенников, обнаруженного во дворце поселения у Попешты (обр. 18), гораздо богаче и разнообразнее.¹⁷ Мотивы очень близки к стилю орнамента жертвенников из Севтопо-

¹⁴ Е. Ф. Покровская. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин. Краткие сообщения ИА Киев, № 12, 1962, с. 73. Обр. 2 и 3.
¹⁵ P. Larderet. L'oppidum préromain de la Roque, commune de Fabrègues (Hérault). Gallia, XV, 1957, p. 25 sqq. Fig. 19 et 21.

¹⁶ Şantierul Poiana. SCIV, III, 1952, p. 194. Fig. 3.
¹⁷ Radu Vulpe. Şantierul arheologic Popeşti. MCA, VI, 1959, p. 308 sq. Fig. 1 f et 7.

лиса. Это дает нам основание считать, что этот тип культовых сооружений появляется севернее Дуная под влиянием южных фракийцев. Геты, со своей стороны, оказывают воздействие на религиозные верования и культовые обряды скифского населения степных районов Поднепровья. Об этом свидетельствует введение в употребление в II—I вв. ряда культовых сосудов и предметов среди населения скифского городища у Золотой Балки.¹⁸ В одном из помещений здесь обнаружен также алтарь-жертвенник прямоугольной формы с округленными углами, орнамент которого представляет, возможно, солнечный символ. Такие жертвенники в степной Скифии более раннего периода неизвестны, и их появление связывается с гетским влиянием. Проникание гетских элементов в культуру причерноморских степей особенно усиливается в течение II—I вв. В это время значительному расширению связей между Западным и Северным Причерноморьем способствуют также и некоторые политические события.¹⁹ Вблизи жертвенника из Золотой Балки и жертвенников позднего слоя у La goqe обнаружены глиняные „коньки“ с головками баранов. По-видимому, это ритуальные предметы, связанные с культом к огню и к очагу. В Севтополисе также были обнаружены глиняные предметы призматической формы в виде бруска. Условные находки не дают возможности определить, существовала ли связь между ними и алтарями. Самые старые алтари в критско-микенском культе обыкновенно связываются с богиней, покровительницей огня, домашнего очага и семьи, развившейся из домашней змеи, и которая позже была персонифицирована с греческой Гестией.²⁰ Весьма возможно, что часть алтарей в Севтополисе также была посвящена богине, покровительнице дома, атрибут которой — змею обнаруживаем на одном жертвеннике. Изображение молнии могло бы означать почитание бога, повелителя неба, а гирлянды из листьев и плодов плюща можно объяснить культом к продуктивным силам природы или к Дионису, о почитании которого в Севтополисе существуют как эпиграфические, так и археологические данные.²¹ Если о почитании всех этих божеств можно только гадать, то материал из Севтополиса дает возможность с уверенностью установить, что алтари-жертвенники Севтополиса находились в тесной связи с культом Великих самофракийских богов, в святилище которых именно был обнаружен один из обоих алтарей дворца-храма. Это открытие дает новое направление будущим исследованиям культа Великих самофракийских богов и связанных с ним ритуалов. Это дает нам право также заключить следующее. Если в частных домах на алтаре-жертвеннике совершались возлияния и курения и приносились жертвы в честь домашних божеств, то дворцовые алтари были связаны с самым важным официальным культом города, главным жрецом которого кажется являлся сам царь.

¹⁸ М. И. Вязьмитина. Золота Балка, Киев, 1962. с. 213. Обр. 86,7; М. И. Вязьмитина. Фракийские элементы в культуре населения городищ нижнего Днепра. Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969. с. 128 сл. и с. 132 сл.

¹⁹ М. Вязьмитина. Фракийские элементы . . . с. 120 сл.

²⁰ М. R. Nilsson. Op. cit. p. 427—428; часть жертвенников Севтополиса видимо была в честь домашней богини. По Геродоту, богиня царского очага Табити была самым почитаемым скифским божеством, срв. Б. Н. Гракков. Скифы, М., 1971. с. 81 и сл. и З. Л. Гочева. Боги фракийцев и скифов по сведениям Геродота. *Studia thracica* I, p. 142 sqq.

²¹ Д. П. Димитров. Към въпроса за религията на траките от ранноелинистическата епоха. *Ист. преглед*, XIII, 1957. с. 69 сл.

ALTAR HEARTHES FROM THE HELLENISTIC PERIOD IN THRACE

M. Čižikova

(Summary)

The present paper is a study of the altar hearths from Thrace. A great part of them (about 30) were discovered during the excavations at Seuthopolis, the capital of the Thracian ruler Seuthes III of the late 4th century B.C. While the city and its dwellings were built according to the Hellenic city-planning and architecture, these hearths represent an element of an older tradition. Each dwelling had an open hearth in the middle of the main room. In the palace temple there existed two hearths: one in the sanctuary dedicated to the Great Samothracian Deities and another in the throne room. They are low, square or rectangular platforms of clay rising 0.10—0.15 m above the floor. Some of the hearths were smooth, others had a round hollow in the centre around which there was a rich ornamentation of stamped concentric bands filled in with ivy leaves, rosaces and other motifs. Three snakes, placed radially, were engraved in the centre of one of these hearths, while on another there were four pairs of zig-zag lines placed in the form of a cross, probably meant to depict thunderbolts. They were not only of a decorative nature, but also bore a particular symbolic message. The painted surface of some hearths and their special position in the dwelling, their presence in the throne room and in the sanctuary of the palace are eloquent proof of their religious and ceremonial function. The fact that such hearths are found in Thracian tumuli of the 4th century B.C. is also evidence of their ritual function. There is no doubt that these hearths were not the ordinary domestic hearths, they were altar hearths — *εσχάραι* — connected with the cult of various deities. Altar hearths of this kind were well known in the Cretomycenaean civilization of the second millennium. The Thracian altar hearths alongside with some other monuments from Thrace represent a late survival of the Cretomycenaean cult traditions — an echo of past contacts between Thrace and the Mycenaean world. Similar altar hearths were discovered also in other regions: the Ukraine, Romania and South France over the 6th to 1st century B.C. The great resemblance in their shape, ornament and destination shows that they appear on the basis of a common prototype created in the civilization of the Eastern Mediterranean world in the Cretomycenaean period. The latest altar hearths from the Getae settlements of the 2nd and 1st century B.C. situated along the Danube and in Moldavia appeared probably under Thracian influence. Meanwhile the Getae exerted an influence on religious beliefs and rites of the Scythians along the lower ranges of the Dnieper. The altar hearths from Seuthopolis were connected with the cult of various deities. The altar from the temple in the palace throw new light on the cult of the Great Samothracian Deities and the rites related to it. It was one of the principle cults in the city whose high priest was probably the King himself.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАКИЙСКОЙ
 КУЛЬТУРЫ ТИРИЗИСА

Анна Балканска
 (Болгария)

В античные времена обширная Карпато-Дунайская область между восточными предгорьями Балкана и нижним течением р. Днестра, правым притоком Дуная — р. Ятрусом (теперь Янтра) и Черным морем была населена северной группой фракийских племен, известных под традиционным названием гетов, которое и обособляло их в античной историографии.¹ Из числа гетских племен, обитавших к югу от Дуная, древние историки знают лучше других кробизов² в хинтерланде западнопонтийских греческих колоний Одессоса и Дионисополиса. Кробизы были объединены в племенной союз, охватывающий значительную часть гетских племен в хинтерланде более северных западнопонтийских античных городов Калатиса, Томи, Истрии.³ В то же время, будучи непосредственными северными соседями одрисов, они вместе с некоторыми племенами своего союза не раз входили в состав Одрисского государства в периоды его могущества. И, являясь частью его северных владений, они разделяли судьбу одрисов во время чужеземных македонского и римского владычеств. К племенному союзу кробизов, вероятно, принадлежали и теризы⁴, занимавшие область, расположенную на северо-востоке от земель кробизов в нынешней юго-восточной Добрудже, где находится мыс Калиакра, которому они дали античное название Тиризиса акра⁵. Страбон первым в конце I в. до н. э. упоминает об этом месте, как о неприступной крепости, где Лизимах прятал

¹ RE VII, 1330; Х р. М. Д а н о в. Древна Тракия. С., 1969. с. 56, 72, 83, 273, 330, 419; Т. Д. З л а г к о в с к а я и А. И. М е л ю к о в а (ред). Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА СССР, № 150. М., 1969.

² RE VII, 1331; XI, 1941; Д а н о в. Цит. соч. с. 56, 150, 151; Din istoria Dobrogei, I. p. 107.

³ См. указанную выше литературу; вероятно, так следует объяснить то обстоятельство, что они являются наиболее часто упоминаемым северофракийским племенем у античных авторов. Допускаем также, что под их названием и территорией эти авторы подразумевали и земли племен, входивших в племенной союз кробизов.

⁴ RE V. A, 728; VII, 1330; Д а н о в. Цит. соч. с. 56, 150 и указ. лит.; Г. К и т о в. Калиакра през античността и средновековието. ч. I — ГСУ, Фил. ист. ф., LXIV, 1970, кн. III, история. 7 сл.; Din istoria Dobrogei I. p. 107.

⁵ К и т о в. Цит. соч., 7 сл. и указ. лит. и источники; К а ц а р о в - Д е ч е в. Извори за старата история и география на Тракия и Македония. С., 1949. 216, 261, 307, 350; RE VII, 1330.

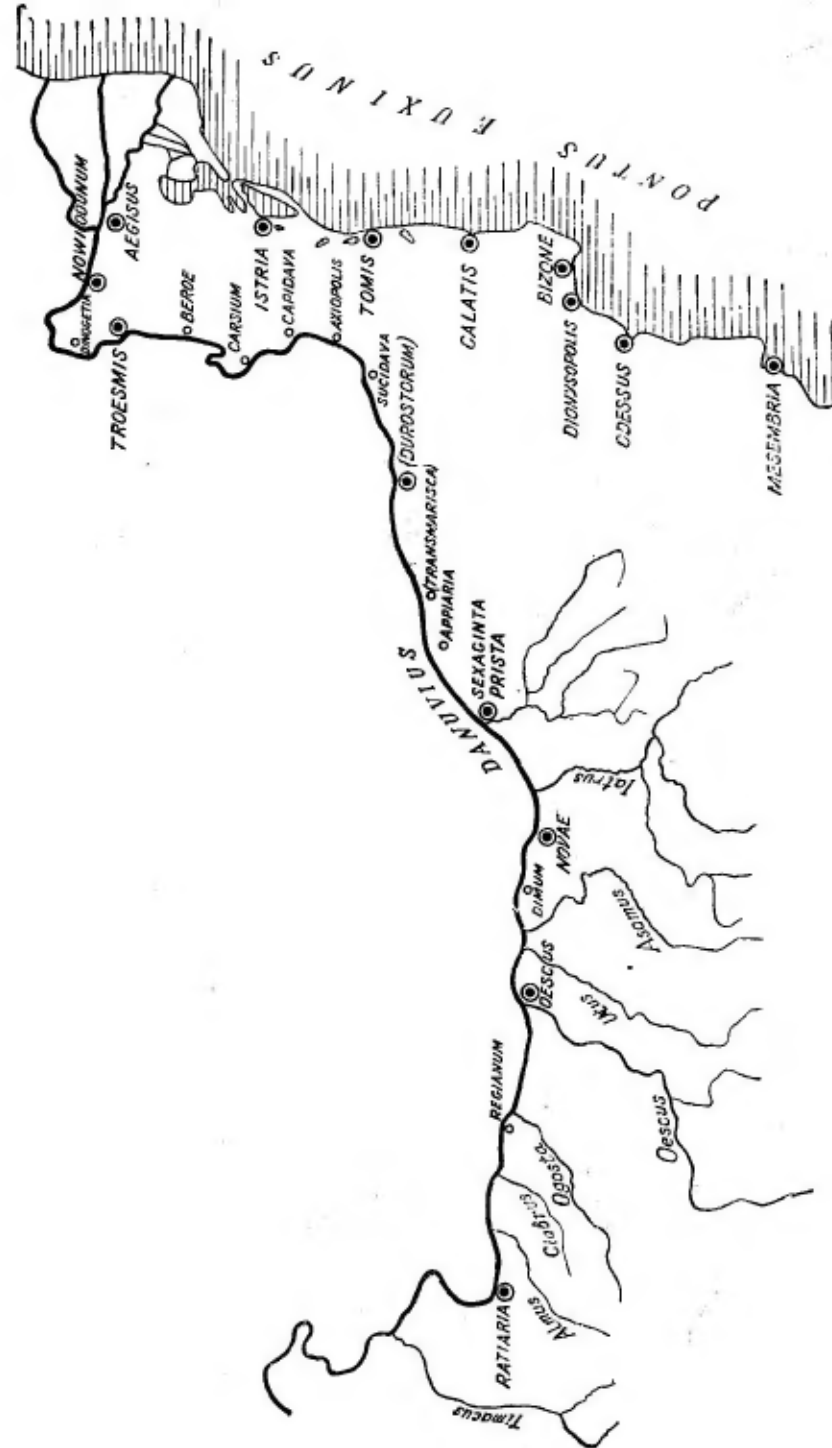

Рис. 1. Карта Нижней Мизии до I в. до н. э.

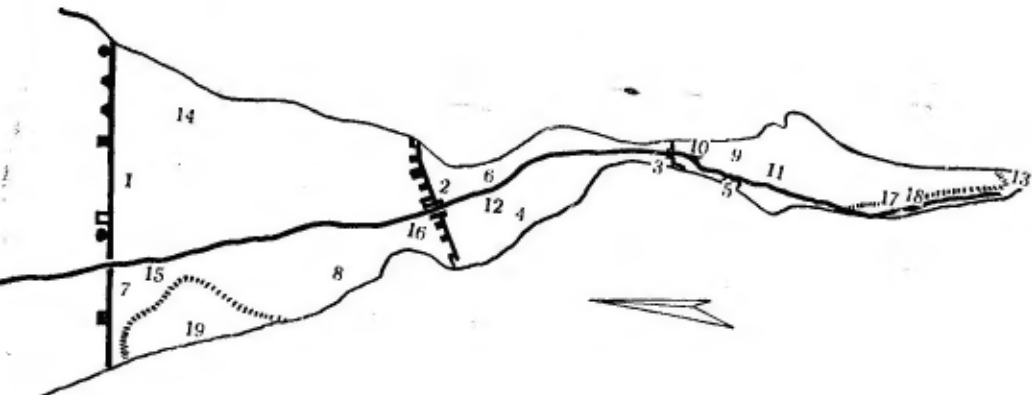

Рис. 2. План крепости на мысе Калиакра с раскопанными археологическими объектами: 1—первая укрепительная линия; 2—вторая укрепительная линия; 3—третья укрепительная линия; 9—10—средневековый внутренний город. Останки фрако-эллинистического укрепительного поселения Тиризис и римско-византийской цитадели

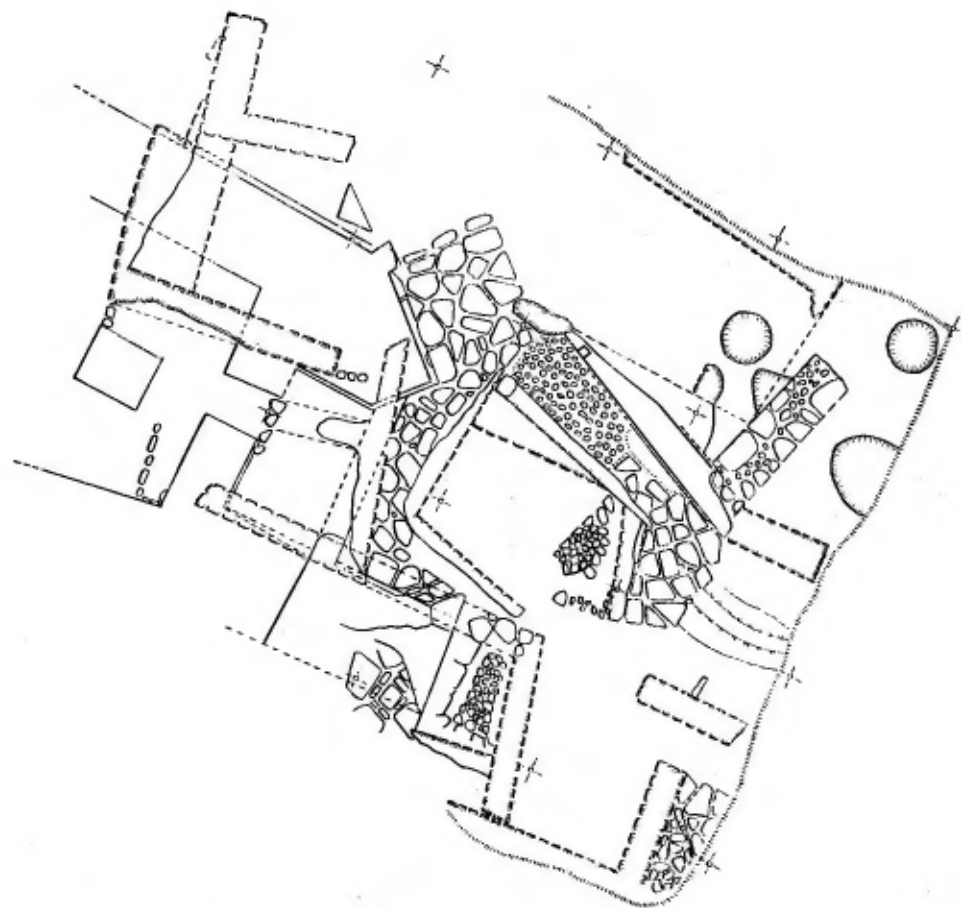

Рис. 3. Объект 10: план античных крепостных ворот и площади, находящейся непосредственно за ними с юга; западная башня ворот; главная улица; останки жилища местного типа; останки постройки эллинистического типа; комплекс кладовых ям во внутренней части постройки эллинистического типа

свои сокровища⁶. Эти сведения воспринимаются в науке по-разному — как легенда или как указание на существование здесь одноименной крепости. Кроме того, высказываются самые разнообразные и противоречивые мнения относительно локализации крепости Тиризис⁷. И лишь систематические археологические раскопки на мысе Калиакра дали достаточно достоверные данные для выяснения этого вопроса.

В 1969/70 годах в границы раскопок была включена самая южная часть мыса. Здесь, на скальной террасе, за третьей крепостной стеной средневекового внутреннего города, под развалинами укрепительных и других построек средневековой и римско-византийской эпохи были открыты останки крепостных стен и жилая площадь укрепленного фракийского поселения позднеэллинистической эпохи⁸. Новые археологические открытия подтверждают открыточные данные найденной в 1951 году на Калиакре древнегреческой надписи⁹ о крепости на этом месте, связанной со строительной деятельностью Фарсалоса, сына Битюса, стратега Фракии во времена подвластного Риму одрисского царя Реметалка I (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.). В новом свете выступают и некоторые отдельные находки: эллинистическое захоронение, обнаруженное за пределами фракийской стены¹⁰, 4 золотые монеты лизимахового типа, чеканенные в Томи и Византионе где-то в конце III в. до н. э. и найденные в близком от с. Болгарево¹¹ поселке, которые связываются с жизнью новооткрытого фракийского поселения.

⁶ Там же.

⁷ Китов. Цит. соч., с. 14.

⁸ В течение последнего десятилетия Археологический институт при Болгарской Академии наук совместно с Окружным историческим музеем в г. Толбухине предпринимает систематические археологические раскопки на м. Калиакра. О результатах см.: Джингов. Калиакра. С., 1971. с. 6 сл., 9—12; Китов. Цит. соч. с. 6—7 и указ. лит.

⁹ А. В а л к а н с к а. Die thrakische Siedlung Tirisis... Thracia III; IGr in Bulg. ger. 1970, I. с. 44, N 12.

¹⁰ Л. Б о б ч е в а. Калиакра през еллинистическата епоха, МПК, 1970, кн. 2. с. 15 сл.

¹¹ Китов. Цит. соч. с. 15; Джингов. Цит. соч. с. 11. Рис. 6; Б о б ч е в а. Археологическа карта на Толбухински окръг. С., 1973. Рис. 22—23.

Тиризис — первое открытое у нас местное прибрежное поселение городского типа. Оно было расположено недалеко от западнопонтийских античных городов Калатиса, Томи, Истрии на севере и Бизоне, Дионисополиса и Одессоса — на юго-западе и занимало выгодное географическое местоположение посередине водного пути и сухоземного прибрежного, связывающего их как между собой, так и с северопонтийскими, южнопонтийскими и средиземноморскими греческими центрами, а также близ большого торгового пути этой самой северной части античного мира. Вероятно, в результате указанных преимуществ крепость стала главным поселением теризов этой области в позднюю эллинистическую эпоху. Доказательством большого значения этого фракийского населенного центра служит то племенное название, которое получил не только мыс, но и, вероятно, сама крепость.

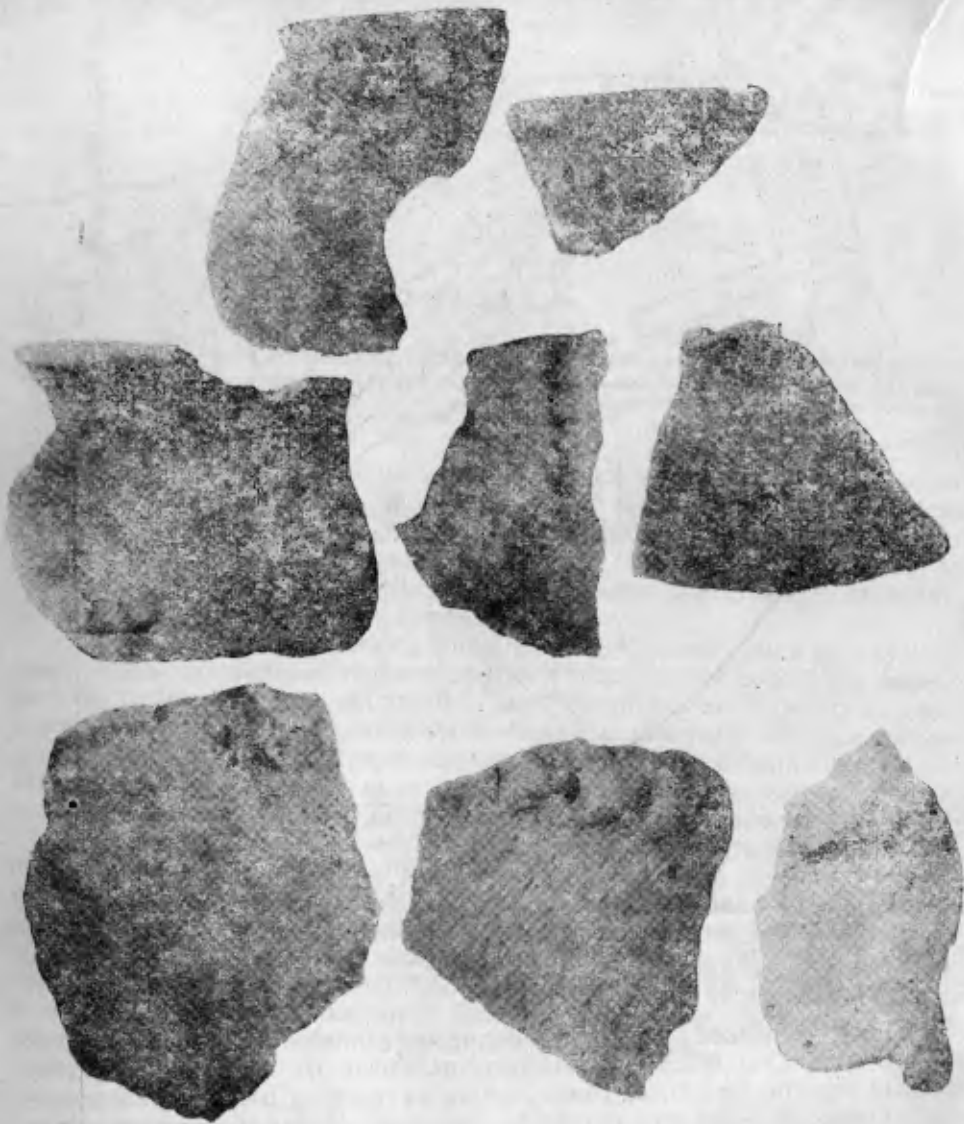

Рис. 4. Фракийская керамика, изготовленная ручным способом, из Тиризиса. Фрагменты сосудов

Поселение было укреплено только с одной стороны — северной, с суши. С других сторон, с моря, его защищали почти неприступные, высотой 60 — 70 м крутые скалистые берега. Форме занимаемой им площади примерно в 28 дка повторяла конфигурацию местности и была вытянута по оси север-юг. Оборонительная стена поднималась фронтально, сразу же за перешейком, естественным образом отделявшим самую южную и самую высокую часть

мыса от остальной, расширявшейся в сторону суши. Протяженность этой стены от западной до восточной береговой линии достигала едва 35 м, и поэтому на ней была сооружена лишь одна четырехугольная целиком выдвинутая вперед башня, фланкирующая западную сторону единственных ворот. Эти ворота были расположены сбоку, в восточном конце стены. От самой ранней фракийской стены сохранились лишь отчасти основы куртины и отчасти только ее трасса между воротами и западным берегом. Восточная сторона ворот, полностью разрушенная, вероятно была оформлена в виде продольной перпендикулярной стены. Лучшее представление о кладке фракийской стены дает сравнительно сохранившаяся восточная сторона башни. Она построена по греческому образцу — сложена из квадратов, опус имплектум. Толщина куртины достигает 3 м, стен башни — 2 м.

Жизнь поселения была сосредоточена по обеим сторонам главной продольной улицы — направление север-юг, — ведущей из ворот к внутренней части поселения. В его устройстве, несмотря на общую тенденцию сохранить греко-эллинистические урбанистические принципы, существует ряд отклонений, которые объясняются, с одной стороны, трудностью освоения особенностей скалистой почвы, а с другой — старинными местными традициями.

Самый нижний культурный слой, непосредственно над скальной поверхностью и под основами строения римской эпохи, содержит строительные останки и другие археологические материалы эллинистической и поздне-эллинистической эпох.

Среди открытых археологических комплексов наиболее многочисленна керамика. Здесь внимание сосредоточено главным образом на образцах местного типа — грубых, изготовленных ручным способом глиняных сосудах. Наряду с местным типом жилищ они являются одним из основных элементов древней культуры коренного населения.

Исследование этой керамики касается проблемы, связанной с характером местной культуры северофракийских гетских племен в позднюю эпоху железа, сохранением и развитием традиций в способе изготовления, формах и орнаментации, с проникновением некоторых влияний чужих этнических элементов, уходящих корнями в предшествующую раннежелезную эпоху. При этом необходимо учитывать, что северофракийская культура не единна в своем развитии и облике. Для всех племен прибрежных земель решающим фактором являются западнопонтийские города. Однако для гетов, обитающих к северу от Дуная, не менее важна и скифская культура, а для гетов к югу от Дуная наиболее существенное значение имеет близость южнофракийских племен и приобщение к ним в этническом, культурном и политическом отношениях.

К южной ветви северофракийских племен принадлежат теризы с их поселением на мысе Калиакра. Среди керамики, связанной с бытом населения, преобладает импорт. Грубая, изготовленная ручным способом керамика сравнительно малочисленна и встречается редко. Фрагменты ее обнаруживаются в разных местах на всей территории укрепленной части поселения. При произведенном топографическом распределении этого материала установлено, однако, что находки группируются преимущественно в определенных местах раскопок: 1) на трассе главной улицы; 2) у одного жилища местного типа, останки которого были открыты к западу от этой улицы и ворот, на краю скальной террасы за крепостной стеной, непо-

средственно у южной части основ западной куртины; 3) у останков общественного строения эллинистического типа, вдоль восточной стороны улицы, где сохранилась часть внешней западной стены постройки. Кладка псевдоизодомная,opus имплектум; 4) у комплекса из четырех ям хозяйственного назначения во внутренней части эллинистического строения. Впервые обломки подобной керамики были обнаружены именно в этой части объекта, в слое, соответствующем основам, сложенным из квадеров, внешней стены постройки, недоходя до отверстия ям. Это красноватый глинистый слой на самой поверхности скалы, насыщенный античным материалом эллинистической и позднеэллинистической эпох. Кроме того, фрагменты сосудов этого типа были найдены и в самих ямах, наполненных рыхлой коричнево-красноватой землей и фрагментами эллинистических амфор, чериолаковой керамики, а также фрагментами терракота Кибелы.

Местная, изготовленная ручным способом, керамика из Тиризиса в зависимости от способа производства делится на две группы: наряду с грубой, ноздреватой, небрежно вылепленной керамикой встречаются обломки другой, тоже толстостенной, но лучшей техники изготовления. Внутренняя поверхность их розового до розово-красного цвета, на срезе розово-сероватого, а внешняя сторона сосудов покрыта черной блестящей ангобой с металлическим блеском. И изнутри, и снаружи стенки совершенно гладкие. Найденные обломки массивной профилированной горловины, таких же массивных доньев и толстых стенок говорят о сосудах большого размера и подсказывают чаще всего мысль о биконическом корпусе. Такая керамика известна на дако-гетских поселениях в Румынии¹², где она датируется III—I вв. до н. э.

К местной керамике более высокого качества, изготовленной ручным способом, относятся и сосуды с серо-черной гладкой поверхностью, с рельефными, имеющими форму полумесяца ручками и налепными валиками, напоминающими открытую серьгу, подобные греческой букве Ω (omega). Пока обнаружены лишь единичные обломки керамики такого типа.

Встречающаяся обычно керамика ручного производства — грубая, изготовленная из крупно просеянной глины с примесью из мелких камешков, неравномерно обожженная, что придает ее поверхности различные оттенки — от серо-коричневого до коричнево-черного и от серо-черного до черного с переходными тонами. Ручки у сосудов в виде выступов-опор, иногда с желобками. Особенно характерен для фракийской керамики рельефный шпуровидный орнамент, расположенный под горловиной или на корпусе горизонтальными поясами, отвесными полосками, гирляндами и пр. Имется лишь один случай врезанного орнамента, состоящего из ряда косых насечек, размещенных у выступов-опор. Сосуды из подобной керамики имеют следующие формы: высокие цилиндрические урны с почти вертикальными стенками, типичные для фракийской керамики этой эпохи. Встречаются также кружки цилиндрической формы и небольшие толстостенные сосуды, широко распространенные в культуре Фракийских земель.

¹² A. Buzila. Despre ceramica daco-getica lucrata cu mina de la Bitca Doamnei. Piatra Neamt. Memoria antiquitatis, II, 1970. с. 247, bibliogr.

Рис. 5. Фракийская керамика, изготовленная ручным способом, из Тиризиса. Восстановленный сосуд, принадлежащий к наиболее распространенному типу горшков

Среди обнаруженной до настоящего времени на поселениях местной грубой, изготовленной ручным способом керамики, чаще всего обнаруживают горшкообразные сосуды средних размеров высотой примерно 30 см, с ровным дном, диаметр которого (13,5 см) почти наполовину меньше диаметра горловины (23 см). Плечи у них хорошо выраженные, выпуклые, шейка высокая (3 см), горловина косая, венчик отогнутый и утолщенный (8 мм). Орнамент обычно состоит из узких рельефных лент, образующих сплошной горизонтальный пояс, расположенный под шейкой или на самой широкой части корпуса. Существуют и другие комбинации.

Такого рода горшки не характерны для керамических изделий в собственно Фракии в классическую и эллинистическую эпохи. В фракийских поселениях и некрополях они являются также редкой формой. Находят их преимущественно в прилегающих к Дунаю областях¹³. Этот тип глиняных сосудов присущ местной северофракийской культуре и встречается на

¹³ M. Cițikova. Développement de la céramique thrace à l'époque classique et hellénistique. Acta antiqua Philippopolitana II. p. 35.

Ж. В ъ ж а р о в а. Неопубликованный материал; Buzila. Op. cit. с. 241; Древние фракийцы...

территории всей Карпато-Днестровской области и в особенности на гето-дакийских поселениях в Румынии периода II—I вв. до н. э. и I в. до н. э. На фракийских поселениях на мысе Калиакра их открывают в культурной среде, насыщенной античной керамикой того времени: фрагментами эллинистических и раннеримских амфор, чернолаковых кантаросов и других сосудов, позднеэллинистической краснолаковой керамикой малоазийского происхождения. Следовательно, новооткрытые находки могут быть отнесены к периоду, охватывающему III в. до н. э. — I в. н. э. Эта форма встречается и среди керамики коренного населения и окрестностей западного предградия Истрии, где они прослеживаются уже в культурном слое архаической эпохи.¹⁴

Преобладание такого типа сосудов среди грубой местной, изготовленной ручным способом керамики из Тиризиса — явление интересное. Широкий хронологический и территориальный охват этой керамики указывает на консерватизм и сходство домашнего быта населения всей области, занятой северофракийскими племенами. Сохранившиеся старинные черты архаизирующего примитивизма, преломленные под влиянием греко-эллинистического быта, выявляются как в жилищном строительстве, так и в социально-экономических формах жизни поселения.

ON CERTAIN ASPECTS OF THE THRACIAN CULTURE OF TIRISIS

A. *Balkanska*

(Summary)

The present paper aims at pointing out certain characteristic features in the culture of the recently unearthed Thracian settlement Tirisis, of Cape Kaliakra, on the western coast of the Black Sea where, on the one hand, the influence of the neighbouring Greek City-States was apparent and, on the other, the strength of the local traditions with their feeling of belonging to a northern Thracian ethnic community was felt. After a survey of the historical background the author presents the characteristic features of Tirisis and acquaints us with the appearance, lay-out and plan of an off-shore, urban-like Thracian settlement of the late Hellenistic period. As is evident from the remains of the fortifications, it was established on the site of a previous fortified settlement. As a result of its advantageous position it rose to prominence and established itself as the principle settlement of the Terisian tribe (*τέρισις, τρισις*) who gave their name both to the promontory and the fortified settlement. Its fortunes are interwoven in the stormy historical events connected with the struggle of Lysimachus in imposing the domination in Thrace and over the Greek City-States along the western coast of the Pontus. It is likely that such uncertain time called for a new wall in accordance with the requirements of the Hellenistic period.

¹⁴ Din istoria Dobrogej, I. p. 91; 122. S. Dimitriu. Histria II. p. 19 сл.

Perhaps this is an explanation of the erection of a later wall dating from Hellenistic days. The proximity of the Greek City-States and the historical period are reflected in the lay-out of the interior of the settlement. The old local traditions are also retained in the local type of dwelling, as well as the crude hand-made pottery. Special attention is drawn to a type of clay pots found in the territory of the Getae during the Hallstatt and the La Tene period, which does not appear in the culture of the Southern Thracian territories. The chronological and territorial distribution of this type of pottery is evidence of the strength of the local tradition and the closeness of the way of life of the various Thracian tribes in Northern Thrace. What is more, the author considers the presence of this culture in an urban settlement of the late Hellenistic period, alongside with the local type of dwelling and some other characteristic features, as a particular expression of the fusion of a Greco-Hellenic influence, felt through an archaic primitivism retained in these ancient elements.

НОВЫЕ ФРАКИЙСКИЕ ЭПИТЕТЫ АСКЛЕПИЯ И ИХ ТОЛКОВАНИЕ

К. Влахов

(Болгария)

При раскопках бывшего когда-то фракийским святилища у села Даскалово, Пернишского района, были обнаружены посвященные рельефы местному Асклепию. Весь археологический материал обработан и предстоит его опубликование.

С любезного согласия исследовательницы надписей — Василики Герасимовой, которая мне их предоставила, в настоящей статье предлагается языковое толкование новооткрытых эпитетов, а также связанных с ними языковых проблем.

Воспринята нумерация археологического материала в будущей публикации. Размещение различных форм эпитета Асклепия обусловлено требованиями языковой обработки.

1. *Κελαιδεουηρος* — Инв. 947, кат. 135: *Κυριω Ασκληπιω Κελαιδεουηρω*; инв. 247: *Κυριω Ασκληπιω Κουλκουσηρω Κελαιδεουηρω*.

2. *Κελαδεουηρος* — Инв. 676, кат. 49: *Κυριω Ασκληπιω Κελαδεουηρω*; инв. 68: *Κυριω Ασκληπιω Κουλκουσηρω Κελαδεουηρω*.

3. *Κελαδεουηρος* — Инв. 699, кат. 59: [*Ασκληπιω Κελαδεουηρω*].

4. *Κελαδεουηρος* — Инв. 652, кат. 54: *Κυριω Ασκληπιω Κελαδεουηρω* (камня *ΚΙΛΑΔΕΩΗΝΩ*, т. е. *ω, η* и *ν* в лигатуре).

5. *Κελαιδεουηρος* — Инв. 753, кат. 162: [*Ασκληπιω Κελαιδεουηρω*].

6. *Κελαδεουηρος* — Инв. 692, инв. 73: [(*Κυριω Ασκληπιω Κελαδεουηρω*).

7. *Κελαδ(ε)ηρος* — Инв. 658, кат. 45: *Κυριω Ασκληπιω Κελαδ(ε)ηρω*.

8. *Κελαδεουηρος* — Инв. 670, кат. 47: [*Ασκληπιω Κελαδεουηρω*]. (Об этой форме см. ниже).

9. *Κελαδεουηρος* — Инв. 643, кат. 11: *Κυριω Ασκληπιω Κελαδεουηρω*. (О форме см. ниже).

10. [*Κελαιδεουηρος*] — Инв. 634, кат. 8: - - - *λαιδεουηρω*. Наиболее вероятным дополнением является: [(*Κυριω Ασκληπιω Κ(ε)λαιδεουηρω*]. О появлении формы* *Κ(ε)λαιδεουηρος* см. ниже.

11. *Κελαδδουηρος* (sic!) — Инв. 659, кат. 16: [*Ασκληπιω Κελαδδουηρω*]. Второе *δ* может быть *ι*, т. е. *Κελαι*, или же просто это ошибка каменотеса, повторившего *δ*, так что следует читать *Κελα(δ)δουηρος*. Об этой форме см. ниже.

12. *Κελαουηρος* — Инв. 658, кат. 45: [*Κυριω Ασκληπιω Κελαουηρω*].

13. *Κελαδ... ρος* — Инв. 657, кат. 67: [*Ασκληπιω*(sic!) *Κελαδ... ρω*]. Наиболее вероятным дополнением является *Κελαδ(ε)ουηρω*, как это засвидетельствовано в формах № 3 и № 4.

14. ... *αδεουηρος* — Инв. 689, кат. 134: *Κυριω Ασκληπιω...αδεουηρω*. Дополнение [*Κελαδεουηρω*] является наиболее вероятным. См. засвидетельствованную форму *Κελαδεουηρος* (№ 6).

15. ... *αδεουηρος*] Инв. 700, кат. 120: ... *αδεουηρω*]. Дополнение [*Κ(ε)λαιδεουηρω*] базируется на засвидетельствованной форме *Κελαιδεουηρος* (№ 2).

16. ... *δεουηρος*] — Инв. 700 кат. 120: ... *αδεουηρω*]. Возможна реставрация формы как [*Κ(ε)λαιδεουηρω*]. О ней см. засвидетельствованную *Κελαιδεουηρος* (№ 2).

17. *Κουλκουσηρος* — Инв. 247: *Κυριω Ασκληπιω Κουλκουσηρω Κελαιδεουηρω* (№ 1); инв. 68: *Κυριω Ασκληπιω Κουλκουσηρω Κελαιδεουηρω*. (№ 2).

Другой пример, с неуточненным местонахождением, ранее был обнаружен в Софии, IGRP 1, 676, Дечев, Фрак. яз. ост., 263: *τω κυριω και προσιατη Ασκληπιω Κουλκουσηρω Αδρ. Ταρσας Βασου β'*.

Первый эпитет Асклепия содержит двусоставное местное имя, первичную форму которого можно реставрировать как **Κ(ε)λα(ι)δεβα*.

В двух новых обнаруженных надписях божество титуловано двумя эпитетами *Κουλκουσηρος* и *Κελαιδεουηρος*. В надписи из Софии (см. № 17) Асклепий титулован эпитетом *Κουλκουσηρος* (с двумя *σσ*). Перед эпитетом стоит слово *προσιατης* „избавитель-целитель“. Этот факт может служить опорной точкой при реставрации и толковании и местного имени* *Κ(ε)λα(ι)-δεβα*.

Принимая во внимание, что в Софии и ее окрестностях есть много минеральных источников, недалеко от **Κ(ε)λα(ι)δεβα* в нынешнем районе Княжево и теперь существуют минеральные источники, у самого святилища есть несколько образующих речку источники, перед эпитетом *Κουλκουσηρος* в другой надписи стоит слово „избавитель, целитель“, то и в *Κελαιδεουηρος* и точнее в его первой части *Κ(ε)λα(ι)* — с полным основанием можно предположить, что содержится какое-то понятие о (минеральном) источнике.

Такое предположение, базирующееся на географических данных, подкреплено и лингвистическими показателями.

Первая составная часть *Κ(ε)λα(ι)* — по форме тождественна со знаками до сих пор фракийскими местными именами *Κελλα*, *Κελη*, *Cellae*, *Cillae*, *Cillum* и происшедшим из них этниконом *Κελληνος* (Д. 238), а также с эпитетом Асклепия из Глава Панега — *Σαλδο-κεληρος* (Д. 413). Об этих именах и их формах установлено, что они содержат основное понятие о каком-то источнике.

Следовательно, исходя из географических данных, а также из языковых показателей, можно сделать безотыточный вывод, что в первой составке эпитета — *Κ(ε)λα(ι)* содержится имя, сходное с немецким *Quelle* „источник“ ср. н. *qualm* (*qual*) „hervorquellen, schwellen“, *quella*, ст. инд. *gālati* „träufelt herab, fällt herab, verschwindet“, ст. в немецком *qualm* („hervorquellendes“) *Qualm, Dampf, Rauch* „источник“ — все происшедшие из ие. корня *guel* „herabträufeln, quellen“ (WP I 690; Дечев 238).

Фракийское слово *Κελλα* произошло из ие. **guel-nā* с делабиализацией ие. лабиовелара *gɥ* и ввиду передвижения согласных в фракийском

g переходит в к (Дечев, *Характеристика на тракийския език*, LB II, София, 1960, V. 1); консонантное сочетание *ln* из-за ассимиляции переходит в *ll*, а позднее, геминату можно упростить, и тогда явится только *l* (срв. подобный случай с *Syra-cella* ~ *Syras-cela*).

У *I*-формах *Kila*, *Keila* ($\epsilon = i$; о том, как писать ϵ вм. i см. подробно у G. Mihailov, *La langue des inscriptions grecques en Bulgarie*, Sofia, 1941, с. 21/2), а также и у других местных имен: *Αργυνο-κλι*, *Κοβευ-κλι*, *Cillai* (= *Kellai*, *Celle*) появляется редуцированная степень не *el* (Дечев, Хар. XXX), происшедшие из ие. формы. **gcel*—*nā*.

Все вышеизложенные факты и доказательства позволяют установить с уверенностью этимологию фракийского слова, которое является первым компонентом в эпитете Асклепия. Фракийское слово *Κελλα*, *Κ(ε)λλα* означает „источник, минеральный источник“.

Во второй части эпитета Асклепия, засвидетельствованной более ясными формами — *δεοηρος*, — *δεοηρος* содержатся два элемента: первый — знакомое т. н. дако-мезейское слово *δεβα*, *δανα* — „населенное место, поселение“, а второй — фракийский суффикс *-ānos*, *-nos*, которым во фракийском языке образуются адъективные производные. При составлении конечный гласный звук (в данном случае *a* из *δεβα*) выпадает перед начальным гласным звуком суффикса *-nos*, т. е. **δεβα*+*nos* > *δεβnos*.

Ие. полугласный звук *Ϸ* сохраняется в фракийском языке, и его можно передать греческими *v*, *β*, *ov*, (Дечев, Хар. X, 1). Поэтому Фракийский композитум — *δεβnos* передан также под формой — *δεοηρος*.

Появляющееся ω вместо *ov* в засвидетельствованной форме — *δεοηρος* вм. *-δεοηρος* представляет в сущности различное выражение в письменной форме при передаче греческого *ov*. (Более подробно об этом см. у G. Mihailov, пос. соч. с. 29, § 8, 1). Исходя из этого ясного и бесспорного случая, уже можно дополнить постановку Дечева о том, что ие ω в фракийском может быть передано позднее и греческим ω . Появляющийся несколько раз конечный *-i* в первой составке *Κ(ε)λλα(i)*, отражает в действительности ионийско-атетическую передачу фракийского *a* (ие, *a*, которое кроме посредством *a* можно передать и η (Более подробно по этому вопросу см. у K. Vlahov, *Die Vertretung der indo-europäischen ä und ē im Thrakischen*, Ann. Univ. de Sofia, Fac. des lettres, t. LX, 1966, с. 43—134).

Второй эпитет *Κουλινο(σ)ηρος* засвидетельствован пока дважды вместе с *Κελλαδεοηρος* и один раз самостоятельно в надписи из Софии.

При дешифровке этого имени устанавливается следующее:

1. В нем содержится суффикс — *ηρος* (<*-anos*).
2. **Κουλινοσα* связано с **Κελλα-δεβα*, а в последнем слове содержится основное понятие об источнике. Следовательно, и в **Κουλινοσα* должно содержаться понятие о жидкости „вода“, и то связанное с внутренним единством с функциями Асклепия как целителя. Следовательно, в **Κουλινοσα* должны быть включены также два понятия.

**Κουλινοσα* уже можем разделить на два слова: *Κουλι*- и *-ουσα(σ)α*.

Второй элемент — *ουσα(σ)α* содержится также в одном из эпитетов Асклепия из Глава Панега, связанный опять с источником, и засвидетельствованный многообразными формами: *βουσα-ηρος*, *-βουσα-ηρος*, *-ουσα-ηρος*, *-ουσαηρος*, *-ουσα-ηρος*, *-ουσαηρος*, *-(σ)ουσα-ηρος*, *ουσαηρος*, *-βουσουσα-ηρος* и т. д.

Опираясь на реалии, полученные из географических данных, элемент **ουσα(σ)α*, содержащий понятие о жидкости, уже возможно вывести из ие. *ueis* „zerfliessen“ разливать; auch von tierischen Samen; bes. von der Feuchtigkeit (auch dem Geruch) faulender modriger Pflanzenteile, в ст. инд. *vesati* „zerflisst“, *ve sati* „zerfließt“; *vesantir nadias* „fliessende Ströme“; речные имена *Wisura* „Weser“; *Vistula (Wisle)* „Weichsel“; *višā* м. „жидкость, яд“ (= гр. *íos*, лат. *virus*, ирл. *fi* „жидкость, яд“ ст. инд. *vīš* (Nom *vīf*) и *vištha* „faeces, Extremite, Kot“; лат. *virus*, *i* п.; „жидкость, липкий, сок, слюна; яд“ *virus serpentis* „змеиный яд, слюны, сок, змеиная жидкость“; ст. норд. *veisa* „palus putrida“ = гниющее болото; wāse „ил, грязь“ (wp1243). (Ошибочно у Дечева, Хар. XXXI, 1, от ие. корень *gel* — „суживать, округлять“).

Опираясь на основные понятия других индоевропейских языков и их семантическое развитие, в фракийском слове **ουσα(σ)α* будет содержаться не просто понятие о воде, а о жидкости, липком соке, вонючем, гниющем болоте, грязи (в особенности у минеральных источников), вонючей, липкой, целебной жидкости, целебной грязи. Исходя из этого, и в *Σαλδο-κεληρος-Καλδο-βοικηρος*, и в *-βοισα* будет содержаться не просто понятие о воде, а об жидкости золотистого цвета.

3. В связи с установлением основного понятия слова **ουσα(σ)α* как жидкость, липкий сок, грязь, имея в виду, что основной функцией божества Асклепия является исцеление, следует принять, что первая составка слово *Κουλι* будет находиться в известной функциональной связи со второй.

На посвященных рельефах из Глава Панега изображено женское божество Хигия, держащее змею, у которой голова засунута в какой-то сосуд. Токсичность яда змеи и токсичность болезней, которые лечат минеральными, грязевыми ваннами (ревматические заболевания, почечные и сосудистые заболевания, бесплодие у женщин и пр.) очевидно находятся в какой-то символической связи, отраженной в иконографии посвященных рельефов. При этом не следует забывать, что сами ревматические заболевания носят свое наименование из греческого слова — *ρεῦμα*, *ατος*, *τό*, что буквально означает „течение, ток“.

При растолковании фракийского слова *Κουλι*- существительным является следующий интересный факт. Названные (или изображенные) боги — Зевс и Гера, Асклепий и Хигия, вместе или в одиночку, или же только фракийский Херос в иконографии посвященных рельефов всегда изображены с сосудом. Змея (символ болезни) в руках женского божества изображена с повернутой к сосуду головой или же окунутой в него головой, а змея на дереве (дерево жизни, или же символ ее обезвреживания), которое держит или на которое опирается мужское божество, — изображена падающей с него. Подобные атрибуты в иконографии этих божеств всегда изображены на тех посвященных рельефах, которые обнаруживаются в святилищах, расположенных у какого-нибудь источника (минеральные, целебные бани). См. о них „Святилище близ Глава Панега“: IGBulg II № 514, 515, 516, 517, 518, 519, 521, 522, 523; из Пауталии, IGBulg. IV № 2059, 2060, 2062 и т. д.

Важно при нашем исследовании то, что ввиду целебных процедур при помощи жидкостей по необходимости закономерным является наличие

какого-нибудь сосуда — из него можно пить целебную жидкость, поливать больные места или же окунать в него самого больного.

Ввиду того, в *Koulix* — должно содержаться понятие о сосуде, горшке, ванне и что-нибудь подобном. Тогда будет сходство со ст. инд. *kalāṣa* — т. «горшок, питос, кувшин, блюдо, миска», происшедшей из **qolek'*-о- или *ok'o* и одинаковой с греческим *κάλυξ -ικος* «чашка» = на лат. *calix, icis* «глубокая миска, чашка, горшок, миска» с гр. *κάλυξ -ικος* «потир, чаша для фруктов, для семян».

В фракийском слове *koulix* произошло из нулевой степени **qf-k'* или **qf-ik'* (ие. *qel*, расширенного — *κ'* — суффиксом «чаша» (WP I 442) с депалатизацией гутурала (срв. подобную депалатизацию у *Bepra* от **bherg'h-ā*).

Ввиду того, что в именах у других языков *κ'* суффикс является под формой *-ek'o* (*ok'o*), *-ik'*, следует ожидать, что и в фракийском он также появлялся под формой *-ik'* и первоначальная форма имени должна быть **Kulik'*. Такое предположение опирается на установленный факт, что стоящий непосредственно у *l*, *r*, *m* во втором слоге гласный звук, часто получает синкопы (Дечев, Хар. XXXII). Из-за синкопы в фракийском языке прежняя форма **Kulik'* засвидетельствована позднее как *Koulix*.

На базе языковых показателей можно установить, что имя *Koulixou(o)nos* составлено из трех элементов: *Kouli(i)k-ou(o)-nos*.

На основе трех основных понятий в эпитете *Koulixou(o)nos* его можно растолковать следующим образом:

Kouli(i)k- — «сосуд, горшок, чаша», *-ou(o)sa* — «липкий сок, жидкость, жидкая грязь» и — *nos* — суффикс, который выражает притяжание.

Все имя можно уже интерпретировать так: «Асклепий сосудожидкий», т. е. Асклепий, который исцеляет при помощи сосуда, содержащего липкую жидкость, сок, минеральную воду, минеральную вонючую целебную грязь, причем суффикс *-nos* (<*-ānos* ему придает индивидуализирующий оттенок, т. е. «именно этот Асклепий исцеляет целебной жидкостью обливаниями или принятием целебной жидкости при помощи сосуда».

В эпитете *Koulixou(o)nos* отражена функциональная сущность Асклепия, т. е. исцеляющего сосудом, содержащим целебную жидкость, тогда как в *K(e)laxou(n)nos* отражена его локальность. По этим причинам в некоторых из надписей он титулован двумя последовательными эпитетами: *Kuḗōw 'Aσκληπιῶν Koulixou(n)nos Keilaxou(n)nos*.

* * *

С фонетической и морфологической точки зрения интерес представляют засвидетельствованные формы второй составки в эпитете Асклепия, которая в известных случаях состоит из двух или трех элементов. В ней отражена сложность в развитии фракийской речи, ее зафиксирование, а также связанные с этим развитием проблемы, которые все еще недостаточно выяснены. Вопрос касается следующего:

а. В четырех надписях второй составки является под формой *-enos*: *Keila-δεννος* (№ 5), *Kila-δεννος* (№ 6), *Keila-δ[ε]ννος* (№ 7) и *-αδεννος* (№ 14).

Бесспорным является факт, что эта форма произошла из формы *-δεννος -δενουνος*, что подтверждают и другие примеры, но в форме *-enos*

интервокальный *F* /*ϕ* остался неотмеченным. Причин может быть несколько.

1. Греческий каменотес не смог уловить и отразить фракийский полугласный звук *ϕ*, тем более, что в греческом языке интервокальная дигамма закономерно выпадает. В случае, что это является причиной неоявления *F* в *-enos*, то пропуск фракийского полугласного звука в фракийском слове не является результатом дальнейшего развития фракийского *ϕ*. Причины внешние.

2. Фракийский полугласный звук *ϕ* произносился, по всей вероятности, слабее, или же возможно, что в то время, когда создавались посвященные рельефы (для некоторых фракийских диалектов), он был заброшен, что и явилось причиной его письменного незафиксирования.

3. Рассматриваемые посвященные рельефы на греческом языке. Он представляет в сущности употребляемое тогда греческое «койне». О нем свидетельствует и употребление *ᾶ*, ввиду чего и фракийский суффикс *ānos* передан закономерно посредством *η* под формой *-nos*. При зафиксировании фракийских имен греческий каменотес не соблюдал точно орфографии греческого языка (см. *κωῖον* и *Ἀσκληπιῶν* без йоты), а в некоторых случаях подводил фракийское слово под греческие фонетические законы.

Это именно является причиной появления форм *-δεννος* и *-δενος* (№ 8) (<*-δεννος* с исчезновением полугласного звука *ϕ* и даже с контракцией двух *e*-звуков (*e* и *η*; *η=ē* — из-за потери вокального квантитета в греческом); это же является причиной появления формы *-δενος* (№ 9) (<*-δεννος* с отраженной контракцией *e*- и *i*-звука, так как *eta* в то время стала иметь в греческом языке звуковую стоимость *i*. Произношение *ei* первоначально как *ei* подтверждается первой составной частью *Kila-*, в которой звук *i* передан через *i*.

Засвидетельствование, однако, в большинстве случаев фракийского *ϕ* посредством греческого *ou* и *ω* подтверждает, что засвидетельствованные отклонения не отражают дальнейшего развития фракийской фонетики (в данном случае отражение ие. *w*), а является доказательством, что греческий каменотес подводил фракийские фонемы под греческое фонетическое развитие, о чем свидетельствует передача фракийского *a* греческим — *ᾶ*) *i*.

6. Сложной по своему словообразованию является форма [*Keilaxou(n)nos* (№ 10). Она содержит четыре элемента: **Keila* + *δεν* + *ι* + *nos*, состоит из одного композитума (два существительных — *Keila* и *δεν*) и два суффикса *-ικος* и *-ανος*, соотв. *-nos*.

Форма *Keila* ясна. О ней см. сказанное выше.

Форма *-δεννος* содержит три элемента: к *δεν* последовательно было добавлено два суффикса — *ι* и *nos*. Фонетическое и словообразовательное развитие выражается в следующем: конечный гласный звук существительного выпал перед начальным гласным звуком суффикса — *ι*, т. е. **δενι* > **δενι*, после этого выпала интервокальная дигамма > **δενι*. и в дальнейшем конечный гласный звук *e* перед начальным гласным звуком *i* выпадает, т. е. *-δενι*, конечный гласный звук *-ο* перед начальным *-η* в *-nos* также выпадает, вследствие чего получена и засвидетельствованная форма — *δεννος*.

При ошибочной точке зрения и все более полной грецизации фракийского языка под сильным влиянием греческого, этот пример мог бы

явиться убедительным доказательством этого процесса. Но появление еще одного, и то специфического фракийского суффикса *-ānos* к грецизированной уже фракийской форме, дает этот процесс в совсем ином свете.

Мы и раньше в некоторых из своих работ указывали, что предполагаемая грецизация фракийского языка противоречит засвидетельствованным языковым фактам и явлениям, что фракийский язык сохранил свою сущность, и на него греческий не оказал влияния даже в конце античности, что у образованных под влиянием греческого известных типов фракийских имен и, бывших даже первоначально гибридами, впоследствии составка закономерно замещалась фракийской. Все эти явления не только не подтверждают, но наоборот, оспаривают ошибочные постановки наступившей грецизации фракийского языка (Подробнее по этому вопросу см. у К. Vlahov, *Der Grad des Einflusses der griechischen Sprache, auf die thrakische, Linguistique-Balkanique*, XVI, Fasc. 1, 1972, S. 15—37 с литературой).

В конкретном случае к грецизированной форме **Keilaidiānos* был добавлен эквивалентный греческому *-iānos* фракийский суффикс *-ānos* в его ионийско-атической форме, т. е. *-nos* } *Keilaidinos*, и таким образом форма снова стала «фракийской», т. е. стала понятной для фракийской языковой среды.

в. Интересным также и важным по своему значению является раскрывающий этническую пестроту в то время в фракийском ареале засвидетельствованный эпитет Асклепия под формой *Keilaiochos* (№ 12).

По своей структуре имя состоит из трех элементов: из одного фракийского существительного и двух суффиксов *-iānos* и *-nos*. Происходит от **Keila+iānos+nos*, при котором перед начальным гласным звуком суффикса не выпал конечный гласный звук, и не является дифтонгом. Его следует читать как *ai*, тогда как конечный гласный звук *-iāno-* перед начальным *nos* выпал, и наступило развитие *Keila-iānos*.

По композиции и нюансировке в значении *Keilaiochos* отличается от других форм эпитета. В конкретном случае отсутствует апеллатив о населенном месте *-deba*. Этот факт может подтвердить предположение, что источник был известен своими целебными свойствами и был почитаем и до основания около него поселения.

С языковой точки зрения интерес представляет факт, что фракийский апеллатив об источнике — *K(ε)ila* был расширен чужим фракийскому языку суффиксом — *iānos*, которым в германских и балто-славянских языках образуются притяжательные прилагательные от существительных и функции которого такие же как и у греческого, латинского, кельтского суффикса *-icos*, ст. индийского — *ika-L* и фракийского *-ānos*. (Об этом суффиксе см. у К. Влахова По вопросу за протославянские имена в тракийската ономастика, с литературой под печатью в ГСУ). Следовательно, Асклепий был титулован прежде всего как **Keila-iānos*, что в переводе буквально означает «источниковый».

Но форма, образованная из чужого для фракийского языка суффикса, в фракийской языковой среде теряет свое специфическое значение и становится непонятной. По этим причинам форма **Keila-iānos* получила дополнительный эквивалентный фракийский суффикс *ānos*, и новообразованная уже форма *Keilaiochos* становится понятной для фракийской языковой среды. Таким является случай с вышерассматриваемым именем.

Дополнительное расширение эквивалентным фракийским суффиксом и приобретение эквивалентной семантической фракийской нюансировки расширенных до этого чужим фракийскому языку суффиксом и получивших вследствие этого семантическую нюансировку фракийских имен является закономерностью, засвидетельствованной и у фракийских личных именах. Ср., например, односоставное фракийское имя *Βειθνος, Βειθα(ς)*, расширенное чужим фракийскому языку *κ-*суффиксом под формой *-κο*, дало форму *Βειθα-κο-ς*; к расширенному таким образом односоставному имени был добавлен эквивалентный суффикс под формой *(ε)λας*, и имя засвидетельствовано под формой *Βειθν-κ-ελας; Βαστ(ς) Βαστ(ς)-κος Βαστ(ς)-κ-ελας*. (Подробнее по этому процессу см. у К. Vlahov, *Die L- und K-Suffixe in der thrakischen Personennamenbildung*, Ann. Univ. de Sofia, Fac. des Lettres, t. LXII, 1, 1968, S. 242—248).

NEW THRACIAN EPITHETS OF ASCLEPIUS AND THEIR INTERPRETATION

K. Vlahov

(Summary,

The article offers an interpretation of the newly discovered epithet of Asclepius *K(ε)ιλαδεουηρος* which appears in different forms, as well as an interpretation of another epithet *Κουλκονο(σ)ηρος*; so far the latter has been found only once appearing together with two newly discovered inscriptions, with *K(ε)ιλαδεουηρος*.

The epithet *K(ε)ιλαδεουηρος* contains the Thracian appellative *Κελλα, Κελλη, cellae* 'spring, mineral spring', the appellative *-δανα, -δεβα* 'town, settlement, inhabited location' and the suffix *-ānos, -nos* used for Thracian names of persons or denoting possession.

Hence what appears before us is a local Thracian place-name **K(ε)ιλαδεβα* 'spring-settlement, settlement close to a spring' while *K(ε)ιλαδεουηρος* is an adjective qualifying it.

Κουλκονο(σ)ηρος also consists of three elements *-Κουλκ-ονο(σ)-ηρος*.

The first element *Κουλκ* (**Kulik*) has the meaning of 'vessel, pot, cup', the second **ονο(σ)α* 'a sticky juice, polson, liquid, rare mud' and the third is the suffix *-ηρος*.

The epithet *Κουλκονο(σ)ηρος* reflects the essential basic functions of Asclepius, namely the deity 'who cures by means of a vessel containing a curative liquid', while *K(ε)ιλαδεουηρος* conveys its local characteristic.

This explains the double use of both epithets in some inscriptions, one followed by the other — *Κυρίω Ἀσκληπιῷ Κουλκονο(σ)ηρω Κελλαδεουηρω*.

КЕРЧЕНСКИЙ РИТОН С ПРОТОМОЙ КОНЯ ИЗ ЭРМИТАЖА

Иван Маразов

(Болгария)

Ритон с протомой коня, купленный в 1889 г. для Эрмитажа А. Бобринским, является одним из малоизвестных памятников античной торевтики.¹ Несмотря на то, что он был продан в Керчи, о его происхождении, к сожалению, нет никаких данных. Несмотря на это, ритон является исключительно интересным произведением как по своему редкому сюжету, так и по проблемам стиля, которые он ставит.

Серебряный сосуд был найден в виде кусков, к счастью сравнительно сохранившихся для того, чтобы можно было восстановить его общую форму, а также изображенную на его роге сцену. Верхний его край выступает наружу, а в нижней части загнут без всякого украшения. Под ним проходит широкая полоса из гравированного спиралеобразного орнамента, ограниченная и снизу, и сверху рядом жемчужин. Спирали покрыты мелкой насечкой, отделяющей их от фона. Гладкая поверхность рога покрыта сценами сражений. Широкий у устья в 11 см рога постепенно сужается к низу, соединяясь с литой протомой скачущего галопом коня. Нет фрагментов, из которых было бы видно, как было сделано это соединение. Характерным для техники является позолота отдельных частей ритона: орнамента, копыт и головы коня протомы, а также и некоторых деталей изображений. Позолота придает сосуду более роскошный вид и способствует представлению сцен с большей четкостью.

Несмотря на значительную фрагментарность, протомы (рис. 1) свидетельствует о хорошем знании анатомии коня. Тело моделировано обобщенным образом, но точно. Конструкция головы довольно верная и отдельные объемы связаны органически несмотря на то, что они переданы без излишних подробностей. Несомненным качеством мастера является его умение вылепить эту полуфигуру, используя только пластические средства без дополнительной обрисовки или подчеркивания частей при помощи гравировки. С другой стороны, впечатление производит его стремление к на-

¹ И. Толстой и Н. Кондаков — Русские древности, 1889. Т. II. с. 61 V 63, № 42, Е. Придик — Два серебряных ритона из коллекции Императорского Эрмитажа, Записки Одесского общества истории и древностей, 1889 г. Т. XXX, с. 168—178.

туралистической точности — все тело коня покрыто мелкой насечкой, имитирующей волосы. Глаз, по-видимому, был инкрустирован, так как на этом месте осталось углубление. Ноздри подчеркнуты пластически и довольно вогнуты, рот раскрыт, и насечкой даже показаны зубы. На лбу, также насечкой, изображена розетка в виде трех языков пламени.

Сцены представлены двумя фризами, не отделенными друг от друга орнаментом или ярко выраженной чистой полоской. Верхний ряд изображает сцену битвы двух всадников и двух воинов (Рис. 2, а). Всадники стоят спиной друг к другу, (рис. б), а воины — один за другим, судя по заплетению их ног. Таким образом, композиция получает полное симметрическое решение. Кони покрыты насечкой также, как и в протоме (Рис. 2, б) (Рис. в). Один из всадников одет в опоясанную и украшенную тем же спиралеобразным орнаментом одежду. Он представлен с развевающимися волосами и бородой, но к сожалению, его лицо фрагментировано. Представлен в фас, в левой руке он держит поводья коня, а в правой, согнутой в локте, — замахивает коротким копьём. От другого всадника сохранились только развевающиеся волосы и поднятая правая рука с коротким мечом на фоне развевающейся, покрытой насечками, хламиды. По-видимому, он был одет также, как и другой всадник. Один из воинов изображен обнаженным, с кудрявыми волосами и замахивающим копьём, а другой, как и воины, в брюках и, по-видимому, был изображен в кольчуге. Нижний фриз изображает битву трех воинов (Рис. 2, в). Один из них представлен обнаженным, в сильном движении вправо, с развевающимися волосами и замахнутым коротким мечом также, как и второй всадник (Рис. 3 б). На него наступает одетый в хламиду воин, с длинными волосами и бородой, вооруженный копьём. Спиной к нему изображен еще один с замахнутым копьём, обнаженный и с длинными волосами, как у воина верхнего фриза. К сожалению, сохранилась только половина торса. Как видно, композиция обоих фризов организована одним и тем же способом, но сужение ритона не позволило мастеру представить в нижнем ряду еще одну фигуру. Интересным является то, что начальные точки композиций сдвинуты — повернутые спиной воины нижнего фриза расположены под расходящимися воинами верхнего, тогда как под точкой, в которой собираются оба коня, представлена фигура вооруженного мечом воина. Это смещение оправдано, так как придает динамизм восприятию — статические моменты одного фриза сочетаются с динамическими моментами другого.

Но пластическое умение мастера уступает его развитому композиционному чувству. Фигуры представлены довольно суммарно, формам приданы самые общие очертания без конкретизации или индивидуализации. Объемы

Рис. 1. Протома ритона

Рис. 2. Детали верхнего фриза с изображением битвы

между всадниками и воинами

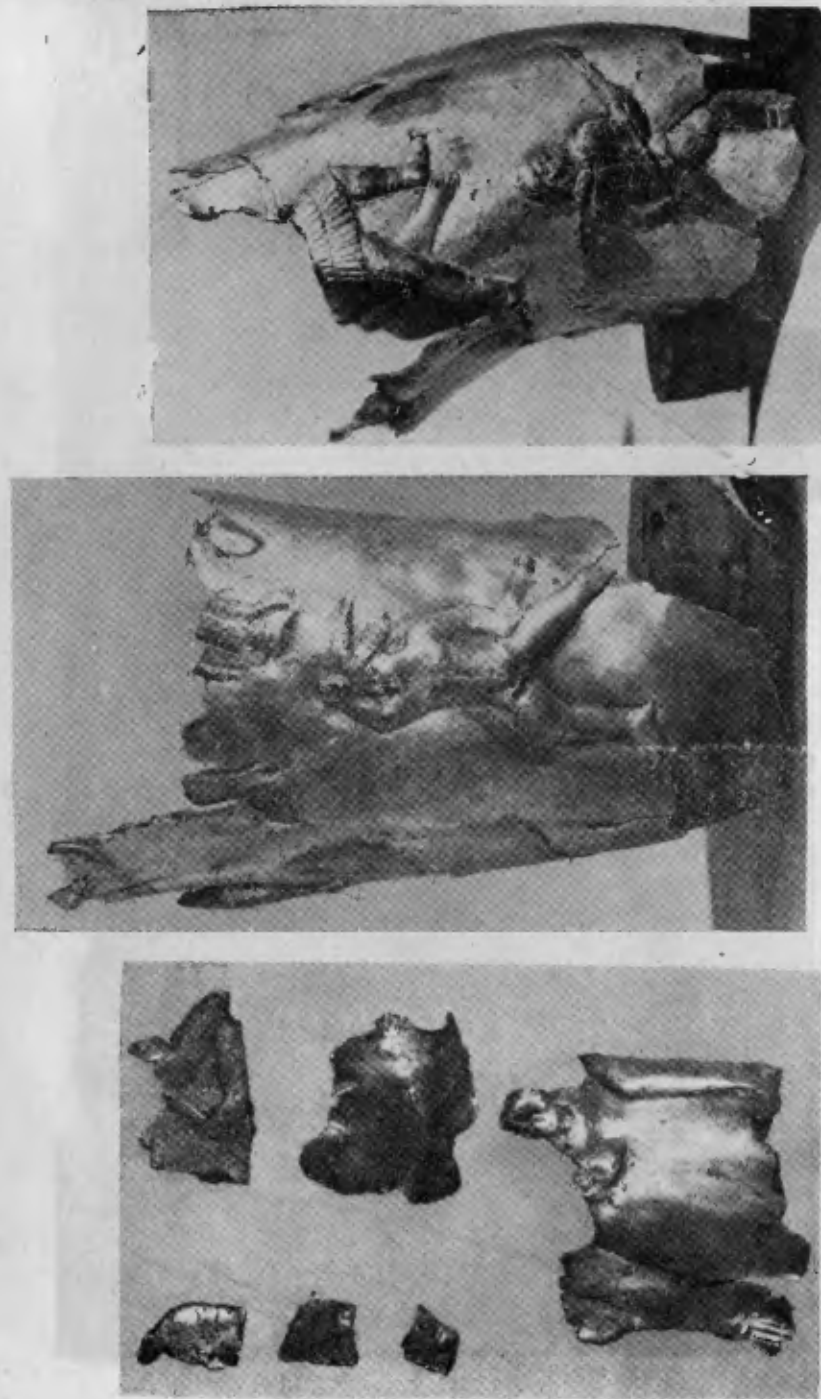

Рис. 3. Детали нижнего фриза с изображением битвы воинов

просто передают закругленную выпуклость, лишенную постепенных переходов. Поэтому, несмотря на сравнительно высокий рельеф, фигуры выглядят плоскими. Особенно беспомощен художник при изображении рук — ему нигде не удастся правильно изобразить, как рука держит оружие. По типу лица не отличаются особым разнообразием. В верхнем регистре все они в фас, а в нижнем — в профиль. Во всех случаях человеческие фигуры представлены укороженными тяжелыми пропорциями. Сравнительно более точную и более богатую трактовку обнаруживаем в изображении сохранившейся фигуры коня. На первый взгляд мастер постарался показать с большими подробностями одежду сражающихся воинов. В сущности говоря, он довольно однообразен, как в отношении типа одежды и орнамента, так и в отношении средств, при помощи которых передает аксессуары — он ограничивается выбитыми сверху точками и мелкой насечкой. Не лучше справился мастер и с передачей движения в этих полных динамики сценах. У него движения лишены естественной свободы, они резки, полны внутреннего напряжения. Как будто всюду избран момент кульминации. Поэтому фигуры застыли в точке перехода одного движения в другое — словно рука сию минуту бросит копье или ударит мечом, а вместе с тем изменит свое положение и вся фигура. Поэтому, несмотря на сюжетную динамику, сцена выглядит статичной, действие в ней не показано в момент развития. Наконец, существует разница в размерах фигур обоих фризов — верхние значительно больше. По-видимому, мастер не рассчитал совсем точно поверхность, что заставило его изменить масштаб. Впечатление грубости и примитивности, однако, прежде всего усиливается характером самого выполнения. В нем отсутствует законченность формы не только в смысле достижения ее реального прототипа, но и как чисто техническое совершенство. Линии проведены довольно резко, а иногда и неточно, везде они одинаковой глубины и дополнительно отделяют фигуру от фона. Это техническое неумение в полном контрасте с правильностью и чистотой формы самого рога. По-видимому, изображения чеканили не по образцу, а прямо, после предварительного скицирования.

Изображенная на ритоне сцена, по всей вероятности, скорее носит жанровый, чем мифологический характер. Придик полагает, что на нем представлена битва между скифами и греками². Действительно, можно было бы привести много примеров в подтверждение этой точки зрения. Разница между обоими типами воинов довольно подчеркнута и не может быть случайной — в греческом искусстве именно варвары всегда представлены бородатыми, длинноволосыми и полностью одетыми, тогда как эллины обыкновенно изображены безбородыми, кудрявыми и в героической обнаженности.

Способ, по которому всадник рассматриваемого сосуда держит поводья левой и бросает короткое копье правой рукой, находит аналогии у охотников серебряной чаши из Солохи³ и золотых аппликаций из кургана Куль-оба⁴. С другой стороны, сравнение между одеждой сражающихся с ритона и скифов, изображенных на сосудах из Солохи, Куль-оба, Чертомлыцкого кургана, и в особенности, из Частых курганов, Гаймановой

² Е. Придик. Цит. соч., с. 174.

³ М. Артамонов. Сокровища скифских курганов. Прага, 1966 г., табл. 154.

⁴ Там же, табл. 253.

могилы, золотом гробне из кургана Солоха и т. д., несомненно подтверждает принадлежность к одному и тому же типу. Может ли это, однако, быть решающим доказательством, что воины являются скифами? Ростовцев правильно указывает, что „иранской является и одежда скифов“.⁵ „Их кожаный кафтан . . . это обыкновенный персидский кандис“, а „греческого влияния в их костюме вообще не замечается“.⁶ И действительно, в греческом искусстве варвары одеты в персидскую одежду, несмотря на свою принадлежность к какой-либо этнической группе. Рисунок на керченской вазе Ксенофанта, изображающий „охоту Дария“⁷, показывает персов, одетых в точно такую же одежду, в которой мы их видим в перечисленных скифских предметах. Особенно сильным аргументом нельзя считать и своеобразный способ держать вожжи⁸, так как его можно увидеть и на аппликациях из Летницы и Луковита, а также на многочисленных посвященных рельефах с изображением Хероса из Фракии. Следовательно, более правильно допустить, что на ритоне из Эрмитажа представлены „варвары“ вообще, тем более, что среди скифских предметов редко можно встретить изображение битвы между греками и „варварами“. По аналогии с золотым гробнем из кургана Солоха можно восстановить облик воина верхнего фриза ритона — он в брюках и защищен латами (нижняя часть сохранилась) также, как и варвар, нападающий на всадника с гробня.

Как видно, жанровые моменты не могут предоставить нам необходимые данные о происхождении керченского ритона. Только стилистические аргументы в состоянии подкрепить тезис по этому вопросу. Прежде всего тип ритона не является характерным для аналогичных сосудов из скифских курганов. Единственный ритон с протомой коня, обнаруженный около Полтавы, является несомненным произведением фракийской торевтики.⁹ Кроме того, обнаружены еще две подобные вазы в Фракии — ритоны из Башовой могилы и Праги. Отличительной особенностью этой группы является изображение коня протомы, всегда скачущего галопом. Ритоны с протомой коня встречаются и среди ахеменидских памятников, но чаще всего ноги животного согнуты под телом — типичная иранская черта для сосудов с протомой. И только в эллинистическую эпоху в этой группе начинают изображать коня скачущим галопом, о чем свидетельствует замечательный экземпляр из Каппадокии, находящийся теперь в Британском музее.¹⁰ Характерной чертой фракийских ритонов является также розетка в виде языков пламени, расположенных на лбу животного. И в этом отношении сосуд из Эрмитажа сходен с ними. Стремление подчеркнуть ноздри и способ обозначить насечкой зубы в раскрытом рту также находят прямые аналогии в изображениях коней на памятниках из Фракии: полтавский ритон, аппликации из Луковита, кувшинчик из Врацы и т. д. В этот ряд с легкостью можно включить и сохранившуюся на роге фигуру коня. Особенно характерными являются наклоненное по-

ложение головы, образующиеся вокруг нее на шее складки, чутко поднятое ухо с отверстием наружу, изображенная параллельными насечками грива и торчащий чуб между ушами, а также упрощенное изображение шеи в виде правильно закругляющегося объема. Покрывающая все тело мелкая насечка встречается во многих произведениях из Фракии: пантера и олень из луковитских аппликаций, грифоны бронзового шлема из неизвестного места, животные из фалар с мотивами „звериного“ стиля из Летницы, сосуды и шлемы из Аджигеля, Перету, Детройта и др. Показательным является факт, что использованный в изображении сцен на ритоне композиционный принцип, встречающийся и в некоторых основных произведениях фракийской торевтики. На кувшинчике из Врацы, например, обе крылатые колесницы расположены одна против другой — они выходят в противоположные направления из точки, в которой касаются. Таким же образом построена композиция и в шлеме из Аджигеля — там стоящие один к другому спиной всадники разделены розеткой. Возможно, что причиной применения этого принципа является круглая форма предметов, но ясно, что мастера его применяли сознательно.

Естественно, что в отношении стиля изображенные на ритоне из Эрмитажа человеческие фигуры различаются от представленных на основных памятниках фракийского искусства, как аппликации из Летницы, кувшинчик из Врацы, кнемида из Аджигеля и пр. Однако они образуют только лишь тенденцию в живом развитии. Произведения, как предметы из Панагюриштского золотого клада, ритон из Боспора и изображения на различных сосудах, были выполнены или для фракийцев, или же в самой Фракии. Ввиду того, их также следовало бы включить в число памятников фракийского искусства. Именно в этой группе изображения на керченском ритоне находят самые прямые аналогии. Прежде всего, идея о раскрытии ритона фигуральным фризом уделено значительное место в этих памятниках. Для них также характерным является конструктивное выделение устья от фриза или каннелиор орнаментальным пояском (ср. с ритонами из Полтавы, Башовой могилы и Праги¹¹). Тип бородатых „варваров“ напоминает лица силенов с ритона из Розовеца. Интересно, что и там волосы изображены таким же образом — без тщательного деления их общей массы, как это выполнено на памятниках скифского искусства. В памятниках того же круга встречаемся также с трактовкой прически в виде завитых прядей, изображенных на керченском ритоне совсем упрощенным образом в виде параллельных рядов из точек (ср. прически на амфоре из Панагюриште,¹² эмблеме из Вырбицы, всадников из Луковита и пр.). Техника обозначения деталей и орнаментов „жемчужинами“, широко распространенная в Фракии, встречается и в ритонах из Панагюриште, аппликациях из Луковита и пр. Кроме того, для той же фрако-малоазийской группы характерным является не особенно удачное размещение сцен на ритоне. Как уже было отмечено, на сосуде из Эрмитажа мастер был вынужден уменьшить масштабы фигур нижнего регистра, чтобы собрать их на роге.

Мне кажется, что анализ стиля керченского ритона из Эрмитажа дает нам достаточно оснований причислить его к кругу фракийского искусства, и точнее, к группе ритонов, выполненных в Южной Фракии, поблизости

¹¹ В. Svoboda und D. Concev. Neue Denkmäler antiker Torentique, Praha, 1956, I.

¹² И. В. Венедиков. Панагюрского съкровище, С., 1961 г.

⁵ М. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России, Петроград, 1918 г. с. 71.

⁶ Там же.

⁷ Толстой и Кондаков — цит. соч. Т. II, с. 57.

⁸ Артамонов — цит. соч., табл. 147, 148, 150.

⁹ И. В. Маразов. О датировке и происхождении полтавского ритона с протомой коня из Эрмитажа, Археология, 1973 г., кн. 4, с. 1—II.

¹⁰ P. Amandry — La toreutique achéménide, Ant. K., 1959, t. 24 История искусства народов СССР, М., 1971 г., с. 209, № 287.

к мастерским Пропонтиды¹³. Показательным является факт, что Придик считает этот памятник торевтики „ионическим изделием“.¹⁴ Скорее, однако, выглядит, что это работа местного мастера для варварского рынка, что доказывает бесспорно более выгодным положением варваров в битве. Хорошо ознакомленный с греческим искусством, он повторяет ряд изображений, выполненных эллинистическими художниками. В его выполнении движения лишены органичности и скорее схематически обозначают жесты. Несмотря на это, однако, сцены полны большого напряжения, возможно, из-за застывших в своей кульминации движений.

Вопрос о датировке ритона из Эрмитажа также представляет определенный интерес. Толстой и Кондаков полагают, что он относится к римской эпохе¹⁵, тогда как описавший его более подробно Придик предлагает конец IV — начало III вв. до н. э.¹⁶ По нашему мнению, близость этого ритона к фракийским памятникам конца IV в. до н. э. дает основание датировать его этим же временем. Некоторые черты, однако, заставляют нас рассматривать его немного позже — в первой четверти III в. до н. э. Прежде всего, это замерзшие, „статуарные“ фасовые позы персонажей, характерные именно для этой эпохи. Очевидными примерами этого представления движения служат рисунки упомянутой вазы Ксенофанта¹⁷. С другой стороны, в ритоне проявляется явная компиляция поз и жестов, а не их оригинальное претворение согласно требованиям сюжета, что является характерной чертой эллинистического искусства. Изображение фигуры и лица в фас при движении в профиль, что является характерной чертой для амфоры из Панагюриште и боспорского ритона из Эрмитажа, здесь еще более подчеркнута и свидетельствует о более поздней датировке.

У Толстого и Кондакова, однако, есть известные основания сблизить ритон с произведениями т. н. „сарматского“ искусства. Фриз из волнообразного или спиралеобразного орнамента, ограниченного рядами „жемчужин“, является наиболее характерным для предметов торевтики II—I вв. до н. э. Его можно обнаружить на серебряных чашах, принадлежащих сокровищу из Сынкрыены (Румыния), а также на некоторых серебряных с позолотой фаларах из Эрмитажа. Кроме того, тело коня начинают покрывать насечками только лишь в эту эпоху. Недавно среди находок обнаруженного в Якимово сокровища был найден большой серебряный сосуд, на котором изображен всадник. Несмотря на то, что изображение фрагментировано, ясно видно, что параллельные ряды мелкой насечки обозначают волос коня. То же средство использовано и на фаларе из Сурчи (Румыния), на которой снова представлен мотив всадника¹⁸. Не без значения добавить, что в изображениях известного кельтского котла из Гундеструпа (Дания) можно проследить аналогичное применение насечки. Анализируя стиль этого произведения и сравнивая его с памятниками фракийской торевтики IV и II—I вв. до н. э., Хоредт приходит к выводу, что оно создано во время нашествий бастарных и скордисских племен на

¹³ И. В. М а р а з о в. О сюжете и происхождении боспорского ритона из коллекции Эрмитажа — Археология, 1974, 16, с. 32—39.

¹⁴ Придик. Цит. соч., с. 178.

¹⁵ Толстой и Кондаков. Цит. соч., 62.

¹⁶ Придик. Цит. соч., с. 177.

¹⁷ Толстой и Кондаков. Цит. соч., с. 63.

¹⁸ D. Popoescu-Tezaure de argint Dacice (I), Bul. monumentelor istorice, an. XL, NA, 1971, p. 19—32, fig. 26.

Балканах в 118—113 г.¹⁹ Его выводы подтверждают и другие исследователи²⁰, и мы можем считать котел из Гундеструпа современным рассматриваемых здесь памятников дунайской торевтики. В этих поздних произведениях насечка выполнена довольно схематически. Она скорее обозначает, чем натуралистически изображает покрытую коротким волосом кожу коня, к чему стремился мастер ритона из Эрмитажа. В этом отношении приведенные памятники скорее следуют способу изображения шерсти различных реальных и фантастических животных в ряде фракийских аппликаций или сосудов классического периода. Однако, сама идея покрыть тело коня насечкой впервые была осуществлена последовательно именно в керченском ритоне. Это является новым доказательством в пользу его более поздней датировки — к первой четверти III в. до н. э.

Ритон из Эрмитажа — произведение исключительного значения для изучения торевтики в Фракии. Вместе с предметами сокровища из Панагюриште и босфорским ритонем из Эрмитажа он образует группу, которая свидетельствует о возросшем интересе фракийского общества к более повествовательному искусству. В этих произведениях сюжеты из мифологии или жизни варваров изображаются с акцентом на то, что является в них драматическим без идиллической нотки, свойственной для скифского искусства того же времени. Динамика является настолько напряженной, что движения гиперболизируются, превращаются в жесты крайнего усилия. Для этих памятников характерным является сочетание греческих и иранских форм, что придает им аспект странной варварской привлекательности. Керченский ритон из коллекции Эрмитажа может быть одним из последних представителей этой тенденции в торевтике Фракии конца IV и начала III в. до н. э. В то же время он является звеном, связывающим эту эпоху с искусством наших земель во II—I вв. до н. э.

A RHYTON WITH A PROTOME FROM KERCH IN THE HERMITAGE COLLECTION

I. M a r a z o Ź

(Summary)

The rhyton purchased by Bobrinski in Kerch is an interesting work of ancient toreutics, irrespective of its highly fragmented state. It ends with the forepart of a horse and a scene of Greeks and Barbarians in combat presented on its wide end. An ornament of interwoven spirals running in succession has been engraved under the convex rim. A number of characteristics link this rhyton with a group of rhytons found or made in Thrace, characterized by the half-figure of a galloping horse.

¹⁹ Kurt H o r e d t. Zur Herkunft und Datierung des Kessels von Gundestrup, Jahrb. Röm.-Germ. Zentral Museum, Mainz, 14, 1967, S. 142.

²⁰ Erik Nilén. Der Norden und Verbindungen mit dem thrakisch-dakischen Raum, Studia Gotika, Stockholm, 1970, ant. Serien, 25, S. 180—195.

A frieze consisting of figures and a succession of rosettes, presented as if in motion on the forehead of the horse are both characteristic of the type of vessel found in Thrace. Thus on the rhyton of the Hermitage the two basic lines in the making of rhytons in Thrace intermingle. The rhyton with a forepart (a protome) of a goat from the Panagyurishte treasure is such an example. Judging from the comparisons and the stylistic analysis of the images, the author attributes this work of art to Thracian toreutics of the 3rd century B. C. and discerns in it features linking it with the new blossoming of Thracian art during the 2nd and the 1st century B.C.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
В. л. П о п о в — Некоторые проблемы этноисторических связей между Балканским полуостровом и Малой Азией до конца II тыс. до н. э.	7
И. в. П а н а й о т о в — Проблемы датировки позднего бронзового века на болгарских землях	20
Г. Т о н ч е в а — О фракийцах нынешних Украины, Молдовы, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии в X—VI вв. до н. э.	28
А. И. М е л ю к о в а — Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских скифских племен с фракийцами в советской науке	54
Н. Л. Ч л е н о в а — О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востока в киммерийскую эпоху	69
В. И. К о з е н к о в а — К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого Кабардино-Пятигорского типа	91
И. в. В е н е д и к о в — Фракийский мотив в искусстве скифов	103
А. П. М а н ц е в и ч — К вопросу об изображениях варваров на предметах торевтики из курганов Северного Причерноморья	112
Л. О г н е н о в а - М а р и н о в а — Влияние техники выполнения при оформлении стиля и мотивов в торевтике фракийцев и скифов	127
Ж. В е л к о в а — Скифское влияние на личные имена Фракии (V в. до н. э.)	139
З. Г о ч е в а — Боги фракийцев и скифов по сведениям Геродота	142
К. Й о р д а н о в — Проблемы гетской религии	154
А. Ф о л — Thracico-Scythica: Проблемы письменных источников с V в. до н. э.	160
Б. Н. М о з о л е в с к и й — Фракийская узда из Холиной могилы	166
М. Ч и ч и к о в а — Жертвенники эллинистической эпохи в Фракии	180
А. Б а л к а н с к а — О некоторых особенностях фракийской культуры Тиризиса	196
К. В л а х о в — Новые фракийские эпитеты Асклепия и их толкование	206
И. М а р а з о в — Керченский ритон с протомой коня из Эрмитажа	214

Preface	5
V. I. P o p o v — On certain problems of the ethnic and historical ties between the Balkan Peninsula and Asia Minor up to the end of the second Millennium B.C.	18
I. P a n a y o t o v — Problems of dating of the late Bronze Age in Bulgaria	26
G. T o n c h e v a — On the remains of Thracian settlements in present-day Ukraine, Moldavia, Dobroudja and Northeastern Bulgaria over the 11th to 6th century B. C.	53
A. I. M e l y u k o v a — Conclusions and tasks on the study of the interrelations of the Kymmeris and the Scythian tribes with the Thracians in Soviet science	67
N. L. C h l e n o v a — On the relations of the North-Western Black Sea Coast and the Lower Danube with the Orient in the Kymmeris Age	89
V. I. K o z e n k o v a — On the question of the early date of some daggers of the so-called Kabardino-Pyatigorsk type	101
I. V e n e d i k o v — A Thracian motif in Scythian art	110
P. M a n t s e e v i c h — On the question of the images of the Barbarians on the objects of the toreutics from the tumuli along the Northern Black Sea Coast	125
L. O g n e n o v a - M a r i n o v a — The influence in the technique in the working on style and motifs in the toreutics of the Thracians and Scythians	137
Z h. V e l k o v a — Scythian influence on personal names in Thrace (5thc. B. C.)	141
Z. G o c h e v a — Thracian and Scythian gods in Herodotus	152
C. Y o r d a n o v — Notes on the religion of the Getae	159
A. I. F o l — Thracio-Scythics: Problems of the written sources concerning the 5th century B.C.	165
V. N. M o z o l e v s k y — The Thracian bridle from Homina Mogila	178
M. C h i c h i k o v a — Altar hearth from the Hellenistic Period in Thrace	195
A. B a l k a n s k a — On certain aspects of the Thracian culture of Tirisis	204
K. V l a h o v — New Thracian epithets of Asclepius and their interpretation	213
I. M a r a z o v — A rhyton with a protome from Kerch in the Hermitage Collection	213

STUDIA THRACICA, I

Худ. редактор Д. Донков
 Изд. редактор С. Прашкова
 Техн. редактор Р. Бойчева
 Коректор А. Дончева

Изд. индекс 5749

Дадена за набор на 31. III. 1975 г.

Подписана за печат на 1. VII. 1975 г.

Формат 70/100/16 Тираж 1000 ЛГ—II—6

Печ коли 14,13 Изд. коли 16,67

Цена 4 лв.

Набрана и отпечатана в Печатницата на Издателството на БАН
 София 1113, ул. „Акад. Георги Бончев“
 Поръчка № 219